И. СЕЛЬВИНСКИЙ 5

И. Сельвинский

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1973

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

собрание
сочинений
в шести
томах

издательство
„художественная
литература"

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

ТОМ

5

РОССИЯ

ЧИТАЯ «ФАУСТА»

Москва

1973

Р 2
С 29

Редакционная коллегия:

В. А. КОСОЛАПОВ, А. А. МИХАЙЛОВ,
С. С. НАРОВЧАТОВ, О. С. РЕЗНИК,
М. Б. ХРАПЧЕНКО

Примечания
О. С. Резника

Оформление художника
Е. Ганушкина

7-4-2
Подп. изд.

РОССИЯ

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

ЦАРЬ ДА БУНТАРЬ

БОЛЬШОЙ КИРИЛЛ

ПРОЛОГ

Россия... Родина моя, Россия...
Я с каждым днем люблю тебя сильней.
Любая неказистая осина,
Звенящая среди болотных пней,
Ветла какая-нибудь у дороги,
Да и сама дорога впереди
Мне так близки, что только сердце
вздрогнет
И разольется нежностью в груди.

Но ведь любить гнездо свое до дрожи
Дано и птице у родимых стрех.
Нет. Есть в России то, что родины дороже,
Что делает ее святынею для всех.
Сторонка всякая по-своему красива,
А дедов край везде и всюду мил...
Мы не страну в тебе боготворим, Россия,
Ты больше, чем страна:
ты — мир!
В тебе судьба всего земного шара,
Твоя дорога словно Млечный Путь,
Прислушаться
к гулу
твоего шага —
Будто в грядущее заглянуть.
Есть ли на свете подвиг прекрасней,
Чем тот, который задуман тобой?
Мир без голода, гнета и казней
Виденьем Грядущего всплыл над толпой:
Сметая гнездышки да мирки,
К мечте потянулись материки.
И вскоре с низин нарастающий рокот
Громами пройдет по кодексам прав!
Страдания ошибаться не могут:
Народ
всегда
прав.

И вот, когда от Чон-Чу до Алжира,
От Заполярья до южных широт
Где-то в столетьях народы мира
Сольются в один всемирный народ,
Когда разноречья араба и чеха
Срастутся в единый язык Человека
И только к пейзажу
великий итог
Сведет проблему Запад — Восток,
Тогда-то будущие поколенья
Спросят, подняв летописный груз:
Что ж это было за дивное племя —
Русь?

Татарщина, боярщина, крепостное право,
Горб недоимок, падеж, недород...
Но как ухитрился в сермяжке дырявой
Душу сберечь этот странный народ?
Совести как сохранил постоянство,
Хоть одолели тюрьма да сума?
С горя впадая в дремучее пьянство,
Как он в туманах не пропил ума?
Как он, поникнув лихой головою,
Тише воды и ниже травы,
Вдруг
свою долю
метал
трын-травою,
В грозный час не щадя головы?
Как он на смену бунтам этим ярым
Выпростал знамя из Марксовых книг
И белорусам, зырянам, татарам
Песню вернул и надежду воздвиг?
В чем же загадка?
Что тут за тайна?
Не отупеть от пудовых оков,
Но,
одолевши
ужас
отчаянья,
Дать
породу
большевиков
И выйти с ней на большие просторы,

Из подземелий рвануться наверх,
Чтобы безглазым законам истории
Зрячесть
привить
навек!

Как разрешит потомство эту тайну,—
Сказать сегодня не берусь,
Но знаю: в парках будущего встанет
Среди цветов
эмблема счастья:
Русь...
Так будет. Будет! Зябнущим согреться!
Забитым встать! Запуганным вздохнуть!
На площадь
всепланетного
конгресса
Ведет народы большевистский путь.
Вот потому-то русская дорога
Для всех племен особо дорога́:
Не клячу быта им впрягать бы в дроги,
А рыжий буйногривый ураган!
Вот потому-то каждая осина,
Ветла любая машет им, как друг,
И оттого
при имени
Россия
Мне слезы перехватывают дух.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

ТОГДА ПО РУСКОЙ ЗЕМЛИ
РѢДКО РАТАЕВЕ КИКАХУТЬ,
НО ЧАЩЕ ВРАНЫ ГРАЯХУТЬ,
ТРУПIА СЕБѢ ДѢЛЯЧЕ.

«Слово о полку Игореве»

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Заговор

Горница о двух житьях в доме князя Старицкого, двоюродного брата царя. Слюдяные оконца золотятся и алеют от утренней зари. Старуха Васена и старшая дочь князя Евфимия накрывают на стол. Сам князь бегает по горнице, суетится без толку, мешает женщинам и время от времени нетерпеливо заглядывает в оконце. Князь Мстиславский уныло сидит на лежанке у изразцовой печи. Печь разделана в два рисунка: белка да шишка, белка да шишка.

Старицкий

Баранина-то с карасями где?

Васена
(внося блюдо)

А вот я, вот я!

Старицкий

Погоди, Васена.
(Нюхает блюдо.)
Ну да. Конешно. Мало чесноку.

Васена

Да что ты, батюшка! Господь с тобою!
Слезишшу пробивает, а ты — «мало».

Старицкий

Ну ладно, ладно. Расходилась. Вишь!
«Слезишшу»! Сбегай, дура, за лососем.

Васена

А сколько взять?

Старицкий

Полста пупков довольно.

Васена

Че-го? Да ты, брат-сударь, обалдел?
Кто ж его столько съест-то?

Старицкий
(плачущим голосом)

Эка дура...
Да что ты понимаешь в дружбе? Дура!
Мое хозяйско дело — угостить!
А сколько съестся — это уж от бога.
Ступай себе, ворона.

Васена
(ворчливо)

Дружба...

Старицкий

А ты, Евфимьюшка, скажи стряпухе,
Чтоб там на копьецо понасажали
С десяток поросячьих пятаков.
Он, князь, не то в Ливонии едал,
Дык уж не посрамиться бы.

Евфимия

Иду!

Старицкий
(опять заглядывает в оконце, вздыхает, затем подходит к Мстиславскому)

Долгонько нету Курбского.

Мстиславский

Долгонько.

Старицкий

Ну, да ведь только прибыл. Да с войны.
А?

Мстиславский

Видно, государь не отпускает.

Старицкий

Небось его теперь Иван Васильич
В два уха слушает! Скажи?

Мстиславский

Еще бы!

Старицкий

Воздвигся Курбский. Велика рука.

Мстиславский

А мы с тобою в дурачках.

Старицкий

Эх, Ваня!
Ведь если, Ваня, правду говорить,
Кто выдумал, что после Иоанна
Я должен бы наследовать престол?
Да он и выдумал. Я ж не хотел!
Ну, погляди ты на меня, Мстиславской:
Ну что я за монарх! Тюлень? Тюлень.
Ума-то кот наплакал? Кот наплакал.
А он, проклятик, «ты» да «ты». Ну вот...
Ну, я и этого. И согласись.
А он возьми потом да отрекися.

Мстиславский

Да... Худо это вышло, Володимир,
Со крестоцелованием тогда.

Старицкий

Еще б не худо. Я, как левый зверь [1],
С царем зуб зá зуб, чтобы, значит, Митьке,
Цареву-то сынку, не присягать!
Поп Селивестор, аки столп, стоял;
Ты под ноги, родименькой, бросался...
А этот хоть бы что!

Мстиславский

Вот и воздвигся.

Помолчали. Старицкий вздохнул.

А где теперь-то, говоришь, Сильвестр?

---

[1] В XVI в. так называли льва.

Старицкий

Да где-то в Лопи дикой. На краю
Корельского, дай память, языка.

Мстиславский

В острожнице какой?

Старицкий

В монастырьке.

Мстиславский

Эх, кабы мне туда же!

Старицкий

И! Родимый!
Побрось и думать. Нам поблажки нету.
Хотя и много времени прошло,
Да царь злопамятен. Что кошка мышью,
Играет он моею жизнью, Ваня:
То прикогтит, то выпустит. Беда!

Мстиславский

Оно конешно. Царь обиду помнит.
Но и нешуточное дело — сын!
Хоть и младенец, а наследник трона,
А мы-то отказались присягать.
Да у другого бы царя, Андреич,
Гулять бы нам с тобою без голов.
Однако же ты жив. И я вот жив.

Старицкий

Да нешто это жизнь? Я так и слышу
Под окнами шаги Малюты. «Жизнь...»

Васена, которая много раз входила и выходила, вбегает из двери, что на улицу.

Васена

Ну, жалует к тебе Андрей Михалыч!

Старицкий

Один?

Васена

Один.

Старицкий

Ты, нянька, суетись!
А ты, Евфимьюшка, винца разлей-ко.

Васена

Ушица где?

Евфимия

Да вот.

Васена

А журавель?

Старицкий

Тащи скорей мореных слив. Забыла?
Скорей, я говорю.

Евфимия

Сейчас, сейчас...

Входит Курбский в атласном польском плаще, в немецком кожаном колете, в шведских сапогах с раструбами и при татарской сабле.

Курбский

Мир дому вашему.

Старицкий

Здорово, милый!

Целуются трижды.

Ох, и сверканье! Экой ты какой!
Не зря, видать, с Ливонией воюешь...
Ну рыцарь! Просто рыцарь.

Курбский
(Мстиславскому)

Здравствуй, князь!

Целуются.

Старицкий

Евфимия! Ты здесь еще? Разиня!
Да я кому про сливы-то?

Курбский

Постой!
Не суетись, Владимир, сделай милость:
Ни пить, ни есть не стану.

Старицкий
(огорченно)

Да уж вижу.

Курбский

Ты что, Евфимия, меня дичишься?
А? Выросла. Похорошела. Диво!
Красавица, брат, дочка у тебя.

Старицкий

Красавица? Ты Машку посмотри.
Та вся в меня. А эта в мать... Машутка!

Во втором житье над лестницей появляется Мария.

Мария
(сбегая вниз)

Здесь, батюшка!

Старицкий

Ах ты, стрела!

Курбский

Ну, здравствуй.

Мстиславский

Поцеловала б гостя дорогого
На радостях-то.

Старицкий
(ворча)

Вишь! «Поцеловала б...»

Мария

Да ведь гостей у нас хоть пруд пруди.
Ну, ладно уж.
(Протягивает Курбскому губы.)

Курбский целует ее в лоб.

Старицкий

Ступай, ступай. Эй, нянька!
Ты что зеваешь, старая карга?
Пораспустила девок! Машка!

Мария

Ая?

Старицкий

Айда к себе! А ты, Евфимья, тоже.
Ступайте, дочушки, ступайте. Вишь!

Старуха, Евфимия и Мария поднимаются наверх и исчезают.

Мстиславский

Ну, что, Михалыч? Как воюешь?

Курбский

Плохо.

Мстиславский

А мы слыхали, что...

Старицкий

А как же Нарва?
Опять же Юрьев? Ино враки?

Курбский

Нет.
И Нарву взяли, и Феллин, и Юрьев,
А уж теперь и к Ревелю подходим.

Старицкий

А «плохо» говоришь.

Курбский

И говорю.
Эх, вы! Слепцы убогие! Щенята!
Не ведаете, перед чем стоите.
Победа ж подымает государя
И водружает власть его, как стяг.
Да нам-то что за прибыль от того?

Старицкий

Ох-ох...

Курбский

Чем выше царь, тем ниже князь.
Но Русь — ведь это, други вы мои,
Не вовсе шуба с царского плеча,
Не собственная вотчина Ивана,
А лишь собранье княжеских уделов!
Об этом он забыл?

Старицкий

И знать не знает.
(Глядя в оконце.)
Постой... Никак, Малюта...

Мстиславский

Свят, свят, свят!

Старицкий

Фу... Обознался...

Мстиславский

Господи помилуй!

Курбский

А вы и струсили? Ну и вояки...
К чему же вся орация моя?
Да как же вас, таких, не приневолить,
Когда вы сами лезете в ярем?

Старицкий

Ну, уж и сами...

Мстиславский

Говори, Михалыч.

Курбский

Да уж не знаю, право, говорить ли.
(Наливает в кубок вина и выпивает единым духом. Затем с силой швыряет его об пол.)

Старицкий

Погнул? Ну и чудесно! И к добру!
Вот это, брат, по-русски.

Курбский

Эх, княжата!
Завидую любому, кто не русский.
Глядите, как на Западе ведется,
Во Франции хотя бы: там король
Лишь первый среди равных!
Разве герцог
Нормандии или барон Бретани
Не сам себе владыка? А у нас?
Твоя, Володя, Старица, пожалуй,
Обширнее Нормандии. Меж тем
Ты вроде казачонка при Иване.

Старицкий

А ты-то, ты-то?

Курбский

Ну, и я не лучше.
Ты в Старице своей, Владим Андреич,
Ты, Федорыч, в Белеве у себя,
Я в Ярославле — все-то мы цари!
На нас блестят незримые короны!

Старицкий

Ох, лихо же, Андрюша! Молодцом!

Курбский

Да хоть бы дело было только в этом!
Я, так и быть, готов ему простить
Его господство надо мной.

Старицкий

Ах, вон как?!

Курбский

Но нищие дворяшки-однодымы,
Властители избы на курьих ножках,

Да пары кляч зеленоватой масти,
Да челяди из двух, из трех душонок —
За что же *их* над нами воздвигать?

Старицкий

А разве он их этого?..

Мстиславский

А то ж!

Курбский

Иль сам не видишь? Кто таков Малюта?
Удельный князь? Боярин?

Мстиславский

Дворянин!

Курбский

Ну, а его зятек-то Годунов?
А этот, как его... Бобрыщев-Пушка?
Да мой бы предок этакое племя
К себе и в сенцы не пустил, не то что...
А государь верстает их землей,
Дарит мехами, серебром и протчим...
Вон рындами поставил!

Мстиславский

Ох, и верно!
Куда ни кинь — везде одни дворяшки.
Дыханье оморило ихним духом...
Собаки!

Ударил благовест. Курбский вздрогнул и глянул в окно. Ничего не увидя, он снова обращается к князьям.

Курбский

Так. Ну, вот что, дорогие:
Я думаю, что коли в сем вопросе
Инакомыслящих меж нами нет,
То и приступим.

Мстиславский

Ты это... про что?

Курбский

Увидишь. Дай-ка благовест умолкнет.

Старицкий

Да нешто он мешает?

Мстиславский

Непонятно.

Курбский

Потом поймешь.

Все сидят молча. Старицкий дышит на слюду и приглядывается.

Старицкий

Княжата! Что такое?
Опять идет тот самый человек,
Что мне Малютой показался.

Мстиславский
(приникая к оконцу)

Где он?

Курбский
(не глядя)

В медвежьем, что ли, охабне?

Старицкий

В медвежьем.

Курбский

Да в красных рукавицах? Это к нам.

Старицкий

Ну как это такое — к нам? Кажись,
Не приглашал, не звал я никого...
Ты что надумал? А?

Курбский

Сиди, Володя.
Худого не надумаю. Сиди.

Старицкий

Ну где же он, однако? Что нейдет?
Не кланяться ж ему хлеб-солью? Экой...
Коли пришел — входи!
Ну что ж? Андрей!
Невмоготу мне этак-то сидеть.

Курбский

Колокола затихнут — постучится.

Молчание. Все напряженно ждут. Благовест прекращается. Вдруг из сеней доносится скрип наружной двери, затем троекратный стук палкой во внутреннюю дверь.

(Громко.)

Входи, Семен Васильич!

Входит князь Лобанов-Ростовский в заснеженной шубе и с красной рукавицей, заткнутой за пояс.

Старицкий

Ба! Лобанов?

Лобанов

Он самый.

Старицкий

Гостем будь, Семен Васильич...
Как потчевать?

Лобанов

Спасибо. Недосуг.

(Курбскому.)

Ты все им рассказал?

Курбский

Сейчас скажу.
Семен Васильич, как известно, служит
В избе посольской по делам Литвы.

Старицкий

Ну, ведомо. И что жа?

Курбский

Князь Семен
По вашей просьбе нынче вел беседу
С послом Довойною, чтобы литвинам
У наших рубежей погарцевать
Да позвонить мечами.

Старицкий

Стой, Михалыч!
Мы этого, Михалыч, не просили.

Мстиславский

Тут нашей просьбы не было.

Курбский

Эх, тюхи!
Опять вы струсили?

Старицкий

Да нет... Зачем жа...

Мстиславский

Никто не трусит... Да нескладно как-то...

Курбский
(раздраженно)

Что? Что нескладного?

Старицкий

А то нескладно,
Что вот... Литва-то... Ведь Литва?

Курбский

Ну да!
А как же йначе? А где та сила,
Которая заставила б царя
Опомниться и в страхе ухватиться
За нас, князей?

Старицкий

Однако же, Андрюша...

Курбский

Доверьтесь мне. Не бойтесь ничего.
Я до беды не доведу. Тут важно
Легонько государя припугнуть.
Понятно? Ветерком таким повеять,
Чтоб курья кожица по нем пошла,
Чтоб шерстка дыбом...

Мстиславский

Только-то?

Лобанов

Не больше!

Мстиславский

Ну, то-то же...

Старицкий

Не больше? Ты смотри!

Курбский
(вспыхнув)

Кому грозишь? А? Или я не русский?
Или вода текла во мне, когда
Я падал под ударами татар,
Освобождая Русь?

Мстиславский

Ну, ладно, ладно...

Курбский

Эк взволновал меня...

Старицкий

Прости, голубчик.
Ну что с меня возьмешь? Таков уж я.
Болтаю, а ведь думаю не это.
Ну кто жа правда Курбскому не верит?
Подумать только: Курбскому!

Курбский вздыхает, достает платок и отирает шею.

Курбский
(Лобанову)

Ну вот что:
Придется, князь, отъехать на Литву
Тебе иль сыну твоему Никите,
Да там и дело кончить.

Лобанов

Мне нельзя:
Тут сей день у меня переговоры...
Свиданья... Да и весь я на виду...
Хватиться могут.

Курбский

Значит, сын?

Лобанов

Ну, сын.

Курбский

А он дорогу знает?

Лобанов

Нет. Откуда ж?
Но есть у нас холоп один. Бакшей.
Уж этот доведет.

Старицкий
(глядя в окошко)

Малюта!

Мстиславский

Врешь!

Старицкий

Ей-ей, Малюта!

Мстиславский

Истинно, Малюта.

Старицкий

О, господи владыко, началось!
Свершилося! Настало!

Курбский

Брось метаться.
Лобанова куда?

Старицкий

Ступай в людскую,
Сюда, да через сени! Ох-ох-ох...

Лобанов юркнул в дверь. Слышны тяжелые шаги. Входит Малюта. Снимает шапку. Крестится на красный угол.

Малюта

Здоров, хозяин.

Курбский

Ну! На чем пришел?

Малюта

А разве ты хозяин? Э, да тут
Собраньице, я вижу. Без царя
Царева рада? Молодцы! Хвалю!
Тут, видно, даром время не теряют.

Курбский

На чем пришел, я спрашивал?

Малюта

А что?
Али Скуратов не имеет права
Захаживать на огонек? Ведь ты-то
Зашел вот. Ино дело у тебя?

Старицкий

Какое дело? Что ты, милый, что ты?
Мы запросто... В костяшки поиграть...

Малюта

А где ж они, костяшки?

Старицкий

Да ить нету,
А будут, будут!

Малюта

Ладно. Подожду.
Давненько не выбрасывал шестерок.
Отвык, поди.

Курбский
(ехидно)

Кто? Это ты отвык?
Да ведь тебе же только и работы
Что при костях.

Малюта

Такое ремесло.
Не обессудьте, князь Андрей Михалыч.
Оно конешно. Оным не по нраву.
Да было бы царь-батюшке здорово.
Мы за иным не гонимся.

Старицкий

Ох-ох...
Ну что за разговор такой! Про что вы?
И не понятно даже.
(Наливает в кубок вина.)
Пей, Лукьяныч!

Малюта

Один? Я в одиночку не питейщик.

Старицкий

И достальные будут.

Курбский

Я не буду.

Малюта
(с притворной заботливостью)

Что так? Аль голова?

Курбский

Не пью — и все.

Малюта

Мы брезгуем Малютою?

Курбский презрительно молчит.

(Подымая кубок.)
Ну что ж.
Как говорится — «первая колом».
Твое здоровье, князь Владим Андреич!

Старицкий

Твое, Лукьяныч!

Пьют.

Малюта

Ху! Ну и крепка!
На чем настаивал? На зверобое?

Старицкий

На ягеле.

М а л ю т а

Че-го?

С т а р и ц к и й

Олений мох.

М а л ю т а

Чего не знал, того не знал. И как жа?
Нарезываешь али как?

С т а р и ц к и й

Махрой!

М а л ю т а

Махрой? А сколько квасится?

С т а р и ц к и й

Весенний —
Недельку. А крещенской — дык и две.

М а л ю т а

Большое дело! Надобе запомнить.
Ну, дай бог, не последнюю.
(Пьет.)
Крепка-а...

М с т и с л а в с к и й

Послушай, друг мой!

М а л ю т а

Слушаю, дружок мой!

М с т и с л а в с к и й

Мы собрались, как сам ты понимаешь,
Не для костяшек иль иных забав,
А ради встречи с воеводой Курбским,
Что нынче из Ливонии.

М а л ю т а
(утирая усы)

Крепка!

Мстиславский

А ты пришел с царевым порученьем.
(Иначе ведь не ходишь.) Отчего же
Ломаешься? Выматываешь душу?
Ведь этого-то царь не поручал!

Малюта

Что нам поручено, то дело наше.
А ежели про вести говорить,
То весть имеется.
(Старицкому.)
Тебе, хозяин,
Царь-батюшка в подарок отписал
Димитров и Звенигород с полями.

Старицкий

Димитров?

Малюта

И Звенигород.

Старицкий

За что?
Оно конешно... Брат великодушен...
Да только... Я ж ничем не отличился...
И коли правду говорить, то даже...
Напротив даже... А? Да нет, ты шутишь?

Малюта
(строго)

Царевым именем не шутят!

Старицкий

Как?
Да-да. Понятно, голубок, понятно.
Бесспорно, я подарочек приму.
А все же дивно.

Курбский

Погоди, Владимир.
Скажи, Скуратов: разве государь
На этой дарственной аминь поставил?
Быть может, есть какое продолженье?

Малюта

Имеется, Михалыч. Как не быть!

Старицкий

Ага. Ну-ну?

Малюта

Сия землица, княже,
Тебе дается для переселенья
Из Старицы твоей да Вереи.

Старицкий

Что? Съехать с дедовских земель?

Малюта

Придется.

Старицкий

Стать новоселом? Как любой татарин?
Ведь я жа, басурманья ты башка,
Князь Старицкой, а не Звенигородской.
Ты понимаешь! Старицкой!

Малюта

Угу.

Старицкий

Я землю по наследству получил,
А не в подарок. Я удельной князь.
Удельной. Понимаешь? Не служилой.
Я не хочу меняться! Слышишь? Ты?

Курбский

А кто же сядет, друг ты наш Скуратов,
На старицкие земли? Уж не ты ли?

Малюта

Ни боже мой! Я ж мечу на твою!
А старицкую государь изволит
Отдать своим юнакам.

Мстиславский

Годунову?

Малюта

Ну, этому, пожалуй, рановато.
А может быть... Как знать? Бывает... Что ж!
Да я к тебе, Андреич, не за этим.
Тут, вишь ты, в Золотой палате встреча
С каким-то прынцем. Тот жениться вздумал –
И беспременно чтобы на москвичке.
Чудной такой. Однако мы не против.
Так ты не позабудь, Владим Андреич,
Евфимьюшку да Машеньку заутра
Послать туды ж. Тебе он зятем будет.

Старицкий
(опешив)

Как это зятем? Я про то не знаю.

Малюта

Царь ведает про это. Царь.

Старицкий

Постой!
Да кто жа он хотя? Татарин? Немец?
Да и кого берет? Ведь не обеих,
Прости меня господь...

Малюта

Ну, я пошел.
Спасибо, княже, на твоей хлеб-соли...
Да, вот что я хотел... Владим Андреич,
Я знаю — рукавицы у тебя
Зеленые да в елочку. Ведь так?

Старицкий

Чего такое?

Малюта

Рукавицы.

Старицкий

Ну?

Малюта

Зеленые, я говорю, да в елку.
А у Мстиславского — седые. Верно?

Старицкий
(в сердцах)

Да ну тебя!

Малюта

Седые. Я-то знаю.
Отколе ж эта красная в дверях?
(Подходит к двери, что в людскую, и, приоткрыв ее, подымает с полу красную рукавицу.)

Курбский

Давай сюда. Моя.

Малюта

А где ж другая?

Курбский

А ты мне что за спрос? Давай сюда!

Малюта
(разглядывая рукавицу)

Бери, бери! Коли твоя — бери.
А только дивно мне, Андрей Михалыч,
Что тут на пряжке выбит соколок
Семена князь Лобанова. За-нят-но...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Царь Иоанн Грозный

Золотая палата. Свод ее и стены, расписанные еретическим письмом новгородцев, изображают небесные дуги, в середине коих Еммануил, ангелы и дьяволы, затем идут аллегории, в которых Феб и Диана, притчи из Библии и деяния русских князей. Эта роспись — один из подвигов эпохи Грозного, равный созданию Четьи-Минеи или взятию Казани. Золото, празелень, бирюза, киноварь. У восточной стены — трон, напоминающий золотой шатер. В нем икона тезоименитного ангела. Резное, с орлом кресло. Скамеечка для шапки — с одной стороны и рукомойник с полотенцем — с другой. От трона вниз ведут небольшие ступени. Послы стоят у северной стены. Здесь крымский гонец Мустафа-мурза, затем тощий и лысый ливонский монах Саломон Геннинг, далее польский рыцарь Довойна, наконец, горбун — датский принц Магнус. У южной стены стоят Курб-

ский, Мстиславский и Лобанов. На скамьях, лицом к трону, бояре в золоченых шубах и горлатных высоких колпаках. Тут Захарьин-Юрьев, Голицын, Воронцов, Куракин, Челядин и великое число Бутурлиных.

Дьяк Орефьев озабоченно окидывает глазом все благолепие зала, затем, пристально вглядевшись в одежду Довойны, кидается на него, как ястреб.

Орефьев

Ты что же это, рыцарь, при оружье?
Али не слыхивал, что в Золотой
Послы стоят без всякого железу?
Нехорошо. Давай-кось меч.

Геннинг
(Довойне)

Отдайте.

Орефьев принимает от Довойны меч, затем подходит к двери и, глядя в грамотку, выкликает.

Орефьев

Борис Годун! Одоевской! Татищев!
Бобрыщев-Пушка! Все тут? По местам!

Четыре рынды, одетые во все белое, подходят к трону и становятся по двое с каждой стороны. Орефьев между тем уже подле Магнуса.

А первым делом государь поспросит
О здравии отца. Ты запиши.

Мстиславский
(глядя на угрюмо-задумчивого Курбского)

О чем ты, Курбский?

Курбский

Я? Да все о том же.

Мстиславский

О соколе на пряжке? Брось! Пустое!

Курбский

И надо ж было этой растерехе
С испугу рукавицу обронить!
Да этакого цвета... Да с чеканкой...

И главное-то — где? В каких местах?
Как будто вешку ставил!

Лобанов

Брось, Михалыч!

Курбский

Оставь!

Лобанов

Ну, обронил и обронил.
Эк невидаль! Да что же тут такого?

Курбский

А ничего невиданного: дыба.

Лобанов

Как дыба?

Курбский

Так.

Лобанов

Кому?

Курбский

А нам с тобой.
Уж коли что унюхает Малюта,
Пиши пропало. Не устережишься.

Мстиславский

А что Никита со своим Бакшеем?

Лобанов

Да уж отъехал.

Мстиславский

И давно?

Лобанов

Давненько.
За Полоцком, пожалуй.

Часомерье бьет три удара.

Малюта
(входя)

Царь идет!

Рынды с грохотом опускают секиры на пол. Входит Иоанн. Он в большом царевом наряде, сверкающем золотом, цветными каменьями и жемчугом. За ним вошел убитый горем князь Старицкий, ведя за собой Евфимию и Марию. Они становятся подле трона.

Старицкий
(шепотом)

Который тут жених-то наш?

Евфимия

Не знаю.

Мария
(указывая подбородком на Саломона Геннинга)

Неужто этот лысый?

Старицкий

Коли герцог,
Так, верно, он.

Мария

На птицу он похож,
Кудрявый помилее. А? Сестричка!
Ну что молчишь?

Евфимия

Мне, Маша, все равно.

Мария

А я так думаю, что он. А кто ж?
Не татарчук же или этот карлик!

Старицкий

Да больше некому.

Евфимия

Все может статься.

Мария

Ох, страсти-то...

Евфимия
(со вздохом)

Все может быть, сестра.

Царь оглянулся на их шепот. Те замерли в испуге. Но Иоанн улыбнулся. Поманив к себе Марию, усаживает ее на ступенях трона, порывистым, но ласковым движением берет ее за руку и перебирает пальцы, как четки. На руке его татарская нагайка, свисающая с петли.

Царь

Какое дело слушаем?

Лобанов

Из Крыма
Тяжелый гончий — Мустафа-мурза.

Царь встает.

Царь

Здоровье брата нашего, царя
Девлет-Гирея, каково?

Мустафа

Отлично,
Великий государь.

Царь снова садится.

Царь

Теперь читай.

Мустафа
(читает)

«От хана Крымския Орды — святого,
Воинственного, золотого сердцем
И солнцеликого Девлет-Гирея —
Царю великому Руси великой
С поклоном слово».
(Кланяется.)
Хан велит мурзе
Сказать тебе.
(Кланяется.)
«Нам ведомо, что Русь
Пространствами богата. Если вдоль,

То девять месяцев по ней походу,
А коли поперек, то шесть. А мне
Ты, государь, и Астрахани малой
Отдать не хочешь. Астрахань отдашь —
И я тебе как сын. До самой смерти
Не стану по Руси джигитовать.
А обо мне не беспокойся, брат мой:
Голодовать не буду, ибо справа
Живут черкесы, слева же Литва.
«Орлу не много нужно, коли рядом
Гнездуют гуси»,— говорит Хафиз.
А мы — благодарение аллаху —
Наследника готовим к обрезанью
Да дочку выдаем. И ты бы, брат мой,
Поторопился. Понимаешь сам:
Поминки нужны».

Царь

Кончил?

Мустафа
(развязно)

Можно больше.
Но Саади нам говорит: «С владыкой
Беседуй умолчаньем». Он же как-то
Сказал еще и так: «Я почитаю
В лобзанье долготу, но в слове — краткость».

Царь
(сухо)

Однако же на деле ты болтлив.

Мустафа

На деле? Делом я считаю битву.
И коли за язык считать булат,
То мы болтливы!

Царь

Ишь ты! Острослов.
И много вас таких-то?

Мустафа

Ровно столь же,
Сколь острых сабель.

Довойна
(Геннингу)

Ах, какая дерзость!

Мстиславский
(Курбскому)

Слыхал? Он государю угрожает.

Геннинг

Сейчас нагрянет буря. Иоанн,
Как за кинжал, схватился за распятье.

Довойна

Однако он молчит.

Геннинг

Сейчас, сейчас.

Курбский

Грозы не будет. Государь умен.
Не станет же он брать на саблю Крым,
Покуда над Ливонией кружится.

Царь
(глухо)

«Господней милостью единодержца,
Великого царя Руси и князя
Московского, Рязанского, Тверского,
Казанского, Ливонского и прочья
Великому царю Орды Великой
С благоговением ответец:
(Про себя: «Шиш!»)
По делу милой Астрахани нашей
Меж нами, брат мой, ссоры быть не может,
Понеже есть обычай всех народов,
Его же не прейдеши. Сей гласит:
Что взято кровью — родиной зовется,
А родину не отдают. Аминь.
А что касаемо до обрученья
И протчего — желаю многи лета
И посылаю от большого сердца
Большой табун ногайских одногодков».

Мустафа

А рухляди?

Ц а р ь

Да сорок сороков
Остистых соболюшек.

М у с т а ф а

Это самок?
Я самок не возьму. Самцов давай.

Ц а р ь

Орефьев! Припиши самцов.

М у с т а ф а

Еще?

Ц а р ь

Да тысячу хвостов лисы.

М у с т а ф а

Которой?

Ц а р ь

Червонной, что ль?

М у с т а ф а

Серебряной хочу!

Ц а р ь
(Орефьеву)

Пиши — серебряной.

М у с т а ф а

А кунов?

Ц а р ь

Нету.

М у с т а ф а

Нет, надо куньих шкурок.

Ц а р ь

Многовато.

М у с т а ф а

Нет, надо куньих. Не уйду без куньих!
Омар Хайям сказал, что...

Царь

Ладно, ладно.
Бери, брат, шубу — не было бы шуму.

Мустафа кланяется и, потирая руки, уходит. Он сделал дело.

Довойна
(удивленно)

Однако!

Геннинг

М-да... Не узнаю царя.

Царь

Кто далее идет у нас, Лобанов?

Лобанов

Декан конвента ордена ливонцев,
Хисторик Саломоний Геннинг.

Царь

А-а!
Пожаловал... С повинной али как?
Иль, может быть, за ясаком приехал?
Как победитель? Вас на это взять!
Вы крысу белой белкой наречете,
Когда вам это к выгоде... Ай нет?
Каноники-законники...

Геннинг

О кесарь!
С татарином вы были терпеливы.
Послушайте ж и речь христианина
Во имя бога.
Триста лет назад
Мы, братья воинства святой Марии,
Пришли к язычникам лесов ливонских,
Чтоб дать им светоч христианской веры.
И Дитрих замок Гольдинген построил,
И белый крест возник на черном стяге,
И с той поры мы, истекая кровью,
Вели свои крестовые походы
На латышей и всяких семигальцев.
Наш командор — великий Комтур...

Царь
(резко)

Хватит!
Мы знаем наперед и речь твою,
И эту эпистолью, с коей прибыл,
И наперед же отвечаем: врешь!
Тому уж лет шестьсот, как Ярослав
Поставил город Юрьев, ну и прочье...
Ты в хроники-то ваши погляди.
А вы себе, немецкие монахи,
Состряпали какой-то вшивый орден
Да к нам и влезли. Благо-де Батый
Повоевал нас. А какое право
За орденом на эти земли, а?
Возьми хотя наречье латышей:
По-русски — волк, а по-латышски — вилкс:
Береза — берз; а липа так и вовсе
Чуть-чуть не то же: лиепа. Слыхал?
А как все это будет по-немецки?
Какое-нибудь, верно, пфакен-кракен?
О чем сие нам говорит? Сие
Нам говорит о том, что наша людь
Издревле обитала в тех угодьях.
И те угодья наши искони
И нам самим вот по сих пор потребны!
Вы ж поглядите, что в миру творится:
Гишпанцы заплывают в Новый Свет,
За Африку заходят португалы,
Чрез Бело море до самой Москвы
Из Лунд-города выбрались английцы.
Все ходят морем. Торг большой ведут
Со всеми стягами и языками,
Становятся богаче, да сильнее,
Да грамотней, ливонец.
Ну, а мы?
А мы сидим, как в полону каком,
Хотя при нашем жите, сале, кожах,
Мехах, да древесине, да селитре
И мы могли б не хуже. А меж тем
На Балтии моей сидите вы,
А я соси в берлоге лапу? Ловко!
Ну, нет... Ищите дурня...
И опять же:
Хотя бы вы сидели тихо, смирно,

Так нет же! Только и глядите, как бы
Московии поруху учинить.
Я выписал из Лунда пушкарей —
Не пропустили. Лекарей голландских —
Не пропустили. Это что ж такое?
Вы, немцы, на краю моей державы
Вскочили, точно чирей на носу.
А мне-то как? Терпеть? Ты что молчишь-то?
Терпеть?

Геннинг

Ваше величество... Я в страхе...
Вы столь грозны!

Царь

Да ведь тебя прислали
Небось не труса праздновать.

Довойна
(выходя и кланяясь)

Пшепрашам!
Перед тобою ниякая храбрость
Не устоит, о славный государь!

Царь

А это что еще за птица?

Довойна

Я?

Лобанов

Посол Литвы Довойна.

Мария
(тихо)

Ах, не тот!

Царь

С ливонцем заодно?

Довойна

И в мыслях нету,
Пан государь мой.

Царь

А пошто влезаешь
В его беседу со своим витийством?
Я, чай, тебя, юлу, не вызывал.

(Встает.)

А каково здоровье короля
И брата моего пан Жигимонта-
Августуса?

Довойна

Отлично, государь мой.

Царь
(снова садясь и обращаясь к Саломону Геннингу)

Я у тебя о здравии магистра
И не справляюсь. Ты не обижайся:
Сие негоже нашим степеням.
Однако же я ведомость имею,
Что старикашка плох?

Геннинг

Во имя бога,
Его высокое преосвященство
Великий орденмайстер Готгард Кетлер
Прекрасно здравствует.

Царь

Ну что ж. Тем хуже.
Я думал — может, перед самой смертью
Одумается твой-то. Ну, да ладно.
С тобою опосля.
(Довойне.)
Скажи, литвин:
Ты по какой негоции к нам прибыл?

Довойна

Я сало приторговывать приехал.

Лобанов

Для королевской конницы.

Курбский
(вдруг резко)

И только?

Довойна

Ну, может быть, и сено для коней.

Курбский

И все?

Царь
(сурово)

Постой. Ты что же это, княже?
При государе говорить? Зазнался?

Курбский

Великий государь! Посол Литвы
Изрек, что будто прибыл за сенцом,
Не более того. А я спрошу:
Коли все ваше дело только в сене,
То отчего Никитка, сын Лобанов,
И с ним лобановский холоп Бакшей
Бежали нынче на Литву?

Лобанов
(в ужасе)

Михалыч!

Царь
(вскочив)

Бежали? На Литву?

Курбский

Великий царь!..
Пошли за ними гончака на Полоцк!
Успеешь захватить еще. Мстиславский,
Распорядись!

Царь
(растерянно)

Распорядись... Мстиславский...

Лобанов
(грохаясь наземь перед царем)

Надежа государь! Оклеветали!
Впервой и слышу... Государь! Помилуй!

Курбский

Впервые слышишь? Ну, а кто вечор
Ходил ко мне с изменническим делом
И даже рукавицу обронил?
Гляди, Иван Васильич: не она ли?
Уж не его ли птичка на застежке?

Царь

Малюта, а?

Малюта
(глядя в упор на Курбского)

Знакомый соколок.

Царь

Схватить его. На дыбу!

Лобанов

Пощадите!
Я все скажу... Я вместе с ним, с Андреем...
Мы вместе умышляли на тебя,
А он — еще главней.

Мстиславский
(сразу все поняв)

Грешно, Лобанов.
С больной да на здоровую? Грешно.

Лобанов

Да и Мстиславский тоже.

Царь
(свирепея)

Черный смерд!
Он хочет и других пооблыгать.
На дыбу! Вместе с сыном! Да с Бакшеем!

Шайтан джана...

А этого литвина
Не грех бы подтянуть на колесе,
Да неохота огорчать соседа:
Мы нынче в перемирии.

(Довойне.)

Ступай!

Довойна исчезает. Орефьев уводит Лобанова. Тяжело дыша, Грозный подходит к Курбскому.

Андрюшенька, ты не взыщи, родимый...
Товарищ мой... Дружок ты мой сыздетства...
Названый братец мой.

(Целует его.)

Отныне, Курбский,
Ты будешь первым князем на Руси.
Отныне станешь главным воеводой
Всех наших сил в Ливонии.

Курбский

О, царь!

Царь

К изменникам, предателям, коварцам
Чернее ворона моя душа.
Но если кто пленил меня, Андрей,
Сердечною привязанностью дружбы,
К тому она белее чайки.

Геннинг

Amen!
Я тоже с дружбой...

Царь

Поздно.

Геннинг

Я желал бы
Просить о перемирье...

Царь

Ни к чему.

Геннинг

Ваше величество завоевали
Уже и Нарву, и Феллин, и Дерпт...

Царь

Не Дерпт, а Юрьев!

Геннинг

Юрьев.

Царь

Русский Юрьев!
Отцова отчина. Понятно, немец?

Геннинг

Понятно. Все понятно. Мы согласны
Оставить эти замки за Москвою.

Царь
(саркастически)

Согласны?

Хохот. Смеются бояре, рынды, даже Магнус.

До чего ж великосердны!
Спаси вас бог за ваше подаянье
Мне, нищему!

Геннинг
(в отчаянии)

Великий государь!
Наш орден предлагает перемирье
На основанье uti possidentis [1].

Царь

Чего-чего на основанье? «Ути»?
А селезня не хошь? Скажи, папист,
А как бишь по-латынскому нагайка?

Геннинг

Не знаю, государь.

---

[1] С сохранением за каждым взятой им территории *(лат.)*.

Царь

А ты узнай.
Оно и будет вам ответом. На вот!
(Бросает к его ногам плетку.)

Геннинг испуганно поднимает ее и, пятясь, удаляется.

Евфимия

Ну вот, сестрица, карлик и остался.

Мария

О, господи, уродец-то какой!

Царь

Принц Магнус!

Орефьев
(тихо)

Первый, стало быть, вопрос
О здравье твоего отца.

Царь

Приблизься!

Старицкий

Иване! Братец! Да ведь он горбат!

Царь

С горбинкой малость.

Старицкий

Государь...

Царь

Ты что?
Или не чувствуешь, в какой версте
Держу я вас, мятежных, от себя?

Малюта молча подходит к Старицкому.

Мария

Не гневайся... Родимый... Государик...
Ведь он отец.

Царь

«Отец»... Я знаю, кто он!
Вы думаете, я забыл о вас?
Как во Израиле иные люди
Наследников законных Гедеона
Поумерщвляли ради воцаренья
Авимелека,— он же был байстрюк,—
Так вы собацкою изменой тщились
Наследников законных истребить
Для воцаренья телепня Володьки...
Шайтан джана!
(С минуту глядит на окружающих белыми от ярости очами.)

Молчание.

Царь снова остывает, но лицо продолжает подергиваться.

Курбский
(властно)

Малюта, отойди!

Царь

Видали вы березку по весне,
Как, тоненькая, на безветрье стыня,
Она совсем-совсем недвижна с виду —
И только трепетание листвы
Такое, будто листьев и не стало,
Как будто самый трепет неподвижен,
Как будто эта дрожь и есть листва...
Вот что такое царь! А вы — Володьку?
Бревно безлиственное, а? Колоду!
(Вдруг снова замечает Магнуса.)
А ты чего уставился? Горбач!
Не все, мол, тишь да гладь у них, в Москве-то?
Ну да, небось и у других не лучше.
Вон свейский Ваза водоносом был,
И как на трон вскарабкивался — помним...
А Старицкий хоть пес, да родовит!
Да, кстати, мы нашли тебе невесту —
Племянницу русийского монарха
Евфимьюшку.

Магнус

Я очарован.

Царь

То-то!
Евфимия! Ну, что ж ты? Подойди!
Жених перед тобою. Что, не люб?
Вот этак, дочка, и меня женили.
Обтерпится.
А за супругой, Магнус,
Я дам тебе Ливонию в удел.

Орефьев
(тихо)

Облобызай же руцу государя.
Пошто стоишь?

Магнус

О государь мой! Я...
Благодарю за царственный твой дар.
Ливония мне по сердцу вполне.
Не по сердцу лишь та, кем очарован:
Ей нужен богатырь, а я горбун.

Старицкий

Горбун, горбун!

Магнус

Нельзя ли мне... меньшую?

Мария

Ой, батюшки!

Старицкий
(в ужасе)

Меньшую?

Царь
(ревниво)

Зелена!

Магнус

Я годик обожду. Ведь даже перстень —
И тот по мерке пальца выбирают,
А тут супруга.

Царь

Чепуху городишь!

Старицкий

Вестимо, чепуху... Ах, ты!

Евфимия
(предостерегающе)

Отец!

Мария

Не отдавай меня... Иван Васильич...
Царь-батюшка... Золотенькой...

Царь

Эй, Магнус!
Обычаи державы нашей просты:
Чего случилось в нашем во хозяйстве,
На то и торг. Иных товаров нет.
А мы тебе худого не желаем.
Даем по совести. Не шпынь какую —
Царевну Лебедь в руки отдаем.
(Берет Евфимию за руку и подводит к Магнусу.)
Ну, как? Берешь Ливонию?

Магнус
(вздохнув)

Беру.

Царь

Храни же, принц, сокровище свое!
А ты, Евфимья, будь верна супругу,
Как мать была отцу, как бабка деду,
Как пращурица пращуру,— до гроба!
(Тихо.)

Да только... не приспи его, гляди.
(Смеется.)
Ну, вот мы и в родстве! Айда обедать.

Царь медленно и сановито удаляется к выходу. За ним Магнус с Евфимией, потом Старицкий с Марией. Курбский подходит к Малюте.

Курбский

Так что, Лукьяныч? А? Не пригодилась
Цветная рукавица-то?

Малюта

Как знать?

Курбский

Ах, ты еще в надежде?

Малюта

Все бывает
При нашем ремесле. А рукавица
Не валенок. Далече не уйдет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Любовь царя

Легендарное книгохранилище Иоанна Грозного. Это сводчатый тайник, сверху донизу набитый рундуками, коробьями, ящиками золотобойной работы. Повсюду столы, заваленные рукописями на еврейском, греческом, латинском и польском языках. Здесь и Ливиевы «Гиштории», и трактат Цицерона о республике, и «Пандекты» в переводе Эфана, и «Война Югурты», писанная Салюстием, и комментарии к «Галльской войне» Цезаря, и географика, и математика Замолея. Все сие на тонких пергаментах в золотых и серебряных переплетах. Далее в красных, синих, желтых и зеленых кожах сатиры Сира, оды Пиндара, Аристофановы комедии, поэма Виргилия «Энеида». На особом аналое — Библия, а в пещерке над аналоем излюбленное из любимого: свитки папируса, в которых «Песня песней» Соломона и премудрости Екклезиаста. На лестнице-стремянке сидит скорчившись царь Иван и, водя зажженной свечой над «Книгой большого чертежа», совещается с Курбским. На царе однорядка красного сукна. Длинные волосы схвачены ремешком. За поясом нож из рыбьего зуба. У низкой двери, полукруглой и расписанной ликами, недвижно стоят: князь Одоевский, Бобрыщев-Пушка да Иван Большой. Совсем впереди, у столика, где на пергаментах Иоаннов шлем, шепчутся меж собой Мария, Магнус и литейный мастер Андрей Чохов, разглядывая именитый сей головной убор.

Мария

Шлем! Царской шлем! Сама Казань! Глядите,
Как он высок и строен! Точно башня.

Чохов

Ага! Изрядный шлемец. Высотою
На тридцать восемь, шириною в двадцать,
Охватом же на семьдесят потянет.

Магнус

Чрезмерно много золота. В бою
Предпочитаю черствое железо.
Оно надежней.

Мария
(надменно)

В битве государю
Нужна не оборона, а сиянье.
Он должен быть как солнце!

Магнус

Не всегда.

Мария
(разглядывая арабскую золотопись на тулье шлема)

А это что?

Чохов

Узорочье такое.

Магнус

Арабский афоризм.

Мария

А что он значит?

Магнус
(улыбаясь)

Вот этого уже не знаю, фрекен.

Царь встает и подходит к ним.

Царь

Он значит: «Единенье — богатырь».
(Магнусу.)

Итак, мы тут с Михалычем решили,
Что тридцать тысяч копий будет ладно.
Тебе для Колывани в самый раз.
Иван Большой!

Иван Большой

Ага.

Царь

Тебя казаки
Избрали атаманом. А за что?

Иван Большой

А им видняй.

Царь

Татар ты, что ли, знаешь?

Иван Большой

Да уж не без того. Татар знавал.
А только... и они меня узнали.
(Смеется.)

Царь

Ты вольный человек, Иван Большой,
Ты на Дону хозяин не последний.
Суденышко, слыхал я, у тебя.
Землишка у тебя. Лошадки тоже.
Зачем же ты пришел к царю Ивану?
Деньга прельстила?

Иван Большой

Нет. Я так. Задаром.

Царь

Задаром и собаки не грызутся.

Иван Большой

А я задаром.

Царь

Брось! Царя Ивана
Продать-то можно, обмануть нельзя.

Твой батька от нужды бежал на Дон,
А ты ведь воротился от богатства.

Иван Большой

Да я богатство раздарил.

Царь

Ого!
И хочешь ты, чтоб я сему поверил?
Ну, сам подумай: статочно ли это?
(Испытующе глядит на атамана.)

Иван Большой

Тоска заела, государь.

Царь

Тоска?

Иван Большой

Играет силушка во мне такая,
Что я, кажись бы, словно Святогор,
Всю землю повернул, каб ухватиться
За медное колечко. Выду в поле,
Взгляну на тень свою, Иван Васильич,
И думаю: ну чем я не Илья?
Али Добрыня? Аль Аника-воин?

Царь

Чего ж ты хочешь?

Иван Большой

Мне бы честной жизни.
Ведь не киркой достал я золотишко:
Где лихоимством, где гнилым товаром
Копейку на копейку наживал.
И многим от меня пришлося туго,
Как некогда от вотчинника тятьке.
Но вот сподобил и меня господь.
Очнулся я. Теперь хочу покоя.
Чтобы в миру я значил только то,
Что значит меч мой. Так живал Илья,
Так жил Добрыня. Так и я желал бы.

Царь

Что за диковинное племя — русь?
Ему от бога счастье привалило,
А он его, гляди, не принимает
И рыщет-ищет по полю беды...
А впротчем, что ж. Господь тебе судья.
Живи как знаешь.

Атаман кланяется в пояс.

Ты пойдешь на Невель
И станешь там под Шуйского.

Иван Большой

Понятно.

Царь

Бобрыщев-Пушка!

Бобрыщев

Я!

Царь

Тебя мы знаем.
Тут разговору нету. Будешь, Пушка,
Отныне головой моих стрельцов.
Гордись, брат! Это новые войска:
В пешом строю да с боем огнестрельным
Мы, русские, досель не воевали.

Бобрыщев

Горжуся.

Одоевский

А? Иван Васильич! Что ты!

Царь

А что я?

Одоевский

Оглядися! Осмотрись!
Ведь Пушка-то — убогой дворянин
И Ванька из простого всенародства,
А ты их ставишь во главе коней

Да пешей силы. Ну, а я-то? Я-то?
Ведь я же князь!

Царь

Мы помним о тебе,
Алмаз Одоевский. Отменно помним.
А только воеводой — не могу.

Одоевский

А этих можешь?

Царь

Да ведь всяко дело
Живет по случаю, Алмаз Данилыч:
Хоть Иванец Большой-то и без роду,
А как ни кинь — казачий атаман!
Он шрамами по брови изукрашен,
А ты еще татарина не видел,
Кромé послов. Ну что ты мне за сабля?

Одоевский

Куда ж меня?

Царь
(раздумчиво)

О праву руку, что ли...

Одоевский

Чтоб я? Ванюшке? Да о праву руку?
Ну, нет уж... Головою в прорубь...

Царь

Ишь ты!

Одоевский

Не стану, государь! Казни — не стану!

Царь

Вот и воюй с такими! А? Андрюша!
Как быть?

Курбский

Обычай, государь.

Царь

Обычай...
На всяку ерунду у них обычай.

Одоевский

Святая Русь обычаем стоит.
И коли что при дедах уложилось,
Тому и быть при внуках. Да-да-да!
И этак до скончанья века!

Царь
(с насмешливым огоньком)

Ладно.
Я против батьковщины не борец.
Мы, божьей милостью, Иван Московский,
Всемерно чтим обычай старины
И держим Русь, как в зеркало смотря
На поведенье праотцев...

Одоевский

Ну, то-то ж!

Царь

Тебе, Алмаз Одоевский, от нас
Потерька чести не грозит нисколько.
И ежели не хочешь быть «рукою»...

Одоевский

Ни-ни!

Царь

Тогда пойдешь ты... в сторожа.

Одоевский
(бледнея)

Как в сторожа? В какие? У кого?

Царь

У принца Магнуса. Делов пустяк.
Зато у принца. А? Телохранитель!
По нраву ли тебе сия забота?
(Едко усмехаясь, царь ждет бурного возмущения.)

Одоевский

По нраву.

Царь
(опешив)

Как? Да ты сперва подумай:
Заместо полчища богатырей,
Да конных ратей, да чугунных пушек —
Всего-то принц!

Одоевский
(тупо)

По нраву. Мне по нраву.

Царь

Ну и дурак. Ступай!

Бобрыщев

И нам прикажешь?

Царь

Да, да. Идите. Сохрани вас бог!
(Крестит их.)

Иван Большой, Бобрыщев-Пушка и Одоевский удаляются.

Литейный мастер Чохов.

Чохов

Мы.

Царь

Ты прибыл
Из самой Колывани, так?

Чохов

Из самой.

Царь

И что ж оно за диво — Колывань?

Чохов

Большого дива, государь, не видел.
Зовется Ревель. Голубей до черта,
А башень маловато. «Длинный Герман»
Да «Толстая-де Маргарита» — оба
И не длинны и не толсты.

Царь

Эй, Чохов!
Передо мною не бреши. Понял?
Мне нужно правды!

Чохов

А на кой мне лгать-то?

Царь

Да кто ж тебе поверит, чтобы нам,
При нашей азиатчине, да нечем
У рыцарей попользоваться? Врешь!

Чохов

Коли охота пользоваться — чо жа.
Я ничего. Я только вот про башни.
А так — чего ж? Могу, коли охота.
По нраву мне пришлися, государь,
Везде вдоль пуза ихних цитаделей
Такие вроде... ну, сказать,— скворешни.
Но только покрупней. Для человеков.
Их «данцигирью» там зовут.

Царь
(заинтересованный)

Ну-ну?

Чохов

Дык вот и нам бы завести такое.

Царь

Ага! Ну, а какая в них нужда?

Чохов

Нужда большая. Нужники они.

Смех.

Царь

Ох, и бесстыжий! Ох, и балагур!

Чохов
(хмуро)

Пошто смеешься? Ты спросил — я молвил.
А больше ничего такого нету.

Царь

Уж так и нету?

Чохов

Есть одно, пожалуй,
Да ето по моей статье идет.
Видал я там литейщика у них.
Зовется Зибенбургов. Знатный мастер!
Одной, брат, бородищи на два пуд.
Монетку ли чеканить, меч сковать,
Золотобойное какое дело
Али мортиру вылить — все сумеет.

Царь

Ну вот. Вот видишь!

Чохов

Смастерил тот Зибен
Громадной боевитости бомбарду:
На сорок восемь фунтиков ядро!

Царь

Ты с этого бы начал.

Чохов

А по тельцу
Бомбарды етой мужиков нарезал,
Да на коней их, леший, посадил,
Да тех коней на цыпки! Ухо в ухо!

Царь

Ну, это мне не любопытно.

Чохов

Зря.
Ведь их жа, голубок, двенадцать дюжин!
Икона! Чистая икона!

Царь

Чохов!

Чохов

Под каждой конью имечко стоит.
Я уписал их на дощечке. Эвот:
«Дер вильде». Во! Видал? А ето: «Шварц».

Царь

Ты что? Шутить со мной сюда приехал?
Тебя за чем послали, а? За чушью?

Чохов

Чего-чего? По раскаленной чушке,
Через слюду обкуренную глядя,
Стрелой водить, чтоб, значит, образ вышел,—
Дык ето чушь? А ну, попробуй сам!
И ахнуть не успеешь — затрещишь,
Как таракан на свечке. Экой дядя!
«Чушь»,— говорит.

Мария

Иван Васильич... Светик...
Не опаляйся, милый, на него.
Ведь он хоть не юродив, а святой.
Ты просто не понял его сперва-то.

Грозный глядит на Чохова испытующе, но уже остывая.

Магнус

Царь никого не должен понимать:
Царя обязаны понять все прочьи!
Не правда ли, князь Курбский?

Курбский

Правда, принц.

Царь
(подойдя к Марии и взяв ее лицо в обе свои ладони)

Головка осиянная моя...
Ты мой домашний ангелок, Мария.
Сокровище мое...
Ты вот что, Чохов:
Мне нужно бы такую же бомбарду
В полсотню фунтов. Даже и поболе.
Да малых пушек штук до десяти,
А коль ума достанет, то пятнадцать.
Сумеешь?

Чохов

Ето можно бы...

Царь

И быстро!
За месяц. А? Ты как? Берешься?

Курбский

Сладит.

Чохов

Как есть твое веление, мы чо ж?
Мы ничего.

Царь

Однако же ты, Чохов,
Не бодро принимаешься за дело.

Чохов

Да нет жа...

Царь

В чем сомнение твое?

Чохов

Как те сказать? Ну, дуло заточить,
Ну, огневицу вылить, да чтоб чушки
Без всякого пороку остывали,
А там и на колесы — ето все,
Как говорится, с богом да молитвой...
А только сумлеваюсь я, родимый.
Насчет резных коней-то...

Царь
(с притворным соболезнованием)
Ай-ай-ай!

Чохов

Коней-то нам не выразить.

Царь

Беда.

Чохов

Статьи у нас не те. Сноровки нету.
Тут немца, чо ли, вызвать?

Царь

Ладно, Чохов,
Без немца обойдемся как-нибудь.
Так ты скачи, брат, на печерский рудник
(Дорогу я тебе не засчитаю) —
Да живо за литье! Коли сварганишь —
Озолочу. Нет — голову долой!

Чохов

Да ето уж... Тебе, царю, видняе...

Царь
(глядит на него внимательно)

А славный ты мужик, я погляжу.
Напрасно я тебя обидел, Чохов.
Возьми за это шубу.
Марья, шубу!
На ней сукно багряных полотенец
С лебяжьею подпушкой. А сама
На белых на черевьях на песцовых,
Да воротник из огневой лисы,
Да золото кружное.

Мария
(подавая шубу)

Хороша?

Чохов

Ох, батюшки!.. Краса какая!.. Диво!..
Да ето ж... Ето ж церква, а не шуба!
За етакую шубу-то бояре
Отвалят, я считаю, три рубли!

Царь
(смеясь)

Да уж не меньше.

Чохов

Не отдам за меньше.
Небось царев подарок, а?

Царь

Еще бы!

Чохов

Царев, царев подарок, братцы. Три!
Напьюся ж за твое теперь здоровье,
Иван Васильев! Точно конь, напьюся!
Ба! Экой я оплошной! Тьфу ты, бес!
Да ведь и я привез тебе подарок,
Не больно дорогой, но ценный. Во!
(Достает из шаровар бутылку.)

Курбский

Вино какое?

Чохов

Солона вода
Из заводи морской у Колывани.

Грозный жадно хватает бутылку, глядит на свет, нюхает, затем наливает в горсть.

Царь

Так вот оно какое, море... Море!
(Хлебнул из ладони.)

Курбский

По бороде течет, Иван Васильич.

Чохов
(улыбаясь)

Смотри не захмелей.

Царь

Ты прав, литец:
Пьянее нету для меня напитка,
Чем сине море. Эх, князья-бояре!
Вы поглядели б на святую Русь
Моим бы оком: лес для кораблишек,
Да лен с пенькой для парусов и снасти,
Да рӯды всякие для якорей...
В каком, скажите, царстве-государстве
Найдется все, что нужно мореходу

Для мореплаванья? Так чем же хуже
Моя державушка иных держав?
(Мечтательно.)
Эх, золотые! Мне бы воду... *Воду!*

Чохов

Ты! Девка! Слышь? Воды царю! Живее!
Пошто смеетесь?

Царь
(смеясь)

Молодец, литейщик!
Я вправду, точно пьяный, расходился,
А ты меня... водою. Молодец!
Итак, за дело, Магнус. Ты поедешь
На рудник вместе с Чоховым. Оттуда,
Как с пушками воротишься, полки
Уж будут для тебя готовы.
Курбский!
А ты заутра выедешь под Невель.
Ну, с богом, воеводы!
(Нюхает ладонь.)
Море!..

Курбский и Чохов кланяются государю и уходят.

Магнус
(Марии)

Фрекен!
В последний раз я спрашиваю вас:
Пойдете ль за меня по доброй воле,
Или придется силу применять?

Мария

Что? Силу? Ах ты, птичка-невеличка!
Скажу царю вот.

Магнус

Значит, нет? Ну, так.
(Кланяется Грозному и уходит.)

Мария перелистывает какую-то книгу. Оставшись наедине с девушкой, Грозный теряет вдруг свое приподнятое настроение и как-то никнет. Он съежился, оробел. Поглядывая на нее с некоторым даже испугом, ждет, что она заговорит первой.

Мария

Ты звал меня, Иван Васильич?

Царь

(глухо)

Звал...

Мария

Ну, вот она я. Здесь. Ты что дрожишь?
А? Ино холодно тебе?

Царь

Да, да...

Мария

Вот видишь: зря ты отдал шубу.

Царь

Маша,
Скажи мне. Я... О, господи... Робею...

Мария

(оглядывая библиотеку)

Какие у тебя цветные книги!
Неужли все их так и прочитал?
Вот скука-то небось какая! Верно?
Ты что молчишь?

Царь

Не подходи.

Мария

(обиженно)

Какой-то!
Позвал, а сам рычит. Да что с тобою?
И голос у тебя поглох, и очи —
Как два огня багряных в темноте.
Я, знаешь... я уйду.

Царь

(как бы сам с собой)

Бывало, в детстве
Мне казачок подарит, скажем, бабку
Иль дудочку из камыша. И вот,
Как всякие наставнички мои

Меня обидят злобно, я сквозь слезы
Шепчу себе тихонько: «Ладно, ладно,
Зато у Вани камышинка есть!»
Сейчас я вражьей злобою овит,
Как будто на костре стою. От гари
Не видно неба. Дым в моем дыханье,
И сажа на зубах моих. И нет мне
Вот этой камышинки, Маша. Нет!
А между тем на свете есть одна
Такая камышинка. О, когда бы
Дано мне опаленными устами
Приникнуть к ней и милый сердцу стон
Исторгнуть из нее дыханьем черным!

Мария

Про что ты? Непонятно.

Царь

Маш, а Маш!
Скажи мне, утоли моя печали:
Ужели это грех неумолимый.
Когда орел, изъязвленный стрелой,
Теряет кровь и упоенья жаждет,
А тут же рядом ягодка взошла,
И хочет он склевать ее. Скажи мне:
Что ягода ответила б ему?

Мария

Та ягодка ответила бы, верно:
«Испей меня, орел!»

Царь
(хрипло)

Скажи, Мария:
А если б царь, израненный тоской,
Раскинув крылья на горючем камне,
Терял бы душу, алча утоленья,
А рядом... рядом девица-заря...
И хочет он обнять ее. Скажи мне:
Что девица ответила б ему?

Мария

Она... она ответила бы...

Царь
(трепетно)

Ну?

Мария

«Царь!»

Царь

Да?

Мария

Она... она бы...

Царь

Говори же!

Мария

Нет, нет, не подходи!

Царь

Моя Мария!

Мария

Боюсь тебя...

Царь

Мария!

Мария

Ох, боюсь...

Царь
(как в бреду)

Моя!

Мария

Не погуби меня...

Царь

Я сам...
Сам погибаю... Разве ты не видишь?

Мария

Ой, нет... Уйди, кромешник... Это грех!
Жена ведь у тебя! Уйди, ты страшный...
Глазастый... Боже, боже...

Царь

Се любовь!
Любовь же чудо. Любящие святы,
Хотя бы все заветы преступили!
Сие не сатанинский силлогизм,
Но откровенье божие, Мария...
В воскрылии духовном человека,
А не в прелестной похоти я зрю
Священное зерно любви земныя.
Вот мы живем во зле и черных скверных.
Острýпился в нас дух. И желчен ум.
И вдруг как бы огнивом о кресало
Ударится душа о душу. Вмиг
Пронзительно искрóю опалишься
И вспыхнешь и, охваченный пожаром,
Все яды в этом пламени сожжешь.
И станешь чист, как белое. И ходишь
Покрыт очами, точно серафим.
Ты говоришь — супруга. Да! Я венчан
С царицей перед богом. Но, однако,
Я и на царство такожде венчался.
А царь, бояре-дума, выше мужа!
И если мне в сей трудный час войны
Ниспослана любовь, дабы в сраженьях
Я был бы и пречист и многоок,
Ужели мне отречься от победы
Из страха пред женою?

Мария

Царь... Не мучь...
Я в этом не вразумлена... Ты страшен,
Как бог с иконы... Люди так не любят...
Словца ты ласкового не сказал.

Царь

Словца?

Мария

Я так желала повсегда,
Чтоб кто-нибудь назвал меня «голубка»
Или иначе как...

Царь

Словца такого
Не выжать из моих железных уст,

Отвык. Закоренел. Но оттого
Люблю тебя душнее, жарче, горше...
В ноздрях твоих невинных — винный дух,
Уста твои и зубы — как гранат,
Который, коли взрезать, кажет соты,
Который, прокусивши,— пить и пить...
(Обнимает ее хищно.)
Дык что орлу-то ягодка сказала?
А? Повтори-ко, Маш!

Магнус
(входя)

Великий царь!

Царь

Кто?

Магнус

Это Магнус.

Царь

Ты? Ты смел войти?

Магнус

Несчастье, государь мой.

Царь

Что такое?

Магнус

Евфимия...

Царь

Ну-ну?

Магнус

Моя невеста...

Царь

Что? Отреклася от тебя?

Магнус

Мертва.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Царева дружба

Предбанник у царской мыльни. Оконце в красной слюде. Венецианские фонарики. Лежанка, покрытая шкурами полярных медведей. На полу душистое сено. Кадка с ячменным пивом, в котором Малюта квасит банные веники. Князь Мстиславский и князь Курбский сидят на лавках. Первый держит царев халат из пуха белого козла муфлона, что водится только под Астраханью и цветет пухом только в декабре; у второго — чуни из заячьего меха, белого, но плывущего в голубую воду.

Курбский

Ну, воевода! Значит, расстаемся?

Мстиславский

Выходит, так.

Курбский

Под Крым идешь?

Мстиславский

Под Крым.

Курбский

Большое дело.

Мстиславский

Государь велел
Из Тулы вынести на Дико Поле
Московскую границу и поставить
Военных городков.

Курбский

Как под Казанью?

Мстиславский

Выходит, так, Андрей Михалыч.

Курбский

Вон что!
Ужели воевать задумал?

Мстиславский

С Крымом?
Куда там! Это вам уж воевать,

А мне вести с татарами хлеб-соль.
Ну, а покуда все же быть готову:
Час не ровён — прорвутся.

Курбский

Дельно, дельно!

Борис Годунов, полуголый, высовывается из мыльни.

Годунов

Лукьяныч!

Малюта

Ась!

Годунов

Ты что за мыльце дал-то?
Царь гневается: рыбой-де воняет.
Индейское подай.

Малюта
(испуганно)

Бери, бери!

Годунов исчезает.

Курбский

Что? Оплошал?

Малюта
(ворча)

Ну, погоди ж ты, тезка,
Дугою бы искорчило тебя...

Курбский

Кого он это?

Мстиславский

Строганова Гришку.
Тот мыла наварил царю в подарок,
А мыло, слышишь, рыбой отдает.

Курбский

Ого! Ха-ха!

Малюта
(грубо)

А ну, не скалься тут!

Курбский

Квась венички-то, квась, коли на больше
Ума нехватка.

Малюта
(вдруг яростно поворачивается к иконе)

Господи владыко!
Пребуди воля твоя пресвятая
Со мной, рабом твоим. Подай мне, боже,
Увидеть, боже, Курбского-князишку
Кнутами биту, и на дыбу взяту,
И на мочалы вздернуту.

Годунов
(высовываясь)

Лукьяныч!
Давай скорее веничка!

Малюта

Бегу!
(Схватывает веник и скрывается в мыльне.)

Курбский победоносно хохочет ему вслед, но вдруг замолкает и становится угрюмым.

Курбский

Видал дружков? Лисенок да бирюк.
А ведь они царю милее Курбских
Да всяческих Мстиславских.
Говорят,
Что ревность к женщине ужасней яда.
Ах, Федорыч! Кто ревновал к царю,
Тот знает боль похуже. Я ведь, княже,
И в бабки с ним вот этаким играл,
И подымал медведя из берлоги,
И к девкам лазил...

Мстиславский

Погоди ты: дверь!

Курбский

А он меня сменил на эту харю,
О господи, прости!.. Ну что ж, пускай.
Насильно мил не будешь. Перетерпим.
Авось поймет когда-нибудь.

Мстиславский

Михалыч!
А как мы без Лобанова теперь?

Курбский

А что?

Мстиславский

Или Лобанов нам не нужен?

Курбский

Пожалуй, что не нужен.

Мстиславский

Ну, а дальше?

Курбский

Ты вот что. Городки-то строить — строй!
Татар следи. Не пропускай ни ветра.
Но если вдруг от Мустафы получишь
Стрелу, где на железе три шайтана...

Мстиславский

Стрелу, где три шайтана...

Курбский
(показывая стрелу)

Вот она!
Немедля все летучие станицы,
Заставы да завалы убирай!
А там уж — будь что будет.

Мстиславский

Ох, и страшно!

Курбский

Чего тут страшного? Не мы одни.
Ведь с нами и Морозов, и Курлятев,
Да Шереметев, что большой, да братья
Бутурлины. Все голубая Русь,

Мстиславский

Но что, коли татаровья поскачут
До самой до Москвы-то?

Курбский

Будь что будет!

Малюта
(вбегая)

Халат и чуни!

Мстиславский
(встает)

Царь выходит.

Малюта, ухватив чуни и халат, снова бежит к Иоанну.

Курбский
(задумчиво)

Царь...
Не знаю, право, что это со мной?
Я видеть Иоанна не могу,
Пылает сердце от лихой обиды,
Я... я на все способен! А увижу —
И точно обаяние какое...
Слабею... Никну...

Мстиславский

Истинно, Михалыч!
И я вот так же.

Курбский

А уж особливо,
Как взглянет он глазищами своими —
Дык словно бы луна тебя объемлет,
И ты — что суслик в поле перед ним.

Входит царь, весь в белом меху. На шее крест из сапфира с тремя рубинами, другой крестик из корня плакун-травы, третий же, серебряный с чернью, в который вправлен зуб Антипия Великого, заткнут за пояс. Волосы царя мокры. Он сиз. За ним выходит Малюта, потом Годунов, с голым торсом и в кожаных шароварах.

Царь

Ты что суешь мне всюду Годунова?
И в баню и в палату...

Малюта

Разве плох?

Царь

Не плох, да беса мне напоминает:
Сам черен, брови коршуном. Приснится —
Дык не открестишься.

Малюта

Уйдет, уйдет.

Курбский

Уйдет он. Как же. Из двери да в дверь.

Царь

Что так?

Курбский

А просто: он Малюте зятем.

Царь

Ах, вон чего! Я этого не знал.
Ну что ж. Тем лучше. Коль не угодит,
Уж будем знать, с кого нам шкуру драть.
(Утираясь полотенцем, Иоанн садится на лежанку. Отдувается.)
Вы все подите вон... Кроме Андрея...
А Строганова Гришку привести.
Пусть дожидается — я кликну. Квасу!

Ему подают жбан и кубок. Годунов возвращается в мыльню. Малюта и Мстиславский уходят на улицу.

Когда какое горе у меня
И нужно как-то с думами собраться,
Велю я тотчас баню истопить.
Таков уж мой обычай. Только нынче
И это не помога. Ни водою,
Ни губкой грецкою, ни еликсиром
Не смыть той желчи, кою изрыгают
На дух и плоть мою мои враги...
Слыхал, Андрюша, про мои дела-то?

Курбский

Слыхал.

Царь

Что есть такое царь? Невольник!
Любой Ивашка девку полюбил —
Ну и голубься с нею. Правда?

Курбский

Правда.

Царь

Но ежели Ивашка ты Четвертый,
Тебе уже ни воли, ни услады,
Ни легкости беспечной на земли.
(Задумывается.)
Душа не насыщается, Андрюша!
Труды да суета. Гремишь, гремишь,
Как будто что-то и творишь большое,
А сердце... сердце голодно.

Курбский

О чем ты?
В твоем ли сердце пустота, Иван?

Царь

Не пустота, но голод, говорю.
Как юношей меня перевенчали
С Анастасией, жил я с нею в браке
По-истовому, что отцы и деды,
И думал, будто это есть любовь.
Когда же, помнишь, в Золотой палате
Я усадил Марию на ступеньки
И так... из баловства... своей рукою
Перебирал ее персты... я понял...
И даже не тогда еще. А ночью,
Когда лежал с открытыми очами —
И слезы... Поздние такие слезы...
Заждавшиеся... Мелкие такие...
Мужские слезы...
(С жаркой силой.)
Я люблю Марию!

Курбский

Ну что ж! Ну и чудесно, государь!
О чем же плакать? Радоваться надо.

Царь

Тут радоваться не о чем. Мария —
Совсем дитя, а я-то средовек.

Курбский

Средина века — наилучший возраст.
Ну что у молодого за душой?
Все эти губы, зубы — достоянье
Родительское. Ну, а сам ты кто?
Вот то-то, государь! А в пятьдесят
Мужчина обретает обаянье!
Он — как вино, что выдержало срок,
Перебродило и достигло тайны.
Отныне в нем глубинная прозрачность,
Игра огней, подобно самоцвету,
Хмельная острота да пряный дух,
И кто хоть раз пригубит этой влаги,
Тому уж виноградного кваску
Не подноси.

Царь

Ах ты, сирена!

Курбский

Право.
И Маша это чувствует. Ей-ей!
Как давеча она воспела шлем твой!
Ведь это неспроста.

Царь

Андрюша! Милый!
Тем хуже дело-то мое. Тем горше.
Евфимия мертва ведь?

Курбский

Ну, мертва.

Царь

Кого ж и дать-то Магнусу теперь,
Коль не Марию?

Курбский
(весело)

Только и всего-то?
А ты не отдавай — и делу крест.

Царь

«Не отдавай...» А кем же заменить?

Курбский

Никем!

Царь

Ага! А как же... Как же Магнус?
Ведь он уйдет?

Курбский

Да пусть его уходит!

Царь

И значит, с Датским королевством врозь?
А ведь оно сидит на трех проливах
Да держит, милый, ключ от океана.
Ну, нет!

Курбский

Мы и без Дании могучи.

Царь

Нет, нет, Андрей, пустое говоришь!

Курбский

Любовь менять на Данию?

Царь
(волнуясь)

Война —
Не только битва, но игра в союзы...

Курбский

Союз сердец святее всех иных.

Царь

Куда и саблей не достати вострой,
Туда пером посольским достают —
Того понять не можешь.

Курбский

Ваня, Ваня!
Не сам ли ты назвал ее вечор
Своим домашним ангелом?

Царь

Довольно!
Я царь по божьему произволенью,
А не по прихоти людских сует,
И надлежит мне вслушиваться, Курбский,
Не к жару чрева, но к огню мышленья!
Юдоль моя печальна... Что поделать?
Кому дано родиться колдуном,
Тому уже не стати скоморохом.
Мне выпало родиться Иоанном —
Я им же и почию.
Квасу пей!

Курбский
(искренне)

Велик ты, государь! Ох, и велик!
Я не сумел бы этак...
(Приникает к его руке.)

Царь, обняв Курбского, растроганно целует его в голову.

Царь

Ладно, ладно...
Чего уж тут... Ну-ну... Да ты не это...
Да что мы, право... Плачем, как бобры.
(Утирает рукавом слезы на своих глазах.)
Давайте Строганова! Кто там? Людь!

Годунов
(выбегая из мыльни)

Лукьяныч, Строганова!

Малюта
(входя)

Проходи!

Звеня кандалами, входит князь Лобанов.

Царь

Постой! Да это кто же? Князь Лобанов?

Лобанов

Я, государь.

Царь

А мы кого велели?

Малюта

Не прогоняй, Иван Васильич. Слушай.
Ну, говори!

Лобанов

Курлятев да Морозов...
Да три Бутурлиных... Да Челяднин...
Да Шереметев, что большой, да прочьи —
Все супротив тебя.

Царь

Ты очумел?

Курбский

Он разума под пытками лишился.

Малюта

Как ты, Иван Васильич, соизволил
Владимира из Старицы-то выбрать,—
С того бояре и смутились.
(Лобанову.)
Верно?

Курбский

Не верь, Васильич. Разве эта тень,
Измученная колесом и дыбой,
Свидетельство? Ну что с него возьмешь?
Кого Малюта ни оговори,
Он тех и скажет.

Царь

Я Малюте верю.

Курбский

Не верь же хоть Лобанову!

Царь
(упрямо)

Бояр,
Которых здесь назвал сейчас Лобанов,
В чимбары всех позаковать!

Малюта

В чимбары.

Царь

Пытать!

Малюта

Ужотко.

Царь

И коли чего,
То головы рубить, шайтан джана!

Малюта

Исполню, государь.
(Лобанову.)
Ну, Сенька! Слышал?
Айда!

Лобанов
(упираясь)

Великий царь...

Малюта
(толкая его)

Иди, иди!
Теперь уж поздно величать-то. Экой!
(Выставляет вон.)

Царь

Да только разве этих супостатов
Исправишь? Пухнут на перинах,
Богатины ленивые. Пьют. Жрут.
Нисколько государству не радеют.
Ни пуха с них, ни шерсти! То и знают,
Что гроб готовить своему царю.

Малюта

Да пропади они, твои бояре!
Кому их надобе?

Курбский

А управлять?

Малюта

На то господь царя послал народу.

Курбский

Царю не в силу одному нести
Все тягости державства.

Малюта

В силу, в силу!

Царь
(глухо)

А что за управленье от бояр?
Бояре за себя, а царь за всех!

Малюта

Не зря и есть помазанник!

Царь

Бояре...
А что, коли возьму да поступлю
С боярством, как с Володькой?

Курбский
(бледнея)

Это как же?

Царь

А что, коли я всех моих бояр
Переведу в заокские края?

Малюта
(сияя)

Да что ты, государь? Да нешто выйдет?

Царь

С корнями — да и к бесу! За Оку!
Чтоб духом ихним под Москвой не пахло!

Малюта

А как же их именья? Подробить?

Царь

Зачем?

Малюта

А чтобы выдать по частинке
Убогим нашим боевым юнакам.
Ну, там Бобрыщеву аль Годунову...
Ведь знать не знают никого на свете,
Опричь царя. Ах, золотой народ!
Всё воинники! Всё Иванолюбцы!
Да нет у них достатка ни шиша.
Ей-ей! Придешь на мызу, поглядишь:
Всего-то и колосьев — что волосьев.
А между протчим, люди за царя
Живот кладут. Ведь это ж войско наше!
Вся конница на них! А про измены
Там слыхом не слыхать. Уж я-то знаю!
Кому и знать-то, как не мне?

Царь

(хрипло)

Малюта...
Ты вот что... Ты Захарьина зови,
Ну, и Басманова-старшого.

Малюта

Ну?

Царь

Обсудим, как и что, да и в указ.

Малюта

В указ! Вот то-то, что в указ! Навеки!
Чтоб ни водой не смыть,
не выжечь гарью...
А? Курбский? Эко дело зачинаем!
Дворянами царя я окружу,
Как частоколом из мечей. А, Курбский?
Давно, давно пора, Иван Васильич.
Дык, стало быть, лобановских...

Царь

На дыбу.

М а л ю т а

Ну, а зачинщика?

Ц а р ь

Того казнить!
А кто у них в зачинщиках, однако?

К у р б с к и й
(ежась)

Велик ты, государь, да иногда
Идешь наудалую.

М а л ю т а

Нешто худо?

К у р б с к и й

Ну, это еще, скажем, полбеды.

Ц а р ь

А вся беда?

К у р б с к и й

Не прогневись, Васильич:
Податлив на чужую волю.

Ц а р ь
(задетый)

Правда?
Не примечал...

М а л ю т а

И я не примечал.

Ц а р ь

Так кто у них в зачинщиках? Лобанов?

М а л ю т а
(смакуя)

Лобанов их с Довойною связал,
И сына своего послал к литвинам,
И отрядил холопа своего,
Но все ж Лобанов — малой человечек,

Царь

А кто большой? Володька?

Малюта

А большой-то...
Он здесь, Иван Васильич: вот сидит!

Царь

Что?

Малюта

Вот он, больший-на́больший.

Царь

Ты пьян?

Малюта
(усмехаясь)

Я? Красную-то рукавичку помнишь?
Дык вот однажды захожу я как-то
К Владим Андреичу...

Курбский

Великий царь!
Вели казнить: ведь ты Малюте веришь.
Я, видимо, заводчик всей измены.
Я! Тот Андрей Михалыч Курбский, коий
На Шиворони крымцев опрокинул
И гнал на Перекопь! Тот самый Курбский,
Чей жеребец под самой под Казанью
Грудями опирался о врагов!
Я! Курбский! Что иссечен, изувечен
На голову, плеча́ и руки. Я!

Царь глядит то на Курбского, то на Малюту осатанелыми очами. Лицо его пляшет в судорогах. Вдруг, обезумев, он выхватывает из-за пояса крест, будто это нож, кидается на Малюту и наносит ему в грудь страшный удар. Малюта падает.

Царь

Ах ты, шайтан джана!

Годунов
(вбегая)

Крестом? Крестом?

Малюта

Владычица небесная!

Годунов

Кощунство...
(Падая на колени.)
Друзья и братья! Чудо совершилось!
Господь вложил взамен кинжала крест
В несправедливую царя десницу.
Се знаменье!

Царь

Крестом?
(Разглядывает на ладони крест, точно впервые видит его.)

Годунов

Покайся, государь!
Воздай хвалу всевышнему, который,
Тебя оберегаючи, сберег
Вернейшего из слуг твоих!

Царь

Малюта...

Годунов

Стань на колени, государь! Молю!
Не отвращай от нас лица господня
Гордынею...

Царь

Довольно, Годунов!

Малюта

Прости меня, Иван Васильич... Я...
Не наущенья ради...

Царь

Верю, милый.
Меня прости. Я грешен пред тобой,
А боле — перед богом.

Малюта

Что ты, что ты...

Царь

Молчи. Не утешай меня. Я знаю,
Кто я таков.

(Вместе с Годуновым подымает Малюту и кладет на свою лежанку. Садится с краю. Думает. Потом говорит глухо, устало, но решительно.)

Ты, чертушка Бориска,
За смелость и смышленье станешь кравчим.
Про всякой случай на вот крест. Бери.
Возьми же! Аль боишься?

Годунов берет из рук царя серебряный с чернью крест и надевает на себя.

Ты, Андрюша,
Которого люблю и коим горд,
Как белым кречетом на рукавице,
(с болью)
Хотя б она и красною была...
Пойдешь под Невель и послужишь правдой
Царю и другу.
Ну, а на себя
Я наложу епитимью такую:
Заутра сам пойду в кровавый бой
В пешом строю среди казачьих сотен,
Не как монарх,
но как обычный ратник,—
И пусть господь свою святую волю
Покажет мне путем стрелы врага.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Море

Берег моря на подступах к Ревелю. Цветной туман застилает даль, и моря не видно. Воздух наполнен залпами орудий: это русские обстреливают рондель и башни города. В промежутках между выстрелами — величавый шум волн. На невысоком холме чоховская пушка со своей прислугой: Чоховым, Жданом, Томилой да Яшкой.

Чохов

Заправить пушку-у... Фитиля! Огонь!

Гром.

Ах ты, ядрена каша! Эй, ребята!
Чуток-маленько пушку отверните,
Чтоб, значит, рыло о́т моря ушло.
Знавал я Ревель-городок не худо:
Коли вот этак прямо садануть,
Как раз и угодишь. Заправить пушку-у!

Яшка

Гляди, ребята: пленные...

Чохов

Огонь!

Громовой удар. Пленные рыцари, которых ведет Иван Большой, шарахнулись в сторону. Особенно испугался бородач в берете, камзоле и чулках, видимо, горожанин.

Большой

Куды? Назад?

Чохов

Постойте-ка... Ребята...
Никак, мой Зибенбургов... Братцы, он!
Ах, леший... Он и есть! Ивашка, милый,
Отдай его ты мне за-ради бога!
Отдай, красавец! Я тебе — что хошь!

Большой

А что, к примеру?

Чохов

Да ведь вот... Хоть шубу!
Ты только уплати мне три рубли:
Мне мой хозяин повелел за меньше
Не продавать.

Большой
(оглядывает шубу)

Оно бы подходяще,
Да я, литейщик, денег не держу.
Илья, Добрыня да Аника-воин
Деньгу-то не держали.

Чохов

Как же так?

Большой

Мы все, что нужно, саблей добываем.

Чохов

Вот и добудь.

Большой
(смеясь)

Что? Шубу?

Чохов

Три рубли.
По мне, хоть бы и гривну! Мне-то что?
Да перед шубой боязно. Подарок!
Опять же от кого! Лицо какое!
Ведь ето ж надо оним... Ето, вишь ты...
Нет, нужно, чтобы совесть... Три рубли!

Большой

Ну, это враз. Делов-то тут не больно.
(Зибенбюргеру, громко, как глухому.)
Эй, дай монету!

Зибенбюргер

Drei Monetten? Bitte [1].

Большой

Ну, ясно, битый.

Зибенбюргер
(протягивает три гульдена)

Ja? [2]

Большой

Да уж не я.
Зато вам, немчура, вовек наука:
Не тронь бедовых!

---

[1] Три монеты? Пожалуйста *(нем.)*.
[2] Да? *(нем.)*

Зибенбюргер
(не понимая)

Was? [1]

Большой

А то кого же?
Вестимо, нас.

Чохов

Ну, что там? Каково?

Большой

Толково переговорили. На вот.
(Вручает Чохову деньги и снимает с него шубу.)

Между тем пушкари окружают Зибенбюргера.

Яшка

Ребята! Глянь-ко — ноги!

Томило

Вот так ноги!
Совсем как у вареного куря!

Яшка

А борода-то!

Томило

Бородищу жалко.
Без пользы пропадает бородища.

Яшка

А что с нее?

Томило

Да, коли пощипать,
Шапчонка выйдет.

Ждан

Дурачье! «Шапчонка»!
Не понимаете вы, что к чему.
Вот ежели бы за ноги его,

---

[1] Что? *(нем.)*

Да осторожно бородою в дуло,
Да этак-то по копоти по черной
Вперед-назад, вперед-назад...

Томило

И что жа?

Ждан

(мечтательно)

Какой для пушечного дела ерш!

Хохот.

Чохов

Вы что такое? Срамота какая!
Почтенное лицо, а вы? Разбрызнись!
Пойдем, брат Зибен. Кой-чего увидишь.
(Расковывает его.)
На сорок восемь фунтов, что у вас,
Ядро я вылил в пятьдесят два фунта.
Да дело-то не в етом. Я однажды
Увидел паука на паутине.
Большущий паучище! Со крестом!
И вот, покуда чушка не остыла,
Я и его, и паутинку ету
Легонько на литье и перенес.
Уж и боялся!.. Не дышал, поверишь?
Но вышло — как в натурах. Тут, брат Зибен,
Как ето дело надоть понимать?
Паук крестовый — есть Ливонский орден,
А паутинка — ето ваша вера.
Так? Вам угодно, значит, нас опутать,
А мы на вас — оружием. Понятно?
Пойдем, брат, покажу. Увидишь сам.
Ну, точно, как в натурах.

Появляется Малюта с отрядом.

Малюта

Кто такие?

Чохов

Я — русский.

Малюта

Так. А этот?

Чохов

Ентот — немец.

Малюта

В обнимку, братцы, ходите? Ивашка,
Обоих в цепи!
(Двинулся дальше.)
Гойда! Царь идет!
Долой с дороги! Царь идет! С дороги!

Чохов

Иван! Ведь я жа Чохов! А, Ивашик!
Сказал бы ты Лукьянычу словцо...
Ведь мы с тобою... Чохов я!

Большой
(спокойно)

Не знаю.

Чохов

Да как жа так не знаешь? Чо-хов! Чохов!

Большой

Не знаю.

Чохов

Ах ты, господи, какой!
Илья бы Муромец али Добрыня
Ни в жись бы так не поступили...

Малюта

Царь!

Знаменщик вносит хоругвь. Бубенщики трясут бубны и бьют вощагами в тулумбасы. Появляется государь. На нем с арабской золотописью знаменитый шлем, сквозь полку которого вставлена стрела, опущенная на нос. Кольчатая бармица из-под венца шлема падает царю на плечи. Грудь Иоанна IV в жарком орле о двух головах. Посредине на цепях золотой крест. Царя окружают Годунов, Бобрыщев-Пушка, Татищев, за ними три азиата с тремя саженными трубами — карнаями,

Царь

Гей! Соколы, челиги, кречета!
Благодаренье господу — победа!
(Взбегает на холм — и вдруг перед ним растекается туман и вспыхивает суровое серебристо-серое море.)
Мы вырвались на волю... Русь моя!
Я дал тебе свободу! Все грехи
Отныне мне отпущены... Все раны,
Палящие меня, утолены...
Узрим отселе Новый Свет. О, боже!
И африкан...

Годунов
(подошедши к нему и ставши рядом)

Пошто же плачешь? Смейся!

Царь обернулся к нему и видит на его глазах слезы.

Бобрыщев

Ишь дьявол Борька: Иоанн рыдает —
И он похныкивает.

Малюта
(сурово)

Молодец.
Коли на то не бабья не причина,
К лицу богатырю слезинка.

Царь

Море!
Так вот оно какое ты! Я думал,
Что ты сине, как в песнях говорится,
А ты серо да сиво. Ты сурово.
Но все в монетах, будто обещаешь
Богатство без числа и меры. Море...
Ужели ты передо мной? Ужели
Исполнилося дивное томленье
Всей жизни нашей? Ты у ног моих!
(Оглядываясь на ратников).
Вы что притихли? А? Победоносцы?
Что скажете-то? Море каково?

Петруха

Оно конешно...

Митька

Море — дык уж море.

Чохов

Великовато. Бережков не видно.
Тоска.

Царь

Постой... Откуда этот голос?
Ба! «Чохов Золотые Руки» — ты?
(Сбегает к нему с холма.)
Твоя бомбарда рявкала на славу.
Я любовался, слушая. Ну, глотка!
А шуба где?

Чохов

За три рубли.

Царь

Кто дал?

Чохов

Иван Большой.

Царь

А где он есть? Ивашка!

Большой

Я, государь!

Царь

Верни-ка шубу. Живо!

Большой

А три рубли-то?

Царь

Знал, что покупал.

Иван Большой со вздохом возвращает шубу Чохову.

Ч о х о в
(ехидно)

Ага! Ага! Вот так тебе и надо!

Ц а р ь

А это что за чудо?

Ч о х о в

Зибенбургов.

Ц а р ь

Из Ревеля который?

З и б е н б ю р г е р

Das bin ich [1].

Ц а р ь

Обоих расковать!

Атаман хотел было снять с них оковы, но Малюта оттолкнул его и предоставил сию честь себе.

А ты, Андрюха,
Держи, Андрюха, эту бородищу
Покрепче шубы. Продавать не смей.
Не то, гляди мне,— осерчаю.

Ч о х о в

Ясно!

Вой рога.

Б о л ь ш о й

Слышь, государь,— Ливония подходит.

Ц а р ь

Коня!

Г о д у н о в
(кричит)

Татищев, лошадь!

---

[1] Это я *(нем.)*.

Бобрыщев

Я подам!
(Бросается к конюху и схватывает жеребца за узду.)

Татищев бросается туда же и пытается вырвать ремень из рук Бобрыщева.

Татищев

Ну, это брось!

Бобрыщев

Оставь!

Татищев

Кому велели?

Бобрыщев

По шлему тяпну!

Татищев

Ух ты!

Бобрыщев

Зарублю!

Годунов

Но где же лошадь?

Вися на одной узде, оба дворянина опрометью бросаются с жеребцом к Иоанну.

Татищев

Государь, победы!

Бобрыщев

Победы, государь!

Годунов
(небрежно)

Ну-ну, спасибо,

Бобрыщев
(с неудовольствием)

Чего?

Годунов
(величественно)

От государя вам спасибо.

Царь
(вскакивает в седло)

Гей, соколы, челиги, кречета!
За мною, с богом!

Большой

За царя да с богом!

Рявкнули тремя зверями три карная. Царь улетел в бой. За холмом двинулись войска. Видны их шлемы, копья, секиры, пищали, аркебузы и мушкетоны под стягами и хоругвями с изображением Спаса.

Чохов
(крестясь)

Подай победы, господи Исусе!
Слышь, братцы, а? Не купите ль шубейку?

Томило

Ой, нет, спасибо!

Чохов

Да ить хороша!

Ждан

Себе дороже, друг. Себе дороже.

Чохов
(Зибенбюргеру, со вздохом)

А ну-ка, идолище, в путь!

Зибенбюргер

Jawohl! [1]

Уходят.

Закат. На холме возникают две фигуры: витязь и рыцарь. Это Малюта и Фаренсбах бьются на саблях. У подножия появляются два всадника — Магнус и Мария.

---

[1] Охотно! *(нем.)*

Мария

Гляди-ко, Магнус, тут на саблях бьются.

Магнус

И что же, фрекен?

Мария

Да один-то наш!

Магнус

По-видимому, так.

Мария

Помочь бы надо.

Магнус

Помочь? Не беспокойтесь, дорогая:
Все обойдется и без нас.

Мария

О Магнус...

Магнус
(сухо)

Пришпорьте, фрекен. Ревель впереди!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Измена князя Курбского

Ревель. Вышгород. Двусветный зал, украшенный панцирями, оружием, зеркалами, темными картинами в бронзовых рамах, канделябрами, похожими на оленьи рога, и оленьими рогами, напоминающими канделябры. По обе стороны входной двери статуи рыцарей с алебардами. Великий орденмайстер Кетлер сидит у зажженного камина, сжав руками голову. За его креслом, задумчиво глядя на огонь, стоит германский посол Рупрехт фон дер Борх. У окон Довойна и латник Генрих Штаден наблюдают за неприятелем. Саломон Геннинг, ломая пальцы, бегает по залу. Над городом непрерывный грохот пушечного обстрела.

Кетлер

О, Нарва, Эрмес, и Феллин, и Дерпт...

Довойна

Удар по башне «Шнеккентурм»!

Геннинг

Увы!

Довойна

Удар по башне «Ландскорона»!

Геннинг

Страшно...

Штаден

Смотрите: после каждого удара
В дыму взлетают голуби над башней
И тут же оседают вновь.

Геннинг

Стыдитесь!
О чем вы думаете в грозный час?
На что обращено вниманье ваше?

Штаден

Простите, fratre!

Кетлер

Сын мой фон дер Борх!
Ливонский орден ждет от вас ответа.

Борх
(воздев руки)

Возложим, орденмайстер, все надежды
На благость вседержителя.

Геннинг

Мой рыцарь!
Инстанция сия отдалена,
Германский император много ближе.
Нельзя ли возложить надежды наши
На мощь его величества?

Кетлер

Тем боле,
Что наш ливонский орден по статуту
Есть только ветвь империи его.

Борх
(печально)

Его величество, друзья мои,
Не в силах оказать сопротивленья
Удару московита. Даже больше:
Мы будем делать вид, что этот орден
Короне нашей не принадлежит.

Геннинг

О Jesus! Но ведь это же...

Борх

Так надо!
Московский государь не должен знать,
Что, побеждая вас, он побеждает
Германию. Однако император
Считает, как и вы, что появленье
Славянской силы на балтийских водах —
Катáстрофа!

Кетлер

Так что же... что же делать?

Борх

Пока не знаю. Подождем. Я слышал,
Что к вам сегодня явится гонец
От Магнуса?

Кетлер

Мы ждем его.

Борх

Отлично!
Опросим, выведаем, разузнаем...

Штаден
(объявляет)

Военный командор святой Марии
Его преосвященство Фаренсбах.

Входит Фаренсбах с перевязанной головой.

Геннинг

Вы ранены?

Фаренсбах

Как видите.

Геннинг

Кем? Где?

Фаренсбах

На поединке с бельским дворянином
Скуратовым, по прозвищу «Малюта».

Кетлер
(надменно)

Конечно, он убит?

Фаренсбах

Убит, конечно.

Геннинг

Как? Он убит? Малюта? Этот рыжий?
Да это ж, господа, телохранитель
Царя Ивана! Друг его! Советчик!
Вы — чудо! Вы...

Фаренсбах

Черноголовый! [1] Пить!

Геннинг

Вы — истинный тевтон!

Фаренсбах

Ну, хватит, хватит!
Ведь я не льва убил, а только волка.
От этого не легче.

Кетлер

Верно, сын мой!
О, Нарва, Нарва, Эрмес и Феллин!

Борх

Не убивайтесь, Dominus Magister!
Еще не все потеряно. Сегодня
Из Швеции прибудут корабли
И привезут вам ядер. Две атаки,
Благодаренье господу, отбиты.
Ведь Ревель же в конце концов не Нарва!

---

[1] «Черноголовыми» рыцари называли орденских слуг.

Кетлер

Не верю, друг мой, ни во что не верю,
Я знаю лишь одно: мой враг ужасен!
Si ullus principatus in Europa
Crescere debet — ille est [1].

Борх

Возможно,
Однако spe in forti vita est.
Dum spiro spero [2].

Штаден
(объявляет)

Просит позволенья
Посланник Пэрсон — Швеция!

Кетлер

Впустить.

Входит Георг Пэрсон в одежде командора флота. За ним молодой человек с полубезумными глазами, в зюйдвестке и плаще. Одна его бровь выше другой. Руки, точно от холода, всунуты в рукава.

Борх

Где ядра?

Пэрсон

В гавани.

Борх

Чудесно.

Пэрсон

Встать!
Монахи и вожди! Пред вами Эрик
Четырнадцатый!

Довойна

О, какая честь!

Геннинг

Вина и фруктов!

---

[1] Если кто-нибудь из властителей Европы имеет возможность развиваться, то это он *(лат.)*.

[2] Однако в надежде — жизнь. Пока дышу — надеюсь *(лат.)*.

Кетлер

Попрошу сюда...
Присядьте у камина... у камина...

Эрик

Не подходите, господа: я волк!

Пэрсон
(привычно)

Ваше величество! Это ошибка.
Вы повелитель Швеции.

Эрик

А ты?

Пэрсон

А я ваш секретарь.

Эрик

Ты укротитель!

Пэрсон

Нет, мой король, я только секретарь.
Вас просят обогреться у камина.

Кетлер

Ваше величество, озябли? Море,
Туман и сырость... Да-да-да... Ужасно!
Позвольте ваши ножки на решетку.
Сам Зибенбюргер отливал ее.
Промокли сапоги... Совсем промокли...
Ну, как, ваше величество? Удобно?

Эрик

Вы говорите, люди, я не волк?
Так почему ж я на цепи? Глядите!
(Выпрастывает руки: они в оковах.)
О, боже мой... Какая это мука!..
(Рыдает.)
Мой братец, Иоанн Рыжебородый,
Воссел на прародительский престол,
Где и поныне. А меня — в темницу!
И вот сижу, преображенный в волка.

А все же коронованный, венчанный,
Помазанник господень я, я, я!

Пэрсон
(привычно)

Ваше величество! Это ошибка.
На троне Швеции сидите вы,
В тюрьме же и в цепях — рыжебородый
Ваш братец.

Эрик
(наивно)

А? Ты думаешь?

Пэрсон

Клянусь!

Эрик

Ну, если так... Тогда, конечно...
(Вытаскивает кисти рук из оков и кладет цепи на ручку кресла.)
Пэрсон!
Пускай зажарят кабана. А впрочем,
Пожалуй, я бы ел сейчас белугу.
(Кетлеру.)
Послушай, старичишка, не вертись.
Уйди куда-нибудь в сторонку!

Пэрсон
(поперхнувшись)

Ваше
Величество! Ведь это... это Кетлер,
Гроссмайстер ордена.

Эрик

Ах, что ты! Вот как?
Ну кто бы мог подумать? Сам гроссмайстер?
(Разглядывает обалдевшего старика в кулак, точно луну в подзорную трубу.)
Да, да. Теперь я вижу хорошо:
Вот голубые лужицы... Вот кочки...
Лишайники да мох. Платон сказал бы,

Что я увидел «первообраз» ваш.
Неважный «первообраз», доложу вам:
В идее вы — трясина. А в быту —
Болотце. И гнилое.

Кетлер

Боже правый...

Эрик

Да, да. Гнилое. В серных пузырях.
И квакаете.

Кетлер

Я схожу с ума...

Эрик

Ква-ква!

Пэрсон, принесший с собой жбан, открывает крышку и достает окутанную шерстью бутылку.

Пэрсон

Ваше величество, винцо!

Эрик
(не понимая)

Винцо...

Пэрсон

Горяченькое!

Эрик
(живо)

Дайте, дайте!
(Схватывает двумя руками кубок и затихает.)

Штаден
(объявляет)

От принца Магнуса!

Геннинг

Ну вот некстати!

Ф а р е н с б а х

Однако же придется пригласить.
Введите, Генрих!

К е т л е р

Да-да-да. Введите.

Б о р х

Заметьте: канонада прекратилась.

Входит к н я з ь О д о е в с к и й.

О д о е в с к и й

От прынца Магнуса!

К е т л е р

Прошу, прошу!

Г е н н и н г

Его преосвященство наш гроссмайстер
И я, его адъюнкт, мы очень рады
Беседовать с доверенным лицом
Его высочества.

К е т л е р

Прошу садиться.

Г е н н и н г

Его преосвященство наш гроссмайстер
И я, его адъюнкт, мы предлагаем
Русии небольшое перемирье
На основанье uti possidentis.
Как вы на это смотрите?

О д о е в с к и й

Кто? Я-то?

Г е н н и н г
(улыбаясь)

Его высочество, конечно.

О д о е в с к и й

Прынц
Ответит так, как государь велит.

А государь велит нам промышляти
Над вашим городком и взяти силой.
Коли добром не хочете.

Кетлер, безнадежно махнув рукой, снова садится к огню.

Геннинг

О витязь!
Вы сами понимаете, что нас
Принудить сдаться силой невозможно.

Одоевский

Господь поможет — и возьмем.

Геннинг

Едва ль!
Атаки мы, как видите, отбили,
Ядро и порох получаем с моря,
А против моря вы бессильны. Так?

Одоевский

Господь поможет — мы и с моря.

Фаренсбах

Вот как?

Одоевский

А это что такое тут висит?

Геннинг

Зерцало из Венеции.

Одоевский
(постукивая пальцем)

Ну, диво!
Да ведь его пристукни — и побьешь?

Геннинг

Конечно.

Одоевский

Э, у нас совсем не то!
Мы в серебро глядимся. Этак крепче,

Геннинг

Да, да, вы правы.

Одоевский ходит по залу, осматривая диковины. Геннинг, Борх и Фаренсбах идут за ним, как за ребенком, от вещи к вещи.

Борх

Но скажите, витязь:
На что у принца Магнуса расчет?
Еще две-три такие же атаки —
И вы останетесь без войска.

Одоевский
(гордо)

Мы-то?
Иван Васильич посылает нам
Ивана по прозванию «Большой»,
А с ним до черта конницы.

Фаренсбах
(вздрогнув)

Ах, вот что!

Эрик

Иван Васильич? Знаю! Русский царь.
А правду говорят, что он безумен?

Одоевский

Сам ты безумен. О! А это кто же?
Какие люди?

Геннинг

Статуи.

Одоевский

Ага!
И ничего не говорят?

Геннинг

Конечно.

Борх

А что еще вам посылает царь?

Одоевский заглядывает в глазные прорези забрал.

Одоевский

Благословенье божье посылает.

Фаренсбах

А пушки?

Одоевский

Этого хватает. Ишь ты,
Внутри-то никого. Ну и народ...
Пустую стражу ставите у входа?
Да... Недобротно все у вас, ливонцы.
Не то что на Руси. Пора сдаваться.
Я это вам по-дружески. Пора!
(Идет к выходу.)

В дверях появляется Курбский, который, увидя Одоевского, тут же скрылся за гардиной, Генрих Штаден, увлеченный сценой с Одоевским, не заметил пришельца.

Геннинг

Уходите?

Одоевский

Ага.

Борх

А перемирье?

Одоевский

Я прынцу изложу. Но только знаю,
Что ерунда. Пускай бы и хотел,
Да мы-то не допустим. Ну, прощайте!
(Уходит.)

Фаренсбах

Он глуп, как дуб.

Борх

Дурак-то он дурак,
Но он раскрыл нам силу Иоанна
Поглубже умного. Как он спокоен,
Какое в нем презрение к врагу,
Какое чувство превосходства!

Геннинг

М-да...

Штаден
(зычно)

Ливонский орден — труп!

Фаренсбах
(удивленный)

Черноголовый,
Кто вам позволил говорить?

Штаден

Нужда!
О, будьте мужественны, командор,
Умейте видеть правду!

Фаренсбах

Замолчите!

Штаден

Молчу. Но вы ответьте на вопрос:
Зачем московский государь бросает
Свою казачью конницу на Ревель?
Ведь здесь же море!

Фаренсбах

Убирайтесь вон!

Борх
(заинтересованный)

Простите, рыцарь. Говорите, латник.

Штаден

Одоевский на это намекнул.
«Коли господь поможет,— говорил он,—
Ударим с моря». Но ведь у царя
Ни шхун, ни бригов. Что же он задумал?

Довойна

Ах, черт возьми!

Пэрсон

Воистину — задача!

Борх

Так что же он задумал, Генрих Штаден?

Штаден
(усмехаясь)

Я, Генрих Штаден, только бедный воин.
Господь мне отпустил немного сметки
И ни единого экю. Что делать?
Я продаю советы, господа.
За сто червонцев я могу сказать вам,
Что думает московский государь!
За сто червонцев, господа.

Удар орудия. За ним еще два.

Эрик
(бросая в него горсть монет)

Плачу!

Штаден
(подбирая)

Здесь меньше ста...

Пэрсон

Ну, для начала хватит.

Штаден

От всей души благодарю. Итак,
Что думает ужасный московит?
Он стягивает конницу. Зачем?
Не для того же, чтобы перепрыгнуть
Чрез эти башни, господа мои.
Все ясно: неприятель ждет мороза!
По скованному льдинами заливу
Казаки атакуют Ревель с моря —
И море станет русским.

Геннинг

Боже мой!

Довойна

Ужасно!

Пэрсон

Не могу себе представить!

Геннинг

Погибнет Запад...

Кетлер
(в отчаянье)

Запад не погибнет!
Я выставлю на торосы дозоры,
Я копьями оскалю побережье,
Я буду строить турмы!

Курбский
(выходя)

Не поможет.

Кетлер

Чей это голос?

Пэрсон

Кто это?

Геннинг

Князь Курбский?

Фаренсбах

Возможно ли...

Довойна

Андрей Михалыч, вы?

Геннинг

Как вы могли решиться? К нам? Сюда?

Борх

Я ничего не понимаю...

Фаренсбах

Князь!
Ведь вы же... Вы в плену теперь!

Курбский

Сеньоры!
Ливонский орден — труп. Сей латник прав,
Зимою будем в Ревеле.

Пэрсон

Однако!

Кетлер
(взвизгнув)

Схватить его!

Курбский

Моя душа, сеньоры,
Пред господом ответит в некий час.
Я... ненавижу своего царя
(За что да почему — то дело наше).
А к вам я вот что — я пришел разведать:
Угодно ли использовать мой меч
Противу Иоанна?

Фаренсбах

О! Бесспорно!

Кетлер
(растерянно, однако с некоторой надеждой)

Садитесь, князь! Я слушаю. Садитесь.
Все, что угодно, князь. О, это чудо!
Прошу вниманья, господа!

Курбский
(глухо)

Я мог бы
Позволить вам разбить себя, сеньоры,
Под замком Невель. Десять тысяч сабель —
И я велю отбой.

Фаренсбах

Как? Десять тысяч?

Курбский

А что?

Фаренсбах

У нас их нет.

Курбский

Давайте восемь.

Фаренсбах

Не более пяти.

К у р б с к и й

Давайте пять.
Авось отступим. Опосля того,
Перебежав на вашу половину,
Возглавлю полк и двинусь на Феллин.

К е т л е р
(радостно)

О, мой Феллин... О, Эрмес...

Ф а р е н с б а х

Погодите!

К у р б с к и й

Второе: крымский хан пойдет набегом
Под самую Москву. Мое лишь слово —
И путь открыт.

Г е н н и н г

Мы спасены!

К у р б с к и й

Постойте.
Еще вам до спасенья далеко:
Держава наша до того могуча,
Что справится и с ханом. Император —
Вот кто необходим-то нам сейчас.
Германия!

К е т л е р
(уныло)

Да-да...

Г е н н и н г

Мы это знаем,
Но...

Б о р х
(резко)

Император отказал!

К у р б с к и й

Ах, вон что?
Тогда, конечно... ничего не выйдет.

И Невель мой и крымцы — чепуха,
Коли за вами нет большой державы.

Молчание.

А впротчем... Что? Сейчас...
Одно мгновенье...
Ну да... Конечно... Почему бы нет?

Кетлер
(жадно)

Я слушаю вас.

Курбский

Есть такая сила!
Кого мы с вами видим в этой зале?
Мы видим два великих государства:
Литву и Швецию. Включим сюда
Балтийскую державу трех проливов
(Мы говорим о Дании). Итак,
Я предлагаю ордену ливонцев
Ливонию меж ними *разделить*!

Кетлер

Как разделить?

Курбский

Немедля и мгновенно!

Геннинг

Но имя ордена умрет?

Курбский

Умрет.

Фаренсбах

Ну, этому не быть!

Курбский

Зато взамен
Три знамени над урною восстанут.
Какая коалиция! Сеньоры!

Довойна
(хищно)

А в этом доля истины.

Борх

Пожалуй.
Русийский варвар поскребет в затылке
И скажет: «Ну их к дьяволу!»

Пэрсон

Он прав!
Москва с Европой воевать не станет,
А мы таким путем спасаем море.

Довойна

Ну, что там море — Запад мы спасаем!

Штаден

Ах, боже мой! Да за такой совет
Я мог содрать бы целый бриг червонцев.
Вы просто гениальны, князь!

Эрик

Вниманье!
Я не всегда безумен. Пэрсон знает.
Когда я болен, снится мне кошмар,
Что будто бы я околдован братом
И в волка превращен. Когда ж очнусь
И понимаю, кто я,— все явленья,
Как шахматы, ясны передо мной.
Вы говорите: Запад и Восток.
Допустим. Но к чему сие деленье?
Какой безумец выдумал его?
Ведь солнце же не делит небосвода,
Ведь мир един! Чему вы рады? Пешки!
Тому, что вам при помощи измены
Удастся на мгновенье задержать
Движение огромного народа?
Глупцы! Не разъяряйте океана:
Он ищет водоема своего —
И прав!
(Курбскому.)
А ты, предатель, выйди вон.
Подать ему его перчатки, Пэрсон!

Пэрсон

Я слушаю.

Эрик

Подать ему перчатки!
Я, Эрик Шведский, западный король,
Приветствую восточного собрата
Ивана Русского. Виват, сеньоры!

Пэрсон
(небрежно)

Виват, ваше величество. Винца?
Горяченького, а?

Эрик

Пожалуй, выпью.

Пэрсон

А где, ваше величество, манжеты?

Эрик протягивает оковы.

Но вы их утеряете. Прошу!
(Надевает на него цепи.)

Эрик

Когда мой рыжий Ганс меня прогонит,
Я буду жить в Москве.
Ты слышишь, Пэрсон?

Пэрсон

В Москве, ваше величество, в Москве.

Курбский

А страшновато, я скажу, с безумным...

Пэрсон

В нем страшно не безумие, но ум.
Ну, господа, он стих! Мы продолжаем.
(Вынимает из рукава свернутую в трубку карту Ливонии и раскладывает на столе.)

Все кинулись на нее, как стервятники.

Кетлер

O Jesus!

Геннинг

Имя ордена умрет...
Три сотни лет! А? Или это шутка?
Ах, им-то что... Но я, я вижу вас,
Железные бродяги-пилигримы,
С изображеньем красного меча
На белом поле! Вы пришли сюда,
Когда в бору еще ревели зубры
И волки выли... Вы пришли, монахи,
Занéсенные пылью Палестины,
И принесли с собою божий гнев!
Горели избы, погибали старцы,
И женщины молили за детей...
Но вы, монахи, были непреклонны,
Как подобает тем, кто убеждает!
Описанные Тацитом туземцы,
Все эти ливы, эсты, семигалы,
Упали перед вами в прах. Несли вы
Евангелье на острие меча,
И дикари восприняли ученье!
Признали папу, дьявол побери!
А что ж теперь? И что со мною будет?
Ведь я на этом рос... Ведь это все —
Духовное мое богатство... Нет!
Не допущу!
O Dominus Magister!
Не соглашайтесь! Мы еще сильны!
У нас еще Розиттен, Кокенгаузен...

Фаренсбах

А Венден?

Геннинг

Да. А Венден? Что?

Фаренсбах

А Рига?

Довойна
(хищно)

Ну вот и хорошо. О чем же речь?
Делить-то надо что-либо.

Пэрсон

Вниманье!
Эстляндию беру себе!

Штаден

А Ревель?

Пэрсон

И Ревель. Разумеется, и Ревель.

Довойна

А я — Лифляндию.

Пэрсон

Кто это — я?

Довойна

Литва, Литва.

Пэрсон

Берите. Но — без Риги.

Довойна

Но почему же, секретарь, без Риги?
Ведь вы-то Ревель взяли.

Пэрсон

Я — король!

Довойна

Но и за мною короли.

Пэрсон

Я — швед.

Курбский

Вы позабыли Данию, однако.

Довойна

Тем лучше!

Пэрсон

Слишком много претендентов.

Курбский

О нет... Послушайте меня, сеньоры:
Не разрушайте замысла. Сей даме
Придется что-нибудь преподнести.

П э р с о н

Дадим ей остров Эзель.

Д о в о й н а
(скаредно)

Остров Эзель?

К у р б с к и й

Давайте, что хотите, но давайте,
Иначе пропадет триумвират.

Ш т а д е н

Где этот остров?

Д о в о й н а

Вот он.

Штаден в один миг вырывает его из карты.

Осторожно.

П э р с о н

Вы оторвали берег у меня!

Д о в о й н а

Да и какое дело вам до карты?
Вы кто такой?

П э р с о н

Воистину: вы кто?

Ш т а д е н

Я в Данию свезу ее, сеньоры.
Ведь кто-нибудь обязан это сделать?
Так почему не я?

Б о р х

Пускай свезет.

Звериный рев карнаев.

К у р б с к и й

Иван Большой подходит.

Фа́ренсбах

Наконец-то!

Кетлер

Вы, командор... Вы покажитесь войску!

Довойна
(Пэрсону)

Я вас прошу поговорить о Риге.

Пэрсон

О Риге? Ни за что!

Довойна

О Риге, Пэрсон!

Штаден, нежно улыбаясь, глядит на клочок карты с изображением острова Эзель. Но вдруг его лицо становится озабоченным. Он подходит к Геннингу.

Штаден

О Submagister! Мне нужна печать.

Геннинг
(сухо)

Увы, не помню, где она.

Штаден

Не важно.
Прижгите перстнем.

Геннинг

Вышел весь сургуч.

Штаден

Ах, черт возьми! Ну вот вам кровь, макайте!
(Взрезал кинжалом ладонь и подставляет Геннингу полную горсть крови.)

Геннинг обмакивает перстень и с брезгливой миной ставит герб на клочке штаденского острова.

Кетлер

Мы ждем от вас, о наш могучий рыцарь,
Что вы расправитесь и с атаманом.

Ф а р е н с б а х

О, все произойдет молниеносно!
Уж этого я захвачу живьем.

Воют карнаи. Фаренсбах становится на одно колено перед Кетлером, который благословляет его.

Ш т а д е н

Прощайте, князь!

К у р б с к и й

Куда?

Ш т а д е н

В пылу дележки
Я ухватил медвежее ушко
И вот бегу на рынок!
(Уходит.)

Д о в о й н а

Я прошу вас!
Я, секретарь, настаиваю!

П э р с о н

Нет.

Д о в о й н а

Я требую в конце концов!

П э р с о н

Довольно!

Д о в о й н а

Тиран!

П э р с о н

Приказываю замолчать!

Д о в о й н а

Не замолчу!

П э р с о н
(хватает его за грудь и трясет)

Убью вас!

Д о в о й н а

Ригу! Ригу!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Измена принца Магнуса

На дальнем плане монастырь св. Бригитты. На переднем — два шатра, голубой с белым и пурпурный. В первом — Мария и старуха Васена; во втором — Магнус и Генрих Штаден. Внизу, у костра, ратники русского воинства. Среди них изредка похаживает князь Одоевский.

В ПУРПУРНОМ ШАТРЕ

Штаден

Вы в карты, принц, играете?

Магнус

Играю.

Штаден
(достав колоду и кинув три карты на стол)

Так вот глядите: черва, бубна, треф.
Три короля! У вас четвертый. Бейте!
Ах, нет? Вот так же Иоанн Четвертый
Не сможет одолеть трех королей.
Надеюсь, ясно?

В ГОЛУБОМ ШАТРЕ

Мария

Бабушка Васена!

Васена

Чего, красавица?

Мария

Бобы-то где?

Васена

Да где ж им быть? Со мною, все со мною.
Прикинуть, что ли? Погадать?

Мария

Ну да.

Васена

На беленького?

Мария

Там теперь у принца
Какой-то немец. Вот и расскажи мне:
Про что они толкуют?

Васена

Можно, можно.
Я мигом, ясочка. Я мигом, детка.
На белого гадаем. Белый — прынец.
А рядом — черный. Этот будет немец.
Теперь гляди-ко!
(Выбрасывает бобы.)

В ПУРПУРНОМ ШАТРЕ

Штаден

Иоанн Четвертый
Ливонию вам обещал когда-то.
Но время так изменчиво. Увы!
Теперь он вам не даст и деревеньки.
Теперь Ливония за горизонтом —
Достаньте-ка ее у трех держав!
Попробуйте! Ливония для вас
Уже, ваше высочество, погибла.
Но я вам предлагаю остров Эзель.

Магнус

Вы? Мне?

Штаден

Ваше высочество, я — вам!

В ГОЛУБОМ ШАТРЕ

Мария

А это кто еще?

Васена

Да вот, касатка,
Тут желтенький бобок приворожился.

Мария

Ну, это, бабка, врешь. К чему тут желтый?
Их только двое.

В а с е н а

Вот и я смотрю:
Отколе ж третий-то?

М а р и я

Ну да. Отколе?

В а с е н а

Да вот и вся беда, что невдомек.
А ну-кося, еще поброшу.

М а р и я

Ну-кось.

В ПУРПУРНОМ ШАТРЕ

Ш т а д е н

Конечно, остров Эзель не держава.
Он даже не Ливония. Но все же.
Когда в пути околевает конь,
Мы рады и осляти.
Жаль, однако,
Что даже и ослов [1] не раздают:
Приходится их добывать.

М а г н у с

Короче?

Ш т а д е н

Нужна услуга за услугу, принц.

М а г н у с

Какая же?

Ш т а д е н

Ах, принц! Я, Генрих Штаден,
Убогий латник. Ни медяшки боле.
Но без грошей и латнику нельзя...
Господь мне отпустил немного сметки
И ни единого экю. Что делать?
Я вынужден советы продавать,
Как индульгенцию монахи.

---

[1] Игра слов: Эзель — по-немецки осел.

Магнус

Сколько?

Штаден

Не много. Сто червонцев.

Магнус
(дает ему мешок)

Получите!

Штаден

Простите, принц, я должен сосчитать.
Я, Генрих Штаден, лишь бездомный латник.
(Считает монеты.)
Господь мне отпустил... Четыре... Пять...
И ни единого... Пятнадцать... Двадцать...

В ГОЛУБОМ ШАТРЕ

Васена

Гляди теперь сама. Я без обману:
Вот белый, вот и черный. Так?

Мария

Ну, вижу.

Васена

А вот и желтенький.

Мария

Опять?

Васена

Опять.
Да что бишь я... Вот глупая какая!
Ведь косы у тебя-то белокуры,—
Ну, стало быть, бобок-то желтовинка
Ты, мать моя, и есть.

Мария

Да ну?

Васена

Ага.
Теперь вот и послушай. Белый прынец
Да черный немец об тебе толкуют.
Ну, черный-то ему и говорит:
«Отдай, говорит, Марью».
«Что ты, что ты!»
«Отдай, отдай, горбатый, не дразнися:
Добром не дашь — я саблей отыму».

Мария

Неужто, бабка?

Васена

То ли еще будет!

Мария

Ай, страсти-то какие! Ну и как же?

Васена

Ну, черный из себя продолговат,
Не то что твой. Вот белый-то и съежься:
«Что ж, говорит, пожалуй, говорит.
Авось не подеремся русской ради.
Давай червонцев да бери, поди».

Мария

Да врешь ты!

Васена
(прислушиваясь)

Тихо!

Мария
(в ужасе)

Золото считают...

Васена

И, матушка! Гаданье не соврет.
Такое ли я, ясочка, гадала,
Как молода была? Приехал как-то
О духов день, под самый понедельник...
Постой: куды ты?

Мария

Не ходи за мной!

(Выходит из своего шатра, подходит к шатру принца и прислушивается к его разговору со Штаденом.)

Штаден

(пересчитав деньги)

От всей души, сеньор, благодарю.
Итак, покуда конница казачья,
Которую подбросили из Нарвы,
Не охватила Ревеля, спешите
Скорее снять осаду. Повернувшись
Лицом к Руси, ударите на Дерпт...

Магнус

И тем попасть под саблю Иоанна?
Благодарю. Совет гроша не стоит.

Штаден

Но дело тут не в Дерпте. Эта крепость
Окажется, попавши в руки ваши,
Лишь меновою ценностью для вас:
Его вы обменяете на Эзель,
А Эзель — остров и недосягаем.

Магнус

Но кто же станет мне его менять,
И обязательно на Эзель?

Штаден

Кто?

Вы только покажите, где угодно,
Вот этот клок. Медвежее ушко.

(Дает ему карту.)

Я Дании вручить его обязан,
Что я и делаю: вы датский принц!
Законно? Юридически законно.
А кто на острове? Который брат?
Не наше дело. Только бы датчане.
Итак, смотрите: это Эзель?

Магнус

Эзель.

Штаден

Печатку узнаете?

Магнус

Узнаю.

Штаден

Ваше высочество, прошу расписку.

Магнус думает.

Ну, что же вы? Решайтесь наконец.
Я за одну лишь эзельскую карту —
И то решился кровь свою пролить,
А вам, ваше высочество, дают
Без всякого кровопролитья *остров*!

Мария
(вбегает в шатер)

Вяжи его!

Магнус

Вы... здесь?

Мария

Вяжи немедля!
Ведь он тебя прельщает на измену.
Эй, стража!

Одоевский

Го!

Мария
(выглянув из шатра)

Одоевский, сюда!

Одоевский

Бегу, бегу...
(Входит в шатер.)

Мария выразительно глядит на Магнуса.

Магнус

Схватить его!

Одоевский
(надевает кандалы)

За что бишь?

Штаден

Ах ты, горбатая гиена! Гнусь!
Ливонский побироха ты!

Одоевский уводит Штадена.

Магнус

О фрау!
Вы так прелестны в вашем милом гневе,
Что, право же, я вовсе не жалею
О разговоре с этим проходимцем.
Но вы дрожите?

Мария

Магнус...

Магнус

Дайте руки.
Я их согрею. Золотые руки.
Сияющие эти руки...

Мария

Принц!
Я за тебя неволею пошла.
Я не хотела. Государь хотел.

Магнус

Увы, я знаю!

Мария

Но коль так случилось,
То буду я верна тебе, супругу,
Как мать моя отцу, как бабка деду,
Как пращурица пращуру.

Магнус
(целуя ее руки)

Чудесно!

Мария

Но только будь ты светлым светом, Магнус,
Будь перед господом и Русью чист,

Господь тебя обидел. Это больно.
Но что уж тут! Не нам, не нам судить.
А я тебя навеки пожалею:
Я полюблю твой горбик, твой росточек,
Всего тебя, убоженьку... Но только
Будь сердцем непорочен. Будь таким,
Чтоб ангелу беседовать с тобою!
(Вздохнув.)
А я тебя боюсь. Уж так боюсь!
Не знайся ты со всякими, голубчик,
Кровиночка...

Магнус
(сухо)

Простите, дорогая.
Вы, дорогая (это мне известно),
Любили государя?

Мария
(тихо)

И люблю.

Магнус

И любите. Но разве государь
Так непорочен сердцем? Разве пытки,
Которыми он мучает бояр,
Костры все эти, виселицы, плахи,
Снискавшие ему прозванье «Грозный»,
От доброты? А кстати, дорогая:
Я много лет скрывал это от вас,
Но ваше русское высокомерье,
Изнанка вашего смиренья, фрау,
Столь оскорбительного для других,
Дает мне право наконец открыть вам:
Я получил известие однажды,
Что ваш отец казнен.

Мария

Ты это что!

Магнус
(жестко)

Князь Старицкий Владимир — *ваш отец?*

Мария сразу обессилела. Магнус наливает ей в кубок вина.

Испейте, дорогая. Не угодно?
Ну, как хотите. Да. Казнен, казнен...
(Ехидно.)
Что делать! Это больно, дорогая.
Однако же не нам судить, не нам.
Мы будем преданны! Мы будем святы!
Мы будем так чисты душой и телом,
Чтоб ангелы беседовали с нами...

Мария неподвижна. Едва ли она слышит его слова.

Но почему же я не вижу слез?
Где жалобы? Где, наконец, проклятья?
Ужели обаяние убийцы
Сильнее скорби об убитом? Дико!
Чудовищно!

Мария
(как бы пробуждаясь)

Я этого ждала...
Я чувствовала... Чуяла несчастье...
Ах, батюшка! Родименький!

Магнус

Ну вот.
Я узнаю, по крайней мере, дочь.
Но где же мстительница?

Мария
(кланяясь в пояс)

Государь мой!
Пусти меня, рабу твою, в Москву.

Магнус

Зачем это?

Мария

Могилку разыскать.

Магнус

Не нужно,

Мария

В нашей церкви-обыдёнке
Наплакаться меж ликов дорогих,
Среди икон отцовского моленья.
Пусти! Пожалуй!

Магнус
(досадливо)

Лишнее!

Мария

Там образ
Владимира Святого... А на нем
Убрусец, перстни, серьги да монетки...
Я как увижу, так отца и вспомню —
Сутуленького, шустрого такого,
Да непутевого. Пусти! Пожалуй!

Магнус

Ах, не просите, дорогая! Нет!

Мария

Там вся его душевная казна,
Вся милая крестовая святынька...
Молёная... Домашняя...

Внизу, у костров, появляется Иван Большой в шубе, что была подарена Чохову, продана Чоховым атаману и опять возвращена Чохову. На веревке, повязанной простой крестьянской петлей, атаман, точно коня, ведет за собой закованного командора святой Марии. За ними угрюмый и сильно похудевший Чохов.

Большой

Здорово!

Стража

Кого ведете, братцы?

Большой

Красна зверя.
(Чохову.)
Ты, Чохов, посиди-ко с мужиками,
А я уж к прынцу, чо ли, подойду.
(Взбирается наверх.)

Одоевский
(преграждая)

Сюда нельзя!

Большой

Кому бы и нельзя,
А коим можно.

Одоевский
(грозно)

Проходи сторонкой!

Большой

Полегше. Я, брат, конный голова.

Одоевский

А я чиноначальник стражи.

Большой
(громче)

Эва!
Да я ж казачий атаман!

Одоевский
(громче)

Я князь!

Большой
(орет)

Иван Большой!!

Одоевский
(так же)

Одоевской!!

Большой

Так, так.
Выходит, на Руси богатырю
Уж боле не житье? Ну, это шутишь!
(Фаренсбаху.)
А ну, ливонец, подержи-ка шубу.
Ребята! Помяните перед богом
Боярина Одоевского!
(Хватает его за чуб и гнет до земли.)

Одоевский
(придушенно)

Стой!
Кого ты это? Князя?

Большой

Мы и князя!

Одоевский

Одоевского?

Большой
(укоризненно)

Эх, Алмаз Данилыч!
Ты все свое. А времена не те.
Понятно ли, Алмаз Данилыч? То-то!
(Ударом колена в бок атаман сбрасывает князя вниз.)

Одоевский

О, господи...

Чохов
(подымая его)

Садися. Отдышись.
Иные нонче времена, Данилыч.
Я даве Русь-то проходил. Видал.
Совсем иные. Дайте, братцы, место.

Иван Большой смотрит сверху на Одоевского, хохочет, как гора, и наконец с Фаренсбахом на веревке входит в шатер Магнуса.

Большой

Ну, вот тебе и командор. Примай!
А я посплю чуточек.
(Валится на постель принца.)
Кони сшиблись.
Я его — раз! Он — брык. Я его — два!
Шлем — нá полы. Забрало — тоже к бесу.
(Засыпая.)
Лицо-то босо. Вижу — командор.
А я-то... Я-то росту трех сажон...
От глазу и до глазу — пядь...

Магнус

Уснул!

Фаренсбах
(смеясь)

И правда, что иные времена.
Попробовал бы он вот так разлечься
Хотя б у фон дер Борха!

Мария

Государь!
Пусти меня... Пожалуй...

Магнус
(досадливо)

Дорогая,
Ведь я уже сказал.

Мария

Ну что ж, прости.
(Кланяется ему и выходит.)

Магнус за ней.

Магнус

Одоевский!

Одоевский

Я тут.

Магнус

Где Генрих Штаден?

Штаден
(из ямы)

Я здесь, ваше высочество!

Магнус

Ко мне.
(Возвращается в шатер.)

Князь Одоевский ведет к нему Штадена. В голубом шатре старуха, увидя Марию, семенит навстречу.

В а с е н а

Ну, как? Чего такого?

М а р и я

Ничего.

В а с е н а

А все ж? Небось чего-нибудь да было?

М а р и я

Не приставай, старуха!

В а с е н а

Охо-хо!
То «помоги», а то «не приставай».
Ну что ж. Молчу.

М а р и я

Укладывай мешок.

В а с е н а

Че-го? Да нешто ехать собралися?

М а р и я

Ты любишь ли меня, бабуся?

В а с е н а

Я-то?
Как внученьку родную.

М а р и я

А тогда
Беги со мной.

В а с е н а

Да ить куды, касатка?

М а р и я

В Москву.

Васена

К царю Ивану?

Мария

Тсс... К нему!

Васена

Молчу, молчу.

(Задергивает полог шатра.)

Одоевский
(входя в шатер Магнуса)

Явился, государь мой.

Магнус
(указывая на спящего атамана)

Вяжи вот этого.

Одоевский

Его? Вязать?
(С сияющим лицом кидается на атамана и надевает на него оковы.)

Большой
(очнувшись)

Ты что?

Одоевский

Молчи, анафема!

Большой

Эй, Магнус!

Магнус

Заткнуть ему и глотку заодно!

Одоевский проделывает и это.

А этих рыцарей освободить.

Одоевский

Освободить? Вот этих?

Магнус

И быстрее!
Вы, командор, возьмете под начало
Всю конницу мою. Вам, Генрих Штаден,
Пехоту поручаю. Ты же, князь,
Осаду снимешь и пойдешь за нами:
Мы этой ночью атакуем Дерпт.

Одоевский

Да это ведь измена!

Магнус

Да? И что же?
Твой древний род был осквернен сегодня
Вот этим худородником. Я думал,
Что ты хотел бы отомстить.

Одоевский

Кому?
Царю? Руси?

Фаренсбах

Нет! Новым временам!

Одоевский

О, господи... О, боже... Эй, сюды!

Бросается к дверям, но принц датский с гибкостью, неожиданной для горбуна, вонзает ему в спину нож. Одоевский падает мертвым.

Чохов
(тревожно)

Орали вроде, а?

Третьяк

Да, вроде было...

Магнус, быстро схватив флейту, насвистывает итальянскую мелодию. Ратники успокаиваются.

Ф а р е н с б а х

Вы, кажется, играли мадригал
Джованни Санте?

Ш т а д е н

Трудная вещица.

Ф а р е н с б а х

Сам дьявол не сыграл бы лучше.

М а г н у с
(выйдя из шатра)

Гей!
Готовиться к походу! Головою
Взамен Одоевского — Чохов.

Ч о х о в
(изумленно)

Я?

Улыбаясь, Магнус задергивает полог.

Т р е т ь я к

Ну, вот тебе, Иваныч, возвышенье!

Я ш к а

Винца таперича с тебя, Иваныч.

Е л и з а р

«Иные времена»,— Большой сказал.

Ч о х о в
(горько)

Иные-то иные...

Т о м и л о

Ай да Чохов!

Ч о х о в

Костры гаси, ребята... А едушку —
Ту по мешкам...
(Присаживается к Елизару.)
Иные, говоришь?
Оно конешно. Времена иные.
Да только для кого иные, братцы?

Дворянам полегчало. А мужик
Как был обижен, так и буде.

Яшка

Чо ты!

Ждан

Да ты про что?

Чохов

Про то, что наша доля —
Сосенка-сиротинка при дороге:
Ее и стужа да ее же сушь...
Ну, вот и побежал теперь мужик
С исконных пашен, кто куды.

Яшка

Взаправду?

Чохов

Бежит он, христианская душа,
На Дон-реку, на Волгу да на Яик
За новой долей.

Третьяк

А с чего бежать-то?

Чохов

С чего бежать? Как не с чего было́,
Не покидали б ни земли, ни лесу,
Ни меду-воску.

Елизар

Да скажи ты толком!

Чохов

Какой те толк! Повыгнал государь
Бояр своих за черную измену
С отцовских вотчин.

Яшка

Ну и хорошо.

Чохов

Покуда хорошо, да слушай дальше:
Те земли государь пораздавал

Чиноначальникам, дьякам служилым
Да воинам из малого дворянству...

Третьяк

Царю видняе.

Чохов

Да, вишь, те дворянцы
От жадных глаз шугнули мужика.
Побрали животов. Понахватали
Бортей да ульев. У кого холстинка —
И ту давай. Кудель — и та сгодится.
Избавились мы от бояр-медведей,
Ан волки набежали.

Ждан

Худо, худо!

Чохов

Ходил я нынче на Руси. Видал.
Сельцо, другое, а на третьем — пустошь.
Не то что люди — домовых не сыщешь!
Церквушка без пенья́. Одни коты.

Яшка

Да врет, поди.

Томило

Не врет он!

Третьяк

Это кто?

Томило

А я, Томило, говорю: не врет.
Как наше-то Лебяжье перешло
От Старицкого к Пушкиным, их люди
И костыля не дали увезти.
Чо хошь, то делай. Я было ругаться,
Да сам как маханет — и вот он, зуб.
Оно-то, може, так. Царю видняе.
А чем же подымати новину?
Ведь не погтем-когтем? Куды ж тут ехать...

Вот я и здесь. А все четыре брата
Да кто суседи — те ушли на Дон.

Чохов

Забыл наш государь о мужике.
Побег народ.

Яшка

Чего ж таперя буде?

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Где мой язык, там родина моя

Харчевня на ничьей земле, что порою случается во время долгой войны. Здесь мужики, изредка монахи, но больше воины. Слева за столом сидят Васена и Мария, лицо которой полузакрыто темным платком. Посередине большой стол. За ним бражничают русский ратник, польский жолнеж и немецкий аркебузир. Входят новые мужики с котомками, косами и топорами. У некоторых на плече юные березки. Свалив скарб в уголке, они устраиваются на полу.

Ратник первый

Отколе, мужики?

Мужик с черной бородой
(нелюдимо)

Да всё оттуда.

Ратник первый

Ага. Понятно. А куды?

Мужик с черной бородой

Туды.

Ратник первый

Опять понятно.

Ратник второй

А пошто березы?

Старик лет девяноста

А самому и невдомек?

Ратник второй

Скажи!

Старик лет девяноста

Да ведь идем на Дон, кормилец.

Ратник второй

Вижу.

Старик лет девяноста

Ага. На Дон. А чо там за края?
Татарщина какая? Кто их знат!
Пески-пустыни али горы с бездной...
А тут березка, русская душа.
Вкопаем — вот и родина.

Ратник первый
(кивнув головой)

Копайте!

Черная борода

Хозяйка дома?

Ратник второй

За пивком ушла.
Пообождать придется, мужики.

Старик лет девяноста

Ну что же. Ето можно.

Черная борода

Ждать — так ждать.

Старик лет девяноста

Мы ждать привычны. Своего дождемси.

Ратник первый
(поет)

«Ой, как шли да кони да с во-до-пою,
Ой, как шли да кони с водопою...»

Все

«Золотистый жеребенок с маткою гнедою,
Золотистый жеребенок с маткою гнедою...»

Ратник первый

«А за ним сосунок по-ра-нён-ный,
А за ним сосунок поранённый...»

Все

«Во ногайской во степи да полоненный,
Во ногайской во степи да полоненный...»

Ратник первый

«Ён, милок, голосил ко-ро-тéнь-ко...
Ён, милок, голосил коротéнько...»

Все

«Молодой, вороной, молоденький,
Молодой, вороной, молоденький...»

Ратник первый
(рыдая)

«Где ж ты, мамко моя, где ж ты, мамко?
Где ты, мамко моя, где ты, мамко?»

Все

«Покидала дитя спозаранку,
Покидала дитя спозаранку...»

Васена
(вдруг)

«Ой ты, дитятыко, ты ро-жó-но,
Ой ты, дитятыко, ты рожóно...»

Все

«Не брани ты меня, поражену,
Не брани ты меня, поражену...»

Васена

«Не приду я к тебе, сын-ку, впрос-те,
Не приду я к тебе, сынку, впросте...»

Все

«На кургане мои тлеют кости,
На кургане мои тлеют кости...»

Входит хозяйка. Она молода, цветуща и в теле. Роду-племени ее уразуметь невозможно: она стрекочет на всех языках. За ней мужик вкатывает бочонок.

Ратник первый
(который только что плакал)

Сюды, хозяйка!

Ратник второй

Врешь, давай сюды!

Ратник первый

А мы первей!

Ратник второй

Помалкивай, убогой.

Ратник первый

Ты сам помалкивай, не то гляди!

Ратник второй
(вскакивая)

А что?

Ратник первый
(навстречу)

А то!

Ратник второй

А что «а то»?

Хозяйка

Панове!
Ну что за петухи такие? Срам!
Всем хватит! За́раз, пане! Bitte, bitte!
Пивца тебе, медку тебе!

Латник

Эй, браги!

Хозяйка

Несу, несу!

Ратник третий

А мне подай вина!

Хозяйка

Да вот вина-то я не накурила.

Ратник третий

Вина, я говорю!

Хозяйка

Да нету, пане!
И бардзо рада бы...

Ратник третий

Вина! Убью!

Хозяйка
(ласково)

Ах ты, ледащий! Ах ты, непутевый!
Ну, вот тебе вина!
(Жарко целует его в губы.)

Голоса

— А я?
— А мне?

Хохот. Ее хватают за юбку. Она со смехом вырывается.

Васена
(Марии)

Да не смотри на них. Еще приметят.
И без того один какой-то коршун
Дивится на красу твою.

Входит Иван Большой. На руках его железные оковы с обрывками цепей. За ним Чохов, Ждан, Томило и Яшка.

Большой

Хозяйка!
Вина аль пива!
(Подходит к главному столу. Говорит небрежно, с легкой издевкой.)
Нуте-ко, бояре,
Айда отселе!

Ратник первый
(ехидно)

Ух ты!

Аркебузир

Wer ist das? [1]

---

[1] Кто это? *(нем.)*

Жолнеж

Я цо-то пана в бóю не видзялэм [1].

Большой

Как свистнет брусь, то и увидишь Русь.
Эхма!
(Ударом кулака валит всю разномастную братию одного на другого.)

Стукаясь шлемами друг о друга, воины летят на пол.

Ратник первый
(с полу)

Ну, так бы сразу и сказал!

Аркебузир

О, das ist etwas! [2]

Жолнеж

Ходзьмы, хлопцы, ходзьмы! [3]

Поднимают друг друга и рассаживаются за другими столами.

Большой
(вежливо)

Ну вот, спасибо, молодцы, спасибо!
Уважили! Садися, братцы, выпьем!
Хозяйка, гей!

Хозяйка

Мгновенье, кавалер...

Чохов
(продолжая беседу)

Когда плывет в изложницу металл,
Засыпь в него сперва медвежьи когти,
Бирючьи зубы да бычачий рог —
С того пойдут по лаве пузыри
И придадут ей лихость боевую.
Орлиных перьев надобно подкинуть —
С того оружье легкость обретет.

---

[1] Я что-то не видел пана в бою *(польск.)*.
[2] О, это нечто! *(нем.)*
[3] Пошли, хлопцы, пошли! *(польск.)*

А под конец забрось его венками!
Тут все сгодится: полынок седой,
Кровавая татарка ли, душица.
Косматики-мохнатки, трын-трава,
Овсюг, иван-да-марья — что придется.
Курение травинок даст узор,
Что прозывается «булатным шелком».
Ковать же саблю нужно при луне —
Луна дает сверкание булату!
Когда же сталь протянута довольно
И только пламенеет добела,
Возьми за рукоять — да на коня,
Да в чисто поле, чтобы остывала
Под лютым свистом. Тут тогда тихонько
Пробормочи над саблей заговор:

«Коготь! Зуб! Рог!
Режь поперек!
Воду ли! Меч ли!
Голову с плеч ли!
Прах. Дым.
Урбаш. Бардадым...
Слово мое крепко!»

Ну вот и вся премудрость.

Ждан

(со вздохом)

Нет, Андрюха,
Не одолею этого.

Томило

Андрей!
Пошел бы с Яшкой да со мной за Камень;
У Строгановых зажили бы знатно:
Им пушкари нужны, брат, знаешь как!

Яшка

И вправду, Чохов!

Чохов

Нет уж, я к царю уж.

Томило

А говорил, что жаль-де мужика,
Что царь-де позабыл нас, ну и всяко...
А сам к царю?

Чохов

Чо говорил, то правда.
Не сладко жить при грозном государе.
Да ить куды пойдешь? Небось не к немцу?
Где мой язык, там родина моя.
Где царь мой, там и Русь. Опять же поп
Говаривал, бывало, в воскресенье:
«Несть власти аще не от бога...» То-то.
Нет, я уж... Я к царю...

Черный монах поднимается из-за столика и подходит к Марии. Из-под сутаны блеснула серебряная кольчуга. Это Курбский.

Курбский

Мария! Ты?

Мария

О, господи... Андрей Михалыч?

Курбский

Тише!

Мария

Откуда ты?

Курбский

Из Дерпта.

Мария

На Москву?

Курбский
(усмехаясь)

Ну, не совсем. Скорее на Варшаву.

Мария

Послом каким?

Курбский

Да, да! Послом, послом!
Ты обо мне не это... Не слыхала?

Мария

Да кто мне скажет? Я ведь одинока.

Курбский

Не знаешь, кем я нынче прихожусь
Царю, да и Руси?

Мария

А что? Не знаю.

Курбский

Ну и не надо знать тебе, Мария.
(Задумывается.)
Слыхал я о большом твоем несчастье.
Поплакал я о нем. Свечу светил.
Душевный человек был князь Владимир.
Когда бы он сидел па тропе — Русь
Жила бы да цвела во благолепье,
А наш-то сыроядец возмечтал
О море-окияне! Сей антихрист
Заместо церкви поклонился морю,
Как идолу язычества. Он душит
Отечество огромною горой
Неудобоподъемлемых декретов.
Воззрясь на зверское сие царенье,
Господь его наказывал не раз:
То первенец в корытце утонул,
То померла царица...

Мария
(грустно)

Тетя Настя...

Курбский

Познал он пятигорскую княжну —
Преставилась и эта. По ночам
Не спит он, окруженный мертвецами:
Лобанов, Шереметев, Бутурлин,

Курлятев, твой отец... Но он не внемлет!
Он бредит морем. Он стремится к морю!
Окутан рясой, вечно в полумраке,
Как будто по-рублевски писан дымом,
На черном черный — он почти невидим:
Остались от него одни глаза.
И молит бога, и взывает к духам,
И носит рядом корень да распятье,
Но все же, точно ветер, рвется к морю,
Шагая через дружбу и любовь!
Ведь он любил тебя, Мария.

М а р и я

Правда?

К у р б с к и й

Любил! Я знаю. И меня любил.

К их столику молча подходит другой монах. Это М у с т а ф а-м у р з а.

Что? Все уже готово?

М у с т а ф а

Кони ждут.

К у р б с к и й

Сейчас поедем. Да... И нас обоих
Он вырвал из души и кинул в море.

М а р и я

Так он несчастлив?

К у р б с к и й

Тяжело несчастлив.
Ну, будь здоровой! Не жури меня,
Когда худое обо мне узнаешь.
Прощай. Дай поцелую.

М а р и я

Нет... Не нужно.

К у р б с к и й

Я друг тебе, Мария.

М а р и я

Знаю, кто ты.

Васена

Поди, поди! Господь тебе судья.

Курбский
(гордо)

Господь? А что ж! И правду, что господь.
Иного нет судьи на белом свете
Меж мною да Иваном. Ну, прости.
Прощай, Васена.
(Встает.)
Вы куда? Под Ревель?

Мария

Мы на Москву.

Курбский

Зачем? Мария! Что ты!

Мария

Я, княже, государя не боюсь.

Курбский

Тут дело не в боязни... Ах, не езди!
Ну, как тебе все это разъяснить?
Не езди... Он сейчас лицом к лицу
С большою думой о своей судьбе.
Он проиграл, Мария. Понимаешь?
Поставил на кон жизнь — и проиграл.
Его столица сожжена.

Мария
(пораженная)

Москва?!

Мустафа

Татарами, татарами. Давно уж.
Пойдем, Андрей, пойдем!

Курбский

Сейчас пойдем.
Его столица сожжена. Крестьяне
Бегут на Дико Поле. А Европа
Готовит громовой по нем удар.
Он это знает. Знает, что погиб,

Что вся его династия исчезнет,
Что все завоеванья отберут.
(Пьянея от торжества.)
Какое отомщенье, а? Ведь это
Страшнее дыбы, плахи и костра,
Мучительнее обдиранья кожи!
А главное — ни друга, ни подруги,
И вдруг приедешь ты! Его любовь!
Тоска его земная... Ах, не езди!
Во имя памяти отца, Мария...
Прошу тебя...

Мустафа

Омар Хайям сказал:
«Словоохотливый мулла подобен
Кувшину с перебитым днищем: оба
Журчат себе, а пользы никакой».

Васена

Вот и ступай, коли журчишь.

Курбский
(значительно)

Не езди.

Васена

Ох... Нет страшней врага, чем бывший друг!

Мужчины идут к выходу. Курбский впереди. Мустафа-мурза вслед. Вдруг из-за столика у самой двери поднимается латник, сидевший все время спиной к залу, и преграждает Мустафе путь. Это Генрих Штаден.

Штаден

Я вас узнал: вы Мустафа.

Мустафа
(нетерпеливо)

Кэт, кэт! [1]

Штаден

А с вами Курбский. Знаменитый Курбский,

---

[1] Прочь, прочь! *(тат.)*

Мустафа

Тебе какое дело?

Штаден
(представляясь)

Генрих Штаден.
Бездомный латник.

Мустафа

Мне какое дело?

Штаден

Сейчас я крикну ваши имена —
И эти вот казаки...

Мустафа

Тсс... Ни слова!

Штаден

О, я молчу!

Мустафа

В чем дело, друг?

Штаден

Я беден.

Мустафа

Ага! Ну, ну! Возьми себе.

Штаден

Но честен.
Я ничего нигде не вымогал!

Мустафа

Прекрасно, друг!

Штаден

Тем более... гроши!
Я продаю лишь саблю да советы.

Мустафа

Ну, сабель, видишь, полная харчевня,
Советы ж я даю и сам.

Штаден

Сеньор!
Вы едете к полякам. В Польше распря:
По смерти короля на польский трон
Султан желает Стефана Баторья,
Вассала своего из Семиградья;
Но Швеция стремится посадить
Сестру покойного, принцессу Анну.
Как вы решите этот спор?

Мустафа

Кто? Я?

Штаден

Ведь вы, мурза, как представитель Крыма,
Обязаны султана поддержать.
Но ведь нельзя и Швецию обидеть,
Иначе там рассорятся с султаном.

Мустафа
(озадаченно)

Ты прав, улан! [1]

Курбский
(появляется в дверях)

Я жду!

Мустафа

Сейчас, сейчас...

Курбский снова исчезает.

Ну, ну? И что же делать?

Штаден
(протягивая руку)

Сто червонцев.

Мустафа

С ума сошел ты!

Штаден

Я бездомный латник.

---

[1] Улан — юноша *(тат.)*.

Мустафа

Как можно даже высказать такое?

Штаден

Господь мне отпустил немного сметки
И ни единого экю...

Мустафа
(показывая палец)

Один!

Штаден

Еще, майн либхен, девяносто девять.

Мустафа

Два!

Штаден

Девяносто восемь. Крымский хан
За это даст вам тысячу! Султан же,
Пожалуй, вдвое! Ну, а сам Баторий
Отвалит целых десять.

Мустафа
(у которого глаза заблестели от жадности)

Латник-джан!
Возьми хотя бы половину.

Штаден

Нет!

Мустафа

Три четверти возьми. Будь человеком!
Ведь я тебе червонцы дам сейчас,
А мне, улан, они дадут не скоро.

Штаден

Не важно, liблинг! Ваш Хафиз сказал:
«Рискни грошом,
чтоб выиграть рейхсталер!»

Мустафа

Хафиз такого не сказал.

Ш т а д е н

Возможно,
Ну, значит, это Штаден произнес.

М у с т а ф а

Ай-ай, какой расход!.. Ну, говори!

Ш т а д е н

А где монеты?

М у с т а ф а

Вот они. Не видишь?

Ш т а д е н

Давайте же!

М у с т а ф а

Но ты скажи сначала.

Ш т а д е н

Нет, нет! Сначала дайте.

М у с т а ф а
(сокрушенно подавая мешок)

Тце-тце-тце!

Ш т а д е н

От всей души, сеньор, благодарю!
Итак, чтобы решить вопрос о том,
Кому престол — Баторью или Анне...

М у с т а ф а
(нетерпеливо)

Ну-ну-ну-ну?

Ш т а д е н

Необходимо только...

М у с т а ф а

Ага-ага?

Ш т а д е н

Их поженить!

Мустафа

Чего?
Да-да! Конечно! Спаровать! Конечно!
Как я об этом не подумал сам?
Как я не догадался? Ай-ай-ай...
(Прикасается ребром ладони к руке Штадена.)
Алла разу бо [1], сын!

Курбский
(снова появляясь)

Сосед!

Мустафа

Иду!
(Уходит с Курбским.)

Мария

Пойдем, Васена!

Васена

Ясочка, послушай...

Мария

Я знаю, что ты думаешь сказать,
Но все же я поеду.

Васена

Маша! Краля!
Ведь князь-то... Он жалеючи сказал...
Ведь государь и опалиться может,
Коль бешенствует этак.

Мария
(собираясь)

Едем, едем!

Васена

Добро бы спешка. А куды спешить?
Могилки не убудет. Церква дома.

---

[1] Благодарю *(тат.)*.

М а р и я
(уходя)

Не отставай, бабуся!

В а с е н а
(семеня за ней)

Охо-хо...
Уж я смекаю... Бабку не обманешь.
Не об отце ты, ясочка, тоскуешь.
Не об отце...

Уходят.

Ш т а д е н
(подходя к столу Ивана Большого)

А вот и я, друзья!

Б о л ь ш о й

А это что еще за образина?

Я ш к а

Ба!

Т о м и л о

Это ж немец!

Ж д а н

Голова пехоты!

Б о л ь ш о й

А ну, проваливай отселе! Живо!

Ш т а д е н
(садясь за стол)

Хозяйка, меду!

Б о л ь ш о й

Я кому сказал?!

Х о з я й к а

А сколько пану кружек?

Ш т а д е н

Всем по кружке!

Большой

Уйди, немчин, я говорю. Поня́л?
Час не ровён — убью и не замечу.

Штаден

За что меня? Ведь я у вас не пленный.
Я так же, как и вы, ушел от принца,
Хоть и в почете был я у него.

Томило

И верно, атаман.

Яшка

Опять же мед!
Пошто нам кукситься на угощенье?

Большой

Вот то-то, Яшка. Ты за даровщинку
Отца и мать отдашь. «Богатыри»!

Хозяйка подает кружки.

Штаден

Друзья! Прошу! За здравье Иоанна!
(Пьет вместе с Яшкой, Жданом и Томилой.)

Чохов не притронулся к кружке. Иван отшвырнул свою на пол.

Чохов
(кротко)

Советы продавать пришел?

Штаден

Не скрою.
Ваш государь велик...

Большой

Поди ты прочь!

Штаден

Но я ж не с вами говорю, казак,
Зачем же злиться?
Воины Руси!
Угодно ли вам выслушать меня?

Еще по кружке, либхен!
Государь ваш,
Как я уже сказал, велик. И очень.
Но вот вопрос: где воины у вас?
Дворяне — те стоят. Но мужики
Бегут, как видите, на Дон и Волгу,
А ваша пехтура из мужиков!
Из них же у дворян оруженосцы
Да коноводы. А случись беда —
И сами скачут всадниками в бой.
Так где же ваши рати боевые,
Что вам заменят павших?

Чохов
(угрюмо)

Ну?

Штаден

Их нет!
Меж тем на польский трон восходит некто
Баторий, кондотьер из Семиградья.
Блестящий полководец, господа!
Блестящий, повторяю.
О конечно,
Когда бы Иоанн располагал
Крестьянской силой... Но ведь вот и Яков
И вы, друзья, уйдете на Сибирь?

Томило
(глухо)

Уйдем!

Штаден

А как беду предотвратить?
Венгерец родом и католик верой,
Баторий этот — ставленник султана.
А это значит: под его знамена
Пойдут поляки, турки и литовцы,
Татары и мадьяры, господа!
О, это воинство!

Яшка

И чо жа делать?

Томило

Мы, так и быть, в Сибирь уж не пойдем.
А? Яшка?

Яшка

Не пойдем!

Штаден

Ну, а другие?

Ждан

Так чо жа делать-то?

Штаден
(небрежно)

Я... Генрих Штаден...
Бездомный латничек... Немного сметки...
И ни единого... Ну, словом, сто!

Пошептавшись с мужиками, Чохов собирает в пивную кружку, кто сколько может. Иван Большой глядит хмуро.

Чохов

А ты-то?

Большой

Шиш!

Чохов

Ага... Я, видишь, ето...
Вторые три рубли-то, что за шубу,
Уже тово...

Большой

Ну, пропил. Знаю.

Чохов
(кротко)

Пропил.
Однако же в Москву когда прибудем,
Да царь ту шубу вновя мне прикажет,
Ведь я ж ее опять тебе продам.

Большой

Ну!

Чохов

За три?

Б о л ь ш о й

За три.

Ч о х о в

Дык вот эти деньги
Ты мне сейчас пожалуй.

Б о л ь ш о й

Ишь ты! Ласый!

Ч о х о в

Да ить для бога, атаман, для бога.

Атаман бросает в кружку три рубля. Потряхивая серебром, Чохов подносит кружку Штадену.

На-к!

Ш т а д е н

Это что еще за мелочь?

Ч о х о в

Восемь.
Чего собрали, то и вот...

Ш т а д е н
(презрительно)

Мужланы!
(Плеснул из кружки денежки в лицо Чохову и пошел к двери.)

Чохов глядит кротко.

Б о л ь ш о й

Вернися!

Ш т а д е н
(подняв брови)

Что?!

Б о л ь ш о й

Вернися, говорю!

Ш т а д е н

С кем разговариваешь?

Большой

Подь сюды!

Штаден
(надменно)

Сам подойдешь, коли тебе я нужен.

Атаман поднимается во весь свой огромный рост и подходит к латнику.

Большой

В бору обычай прост. Лисица — зайца,
Бирюк — лису, медведь же — бирюка.
Я есть медведь. А ты-то лис ли, волк ли,
Да верх-то мой. Понял?

Штаден

Не очень.

Большой
(рявкнув)

Шкуру!

Штаден

Какую шкуру? Мех у нас не носят...
Тем более пехота... И весною...

Большой

Твою, твою-то шкуру! Я ить вижу,
В чем у тебя душонка!
(Подставляет шлем.)
Сыпь сюды.

Штаден
(оробев)

Я вас не понимаю...

Большой

До копья.

Вздохнув, Штаден достал мешок и стал высыпать в шлем золото.

Штаден

Червонцы... Боже... Красные червонцы...
В них звон подковки польского коня,

И жар очей цыганок именитых,
И отблеск ризы, да́рующей мне
Прощение за царственную плату.
И это все я упускаю... Все!
Коня, любовь и вечное спасенье.
Нет, я с ума сойду!

Большой

Давай второй.

Штаден

Но тут же королевские. Поверьте,
Они... они мне дороги, как память...
Ведь это Эрик!

Большой

Сыпь!

Штаден
(со вздохом)

Не понимает.
(Высыпает золото из второго мешка.)
Рейхсталеры, и гульдены, и кроны...
Германский мир!

Большой

Еще!

Штаден

Да все как будто.

Большой

За пазухой пошарь.

Штаден

Ах да! Простите!
Подарок Мустафы. Ну, это сор.
Тут польский злот и русская полушка,
С турецкою курушей датский ёрик.
Какое-то собранье подаяний.
Ничтожный человек!
(Высыпает.)
Итак, я нищ!
Однако вот что: вы теперь богаты.

Теперь вполне вы можете платить
По сотне за совет, не правда ль?
Впрочем,
Из бедности возьму я половину.
Угодно, атаман?

Большой

Ступай, ступай!
Наш государь придумает задаром.
Уж не глупей тебя.
(Воинам.)
А ну, орлы!
Давай-ко налетайте на жаровню.
Хватай, да не ожгися.

Жолнеж
(изумленно)

Матка боска!

Аркебузир
A? Ist das möglich? [1]

Ратник первый
(ошалело)

Братцы! Караул!
(Бросается к шлему.)

Вся харчевня за ним. Вокруг атамана возня. Атаман хохочет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Завещание

Колокольня одного из монастырей по пути из Литвы на Русь. Огромный, тысячепудовый колокол с подголосками обагрен отсветами пожара, объявшего даль. Это горит русская крепость Сокол, разбитая войсками Батория. Иоанн Грозный в рясе и скуфье глядит на зарево. Борис Годунов стоит поодаль, как тень царя. Какие-то черные птицы то и дело влетают в колокольню и вылетают из нее.

---

[1] Возможно ли это? *(нем.)*

Царь

Татары, да поляки, да валахи,
Да немцы всяческие, да литва...
Примчались людны, конны и оружны —
И ядра воют, и мечи пылают,
И галки свои речи говорят...

Молчание.

В чем я ошибся? Что переменить?
Не выкликать же колдовством из праха
Мятежную боярщину? Не звать же
Лисицу Курбского на русский трон?
«Бесславье ум наш делает ничтожным,
А слава — глуповатым. Но бесславье,
Когда оно сменяет нашу славу,
Есть истинная мудрость» [1].
Где ж она?
Где эта мудрость? Отчего не вижу
Былого своего неразуменья?
Дрожа перед могуществом Руси,
Но и страшася выйти баш на баш,
Татары, да поляки, да валахи
Подъялись, ополчашася истошно,
Чтоб воздуху Москве бы не давать,
Чтоб оторвать от моря... В сей беде
Я неповинен. Бог-то сердцу зритель!
Валахи, да поляки, да татары...
А я, как ведьма, над пожаром вьюся.
А я один?
(Годунову.)
Ты что притих, Борис?

Годунов

Мне боязно, Васильич.

Царь

Врешь, собака!
Ты радуешься. А? Ты сам татарин!
Твой предок Четь. Мурза татарский Четь.
Молчи, шайтан ты этакий... Антихрист...

Годунов горько вздыхает. Грозный посматривает на него искоса.

---

[1] Екклезиаст.

Не плачь, Бориска. Люб ты мне, Бориска,
Да и кого мне нынче и любить-то?
О, господи, о, боже...

Годунов

Государь!
Не убивайся, сокол. Князь Андрей
Смышлен, да не умен.

Царь

Молчи!

Годунов

Твой Курбский
Не понял ни тебя, ни нас, ни Русь.

Царь
(свирепея)

Молчи! Не смеешь! Недостоин! Червь!
Алкивиад вот так же поступил!

Годунов

Прости. Я по злобé.

Царь

Алкивиад...
Вот так же...

Годунов

Зря лютуешь, государь.
Я Курбского не обижал. К чему?
Какая мне корысть? Его теперь
Ничем уже пожаловать не можешь.
Вот только... назовешь Алкивиадом.
Да мне-то что?

Царь
(задумавшись)

Бывало, сядем вместе
В моем книгохранилище. Раскроем
«Большую книгу чертежа». Глядим
И тычем в карту писчиком гусиным:
Тык — Астрахань за нами, тык — и Нарва,

А нет — так в баньку сходим. Ох, любил я
Ходить с Андреем в баньку. Выйдешь сиз,
Прихлебываешь ледяного квасу
И говоришь, и говоришь такое,
Чего попу не скажешь на духу.
А с кем теперь прикажешь поделиться?
Ведь не с тобой?

Годунов

А я полжизни б отдал,
Чтоб ты со мной вот так-то говорил!

Царь

Ну где тебе!
(Прилег грудью на перила колокольни и снова глядит на пожар.)
Ты что сказал о Курбском?
«Смышлен, да не умен»?

Годунов

Я по злобе́.

Царь

Нет, он умен. Высокодумен даже.
Но мудрости лишен. Вот в чем беда!
Мужи совета этакого складу
Готовы сделать родину несчастной,
Коли не хочет стать она счастливой
По их указке.

Годунов

Непонятно что-то.

Молчание.

Царь

«Смышлен, да не умен»... А я? Умен?

Годунов

Велик ты, государь!

Царь
(страстно)

Так почему же,
Понявши Русь, я мужика не понял?
Где рыболовы, да и зверобои?
Бобровники, оброчники, ратаи,
Всех благ и благоденствий главизна?
Ушел мужик из царства моего,
Как из-под корабля вода уходит...
Чего ж достиг я всем своим умом,
Своим витийством и своим писаньем?
Что из того, что ведаю чертеж?
Что козмография для нас не тайна?
Ушел мужик — и вот я духом нищ.
Бескрыл. Извержен. Обагрен пожаром.

(Устало прислонился к стене. В глаза ему бросилась выбитая на обводе колокола надпись. Читает.)

«Сей колоколъ на девять сотенъ пудъ
Отлилъ во славу Дѣвы Пресвятыя
Литейный мастеръ Чоховъ».
Здравствуй, Чохов!

(Печально и ласково кладет ладонь на литую боковину колокола.)

Уж, кажется, к тебе ли, чудаку,
Я был не доброхотен и приветлив?
Пошто же ты за принцем отошел?
Пошто и ты свое святое сердце
Предательством унизил?

Голос Чохова

Это я-то?

Годунов

О, господи...

Чохов
(вылезая из двери)

Здорово, государь!
Ай не узнал?

Царь

Виденье...

Чохов

Мы — виденье?
Дотронься, коль не брезгуешь.

Годунов
(ощупав его)

Он, он!

Чохов
(хихикая)

Постой... Не щекоти ты...

Годунов

Чохов, Чохов!
Вот видишь, государь! Ведь это знак:
Один Андрей ушел — другой явился.
Бог милостив!

Чохов
(сокрушенно глядя на колокол)

Заплесневел, счернел.
Эге... Да ты без языка, родимец.

Царь

А где же шуба-то?

Чохов
(оглянувшись на дверцу)

А вот и шуба!

На колокольню вылезает атаман.

Царь

Иван Большой?

Большой

Я, государь!

Царь

Бесценный!
Бесценный мой Иванушко!

Чохов

А я?

Царь

И ты, и ты бесценный.

Годунов

Жив-здоров?

Большой

А что нам деется? Была бы сабля,
Да конь, да государя милость! Я вот
Привел пятьсот наездников с собою,
Да каждый всадник о́двуконь в заводе,
Выходит, значит, тыщи полторы.
Да Чохов за собою волокет
Пяток нарядов пушек.

Годунов

Государь!
Слыхал богатыря? Давай дык биться!
Москва стоит, покуда Псков стоит.
Приказывай же!

Царь
(глухо)

Говори, что делать.

Годунов

Вели ты князю Шуйскому сказать,
Чтобы держался Пскова, что иконы,
И живу не сдавался. А Иван
Казаков посвистит по куреням
Да с ними на Батория нагрянет.

Большой

Нагряну, государь. Уж будь покоен!
Как сокол на ворон!

Чохов

Ивашка сладит.

Годунов
(атаману)

Гуляй-город на них ты покати.
Да восемь пушек двинем из Печоры.
Ну, и придется тысячу стрельцов
Сымать из войска, что стояло степью
Под крымского Девлета, а?

Большой

Придется.

Годунов

Ты сам-то как считаешь?

Большой

Дай-то бог.

Годунов

Да я-то дело говорю, казак?

Большой

Дык дело, дело!

Годунов

Враг уж больно страшен.
И множество его. Ну ладно, друг.
Иди и делай все, что будет нужно.
Не жди теперь указа.
(Тихо.)
Видишь сам:
Не прежний государь, брат, у тебя...

Большой
(вздохнув)

Куды уж...

Годунов

На! Возьми вот этот крест.
(Снимает с себя серебряный с чернью крест и надевает на атамана.)

Большой

Ой, что ты... Как же это... Разве ж можно...

Годунов

Распоряжайся именем царя,
Как бы большой царевою печатью.
Не грабить. Не гулять. Казни, да помни,

Что сабля не железка, но святыня!
Ступай же, милый!
(Величественно, с осанкой будущего царя, целует атамана в лоб.)

Иван Большой поворачивается к Иоанну. Грозный глядит на него задумчиво.

Большой
(упоенно)

Сударь государь!
Я что? Я птица дикая... Да нет!
У той гнездо и детки. Я дичее.
Черт... Не гожуся говорить... Эхма!
За этот крест... Да я... Ну, бусурманы,
Дрожите — русский богатырь идет!
(Уходит.)

Чохов

Дозволь и мне пойти, Иван Васильев!

Царь

Нет, Чохов, погоди. С тобою, Чохов,
Великая беседа у меня.
Садись ко мне.
(Садится на скамью.)
Спасибо, Годунов!

Годунов

Да что ты, право, государь...

Царь

Спасибо.
Благодарю за царственное слово,
Что произнес ты вслух. Да за словцо,
Что молвил потихоньку.

Годунов
(вздрогнув)

Слышал?

Царь

Слышал.

Годунов

Я для тебя его-то и сказал.

Грозный глядит на него пронзительно.

Царь

Ты дьявол. Я давно сие приметил.

Молчание.

Ну, вот что. Приказания твои
Зело разумны, да... жидки маленько.
Тут надобно слукавить, Годунов.

Годунов

Скажи — исполню.

Царь

Здесь, в монастырьке,
Сидит Антоний, папский нунций.

Годунов

Так.

Царь

Поди к нему-де под благословенье
И нашепчи, что вот, мол, русский царь
Замыслил было поменяти веру,
Да некогда: Баторий не велит.
Воюет и воюет. Что, мол, делать?
Пускай бы папа господа-то ради
Попридержал Батория немного,
А я тем часом выиграю время.
Скажи?

Годунов
(усмехаясь)

Ох, и велик ты, государь!

Царь
(Чохову)

Так вот, литейщик, я и говорю:
За все полсотни лет житья-бытья
Я видел Русь в боярах и дворянах,
Но позабыл о мужике. А впрочем,
Не то что позабыл — не брал в понятье.
Он был передо мною, как природа:
Что речка, что березка, что мужик.
Из речки — воду. Из березы — клею.
Из мужика...

Чохов

И дух и тело!

Царь
(страстно)

Чохов!
Но что же мог я? Не сажать же впрямь
Березу в думу? Так уж свет стоит,
Чтоб мужику возиться в черноземе.
На зверя хаживать. Кормить боярство.
А как иначе? А иначе как?
Так бог устроил. А уж я-то... Что ж...
Умней себя не будешь. Верно, Чохов?
Скажи?

Чохов

Куды уж мне-то, государь!
В тебе, брат государь, ума палата,
А вон как маешься.

Царь

Тогда скажи мне:
Вон Магнус обозлился на меня,
Да и отъехал в Данию. Вон Курбский
Отъехал на Литву. Ну, а мужик?
С кем поведется? С ханом? С королем?
Как думаешь, литец?

Чохов
(смеясь)

Эх, государик!
Умен, умен, однако же и глуп.
Мужик тебе не Курбский! Курбский чо?
Что этакому Русь-то? Вот — рубаха!
А мужику-то — шкура.

Царь
(с надеждой)

Так. Выходит,
Мужик за рубежи не отойдет?

Чохов

Ни в жисть не отойдет, Иван Васильев!

Царь

Ой ли?

Чохов

Да вот те крест!

Царь

Ох, хорошо-то...
Как будто ветер сиверко повеял
И освежил мне душу... Верно, Чохов!
Мужик — не Курбский. Шкура — не рубаха.
И не бывало на Руси такого,
Чтоб русский онемечился. Ведь так?

Чохов

Скорее солнце с западу восстанет!

Царь

Голубчик мой... Андреюшко...
(Обнимает его, целует в голову. И вдруг, не выпуская Чохова из своих объятий, задумывается.)
Однако...
Ведь если от мужицкой сей обиды
Моей державе не грозит беда,
Тогда не грех бы вот о чем помыслить:
Нельзя ли
мужика-то
гулевого
За вотчиной... указом закрепить?
А? Годунов!
Чтобы сидел он крепко,
От вотчинника убегать не чаял,
Но истово на оного трудился,
Кто где приписан?

Чохов
(упавшим голосом)

Это вроде на́ цепь?

Царь

Иначе все дела в расстройство при́дут,
А немец нас, как четки, проберет.

Из дверцы на колокольню всходит Мария.

Годунов

Ба! Господи... Никак, Мария!

Царь

Маша?

Годунов

Пойдем-ка, Чохов. Живо!
(Уводит его.)

Царь

Боже мой!
Мария! Доченька моя, Мария,
Голубонька моя... Как добралась?
Да и откуда? В этакую пору.
Видала зарево? Да ты садись.
Пришла-таки... Почуяла, что мне
Уж так-то душно... так-то безысходно...
(Падает перед ней и зарывает лицо в ее колени.)
Как ты тогда уехала при муже,
Я твой следок ладонями из грязи —
Да и в лебяжий пух, а этот в кубок
И за икону!

Мария

Господи, помилуй...

Царь

Ознобушка моя... Моя отрада...
Теперь мы вместе. Мы не разлучимся.
Ведь правда? Маша! А?

Мария

Как ты измучен!
И вправду говорят, что от тебя
Одни глаза осталися.

Царь

Мария!
Я давеча спросил тебя...

Мария

Измучен...
Знать, не легко тебе...

Царь

Да, да.

Мария

...казнить
Двоюродных-то братьев.

Царь
(отпрянув)

Что?! Ты... знаешь?

Мария глядит на него глубоким и печальным взглядом. Грозный поднимается. Говорит сухо и величаво.

Я перед ним не грешен. Всуе, Марья,
Ходити в Иоаннах, коли нужно
Терпеть обиды господу и мне
От богоборцев и монархомахов.

Мария

Душевный человек был мой отец.
Он бога не обидит.

Царь

А царя?

Мария

Ты так велик, а батюшка так мал.
Какая от него тебе обида?

Царь

Он возжелал короны!

Мария

Он ли?

Царь

Знаю:
Ты скажешь — это Курбского дела.
Да царству, Марья, от того не легше.
Когда б ты ведала, что хан Девлет
Зажжет Москву не головней — изменой...
Ужель ты это скрыла б от меня?
А твой-то знал! Ведь знал? Я все разведал.

Мария

Ты?

Царь

Ну, а кто же?

Мария

Ты или Малюта?

Царь
(глухо)

Зачем пришла? Судить нас? Фрау Магнус!

Мария

О, господи... Да как ты смеешь этак!
Да разве я сама? Ты сам хотел...
Я не его любила. Ты-то знаешь!

Царь

Теперь уж ничего не знаю.

Мария

Знаешь!

Царь

Так, стало быть, ты для меня пришла?
Мария!

Мария

Для тебя...

Царь

Родная!

Мария

Ах...
Не тронь меня. Не прикасайся, милый.
Мне любо слушать голос твой. Мне сладко
Глядеть не наглядеться на тебя...
Но кровь отца на бороде твоей!
Твои мне ногти кажутся когтями,
А сам ты — ровно птица. Ах, Иван!
От этого тоска берет такая,
Что впору в омут, если бы не грех.

Царь

Так для чего же ты пришла?

Мария

Взглянуть...

Царь

И только-то? Ну, поглядела. Дальше?
Опять к себе в неметчину? Опять
К тому же нелюбимому? Эх, бабы!
(Отворачивается.)

Мария

Нет, я не к своему. Я никуда.
Мне жизни нет. А смерть хоть и желанна,
Но далека еще... Так далека...
Теперь одна мне участь: постриженье!
(Кланяется ему в пояс.)
Прости, Иван Васильич.

Царь

Что ты, Маша!
Опомнися... Ведь ты еще юна...

Мария

Так надо.

Царь

Но ведь келья хуже склепа!
Я не велю! Мария, а?

Мария

Так надо!
Вон звездочка скатилася слезой,—
То, верно, уж моя была.
(Идет к выходу.)

Царь

Мария...
Да погоди... Твоя-то в чем вина?
Какой те грех замаливать пред богом?
И что за преступление?

Мария

Твое.

Царь потрясен. Он съежился, сжался. Мария молча уходит. И вдруг новая мысль озарила глаза Грозного.

Царь

О господи Исусе, сыне божий...
Коли убийце брата дочь его
Дана как отпущение убийства,
То это ведь господень перст! А? Каюсь!
Не смею ни рыдать о ней, ни выть...
Узреть я в этом пóстриге обязан
Не только омовение от крови,
Но оправданье замыслов моих.
(Встает, снова величавый и полный силы.)
Ливония! Утратил я тебя.
Но зря ли за тобой я загубил
Десятки тысящь всяческого люда?
И зря ль мы двадцать лет провоевали?
Нет, Курбский, нет! Мы унесли оттуда
Безмерный
окияна
кругозор,
И он заляжет в памяти державы.
Пройдут года. И я почию в бозе,
Истлею, обращуся в прах и персть,
Но образ мой видением восстанет
И веющим дыханьем понесется
Сквозь поколенья и через века.
Облитый кровью, ядом оскверненный,
Опутан паутиной лжесвидетельств,
Он явится потомкам в белизне
Своей заветной думы о Руси,—
И кто б ни восседал тогда на троне,
И кто б тогда помазанником ни был
В пресветлом православии своем —
Почует он явление мое!
Пускай, над договорами склонившись,
Он сквозь пергамент вечно видит море!
Пускай его любимым камнем будет
Не изумруд зеленый, что находит
Разрыв-траву и отпирает клады,
Не желтый яхонт, дев приворожитель,

Да не гранат, что кровь заговорит,
А покровитель мореходов — синий
Сапфир!
Пускай он мучается блеском,
Да шумом пены, да песка сипеньем!
Пускай ему б не пелось и не елось,
Пускай бы не пилось и не спалось,
Пускай хоть помешается на синем!
Хоть черту душу — только бы Руси
Не задохнуться... Только бы под ветер...
Ах, только бы пред нею, золотою,
Серебряная распахнулась даль...

1941—1944

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦАРЬ ДА БУНТАРЬ

ГОРИТ ВОСТОК ЗАРЕЮ НОВОЙ!

Пушкин

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Заря

1707 год. Раннее утро. Шатер Петра в русском лагере у осажденной шведами Полтавы. Подле шатра выстроились рекруты Генерал от кавалерии князь Меншиков просматривает списки пополнения. Секунд-майор Ягужинский посвечивает ему фонарем. На холме, вглядываясь в поле, стоит арапчонок лет пятнадцати — Ганнибал. Он в одежде фельдъегеря. Глаза его исполнены живости неизъяснимой. Вдалеке заиграла военная музыка. Крики «ура».

Ганнибал

Как страшно поле маками цветет...
Я никогда не видывал такого.
Их полчища! От этого покрова
Дыханье и у храброго сведет.
А как они зловещи в полумраке!
Как тягостны! Откуда знают маки,
Что будет бой? К чему им было цвесть?
Да и цветы ли вправду эти пятна?
Быть может, это роковая весть
Про то, что и без красного понятно?

Снова музыка. Теперь уже значительно ближе. Новая волна кликов.

Меншиков

Откуда ополченье насбирал?

Ягужинский

Тут северные более крестьяне.
Хоть улеглось Булавина восстанье,
На южных я не больно напирал.

Меншиков

Не разбегались по пути?

Ягужинский
(смеясь)

Бывало.
Но все казаки. Да и этих мало.
Людишек до ста я в цепях привел,
Но тысяча пришла вполне исправно.
Я полагаю, биться будут славно.

Меншиков

Ты думаешь?

Ягужинский

Мужик на шведа зол.

Музыка совсем близко. Крики «ура». Все поворачивают головы в сторону этих звуков. Из шатра выходит царский денщик Огнев.

Меншиков
(оправляя саблю, бросился было навстречу крикам, но на миг задержался)

Ванюша, самоварец!

Огнев

Подадут.

Меншиков

А где арап?

Ягужинский

Арапа кличут, братцы!

Меншиков

Фельдъегерь Ганнибал!

Ганнибал

Я тут, я тут.

Меншиков

Ты где ходил? На месте оставаться!

Снова грянул оркестр. Входит Петр, окруженный свитой. Он очень высок. Очень худ. Черты лица мелки и не соответствуют всей его фигуре великана, но внутренний образ, проступающий сквозь них, грандиозен и потрясающ. Небольшой лоб крут и изо-

гнут, точно изнутри распирает его одна могучая дума. Карие глаза невелики, но полны сверканья, блеска и всегда как бы чуть-чуть хмельны от вдохновения. Маленькие румяные губы сложены так, точно вот-вот изрекут нечто громовое, разящее. Зубы стиснуты, желваки под скулами напряжены. От всего облика Петра веет напряженной стремительностью, даже тогда, когда он неподвижен. На царе зеленый мундир Преображенского полка с белой портупеей. Усики подбриты по парижской моде, в ниточку. Парик, однако, не напудрен и куц. Видно, что царь тяготится им, а если носит, то ради примеру.

Царь

Здорово, русские орлы!

Рекруты

Ура!

Царь
(пытливо)

Как скажете: побьем мы шведа?

Рекрут первый

Лихо!

Царь

Ты кто?

Рекрут первый

Василий-князевых с Хопра.

Царь

Ты?

Рекрут второй

Прошка из поместья «Щеголиха».

Царь

Ты?

Рекрут третий

Иванец Большой.

Царь

Откуда? Чей?

Рекрут третий

Был Шереметевых. Теперь ничей.

Ш е р е м е т е в
(улыбаясь)

А не царев ли?

Ц а р ь

Братцы! С этой даты
Не мужики вы боле, но солдаты.
Солдат... Каков он? Кто он таковой?
Солдат есть знаменитое званье:
Он генерал-фельдмаршальского званья,
Но он же и последний рядовой.
Не посрамим же этой славы, братцы!
Ужель врага мы встретим трепеща?

К а п р а л

Да нам бы только до него добраться!
Ужотко мы-ста...

Ц а р ь

Выдать им борща.
Ну, отдыхайте!

М е н ш и к о в

За царя — ура!

Рекруты подхватывают клич.

Ц а р ь
(оборачивается к свите)

Прошу!

Он порывисто входит в шатер, срывает с себя парик и с маху нахлобучивает его на деревянную болванку. Рыжеватые кудрявые волосы Петра чуть вздыбились, особенно поднялись по обеим сторонам лба, и стали подобны бронзовому венку. За ним входят генералы: г р а ф Ш е р е м е т е в, к н я з ь Г о л и ц ы н, б а р о н Р е н н е, б а р о н А л л а р т, не имеющий титула Б р ю с и бывший мельник генерал Б о у р. М е н ш и к о в, отдав необходимые распоряжения, входит в шатер последним. Ягужинский, вполголоса командуя, уводит рекрутов.

Мы с Карлусом уговорились:
Двадцать девятого числа с утра
Начнется бой. Понеже все явились...
Постойте-ка, а где же Алексей?

Шереметев

Его высочество еще в походе.

Царь

Кому он придан?

Шереметев

Да пока ничей.

Голицын

Он числится по тыловой пехоте.

Царь

Перевести на боевую.

Шереметев

Есть.

Царь

С ним три полка. Мы развернем их в шесть.

Брюс

Была бы гренадерская основа.

Царь

Как диспозиция?

Шереметев

Она готова.
(Вручает царю карту.)

Петр быстро знакомится с расположением войск. Тишина. За шатром Ванюша Огнев раздувает сапогом самовар.

Царь

Прошу вниманья, господа совет.
Вот это шведы. Их редуты, фланки.
Здесь голова. А сей пунктирный след
Обозначает, полагаю, фланги?

Шереметев

Так точно, государь.

Царь

А это — мы.
Перед нами поле, и у Карла поле.
Так вот смекните, мощные умы:
Что нашим силам выгодно поболе —
Сражаться перед Карлом иль у нас?

Голицын

Бесспорно, перед Карлом. Коль сразиться,
Так только наступая.

Шереметев

Полно, князь.
Вести народ под пули не годится.

Ренне

А что ж? Под пухом драться надлежит?

Меншиков

Да враг-то ведь подковою лежит,
И коли вглубь рванется наше знамя,
Края подковы сдвинутся за нами —
И мы в ловушке.

Аллларт
(говорит с сильным немецким акцентом)

А хотя б и так?
Тшем ратника мы стягиваем туже,
Тем больше в нем азарту для атак.

Боур

Ого!

Меншиков

Уж это ум за разум, друже.

Шереметев
(тихо, Меншикову)

Коли не злостный умысел, мой свет,

Царь

Гут. Видимо, согласья нет в совете:
За натиск те, за оборону эти.

Прошу вниманья, господа совет!
К чему фронтальной линией своей
Король дугу очерчивает круто?
Ужели для атаки? Нет как будто.
Ты, друг Данилыч, прозорлив, ей-ей!
Как скорпий, поджидающий добычу,
Король таится, вытянув клешни.
(Гляди-ка на пунктиры: вот они!)
Каков мой план?
Когда трубой поклычу,
Ударит слева Боур, а Ренне,
Тот выступит по правой стороне.
Клешни отрезать! Вот она, задача!
И ежели последует удача,
То Шереметев двигает вперед
Всю линию своих пехотных рот.

Голицын

Ага! Я прав! Атака тем не менье!

Алларт
(льстиво)

Прекрасный план!

Ренне

Победа — в наступленье!

Царь
(насупясь)

Сей план, однако, был бы по плечу,
Когда б господь все делал, как хочу,
Но так ли совершится, а? Вот то-то!
У шведов западня. Данилыч прав.
Но я-то знаю королевский нрав —
Ему обороняться неохота:
Велик, велик, да зелено вот тут.
(Стучит пальцем по лбу.)
Мальчишка. Он сорвет свои же планы.
Того гляди, атаковать начнут.
А значит,
надлежит
сии поляны
Обдумать так, как если б наша рать
Хотела Карла в глубь свою вобрать.

Брюс

Прекрасно! Надлежит на поле брани
Быть ко всему готовыми заране.

Царь
(досадливо)

Да не готовыми... А всякий раз
Быть, господа, владыками событий!
Навязывайте свой расчет, не спите,
Чтоб всюду бой зависел бы от вас.
Враг выжидает? Бьем его вот так!
Враг наступает? Бьем его вот эдак!
А пробовать одно из двух на шведах,
Чтоб случаем воспользовался враг,—
Такое, братцы, солоно придется.

Шереметев
(задумчиво)

Два плана?

Аллápт
(подобострастно)

Государь, как и всегда,
Бесспорно, прав.

Брюс

Начнемте ж, господа!

Царь

А ты, Алларт, себя как полководца
Весьма унизил. На солдатский дух
Рассчитывать тогда имеешь право,
Когда уж бой обмозговал за двух
И все учел. Тут дело не устава —
Тут дело совести.

Алларт

О да! О да!

Шереметев

С чего же начинаем, господа?

За шатром раздается несколько ружейных выстрелов. Громкий шум, ругань, чей-то высокий возбужденный голос.

Царь

Что там за шум?

Капрал ведет Чохова, грубо подталкивая его прикладом. Чохов одет по-крестьянски, но через плечо висит у него солдатская берендейка из лосиной кожи, а к ней подвязаны фитиль и сума, в которой четко стукаются друг о друга маленькие чугунные гранаты. За Чоховым ведут двух украинцев. Замыкает шествие Ягужинский.

Чохов
(скоморошливо)

Полегче! Эй! Солдатик!
И без тычков мне с вами по пути.

Капрал

Молчи ты, шиш! [1]

Чохов

Не шиш я, но проклятик.
Тут нужно различать.

Капрал

Иди, иди.
Договоришься. До последних вздохов.

Царь
(выходя из шатра)

Что за народ?

Чохов

Мне надобно царя.
Мы с тайною. Мы не тревожим зря.

Царь

А сам кто будешь?

Чохов

Мужичонка Чохов.

Из шатра выходят Меншиков и генералы.

---

[1] Шиш — разбойник, повстанец.

Ягужинский

Врет, государь! Он голову туманит.
Я про него слыхал. Он атаманит.
С ним сорок человек бунтовщиков.

Украинец первый

Вы сами брешете, вельможный пане:
Я нэ такий.

Украинец второй

Я тоже не таков.

Украинец первый

Мы украинци. Ось. При атамане
Мы нападаемо на шведський стан
То тут, то там, неначе люты осы.

Царь

Ну что же. Вам спасибо, малороссы.
(Чохову, подозрительно.)
Так, стало быть, ты, Чохов, атаман?

Чохов

Зачем? Я вместе с горькою Украйной.

Меншиков
(тихо)

Ванюша.

Огнев

Я!

Меншиков

Подай сюда фонарь.

Чохов

Я для чего пришел бишь, государь?
Твой авангард, который то есть крайний,
Небось гадает, нечет или чет,
Минует, не минует ли сраженье,
А ведь у Карлы принято решенье:
Двадцать седьмого Карла бой начнет.

Ш е р е м е т е в

С чего ты взял?

Ч о х о в

А это, барин, просто.
Дружки мои (по-вашему «шиши»)
Намедни притащили в камыши
Полковника вот этакого роста,
Мы учинили «языку» допрос —
Они и доложили. Вот и все-с.

А л л а р т

Ох, и лиса!

Ц а р ь

Лиса?

А л л а р т
(с сильным немецким акцентом)

То ясно с виду ж.

Ц а р ь

Вы думаете, ложь?

А л л а р т

Бесспорно, ложь.

Ц а р ь
(Чохову)

А кто порукою, что ты не врешь?

Ч о х о в

Да коли погодишь — и сам увидишь.

Г о л и ц ы н
(вздохнув)

Отважен мужичок, да вороват.

Ц а р ь
(отрывисто)

Солдат в редуты! Рекрутам — ученье!
Ты что стоишь? Немедля!

Ягужинский
(оробев)

Виноват.

Царь

Не-мед-ля, говорю!

Ягужинский

Прошу прощенья!
(Уходит.)

Царь задумчиво возвращается в шатер. Останавливается у карты. Генералы входят вслед за ним. Со всех сторон подымается тихая барабанная дробь, рокот горна, лагерная сутолока.

Меншиков
(освещая Чохова фонарем)

Никишка?

Чохов
(угрюмо)

Ну, Никишка.

Меншиков

Мой кузнец?
Так вот ты где! Попался наконец.
Бежать задумал? Погоди ж ты, боров!

Чохов

Терпел, терпел — да сколько же терпеть?

Меншиков

Молчать!

Чохов

Возьми статьи одних поборов.
А? Это что же? Сеть. Рыбачья сеть.
Да я ж не осетёр и не белуга,
Чтоб в этакой барахтаться сети.
За дым плати. За тын опять плати.
Плати от клячи да плати от плуга.
Ну, хорошо. Положим, что оброк.
Но барщина идет само собою!

И этак целый век без перебою.
Какой же нам, скажи на милость, прок?

Меншиков

Молчи, сказал! Раскаркался... Ты вот что:
Домой поедешь с егерскою почтой.

Чохов

Я не поеду.

Меншиков

Как же ты? Пешком?

Чохов

Я не расстанусь со своим полком.
К чему тут спор? Воюем у Полтавы.

Меншиков

Не повоюешь с этакой виной!

Чохов

В миру виновный, а для боя правый.
Руси-то матушке и я родной.

Меншиков

Опять свое? С кем говоришь, каналья!
Ну, погоди... Закончится баталья...
(Круто повернувшись, пошел в шатер.)

Аллард

Сего не может быть. Уж раз король
По-рыцарски с царем уговорился,
От слова бы он зря не отступился.
Он есть актер. Он исполняет роль
Когда не Цезаря, то Ганнибала.
Да вот хотя спросите генерала:
Ведь Боур был фельдъегерем его.
Ему всегда прообраз оны лета!
И репутацион, и мненье света
Важнее, тшем победа для него.
Ведь он рядится в рыцарские латы!
Ведь он...

Меншиков
(входя)

Прошу вниманья. Сей мужик —
Мой крепостной. Его прозванье — Клятый.
Он сметлив. Зол. Но врать не приобык.

Шереметев

Да и к чему? Ведь он не пойман ротой,
А сам пришел.

Меншиков

Пришел своей охотой.

Ренне

Нет, не поверить Чохову нельзя.

Боур

И я того же мнения.

Молчание.

Царь

Друзья!
Как полагал я, так и вышло: шведы
Нарушили не только слово,— план!
Но, стало быть, и самый путь победы
Меняется. Тут надобен обман.
Ренне и Боур выступят, как прежде,
Но разыграют отступленье. Так?
Когда же враг в ликующей надежде
Забудется среди своих атак,
Вы, господа, изображая труса,
Подставите его под пушки Брюса.
Клянусь: король, начав сраженье сам,
Бой поведет... по нашим чертежам.
Ну! С богом, милые мои. Прощайте.
Уверен я: вы примете врага,
Как подобает. О Петре же знайте,
Что жизнь ему ничуть не дорога,
Жила бы только Русь в труде и славе.
(Выходит из шатра и поднимается на холм.)

Ренне

Сперва дадим сигнал драгунской лаве,
А уж потом казаки.

Боур

Можно так.

Шереметев

Уж больно увлекается казак.
Не спутал бы он царские расчеты.

Ренне
(сухо)

Не спутали бы, сударь, ваши роты.

Генералы уходят. У шатра остаются Меншиков, Огнев, Ганнибал, Чохов, украинцы.

Чохов

А что ж, Иван, с моею-то судьбой?

Огнев

Уйдешь на волю, как зачнется бой,
А не зачнется — пристрелю.

Чохов

Понятно.

Огнев

Дымишь аль нет?

Чохов

Пожалуй. Подымлю-с.

Огнев
(доставая из кисета табак)

Видал, каков? Как гренадерский ус.
(Раскуривает чубук.)
Бери-ка. Ну? По нраву ли?

Чохов
(кашляя от дыма)

Приятно.

Царь
(задумчиво)

Искал ты встречи, юноша-король?
Ну что же. Повстречаемся. Изволь.
Всегда я к миру склонен был душою.
Но ты живешь во имя злой мечты —
Чтобы владеть империей большою,
Ты все крушишь, все попираешь ты.
Тебе бы только расширять владенья:
Голштиния, Саксония, Литва...
Твой бивуак раскурится едва —
И люди вздрогнут, как от привиденья,
Задвигаются тени при кострах —
И ничему душа уже не рада...
Везде и всюду, как исчадье ада,
Вселяли шведы леденящий страх.
И этот страх был знаменем твоим.
Везде и всюду побеждая им,
Ты воевал не силою, но славой:
Тут Нарва помогала, на беду.
Но то, что ты увидишь под Полтавой,
Того не насмотреться и в бреду.
Под Нарвою мы отступали бродом.
Об этом вы трубите год за годом.
Ты многих этой Нарвой усмирял,
Ты Нарвою свой гений измерял!
Но ведь тогда мы были желтороты:
Едва-едва обученные роты
Ордою шли. А нынче, брат, не то.
Теперь уж волк нарвется на медведя —
Мы не забыли нарвского наследья:
Оно изучено да изжитó.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Полтавский бой

27 июня 1709 года. Наблюдательный государев пунктум. На холме стоят **царь** да **Меншиков** и глядят в поле. На втором, малом холме **Огнев**, **Чохов** и **Ганнибал** вглядываются туда же. Меж холмами буерак, по которому то и дело мчатся фельдъегеря,— видны их кивера, мелькают конские головы, слышен топот, храп, иногда короткое ржание. Внизу, у главного холма, в траншее, царская **охрана**, которой распоряжается **Ягужинский**.

Ганнибал
(взволнованно)

Серебряными трубами горя,
Зеленые выходят егеря...
Под золотым штандартом, светло-серы,
Втянулися и конногренадеры.
А вон уланы желтые пошли,
Фон Розена гусары голубые,
Багряные драбанты боевые,
Как бы червонной масти короли...

Чохов
(усмехаясь)

Ну, это все не из козырных карт.
Вблизи у них потрепаны мундиры.

Ганнибал

Гляди, гляди: выходят кирасиры!

Огнев

А белые? В мехах?

Чохов

Кавалергард.

За малым холмом рекруты, сидящие в ретраншементах, наскоро хлебают щи.

Ганнибал
(поднявшись к Петру)

К добру ли, царь, вот этот маков цвет?

Царь

Пускай хоть пекло сатана извергнет,
А Швецию Россия опровергнет!
(Вздохнув.)
Эх, кабы страшен был бы только швед...

Ганнибал

А что ж еще? Какое чудо-юдо?

Молчание. Ганнибал, пожав плечами, спускается вниз.

Царь
(озирая расположение своих войск)

Как будто все обдумано не худо:
Здесь кони. Тут штыки. А там басы.
Мы уповаем не на волю божью.
Но отчего прохватывает дрожью?
А? Может быть, от утренней росы?
Да нет. К чему тут ложь? Не от росы я...
Что притворяться? Здесь итог веков!
Здесь сорок тысяч русских мужиков
Сейчас решат, куда пойдет Россия.
Как это страшно... Впереди враги!
За ратника я должен быть спокоен.
Но что, как вдруг мой православный воин
Припомнит барщину да батоги?
Увидя в поле вражескую рать,
Захочет ли крестьянин умирать?
Не вспыхнет ли мужицкое бунтарство?
Или понять пришла ему пора,
Что бьется не за нас, не за Петра,—
За Русское воюет государство!

Меншиков

Он понял все.

Царь

Ты думаешь?

Меншиков

Ну да.
У наших мужиков ума палата!
Да вот хоть мой кузнец.
Сбежал, проклятый,
А чуть война — пожаловал сюда.

Царь

Но кузнецом всей тучи не рассеять...

Меншиков

Тебя булавинщина потрясла.
Ты ею навек болен, Алексеич.
Но вот те крест — мужик не держит зла.
Он думает и о душеспасенье,

Царь

Угодничек?

Меншиков
(усмехаясь)

Ну, нет. Мужик не свят,
Но Русь он любит. Ты возьми сраженье
Со шведом при Лесной!

Царь

Там был солдат,—
Муштрованные люди, строевые,—
А тут наполовину крепостные...

Меншиков

Уж так, мин херц, наполовину?

Царь

Ах!
Не в цифрах суть! (Уж и придирка сразу!)
Тут, братец, крепостные — вот он, швах:
Крестьянин для солдатика зараза!

В ТРАНШЕЕ ОХРАНЫ

Князев

Ну, как? Наелся щей-то?

Прошка

Что нам щи?
Сейчас испробуем свинцовой каши.
Уж тут, брат, наедимся.

Капрал

Не пищи.

Прошка

Насытимся.

Капрал
(назидательно)

А что и в жизни краше,
Как ежели погибнуть за царя?

Прошка

Ну, вот и погибай.

Князев

На то капралка.

Иван Большой

Погибнуть? Отчего ж! Костей не жалко.
Да неохота погибать зазря.
(Напевает.)
«Эх, да как задумали солдат набирати:
Уж не много — тысяч сорок и четыре,
Сорок и четыре, ребята молодые.
Впереди едут да всё генералы,
А по бокам едут да всё капитаны,
А позади едут да всё с барабаны,
Бьют, выбивают, горе утешают,
До города Полтавы гонят-провожают.
Видно же, нам, братцы, всем пропадати...
Не будут знати ни отец, ни мати,
Ни отец, ни мати, ни родна родина,
Ни родна родина, жена молодая».

Царь и Меншиков подходят ближе. Царя передернуло.

Меншиков
(зычно)

Эй, вы! Распелись!

Песня оборвалась. В отдалении звучит протяжный звериный рев.

Царь

Слышишь? Воет рог.

Фельдъегерь первый
(вбегая)

Дозвольте доложить: передовые
Пошли на нас в атаку.

Меншиков
(крестясь)

С нами бог.

Чохов

Вот дурачье-то! Наступают кучей.
(Протягивая Огневу фитиль.)
Давай зажги.

Огнев

Зачем?

Чохов

На всякий случай.

Огнев высекает огонь кремнем о кресало и зажигает фитиль, который тлеет у Чохова в руке в продолжение всего боя.

Князев

Ребята, швед!

Прошка

Да и с большою силой.

Князев

С большой?

Прошка

Ага.

Князев

О, господи помилуй...

Со стороны шведов доносится конский топот.

Меншиков

Однако где же наши?

Царь

Подойдут.

Напряженный треск ружейной стрельбы.

Меншиков

Прорвали недостроенный редут...
Второй прошли... Последний уж минули...
Мы на заводах отливали пули,
Да черта в них!

Царь

А вот и князь Репнин.

Огнев

Ура!

Меншиков

Да где ж?

Царь

А вон, из-за руин!

Фельдъегерь второй
(вбегая)

Драгун пошел атакой на гвардейца!

Меншиков

Король бросает генерала Крейца.
Он, говорят, порывом знаменит.

Ганнибал
(полушепотом)

Повсюду маки, маки... Всюду маки...
А поле, словно колокол, звенит.

Царь

Гляди-ко: меж драгунов — гайдамаки!

Меншиков
(не слушая)

Граф Стенбок выезжает вслед за ним.

Чохов

Гнедые кони бьют по вороным!

Огнев

Гнедые кони? Первый эскадрон!

Царь
(пытаясь быть спокойным)

А гайдамаки что твои монголы:
Шальвары, шапки, а по пояс голы.
(Напряженно смеется.)

Огнев

Седые кони — третий эскадрон!

Из траншей вырывается громкая песня высокого голоса:

Как во полюшке сражонноем
Разудалы те головушки
Не весельем занимаются,
Своей кровь-рудой венчаются.
Как на полюшке сражонноем
Головами мосты мощены,
От кровинок реки пущены.
Как на этом ли на полю́шке.
Круг сердечушка с ружья палят,
Над очами искры сыплются,
Ноги о́ смерть спотыкаются.

Меншиков

Пусти меня: ворвуся, искалечу,
Коней с копыт — и выиграю сечу!

Царь

Молчи.

Меншиков

Ей-богу! Чувствую нутром:
Побью их в смерть и безо всякой раны!

Троекратный гул шведских пушек.

Царь

А вот и Карлус со своей охраной.
Не зря салют: богам положен гром.

Меншиков
(с досадой)

Не издевайся! Тут нужна молитва:
Ведь у врага победоносный пыл.

Царь

Кавалерийский бой — еще не битва.
Все впереди. Про план-то позабыл?
Чтоб заманить врага под пушки Брюса,
Барон Ренне, изображая труса,
Отступит среди яростных атак,
Хотя бы и победоносных. Так?
Когда же враг, обжегшись об орудья,

Смешается от свалки многолюдья,
То Шереметев двигает вперед
Всю линию своих пехотных рот.

Меншиков

Ах, что мне план? В сраженьях все от бога.

Царь

А ум? А дух?

Меншиков

Да ведь...

Царь

Молчи, дурак.
Не можешь ты подняться выше драк.
Учил его, учил...

Меншиков
(не слушая)

Опять тревога...
Лейб-гвардия, должно быть, а? Горнист!

Царь
(продолжая свое)

Как побеждать, коли не верить в план-то?

В ответ на шведский горн со стороны русских рванулся лихой топот конницы, свист, боевые клики.

Огнев
(восторженно)

Казаки!

Чохов

Наши!

Ганнибал
(упоенно)

Гиканье да свист!

Фельдъегерь третий
(вбегая)

Казак пошел атакой на драбанта.
Его превосходительство Ренне
Сам выехал в атаку на коне.

Огнев
(вглядываясь)

Никак, Ренне?

Чохов

Ага. А ну-ка, наша!

Рекруты

— Ух, грянули! Видал? Плечом в плечо!
— Рази его!
— Топчи его!
— Еще!
— Бей, бей его!!

Чохов

Ну, заварилась каша.

Ганнибал

Дымится прах. Багровый, красный, алый.
В кровавой туче конские оскалы...
То кивера, то молнии дрожат...
В ней стяги пламенеют, гаснут, тонут,
В ней люди, словно лошади, визжат,
А лошади по-человечьи стонут.

Ягужинский
(взбежав на холм к Огневу)

Ну, как там, а?

Огнев

Гляди.

Фельдъегерь четвертый
(поднимаясь к Петру)

Барон Ренне
Теснит врага на правой стороне.

Царь
(тревожно)

Теснит?

Фельдъегерь четвертый
(радостно)

Так точно!

Царь

Ах, фетюк дубовый!
Скачи назад. Приказ ему таков:
Немедля поубавить казаков!

Меншиков

Мин херц... Ваше величество... Да что вы!

Царь

Второй фельдъегерь! Мигом к Репнину!
Скажи ему, что казака довольно
И он-де отступал бы добровольно,
А коли нет — на дыбе растяну!

Фельдъегеря исчезают.

Ганнибал

Еще напор!

Рекруты

Дава-ай!

Ганнибал

Да ну же, ну!

Музыка боя.

Князев
(в ужасе)

Ребята! Братики! За-ради бога!
Ведь отступаем...

Прошка

Врешь!

Иван Большой

У них подмога...

Царь

Ванюша!

Огнев

Здесь я.

Царь

Орден Репнину!

Огнев

Есть, государь!
(Ганнибалу.)
Слыхал? За отступленье...
Петрович, а?

Ганнибал
(запальчиво)

Я не имею мненья!

Орудия шведов начинают обстреливать государев пунктум.

Царь

Итак, начало битвы решено.
Все как по нотам! Как Москва хотела!
Мы заманили конницу на дно.

Меншиков
(недоверчиво)

Да где же дно?

Царь

Теперь за Брюсом дело.

Фельдъегерь пятый
(вбегая)

Под натиском противника барон,
Предоставляя шведам поле брани,
Отходит к лесу, понеся урон.

Меншиков

Ага? Вот ваши планы-то бараньи!
Пусти меня противу шведских орд...
Молю тебя...

Царь

Оставь.

Меншиков
(бешено)

Пусти ты, черт!!
(Бросившись на Петра, схватывает его за реверы сюртука.)

Царь
(отшвырнув Меншикова на землю)

Взбесился? Пристрелю тебя, собака!

Удар ядра в холм. Взрыв. Петр обеими руками схватился за глазницы.

Меншиков
(кинувшись к Петру)

Голубчик мой... Петруша... Государь...

Царь
(зажмурившись)

Да ничего. Запорошила гарь.

Меншиков
(заботливо)

Не врешь?

Царь

Ну, может, пыль от буерака.

Снова разрыв ядра, и вдруг сквозь синеву дыма показались медные кивера шведских кавалергардов.

Кавалергард
(увидев Петра)

Der Kaiser!

Чохов быстро вытаскивает из сумы гранату и, зажегши палительную трубку о фитиль, бросает в сторону шведов. Блеск пламени.

Чохов
(прыгает с холма на шведов)

Гей, родимые, за мной!

Рекруты бросились на конных в штыки. Кавалергарды отступают. Рекруты преследуют их.

Меншиков
(Петру, задыхаясь)

Ну, вот тебе... Поклон тебе... земной...
Через твое упрямство «юбер аллес»
Чуть-чуть... без государя... не остались.

Пауза.

Но где ж, однако, Брюсов-то огонь?
Ведь все сии казачьи побрякушки

Рассчитаны на брюсовские пушки,
А тут против коня поставлен конь.

Царь
(глухо)

Пускай прорвутся ближе.

Меншиков
(усмехаясь)

Где уж ближе!

Совсем близко доносятся победные клики шведов.

Да что же он помалкивает, рыжий?
Нет... все теперь отныне вкривь и вкось.

Царь

Не каркай!

Меншиков

Да ведь как же?! Непременно!
Я вижу эту гадину насквозь...
Тут, государь, чернейшая измена...
Тут просто иноземцы взяли верх...
Гляди, гляди!

Царь
(зычно)

Вниманье! Фейерверк!

Ягужинский зажигает красную ракету. Напряженное ожидание.

Меншиков

Ага! Молчит!

Вдруг громовой залп русских орудий.

Царь, Огнев, Ганнибал

Ура!

Меншиков
(восторженно)

Вот это друг...
(Бросается к царю в объятия.)
Нет, Брюс у нас — толковый человечек.

Царь

Уж этот громыхнет!

Меншиков

Займется дух.

Новый залп русской артиллерии.

Хо-хо! Со всех семидесяти свечек!

Царь

Подпалит он у шведов-то усы.

Третий залп.

Меншиков

Ох, и басы-то! Каковы басы!
Ведь это благовест! Христос воскресе!
Хо-хо! Скажу я безо всякой спеси,
Что узнаю в них те колокола,
Которые переливал на пушки.

Ганнибал
(вглядываясь)

Отхлынули!

Огнев

Бегут.

Ганнибал

Бегут к опушке!

Огнев

Ей-богу, право, задали драла!

Новый залп.

Ганнибал

Ах, этот гром душе моей что арфа.

Меншиков
(упоенно)

Да... Это вам, голубчики, не Нарва!
Ванюшка!

Огнев

Здесь я.

Меншиков

Брюсу орденок!
(Вдруг оробел.)
Прости, мин херц. Увлекся.

Царь

Мало, мало.
Ведь тут победа медного Урала,
Здесь новая Россия. Невдомек?
(Тоном приказа.)
За огневое дело по драбантам
Надеть на Брюса «Кавалерью с бантом»!
(Меншикову.)
Ну вот, голуба! Зря-то не ярись.
С конем да с пушкой мы имели счастье!
Две трети боя с планами сошлись,
Однако же... все дело в третьей части.
(Очень взволнованно.)
Фельдъегерь! Шереметеву сказать,
Что время двигнуть штыковую рать.

Ягужинский

Есть, государь!

Царь
(вполголоса)

Минутою бы сею
Как раз и появиться Алексею.
Черт... Трубку потерял...

Меншиков

Возьми янтарь.
(Подает ему свой мундштук.)

Царь

Как думаешь: придет Алешка?

Меншиков

Будет.

Царь
(Огневу)

Когда царевич Алексей прибудет,
Немедля доложите.

Фельдъегерь седьмой
(вбегая)

Государь!
Ренне, пленивший генерала Росса,
Отставлен, ибо ранен тяжело.
Граф просит изъяснения вопроса:
Кого послать на правое крыло?

Меншиков

Меня пошлите, государь!

Царь
(подумав)

Накладно!
А впрочем... Что ж...

Фельдъегерь седьмой уходит.

Меншиков

Простимся, что ли?

Царь
(обняв Меншикова, тут же легонько отталкивает от себя)

Ладно.

Меншиков

Победы, Алексеич!

Царь

Будь здоров!

Меншиков взбегает на второй холм, отсылает оттуда Ганнибала к Петру и убегает. Ганнибал поднимается к царю и становится рядом.

(Задумчиво.)

Пойдут крестьяне в бой иль разбегутся...

Ганнибал

Пойдут, пойдут!

Царь
(тряхнув волосами)

Да что ты смыслишь, куцый!
(Вглядывается в шведский лагерь.)

Так. Пехотинцы вылезли за ров.
Вся армия из двух бескрайних линий.
Передний вал подобен морю: синий!

Ганнибал
(крестясь)

Да будет с нами господа рука.

Царь

Квадрат сапог уже гремит горохом,
Литье штыков блеснуло, как река...
Вот. Двигнулись.

Барабанная дробь. Беспорядочные выстрелы шведской линии.

Ганнибал

Стрельба переполохом.

Царь

Э! Не важны́ пехотные огни,
Но ва́жны пехотинцы. Вот они!
А! Хлынули. Как волны. Как буруны.
А что стрельба? Она как бы салют!
За семь шагов не попадешь в ворота.
Зато штыки... Идет за ротой рота...
(Оглянувшись на свои войска.)
Но вот уже зеленые встают...

Ганнибал

О, грозный Марс! О, бранные перуны!

Царь

Как лес! Как бор!

Ганнибал

Музы́ка впереди.

Фельдъегерь восьмой
(входя)

Вступает в бой фельдмаршал Шереметев!

Царь
(про себя)

Ах, миленькой... Иди же... Ну, иди...

Ганнибал

Орудия, фельдмаршала приметив,
По нем стреляют с правого крыла.

Царь

И с левого стреляют. Видишь, мгла.

По полю прокатывается рокот русских барабанов.

Ганнибал

Пошли, пошли...

Огнев

Эх, ангелы!

Царь

Вперед!
На малый гром валится гром сугубый...
Дремучие везде и всюду клубы...
Брандкугелей сверкающий полет...
Над полем за ударами удары,
А черный чад и синие угары
Как бы само дыхание войны...
Но строй-то остается невредимым!
Пускай шеренги не подровнены —
Идут полки, обкуренные дымом,
Осыпанные сажею,— идут,
Вступают в круг батального театра...
В них с траекторий плюхаются ядра,
Их бомбы опаляют там и тут,
Но мы идем!

Ганнибал

Пальба-то без прицела.

Огнев
(с нервным хохотком)

Ага! Для страху напущает дым.

Ганнибал

Он сам боится! В этом все и дело!
Одно веселье нашим удалым!

Царь
(грызя ногти)

Кто в первой линии?

Огнев

Москва как будто.

Ганнибал

Москва, Москва... Священная минута...

Царь

Коня! Скорей!

Ганнибал
(восторженно)

Ну, вот и нам пора!
(Сбегает вниз отдавать приказание.)

Барабаны бьют все громче, все воинственнее.

Царь

Лейб-гвардии Семеновский — ура!
Да здравствуют азовские герои!
Преображенцы... Мальчики мои...
(Плачет.)

Огнев

А вон идут поморы-зверобои,
Медвежьи испытавшие бои.

Царь
(в сильном волнении)

Где?

Огнев

Вон они.

Царь

Ей-богу, а? Идут!
Архангелогородцы боевые.
А вятичи? Да и смоляне тут.
Калуга... Верея...
(С неистовой силой.)
Пошла Россия!!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Пир Петра

Пир в полуразрушенных полтавских хоромах в честь великой победы. Хоромы убраны знаменами. На хорах духовой оркестр. С потолка спускается круглый роговой фонарь в цветной слюде, с кольцом и ухватом. На столах подсвечники — медные, янтарные, костяные и хрустальные. Серебряных нет, ибо серебра в таком деле царь не терпит: серебро есть солдатское жалованье и должно идти на чеканку монеты.

Царь

Сыны отечества! Войска России!
Вы суть прекрасный плод моих трудов.
Вы покорили шведские стихии
Неколебимостью своих рядов.
Из мрамора бы статую вам высечь!
Убитых шведов с лишком девять тысяч,
Плененных — шесть семьсот. А наша рать
Утратила всего-то тысяч пять.
О, сколь сии красноречивы числа:
Знать, мы не из последних на войне!
Хоть вражья туча все еще повисла,
Но над Россией быть голубизне.
Отныне по раздолью величаво
Трубою медной прозвучит Полтава.
Она урок для Швеции хранит,
Полтава есть разгадка и для турка,
Полтава же, по сути, тот гранит,
Что заложóн в основу Петербурга.

Крики: «Ура!», «Слава!» Играет музыка. На середину выбегает распорядитель ассамблеи Ягужинский.

Ягужинский

Вниманье, господа! Идет кадриль.
Участвовать и обер-офицерам.

Шереметев

Ах, черт возьми, сейчас подымут пыль,

Ягужинский

Дансé, дансé!

Ганнибал
(улыбаясь)

Мне ничего: я в сером.

Танец. Полтавских дам не хватает. Мужчины танцуют с мужчинами. Появляются ряженые. Многие в масках, иные расписаны сажей да белилами. Петр сидит, пуская клубы дыма. Он задумчив.

Что с государем?

Шереметев

Сном его свело.
Сидеть сидит, а веки-то заснули.

Аллaрт

Устал.

Шереметев

Еще бы. Ведь недаром пули
Попали в крест, да в шляпу, да в седло.

Ганнибал

Ведь он водил дивизию.

Аллaрт

Прекрасно!

Шереметев

Прекрасно-то прекрасно, да напрасно.

Кухмистеры
(обнося гостей блюдами)

— Глаза лосошки.
— Паровой лосось.
— Дрофа верчепая.
— Верченый лось.
— Лапша с икрой.
— Балтийская салака.
— Гусак, томленный в молоке из мака.

Вносят огромный пирог, который устанавливают на двух табуретах. Появляется гибкая молодая женщина в маске и цыганском наряде. Провожаемая восхищенными взглядами офицеров, она проходит мимо царя, но Петр ее не замечает. К государю подходит генерал Брюс.

Брюс

Я, государь, о Петербурге.

Царь

Брюс?

Садись. Ты молодчага.

Брюс

Я боюсь,

Что Петербург — не место для столицы.
Я видел: над Невою, где уступ,
Растет на горке вековечный дуб.
И что же? На ветвях его мокрицы,
Зеленая подводная трава
Да ракушки. Выходит, что Нева
Способна на большие наводненья.
Однако же, майн киндхен, как тут быть?

Царь

И все ж мы будем строить. Тем не менье.

Брюс

А как же дуб-то, а?

Царь

(упрямо)

А дуб срубить!

Сей Петербург Россию с места сдвинет.
А что вода? Нахлынет и отхлынет.
Ты лучше вот что, сударь генерал:
Отдай распоряженье, чтоб Урал,
Петрозаводск, да Повенец, да прочье
По быстроте давали бы литья
Гораздо против прежнего короче.

Брюс

Ах, сердце-государь мой! Да ведь я...

Царь

Проворство нужно. Шевелись по-русски!
Мне за тебя работать недосуг.

Брюс

(обиженно)

Я сам люблю трудиться.

Царь

Знаю, друг.

Брюс

Я нынче ставлю Каменский, Уктусский
Да целых три завода на Оке.

Царь

А где людей достанешь?

Брюс

Вот и горе:
С того и дело вроде налегке.
Людишек нет! А есть — так вор на воре.

Царь

Бери любого. Нечего мечтать.
Гулящий ли, колодник или тать —
Нам все годится. Были б только руки.
(Хлопает Брюса по плечу.)
Достанешь! Ты ведь черепом не пуст.
А не достанешь — объяви супруге:
«Заказывай, вдова, сорокоуст!»

Брюс
(криво улыбаясь)

Ах, государь! Сей шуткой гробовою...

Лицо Петра становится вдруг жестким. Глаза сверкают.

Царь

А я, мин херц, и не шучу с тобою.

Брюс вздрагивает, пятится. Петр отвернулся.

Маска

О чем грустишь, красавец? Победил,
А все печален. Ты бы лучше пил.

Царь

А ты с чего взяла, что я печален?

Маска

На то и карты, чтобы...

Царь

Ладно. Брось.
Ты кто такая? Блудная небось?

Маска
(дерзко)

Блудна. Да не твоих опочивален.

Царь

Э! Ты, я вижу, баба с язычком,
А языкатых плетью угощают.
Шути, да в меру.

Маска

Кто же меру знает?
Не тот ли, кто с порядками знаком?
А я в своей душевной простоте
Всего цыганка, votre Majesté! [1]
(Делает глубокий реверанс и со смехом убегает.)

Царь
(провожает ее удивленным взглядом.
Вдруг замечает адмирала Апраксина)

Апраксин!

Апраксин

Я!

Царь

Помощники с тобой?

Апраксин

Со мною.

Царь

Так. Мне надобны модели
Фрегатов, годных в океанский бой.
Да только ждать не стану и недели.
Понятно? Сделай это для меня.

Апраксин

Я постараюсь.

---

[1] Ваше величество! *(франц.)*

Царь

Три-четыре дня.

Ягужинский
(впуская фельдъегеря)

От князя Меншикова донесенье!

Царь

Уф! Наконец-то!

Фельдъегерь

Князь велит сказать,
Что он почти без всякого сраженья
Перехватил оставшуюся рать
И генерала Левенгаупта.

Царь

Браво!

Ягужинский
(изумленно)

Да вот и сам он!

Входит Меншиков.

Царь

Сашка! Молодцом!
(Бросается к Меншикову и, ухватив его за оба уха, крепко целует в губы.)

Русские генералы поднимаются и окружают их.

Шереметев

Что! Лихо им далася переправа?

Меншиков

Не переправа. Действовал с умом.

Царь
(сияя)

Но-но! Не чванься.

Аллард

А какие лавры?

Меншиков
(посмеиваясь)

Штандарты, барабаны да литавры,
Ну, и... пятнадцать тысяч человек.

Шереметев

Пятнадцать?

Царь

Врешь!

Меншиков

Казни, коли ошибка.

Брюс

И всё без бою?

Меншиков

Маленькая сшибка.

Царь

Пятнадцать? Ну-у... Я твой должник навек.
(Обняв Меншикова, усаживает за свой стол.)

Генералы возвращаются на свои места. Вся ассамблея переживает успех Меншикова.

Ягужинский

Прошу вниманья! Прекратить музы́ку!
Его величества придворный шут
Доремидонт Балакирев!

Балакирев

Я тут.

Ягужинский

Почти, дружок, баталию велику,
Какой еще не знали на Руси,
И что-нибудь про то изобрази.

Балакирев выходит на середину. Он очень юн, очень высок и статен. Отвесив поклон государю, шут вдруг пригибается к земле и малое время спустя выпрямляется, загримированный Петром I. Гордый, величественный, он осанисто подходит к пирогу.

Балакирев
(декламирует)

Се — Малороссии царю Петру подарок:
Пленительный пирог! Как он румян и жарок.
Со всеми яствами прелестными в ладу,
Хрустящий корочкой на липовом меду,
Свиными шкварками весьма богат он с краю,
В средине вишеньем чреват, я полагаю,
А с этого бочка, чей так приятен вид,
Варениками с кашею набит.
Итак, друзья мои, пирог я отворяю,
И малороссов дар вкусить я приглашаю.
(Поднимает крышку пирога.)
Но что сие? Мой бог!

Из пирога выскакивает царский шут — карлик Лука, загримированный Карлом XII.

Ты кто таков? Наглец!

Лука

Двенадцатый я Карл. Заморский удалец.
В галушках, поросях и я толк понимаю
И оной вкусности отведать днесь желаю.

Балакирев

Ах ты, молокосос! Убоище! Стерво!
Отведать хочешь ты? Отведай же сего!
(Бьет карлика палкой.)

Карлик бегает вокруг пирога. Балакирев — за ним, продолжая осыпать его ударами. Хохот. Громче всех смеется Петр. Но вдруг он замечает, что шведы отворачиваются от этого зрелища: фельдмаршал Рейншильд, как бы заслоняясь от света, прикрывает глаза рукою, генерал Гамильтон резко барабанит пальцами по столу, генералы Росс и Шлиппенбах делают вид, будто увлечены беседой. Настроение царя мгновенно меняется. Царь вскакивает. Лицо его гневно. Он швыряет в Балакирева бокалом.

Меншиков

Отставить! Смирно!

Царь

Ты, Лука, ступай.
Балакирев! Вот кто один в ответе!
Великое свершается на свете,
А ты? Тебе все шутки?

Меншиков
(подливая масла в огонь)

Ай-ай-ай!
Да стань ты человеком хоть на миг.
(Окружающим.)
Ведь горный инженер! Клянуся богом.

Царь

Друзья! Наполните бокалы грогом:
Я пью здоровье пленников моих!
Тут что ни офицер, то истый воин,
Их доблесть не прочувствовать нельзя,
Их жребий лучшей участи достоин...
Пьем за моих учителей, друзья!

Крики «ура». Петр чокается со шведами. Фельдмаршал Рейншильд встает и что-то торжественно, хотя и вполголоса, говорит генералу Гамильтону. Тот записывает. Снова появляется маска.

Гамильтон

Дозвольте, русский царь, перевести
Слова фельдмаршала в ответ на ваши.
Его сиятельство, пия из чаши,
Желает вам счастливого пути.
Вот эти мысли:
«Пью за благородство.
Я, государь, здесь наблюдаю сходство
С его величеством».

Царь
(усмехаясь)

Спасибо, князь.

Гамильтон

«Он ваше имя всячески склоняет,
Всегда пред вашим именем склонясь».

Аплодисменты.

Царь

Павлушка!

Ягужинский

Я!

Царь
(кивнув на переводчика)

Зачем по-русски знает?

Ягужинский

Учили, видимо.

Царь

Да кто же он?

Ягужинский

Британец шведской службы Гамильтон.

Царь

Ах, вон чего! Гляди, каков... Британец.
Эй, сэр!

Гамильтон

Я, государь.

Царь

А почему
Надел ты, англичанин, шведский ранец?
Что пользы государству твоему?

Гамильтон

Я кондотьер. Как дед мой, как и прадед,
Я, государь, служу тому, кто платит.
А что до государства моего,
То Англия, в двуличье не играя,
Вас допустила к покоренью края
В Прибалтике.

Маска
(едко)

О да. Но отчего?
Не оттого ли, сэр, что в этом деле
Вы помешать России не сумели?

Смех.

Царь

Блистательно!

Маска убегает. Царь восхищенно глядит ей вслед.

Меншиков
(Ягужинскому)

Что у тебя еще?

Ягужинский

Да хоть гавот.

Меншиков

Гавот. А где же наше?
Давай такое, чтобы горячо.
Камаринского, что ли.

Царь
(сухо)

Алексаша!
Ты мне свою политику не тычь.
Павло!

Ягужинский

Я здесь!

Царь

А где Лука Лукич?

Ягужинский

Его маленько палкой повредили.

Царь

Ну хорошо. Балакирев!

Балакирев

Я тут.

Царь

Давай уж. Лицедействуй. Только гут!
Чтоб иноземцы нос не воротили.

У Балакирева озорно сверкнули глаза. Он с ненавистью, но и с торжеством взглядывает на Меншикова. Все понимают, что шут сейчас придумает нечто необычайное по дерзости. Еще не надевши грима, он уже превращается в силу. Напялить парик и приклеить усики — дело секунды, и вот перед зрителями снова двойник Петра.

Б а л а к и р е в

Эй, Алексашка!

М е н ш и к о в

Что? Ты это... мне?

Б а л а к и р е в

(покровительственно)

Очнися, друг. Да ты, никак, во сне?
Ступай сюда.

М е н ш и к о в

Ты ошалел, скотина!

Ц а р ь

(Алексашке)

Постой-постой!.. Ты это мне? Царю?

Б а л а к и р е в

Да я тебя на козлах запорю!
Ах ты, невежа!

Ш е р е м е т е в

Братцы, вот картина!

Б а л а к и р е в

Сюда ступай!

Ш е р е м е т е в

Вот это, братцы, вид!

Меншиков растерянно смотрит на Петра.

Ц а р ь

(улыбаясь)

Ну что ж! Ступай, коль государь велит.

Хохот. Меншиков с вымученной улыбкой становится перед шутом.

Б а л а к и р е в

(величаво)

Ты славно бился в северной баталье.
За то тебе и слава и чины.
Но денежки, гремя тебе в штаны,
Моей казны и в глазки не видали.

Смех сразу обрывается.

Я бедноват. Но ты-то богатей,
Об этом поговаривают громко.
Так сотвори же благо для людей
И поделись со мной своей котомкой.

Меншиков
(Петру)

Какой такой котомкой, государь?

Балакирев

А тою самой, что хранишь ты свято,
Что худощавой числилася встарь,
Но нынче, слава богу, тучновата.

Меншиков
(недоуменно)

Откуда деньги средь военных дел?

Балакирев

Давай-давай! Иль палки захотел?

Меншиков, крякнув, вынимает из кармана мешочек с монетами, швыряет его шуту под ноги и, не переставая улыбаться, но со злыми глазами, возвращается на свое место.

Шереметев

Ай да Балакирев!

Брюс

Вот это шут!

Шереметев

Разбогател-то, а? В одну минуту!

Голицын
(Шереметеву)

Бежим, Петрович: здесь мирволят плуту,
Глядишь, и генералов оберут.

Балакирев
(разбирая монеты, зычно)

Павлушка!

Ягужинский

Я!

Балакирев

Зови сюда заправских
Героев-победителей полтавских.

Ягужинский
(улыбаясь)

Да ведь они же, царь, перед тобой.

Балакирев

Передо мною лишь одни вельможи,
А это, братец, не одно и то же:
Ведь не на карте разыгрался бой.

Меншиков

Охаивать вельмож? Да ты в уме?

Аллaрт
(надменно)

Отменное вельможное служенье —
Вот что спасло полтавское сраженье!

Балакирев

Про это расскажи своей куме,
А каждый воевода шкурой знает,
Что без солдат победы не бывает.

Аллaрт
(ехидно)

А... венценосец как же?

Все замерли. Царь насторожился.

Балакирев
(невозмутимо)

То есть я?
Так я ж и говорю, что без солдата
Виктория была бы скуповата:
Народ в бою первейшая статья!

Шереметев аплодирует. Царь улыбается одной половиной лица.

Балакирев
(Ягужинскому)

Ступай зови! Они стоят у входа.

Ягужинский открывает дверь. Входит отряд нижних чинов.

Балакирев

Вот перечень, звучащий словно ода!
(Вынимает список, читает.)
«На вражьих подымаяся костях,
Иван Большой, гранатами ударя,
Отбил у Крейца королевский стяг».
На! Получай! Сие от государя.
(Сыплет на ладонь Ивана Большого горсть золота.)

Шереметев

Спасибо, друг Балакирев! Виват!

Боур
(тихо)

За Меншикова, что ли?

Шереметев

За солдат!

Балакирев

Иванов-третий! Генерала ранил.
Гребенщиков! Полковника скрутил.
Никита Чохов! Этот заарканил
Министра и его доставил в тыл.

Царь
(поманив Чохова пальцем)

Тебе, герой, особая награда.
Проси, что хочешь.

Чохов
(скоморошливо)

А чего мне надо?
Бобыль — что дорожная пыль. А я и вовсе подбобыльничек. Мне что мереть, что жить. Жить даже лучше.

Шереметев
(подсказывая)

Да ты проси, а не благодари.

Ганнибал
(тоже)

Алмаз, алмаз!

Гребенщиков

Проси две тыщи белок,
Да только, понимаешь, зимних! Спелых!

Иванов-третий

Бери деньгою! Золотом бери!

Чохов

Не дари, государь, лаской, да не пори березовой связкой. А коли об милости речь, то попрошу я твоего царского прощения наперед. Хоть напьюсь, хоть в ведьму влюблюсь, хоть с лешаком подерусь,— обещай, государь, что на дыбу не бросишь.

Царь
(улыбаясь)

Ну что ж, бобыль. Да будет так, как просишь.

Смех. Аплодисменты. Чохов падает перед Петром на колени. Ягужинский отводит его к Балакиреву, который дает ему денег. Вновь появляется маска.

Меншиков
(подзывает Ягужинского, тихо)

Павлуша! Как закончишь ассамблею —
Шута ко мне.

Ягужинский
(неохотно)

За что?

Меншиков
(злобно)

Да хоть за шею!
И Чохова прихватишь заодно.

Ягужинский

Не стоит, князь... Ей-право же...

Меншиков

Но-но!

Ягужинский

Не осерчал бы царь-то.

Меншиков

Ладно! Хватит!
Мне за Никишку кое-кто давал
Двух вороных — и то не продавал.
Пускай теперь хоть шкурою заплатит.

Входит царевич Алексей.

Царь
(вспыхнув)

Кого я вижу? Отрок Алексей?

Царевич
(робко)

Отец...

Царь

Вот это встреча, так уж встреча!

Царевич

Я так спешил... Я чувствовал, что сеча...

Царь

Врешь! Удил по дороге карасей!
Откуда полз ты, дура? Из Китая?
Ведь я извелся, роты ожидая.
А? Лежебока чертов! Чужанин!

Царевич

Отец, тут люди.

Царь

Что ты мне за сын?

Маска

О государь! Отечества сыны —
Не дети ли твоей души да крови?
А твой наследник... Погляди на брови:
Не ясно ли? Он видит только сны.
Быть может, он великий тайновидец
И перед ним все бренное, как дым?

Царь Федор Иоанныч был таким:
Могучий страстотерпец, но не витязь.

Царевич
(потрясенный)

Послушайте! Вы кто такая? Маска!
Никто еще меня не понимал
С такой глубокостью...

Маска

К чему огласка?

Царь

Молчи, пескарь. Еще ты слишком мал,
Чтобы тебя и понимать изволить.
А ты, мадам, представься, а не то
Сорву личину. Можно ли позволить,
Чтоб нас дурачило инкогнито́?

Маска

Не знала я, что маскарад старинный
Беспечностью своею вам претит.
Примите извиненья.
(Снимает маску.)

Царь

Софья Питт?

Брюс

Кто это?

Ганнибал

Фрейлина Екатерины.

София
(делая реверанс)

Я, государь, вам привезла письмо
Ее величества царицы. Впрочем,
Две-три строки...
Буквально quelques mots... [1]
Мы в нем царю викторию пророчим,

[1] Несколько слов... *(франц.)*

Шлем комплименты, дуемся, грустим
И очень, очень видеть вас хотим.
(Подает царю письмо.)

Царь
(сует его в карман, не прочитавши)

Я видывал тебя, София, часто,
Да вот не понял твоего ума.

София
(с деланным смущением)

Ваше величество... Какое счастье...
Ведь я...

Царь

Ты хитроумна. И весьма.
Ну, и к тому же хороша собою.

София

О, не играйте девичьей судьбою.

Царь
(весело)

Так, стало быть, царевич Алексей,
По-твоему, великий фарисей?

София

Ах, что вы! Я...

Царь

Всегда окутан хмарью
От ладана да Иордань-реки?
Нет, нашенскому брату, государю,
Такая позитура не с руки.
(Алексею.)
Поход Ивана был как волшебство,
Но что с того осталось, кроме песен?
Он бросил в море заповедный перстень,
И я рожден, чтобы достать его.
(Снова раздражаясь.)
Да как достать, коли наследник мой
Отнюдь не принц, а лешачок с болота?
(Берет его за талию и, уведя в сторону, говорит, понизив голос.)

Пойми: Полтава — сухопутный бой.
Здесь конница да плотная пехота.
Вот этим нынче и могуча Русь.
Кто по плечу ей на степном просторе?
Все это так. Да впереди-то — *море*.
Давай-ка ухо!
                    Морюшка боюсь.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Заговор

Изба отца Иакова, вся наспех обставленная черно-бурыми ликами греческого и мстерского письма, указывающего на мрачный вкус хозяина. Вся главная стена занята деисусом. Христос в нем (очевидно, новгородского происхождения) был сначала золотым, но затем перемазан в грязноватую празелень, напоминающую болотную ряску. Алые одежды Крестителя и Марии переписаны заново темной умброй. Эпоха Петра I здесь кажется временем Иоанна IV. Изба старая, закопченная. Но в углу пропилена небольшая дверь, и пропилена, видимо, недавно: она еще очень свежа и явственно желтеет пятном на черной стене. В избе царевич Алексей, вышивающий на пяльцах, шут Балакирев и духовник царевича отец Иаков, все время к чему-то тревожно прислушивающийся.

Царевич

Полтавская победа! Ах ты, боже...
Прощай навеки, благостная тишь.
Теперь отца ни в чем не убедишь,
И бытие поймет он много позже.

Балакирев

Ты чем тут занят?

Царевич

                    А? Пустое. Шью
По пéревити древо да ладью.
Он победил, а стало быть, и прав!
И коли что в России было плохо,
То нынче с этого переполоха
Почтется за святыню.

Отец Иаков

Се — Исав
По ярости и дикости своей.

Балакирев
(улыбаясь)

Исав? Не думаю. Быть может, рыком?
Но хоть кричит звероподобным криком,
Он любит нас, как кровных сыновей.

Царевич
(с болезненной улыбкой)

Вас — может быть.

Балакирев

Нет, и тебя он любит.
Но ты... ты рана у него в груди:
Ведь ты не зришь того, что впереди.

Отец Иаков

Но, но! Не одурманивай словами!
Ступай себе. Уже, никак, заря.

Балакирев
(садится на пол, скрестив по-татарски ноги)

Да нет уж, посижу маленько с вами.

Отец Иаков

Ступай, ступай!

Балакирев

Поймите вы царя:
Великою он Русь увидеть хочет.

Отец Иаков

Зачем он душу древнюю морочит?
Над стариной зачем глумится он
И рушит благолепие, несчастный?
Где наш родимый колокольный звон?
Где буревой? Зазвонный? Семичасный?
Велеречивый монастырский зов
Малиновых российских голосов?

Балакирев
(с нарочитой наивностью)

Да-да. Я слышал про указ царя,
Чтоб земли монастырские отныне
Уже не причислялись ко святыне
В ряду церковного инвентаря,
Но шли бы государству.

Отец Иаков
(крякнув)

Мы не в споре.
Не бренного взыскуем. Видит бог!

Балакирев

И чтоб с церквей взимали бы налог
На кораблестроительство.

Отец Иаков

Ах, море!
Вот бóлесть государства моего...
С того и гром, и флот, и щегольство.
Да нужно ль море, коль имеем реки?
Ведь мы, я чаю, русские. Не греки.
А где моря, там и дикарский нрав.
Вот этим царь-то и заболевает.
Недаром, все отцовское поправ,
Он медный глас на пушки отливает...
Он бреет старцам бороды!

Балакирев

Увы.
Вам борода дороже головы.

Отец Иаков

Ну, бог с тобой. Вольно тебе шутить.
Но в нем откуда шутовская прыть?
Возьми хотя бы летоисчисленье:
Ведь Новый год-то богомольный царь
С Семена переставил на генварь!

Балакирев

Поистине, ка-кое преступленье!

Отец Иаков

Да в Библии-то, в Библии-то как?

Царевич

Ах, помолчи ты. Твой генварь — пустяк.

Отец Иаков

А как же — летоисчисленье, друже?
Ось древности?

Царевич

Есть вещи и похуже.
Земной порядок богом учинен!
Я чувствую смертельную угрозу:
Кто раскрывает пальцами бутон,
Тот получает осыпь, а не розу.
В руках Петра — я вот чего боюсь —
Осыплется родная наша Русь.

Балакирев

Не бойся. Ничего не учинится.
Ведь не слабей Европы наша плоть.

Царевич

Нам нечему у Запада учиться:
У них — науки, а у нас — господь!

Балакирев

Не отвергай науки, Алексей.
Чем государь силен? Подумай. Ну-ка.
Не тем ли,— а? — что за него наука?
С того-то наша зорька все алей!
Уральские, заокские заводы,
Азовская, воронежская верфь —
Вот где России движительный нерв!
Сюда идут раченья и заботы!

Отец Иаков

Во-во. Выходит, все один навет,
А правды нету в нашей укоризне?

Балакирев

Не то что правды... Кругозора нет.
Здесь перелом великорусской жизни:

Куда ни глянь — деяния везде!
А вы тоскуете о бороде...

Царевич

Ты помнишь новгородские иконы,
Где с суздальцами бой изображен?
Приходит Суздаль, многолюдный, конный,
Стрелою и мечом вооружен.
А Новгород прикрылся не щитом,
Но чудотворным образом «Успенье» —
И суздальцы познали отступленье.
Вот путь Руси! И я стою на том.
Пускай грозят нам мириады стрел,
Бог повелит — и недруг в пыль размолот.

Отец Иаков

Во прах, во прах!

Балакирев

Ты так, царевич, молод
И так по-стариковски устарел.
Куда юнее батюшка сынка.

Отец Иаков
(злорадно)

Вот это правда! Царь у нас — младенец.
(Кивая на царевича.)
Ну что б занять ума у старика?

Царевич смеется.

Балакирев
(в сердцах)

Ну что ж! Сиди над белью полотенец
И вышивай по сеточке ладью.
А твой отец за ярусами ярус
Возводит Русь великую свою,
А твой отец над Русью ставит парус!

Царевич

И ты... ты это говоришь?

Балакирев

А что?

Царевич

Ты, гений, богом созданный на то,
Чтоб истину провозглашать с амвона
Под звуки песнопения и звона,
Ты, что для церкви был бы так хорош,—
Ты стóишь здесь всего-то черный грош.
Не для тебя ведь этот белый парус!

Отец Иаков

Поистине: Данилыч, аки пардус,
Раскроет зев — и ты на зубе весь!

Царевич

Не в этом дело. Кто ты? Что ты здесь?
Ничем ништо. Чадишь ты еле-еле.
Шут!

Балакирев
(улыбаясь)

Это должность. А на самом деле
Я состою в советчиках царю,
И коли что неладное почую,
Как Ювенал, сатирою бичую:
Ведь я не в шутку правду говорю.

Отец Иаков

«Неладное почую...» Вишь ты. Хват.
Ты про кого?

Балакирев

Про тех, кого хулят.

Отец Иаков

Врешь! Ты про нас.

Балакирев

А что у вас такое?

Отец Иаков

Чего такое? Горюшко лихое:
Все гаснет! Гибнет!

Властный стук в окошко.

Кто там?

Голос

Это я.

Отец Иаков

Кто «я»-то?

Голос

Ягужинский.

Отец Иаков
(окружающим)

Ягужинский!
(Отпирает дверь.)

Входит Ягужинский.

Ягужинский
(обращается прямо к Балакиреву, не уделяя внимания остальным)

Доремидонт, за мной!

Балакирев со вздохом поднимается.

Эх ты, дитя...
Талан в тебе, не спорю, исполинский,
Да дерзок — ух! Ну, как с тобою быть?

Отец Иаков

Данилыч вызывает?

Ягужинский
(небрежно)

А? Так точно.

Царевич

Передаю приказ ему заочно:
Балакирева запрещаю бить!
Понятно ли?

Ягужинский

Ослушаться не смею.
И сей приказ, конечно, передам.
Да вот беда: послушают ли *там*?
Пошли, Доремидоша. Честь имею!
(Вместе с Балакиревым уходит.)

Отец Иаков

Видал? Уже не только что князья,
А хамы зазнаются. Ты в обозе.
Когда же государь почиет в бозе,
То Меншиков и все его друзья,
Исчадье всякой скверны и порока,
Возьмут под пятку и сынка и Русь.
Вот отчего я за тебя борюсь!
Коли не станешь ты царем до срока
И не посадишь на́ кол эту рвань,
Погибнет пресвятая Иордань!
Но почему же царь им потакает?
Пошто, на святость бешено ярясь,
Он святотатцев благостно прощает?
Ты думал ли об этом, ну, хоть раз?
(Торжественно.)
Познах я беззакония мои,
Но не покрых грехов моих. Однако
Имею ли я право жить инако,
Возобладавши мудростью змеи?
Ведь я-то ведаю, что царь — антихрист!

Царевич

Молчи, отец Иаков!

Отец Иаков

Как молчать,
Когда на нем анафемы печать?
Когда Шафиров, иудейский выкрест,
Да Катенька, бог знает от кого,
Да карлики, да немцы, да арапы,
Шутейные князь-кесари, князь-папы
Преобразили церкви существо.
А ты? Ты терпишь всю сию истому,
Ты, яко саламандра, спишь в огне!

Царевич

Оставь меня... Не приставай ко мне...

Отец Иаков

Да как же не к тебе? К кому иному?
Ведь мы, Але́ксий, верим лишь тебе!

Ведь переполнилася наша мера:
Артикулом военным стала вера,
Весь чин ее в литаврах да трубе...
Что есть митрополит? Солдатский нумер!
Не ладаном, но порохом кадит.
А ведь Христос-то на Руси не умер.
Он, батюшка, на русских и глядит.
Возглавь же нас, царевич! Уповаем!

Царевич

Молчи, старик. Ей-ей, скажу царю.

Отец Иаков

Ступай! Скажи: о старине горю
Со всем родимым православным краем.

Троекратный стук в окно.

Кто там?

Голос

«Отец Корова».

Отец Иаков

Заходи.

(Через маленькую дверь впускает фигуру, закутанную в плащ.)

Долгорукий

Я усмотрел Огнева позади.

Царевич
(удивленно)

Как! Долгорукий?

Долгорукий

Нет. «Отец Корова».

Царевич

Да ты ведь на Дону!

Долгорукий

Ага. Здорово!

Отец Иаков

Ну, как добрался до меня, отец?

Царевич

«Отец»... Что это значит?

Отец Иаков

Шутка, шутка.

Троекратный стук в окно.

Кто там?

Голос

«Жибанда», а со мной «Закрутка».

Отец Иаков

Входите!
(Впускает обоих через маленькую дверцу.)

Гагарин

Улизнули наконец.

Аллapт
(с сильным немецким акцентом)

Мы пофстречались тэнщику Ивану!

Царевич

Как! Это... это вы?

Аллapт
(приложив палец к губам)

«Закрутка», да.

Гагарин

Денщик, возможно, обознался спьяну.

Отец Иаков

А скажет государю — не беда.
Отбрешемся.

Аллapт

А «Молох» где?

Отец Иаков

Прибудет.

Троекратный стук в окно.

Да вот и он.

Входит Лопухин.

Царевич

Абрамий Лопухин?
Ты... ты посмел явиться?

Отец Иаков

Да, мой сын.
Посмел, посмел. О чем беседа будет?

Лопухин

Ну как, племянничек? Здоров?

Царевич

Постой...
Не соблазняй меня родством, Абрамий.
Зачем ты здесь?

Лопухин

Шел бором да горами
И прибыл в эту келью на постой.

Царевич
(зорко глядя на Лопухина)

Ну, вот что, друг. Твоя затея зря.
Слыхал? Во мне отцовское нетленно.
(Идет к выходу.)

Лопухин

Тебя, царевич, старица Елена
Благословляет из монастыря.

Царевич
(вздрогнув)

Мать?

Лопухин

Я сейчас оттуда.

Царевич

Что же с нею?

Лопухин

Стыдился бы. Я за тебя краснею.
И сам нейдешь, и грамоток не шлешь.
Исплакалася, на ворота глядя,
А ты молчишь.

Царевич

Но ты ведь знаешь, дядя:
Отцу все это — будто вострый нож!
Он воспретил и письма и свиданья.
Я напишу, а мне за то страданья:
Ведь царь суров.

Лопухин

Но за родную мать
Не грех порой сынку и пострадать.
Ведь вот она мне только что сестрою,
А я иду на плаху за нее.
Что ж! Явственное у тебя чутье:
Да, козни тут! Я их, Алеша, строю
(Скажу, как на духу) против царя!
Угодно — выдай это дело змию,
А нет — давай, брат, вызволим Россию,
А с ней царицу из монастыря.

Молчание.

Царевич
(прикусив губу)

«Жибанда»!

Гагарин

Я.

Царевич

Ты выйдешь на крыльцо.
Посторожишь.

Гагарин выходит.

Ну вот что, дорогие:
Не загоняйте вы меня в кольцо.

Терпенье! Стану я царем России,—
Христом клянусь, все сделаю для вас.
Но надо ждать!

Лопухин

Чего?

Царевич

Настанет час —
Преставится родитель...

Лопухин

Будет поздно.

Отец Иаков

Пока его величество помрет,
Мы околеем на краюхе постной.

Долгорукий

Нам и вздохнуть уже невпроворот.

Отец Иаков

Ты ждать здоров, а нам, царевич, жутко!

Царевич

Но восставать, покуда царь могуч,
Безумие!

Лопухин

Ах, Лешенька, не мучь!
Тебе легко... Докладывай, «Закрутка».

Аллapт

Друзья мои! Меня назначил царь
Кригс-комиссаром при плененных шведах,
И хоть весьма бы удивился предок,
Что я, барон, увы,— всего ключарь,
Но, значит, есть такие ключари,
Которые пригодны к высшей доле.

Лопухин

Обиды после. Дело говори.

Алларт

Я неких лиц прощупывал в неволе,
И был моим намеком умилен
Британец шведской службы Гамильтон.

Отец Иаков

Хитер уж больно. Вьется, словно язь.

Алларт

Das macht es nicht![1] Лукавство — нынче сила.

Долгорукий

Да что ж его нечистая носила
По всем путям?

Лопухин

Сие не важно, князь.
Носила, да к тебе ж и принесла.

Долгорукий

Да кто он есть?

Алларт

Заспорьте, но недолго.
Мне должно знать: вести ли с ним дела?
Воспитывать ли гончую из волка?

Долгорукий

Да годен ли хотя на этот гон?
Собаку за глаза не покупают.

Лопухин

Воистину, чем жив?

Долгорукий

Как поступает?

Алларт

Внимание! Входите, Гамильтон.
(Приоткрывает маленькую дверцу.)

---

[1] Это ничего не значит! *(нем.)*

Отец Иаков
(испуганно)

Осанна в вышних богу!

Лопухин

Что такое?

Долгорукий

Как ты посмел?

Аллapт

Потом поговорим.

Входит Гамильтон.

Беседуйте, покуда все в покое.

Увидев чужого, царевич быстро забивается в самый темный угол. Молчание. Никто не решается заговорить первым. Наконец выступает Лопухин.

Лопухин

Мы вот что. Мы о святости горим.
Наш государь, погрязши в низкой чуши,
К земному лишь направивши стопы,
Нарушил благочиния столпы
И, святорусские развеяв души,
Ввергает родину за пядью пядь
Из христианства к идолу опять.

Гамильтон

Увы, судить об этом я не смею,
Сказать по чести, я всего солдат
И политичных дум не разумею.

Отец Иаков

К тому ж и твой король не больно свят.

Долгорукий

Какое дело нам до короля?

Лопухин

Я, Гамильтон, о чем тебе толкую?
Хотели б мы державу не такую...
Вы там небось поете тру-ля-ля,
А нам дубинка — только и лекарство.

Долгорукий

Наш государь почище упыря.
Но мы-то ведь старинное боярство!

Гамильтон

Мне кажется, мельчите вы царя.

Все с изумлением глядят на иноземного защитника Петра I.

Лопухин

Ну что ж! Твоя понятна осторожность.

Отец Иаков

Да я ведь говорил вам: это язь!
(Гамильтону.)
Слышь! Ты беседуй с нами не таясь.
Мы не фискалы. Есть у нас возможность
Сие и доказать. Ведь тут сидят
Не токмо пастырь, воин да сенатор,
Но будущий российский император!

Гамильтон
(изумленно)

Царевич?

Царевич
(из угла)

Замолчи ты, пустосвят!
(Гамильтону.)
Вы этого... Старик объелся мяты...
Какой царевич? Что за колдовство?
Да мы уж год не видели его!

Гамильтон
(усмехаясь)

Чего же вы хотите от меня-то?

Царевич
(опешив)

Я?

Лопухин

Вот чего: коль Карлу передашь
О том, что предлагаем шведу братство,
Что мы откроем полностью Кроншлотт
И он бы, швед, туда направил флот,—
Получишь, друг, изрядное богатство.

Царевич

Да-да. Не пожалеем ничего!

Лопухин

А Балтику вернем обратно шведам.

Долгорукий

Уж это точно!

Отец Иаков

Здесь обман неведом.

Гамильтон

А что получит Англия с того?

Лопухин

Какая Англия?

Гамильтон

Держава мира.
Из пушек ли намерены палить
Иль добиваться заключенья мира,—
Ей нужно обязательно платить.

Лопухин

За что же?

Долгорукий

Фью! Слыхали полководца?

Гамильтон
(невозмутимо)

За то, что Англия. Уж так ведется.

На крыльце поднимается сильный шум. Все замирают.

Аллард

Что это?

Долгорукий
(растерянно)

А?

Лопухин

А где дозорный? Спит?

Вбегает Гагарин.

Гагарин

Бегите все! Живее... Ну, живее!
Он там воюет с этой... Софьей Питт...
А мы бежать — или пенька на шее.

Гамильтон

Как вы сказали: Софья Питт?

Гагарин

Ну да.

Гамильтон

Мне надо увидать ее воочью.

Долгорукий

Но не сейчас же!

Гамильтон

Завтра... Нынче ночью!
Для вашего же дела, господа.

Все, кроме царевича и духовника, скрываются за маленькой дверцей.

София
(вбегая)

Не смей меня преследовать, наглец!

Вваливается Огнев. Увидав царевича, пытается стать по-солдатски смирно.

Огнев

Тебя, царевич, требует отец.
(Глядит то на него, то на отца Иакова.)
Не верите? Спросите Софью сами.

София

Да. Государь прислал меня за вами.

Царевич
(внимательно на нее глядя)

Скажите... Вы ведь русская? Ведь так?
А как же «Питт»? Откуда эта кличка?

София
(тяжело дыша, но улыбаясь)

От дедушки. Он привозил табак
И прижился. А я вполне москвичка.
Табак тогда не нужен был царю:
Он сгнил до крошки.

Царевич

Так. Благодарю.
(Кивнув Софии головой, уходит.)

Огнев
(отцу Иакову)

И ты уйди.

Отец Иаков

Я у себя.

Огнев
(положив ладонь на рукоять кинжала)

Уйдешь?

Отец Иаков

Уйду-уйду... Я недруг беспорядка!
(Убегает.)

Огнев

Что? Струсила? Ага! Хватила дрожь?
Ну, то-то же. Знай наших. Эх, касатка!
(Схватив Софию, хочет поцеловать.)

София вырывает из ножен Огнева кривой кинжал.

Полегче, дура! Кабардинский нож!
Да он... Да с ним беды не оберешься!

София
(с ненавистью)

Убью тебя, коли меня коснешься.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Отец и сын

Шатер Петра. Царь, Меншиков, адмирал Апраксин и командор Синус стоят у модели фрегата.

Царь
(недовольно)

Все это, адмиралишки мои,
Изъящно, преотлично и так дале:
И зодчество, и парусов слои,
И даже мелочь — рейки да шлюп-тали.
Но хорошо ль оно как образец?
Ведь тут параду более, чем бою.
Подумайте.

Царевич
(входя)

Ты звал меня, отец?

Царь

Звал. Я хочу поговорить с тобою.
Садись покуда.

Меншиков
(Апраксину)

Ты гляди сюда:
Здесь тридцать два железные лафета,
А между тем такие бы суда
Поднять могли с полсотни!

Царь

Верно это?

Апраксин

Так точно, государь.

Царь

А если так,
На кой же шут мне этаки модели?
Да кто я вам таков, на самом деле?
Совать мне сей трехъярусный пустяк!

Меншиков

Да ты-то, голова адмиралтейства,
Сообразил, что это верх злодейства?
(Азартно.)
Царь! Поручи ты это дело мне!
Я слажу корабельное кумпанство,
Поговорю за брагой, но без пьянства
С купцом Баташевым наедине.
Мы целый флот на стапеля поставим
И этакое чудо-юдо справим,
Что и голландцу ахнуть!

Царь
(глядя на него влюбленными глазами)

Что ж, изволь!
Но пусть войдет в кумпанство и Апраксин.
Хоть ты ему на рану сыплешь соль,
А все ж и он тут будет не напрасен.
Первей всего — для дела и души —
Хочу увидеть плавный, словно пава,
Корабль под названием «Полтава».
Я, кстати, набросал и чертежи.
Вот. Не угодно ль будет разобраться?
Но чтоб не мешкать. В два приема, братцы.
(Алексею.)
Ты что же бледен? Нездоров?

Царевич

Да-да...

Царь

Хотелось мне поговорить с тобою,
Да только не под воинской трубою,
А так вот...

Апраксин покашливает.

(Оборачивается.)
Вы свободны, господа.
Постойте-ка, а как изобретенье?

Синус

Его уже отправили на флот.

Царь

И что же?

Синус

Получает примененье.

Царь
(Алексею)

Я выдумал такую штуку: лот.
Во-первых, измеряет глубину,
А во-вторых, берет из грунта пробы.
По-моему, полезно, а?

Меншиков

Еще бы!

Апраксин

Имею честь!

Синус

Имею честь!

Царь

Ну-ну!

Апраксин и Синус уходят, унося с собой модель фрегата.

Меншиков
(задерживаясь в дверях)

Да! Я забыл сказать: мне нужно ссуду.

Царь

Ах, вон чего! И много?

Меншиков

Тысяч сто.

Царь

Пятнадцать.

Меншиков
(изумленно)

Ась?

Царь

Пятнадцать, а не то

И вовсе шиш.

Меншиков

А коли так, не буду
Ни слаживать, ни строить — ничего!

Царь

Нет, будешь.

Меншиков

Нет, не буду!

Царь
(угрожающе)

Алексашка!
Слыхал ты о статье про бунтовство?
Пятнадцать тысяч. Вот тебе бумажка.
(Пишет несколько слов и выпроваживает его. Затем обращается к сыну.)
Садись. Поговорим. Возьми кисет.
(Раскуривает трубку.)
Ты очень огорчил меня, Алеша.
Ужель не видишь ты, какая ноша
Лежит на мне! Ты что, не куришь?

Царевич

Нет.

Царь

Ах да. Ну-ну. Понятно, я жалею,
Что этак грубо выбранил тебя
И осрамил на всю на ассамблею.
Но разве я шумел бы, не любя?
Ведь больно мне, Алеша. Вот как больно!

Куда уходят все мои труды?
У Швеции есть городок Стекольный [1],
И шведы им юродиво горды.
А Петербург? Ведь он побольше диво!
Ты по прожекту одному пройдись —
И то поймешь. Ведь это Парадиз!
Там Невская проляжет першпектива
Верст этак на́ семь кверху от Невы,
Над Зимнею канавкой будет арка,
Которая связует оба парка,
И всюду мраморы среди листвы,
Да не мадонны или там предтечи —
Сражение амуров да психей!
Музеум, а?
Пойми же, Алексей!
Пойми меня: на чьи такие плечи
Градостроительство я возложу?
Правителю какому сдам свой молот?

Царевич

К чему такие мысли? Ты ведь молод.

Царь

Но я, мой сын, в грядущее гляжу.
Царям нельзя иначе. Оттого-то
Ты для меня и главная забота.
Наследника мне должно воспитать —
Хозяина, судью и полководца!
И чтоб мечтал о власти не как тать,
А пил бы из отцовского колодца,
Как восприемник русского царя.
Учись, покуда жив я. Будет поздно.
Мой образец Иван Васильич Грозный
Нам завещал дорогу на моря...
(Страстно.)
Нам нужен океанский сиверок!
Россия задыхается от суши!
Родной... Не пожалеем наши души:
Дадим друг другу клятвенный зарок,
Что мы добьемся выхода на взморье.
Коль я не добреду, ты сам дойди.

---

[1] Стокгольм.

За нами Белый Камень да Копорье,
Но Балтия, однако, впереди,
А значит, одолевши все каменья,
Не миновать нам флотского сраженья.
Но Швеция, брат, на море сильна!

Царевич

Опять сраженье? Господи... доколе?

Царь

Что делать, сын? Сие не в нашей воле.

Царевич

Нет, в нашей!

Царь
(мягко)

Мальчик...

Царевич

Выслушай сполна!
В младенчестве твоем твоя сестрица,
Чтоб от тебя на время отстраниться,
Из детворы тебе сыскала рать,
Дабы царек по-детски забавлялся.
Но ты, как стал в потешные играть,
Так до седых волос и доигрался.
Проходит жизнь. Но каковы плоды?
Оглянешься — все те же Алексашки.
И хоть затяжелели на пуды,
А все еще, как в детстве, их замашки:
Весь мир — Преображенская гора,
И, стало быть, опять игра, игра...

Царь
(восторженно)

Алешка! Я сражен твоим умом!
Я сам порою думаю о том,
Какое счастье пало мне на долю:
Ведь все мои товарищи со мной!
И ветер детства, ярый, озорной,
По-прежнему гуляет по раздолью
Души да мысли каждого из нас —
От Шереметева до Алексашки!

Хоть этот граф, а тот светлейший князь,
Но за меня пойдут в одной рубашке!
Ты что смеешься?
Знаю.
Говорят,
Что Меншиков — стяжатель и хапуга?
Ну и пускай. На свете нет наград,
Чтоб одарить мне этакого друга.
Он мой навек! Не потому, что царь,
А потому, что детские мечтанья
Ввели наш дух в воинственную зарь,
Грядущие провидя очертанья
России нашей! *Это* бы понять —
И можешь ты страною управлять.

Царевич

Ах, батюшка! Родимый! Дай мне волю!
Когда, бывало, утром выду к полю
И вдруг ко мне сбегутся васильки,—
Лазурь в душе проступит сквозь томленье...

Царь
(удивленно)

Но васильки — ведь это сорняки!
Какое же от этих умиленье?

Царевич
(не слушая)

Господь свидетель: царство не по мне.
Мне бог судил совсем иную долю.
Так отпусти бескрылого на волю!
Видал ты стерлядь на песочном дне?
Стоит и только жабрами колышет.
По ней струя. А та стоит и дышит.
А сверху воды, как живой янтарь...
Ах, если б я вот так же растворился
В красе господней мира, государь!

Царь
(ворчливо)

Так вот бы ты стерлядкой и родился!
(Глядит на царевича пронизывающе.)
Все это блажь. Юродство.

Царевич

Почему?

Царь

Смотри мне, Алексей! Не вышло б хуже.
Ты сын царя. Единственный к тому же.
И ты не смеешь жить не по уму.

Царевич

Не смею быть счастливым?

Царь
(раздраженно)

Замолчи!
Указ подписан. Где мои ключи?
(Отпирает бюро.)
Тебе от наших дел не схорониться.
Коль царь — невежда по чужой вине,
Зато царевич грамотен вдвойне.
Ты рос в науках здесь и за границей,
Тебя учили не баклуши бить;
Познав немецкий, аглицкий, французский,
Пора тебе заговорить по-русски
И в государстве деятелем быть,
А не сползать в болото ненароком.
(Протягивает ему указ.)
Изволь прочесть.
Ты будешь царским оком
При тех войсках, что сызнова пойдут
На Ревель да на Ригу. Видишь карту?
Эстляндцы здесь. А латыши вот тут.
Прошу тебя: исполнися азарту,
При случае себя не пожалей,
Но будь достоин армии своей.
По мелочам учить тебя не стану.
Вот мой завет.
Первейшая статья —
Кого привлечь к водительскому стану?
Того ли, чей отец или дядья
Имеют руку в доме самодержца
Да предков именитых? Нет и нет!
Ищи того, кто излучает свет,
То есть людей и разума и сердца.

А будет то пирожник Алексашка,
Арап ли Ганнибал, Шафиров-жид —
Про это богу думать надлежит,
А ты, Алеша, помни: тут поблажка
К отсталости немедля поведет.
Но, приручивши áглицких да прусских,
На всех шверпунктах ставь, Алеша, русских:
Руси, Алеша, русские оплот.

Второе: не помысли о себе,
Что ты умней противника. Ни боже!
Мудрец зазнавшийся — одно и то же,
Что и глупец. Обоим в их судьбе
Невидимая слепота мешает,
И ждут обоих когти да рога.
Запомни, сын мой: тот и побеждает,
Кто уважает своего врага.

И наконец: не всем доносам верь.
Бывают умышленья, да и басни.
Но все же открывай широко дверь
Пред голосом народа. Без боязни
Пусть каждый, даже темный рядовой,
Слуга последний говорит с тобой.
Полезное всегда исправно слушай,
Чего не знаешь, то не анекдот.
Иной язык, как богом данный случай,
Смертельную опасность отведет.
К примеру — Чохов!

Вбегает встревоженный Меншиков, за ним — серый от дорожной пыли Ягужинский.

Меншиков

Петр Алексеевич!

Царь

Ну вот и все. Ты многому учен,
Но кое-что смекает и царь-неуч:
Людей да судьбы видывал и он.

Меншиков

Дозволь сказать!

Царь

Чего тебе?

Меншиков

Несчастье.
В верховьях Дона мой стоит завод.
Ты знаешь!

Царь

Это пушечный?

Меншиков

Вот-вот.
Его пленили бунтовские части.
Я из Полесья, государь, по сплаву
О прошлый год послал колокола.
Теперь завод работал бы на славу.
Но эти разорят его дотла.

Ягужинский

И хоть бы только это, государь.

Меншиков

По-прежнему куражится бунтарь!
Шагая от затона до затона,
Бьет, Алексеич, наших верных слуг!

Царь

Постой. Не торопись. Откуда слух?

Ягужинский

Зачем же слух? Меня прислали с Дона.

Царь

Кто? Долгорукий, что ли?

Ягужинский

Точно так.
Велел сказать: у Воинской станицы
Опять повстанцы водрузили стяг.

Меншиков

Дозволь-ка с ними, государь, схватиться.
Ведь бунтари подобны татарве:
Один хороший полк при двух орудьях,
И мыслимо не только припугнуть их,
Но и рассеять.

Царь

Кто там во главе?

Ягужинский

Ах, государь, полтавские солдаты.

Царь
(вздрогнув)

Ты шутишь? Имена!

Ягужинский

Иван Большой,
Названов, Клунин...

Царь

А старшой, старшой?

Ягужинский

Никита Чохов.

Царь

Чохов? М-м, проклятый!

Меншиков

Я Пашке приказал его вернуть
(Он мой кузнец). Ну, Пашка попытался...
А тот отбился, к низовым подался,
Да и других сманил на этот путь.

Царь
(задумчиво)

Казаки за Мазепой не пошли...
Но ведь Мазепа — дворянин из Польши.
А тут мужик. Да из родной земли.
Свой человек. Опасность тут побольше.
Чуть искорка — и вот за голытьбой

Кровавой тенью встанет сам Булавин!
Он Дон и Волгу кликнет за собой,
И ежели ему удастся бой,
То мужичонка дворянину равен.
Эх, надо ж было жадничать тебе!
(С холодной свирепостью.)
Хоть пушками по воробью нелепо,
Но коли Чохов есть второй Мазепа,
То дело не в блистательной пальбе.
Мне мало разогнать их. Где тут карта?
Разгонишь — глядь, он снова позовет.
Здесь Дон. Здесь Воинская. Тут завод.
Приказываю коннице Алларта
Ипкишку обложить, как волка.

Меншиков

Есть!

Царь

Повстанческую сволочь бить нещадно,
Колесовать ли, на колы — все ладно!
А Чохова живого мне привесть.
И человеком, а не фунтом мяса!

Меншиков

Дозволь и мне заняться.

Царь

Занимайся.
(Поворачивается к сыну, который жадно слушал весь этот разговор.)
Ну, я пойду на сборы их взглянуть.
А ты-то приготовься: завтра в путь.
(Целует царевича в лоб и уходит. За ним — Меншиков и Ягужинский.)

Царевич
(один)

Как он ко мне доверчив... Боже мой!
А речь его? Тут яхонты да перлы...
Отец — бесспорно, человек прямой,
Но не коварствует ли Петр Первый?
Ведь он сегодня тепел, как отец,

Не оттого, что в нем теплынь отцова:
Он хочет сына покорить вконец,
Преобразить его в царя меньшого —
Вот умысел! Российский государь
Старается не о сыновнем счастье,
А о России! О моем участье
В ее делах! Он не отец. Он царь.
Ему нужда, чтоб я своей рукою
Помог ему все ставить кверху дном,
Чтоб жизнь текла для новшества рекою,
Но был разрушен прадедовский дом...
Ах, дедовщина! Образы твои
Навек растворены в моей крови.
Я к ним прикован золотою цепью
Совсем не из любви к великолепью:
Любое у былого отобрать —
Как бы от раны паклю отодрать!
Любая деревянная зверушка —
Конек, рябая рыбка ли, петух —
Куда важнее для меня, чем пушка,
Затем, что в ней, в игрушке, древний дух!
Багряная ладья на полотне
Куда дороже, чем на верфи судно,
Затем, что детство дышит беспробудно
В ладье моей. И это сладко мне.
Да! У меня в груди своя Россия!
Не ворвань с дегтем, но роса да мед.
И хоть настали времена иные,
Да мы еще посмотрим, чья возьмет!
Коса нашла на камень!

Вбегает София.

София

Государь!
Ах, это вы? Спасите от Огнева!

Шатаясь, входит Огнев.

Огнев

Не бойся, друг!

Царевич

Ты что же это? Снова?

Огнев

Постой-постой...
(Вынимает из кармана ларец.)
Видала? Это ларь.
А в нем тебе, красавица, на шею
Вот этакой окатанный жемчу́г.
Возьми. Да ну, возьми! Не бойся! Друг!
Ведь я тебя жалею... Так жалею...
Ну, вот до слез!

София

Опомнись! Ты! Холоп!

Царевич

Ты что? В бреду? Или хлебнул рябины?
Ведь это фрейлина Екатерины!
Простите, фрейлен, сей дубовый лоб.

Огнев

Жалею! Понимаю, что дурак...
Тебе мои жемчужины — не диво.
А вот жалею. Таково ретиво —
Ну, как русалочку из-под коряг,
Что, скажем, утопилась от злосчастья.

София
(брезгливо)

Ступай ты прочь!

Царевич

Ты должен понимать:
Не нужно даме твоего участья.
Иди-иди. Проспись.

Огнев

Ну что ж. Пойду.
Но вот что я скажу вам... как вас... панна!
Коль ненароком попадешь в беду,
Надейся, дорогая, на Ивана.
(Уходит, всхлипывая.)

София

Простите мне, что я сюда пришла
И ваше одиночество смутила.

Царевич

Его простите. Он ведь не со зла.
Влюблен, влюблен...

София
(кладет ладонь на руку царевича)

Какой вы, право, милый.

Царевич
(отведя руку)

Что ж! Может быть, и мил. Да не для всех.
(Глядит на Софию пронзительно)
Ваш славный дед, что с табаками прибыл,
Не в табаках искал, однако, прибыль.

София
(вздрогнув)

Как вас понять?

Царевич

На вас великий грех.

София

На мне?

Царевич

Да-да. Большое злодеянье.
Вас ожидают плеть и колесо.

София

О чем вы, господи?

Царевич

Я знаю все.

София, недоуменно пожав плечами, замолкает.

Но я спасу вас. А теперь вниманье!
Вам нынче, верно, не придется спать.
То, что скажу... Но я закрою двери.

София
(упавшим голосом)

Достойна ли я вашего доверья?

Царевич

Миледи! Дон волнуется опять.

София

Не понимаю. Дон?

Царевич

Ну да. Повстанцы.
Какой-то Чохов там за главаря.
У них, понятно, маленькие шансы,
Ничтожные, короче говоря,
Но царь-то осторожен. Он страшится,
Что Волга может Чохову помочь.

София
(осторожно)

А Чохов... где?

Царевич

У Воинской станицы.

София

И что же сделано?

Царевич

Да нынче в ночь
Послал его величество с азарта
Данилыча, Голицына, Алларта...

София

Уже послал?

Царевич

Да вот сейчас пойдут.
Конечно, Чохов — это только грохот.
(Значительно.)
Но если шведы с турками помогут...

Софья
(вдруг заторопившись)

Простите, принц... Я задержалась тут...

Царевич

Идите.

София делает реверанс и уходит.

(Один.)

Так. Одна забота с плеч.
Теперь вторая: перед нами Рига.
Как вам, Алеша, сбросить это иго?
Как отвести пожалованный меч?
(Грызя ногти, озирается по сторонам. Вдруг замечает над постелью отца огромный французский пистолет.)
Ба! Мы обогатились пистолетом!
Вот и отлично. Выход недалек.
(Снимая оружие.)
Итак, мы упражнялись, но при этом...
Как это вышло, право, невдомек,
Затем, что нам устройство незнакомо...
Французский. А?
(Колеблется.)
Стыдись. Что за испуг?
Ведь не себяубийство же, мой друг.
Удар свинца — и вот опять вы дома.
Нащупать лишь «собачку» от курка
И, выставив свою ладонь у дула,
Слегка нажать...
Гм... Странно. Не стрельнуло.
Однако же у вас дрожит рука.
И палец вы в скобу не уложили.
«Собачка», принц, находится внутри.
Э! Вы хитрите...
(Стиснув зубы.)
Ну! Теперь вы в силе?
Внимание, Алеша: раз, два, три!

Выстрел.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Западня

Комната генерала Гамильтона в бараке для шведских военнопленных. Гамильтон и София сидят на табуретах. Барон Алларт в походной одежде стоит у двери.

Алларт

Я отшень тороплюсь, мой генерал,
Поэтому вы говорите с нею.
Я более помочь вам не сумею...
Провал! Многозначительный провал!
Кригс-комиссаром при военнопленных
Назначен Боур. Это злой латыш.
Он из любимцев. И весьма отменных.
Теперь, коли за чем не уследишь,
То головой заплатишь. Это точно.

Гамильтон

А он надолго?

Алларт

Он уселся прочно.

Гамильтон

Гм... Я считал, что Боур — шведам друг.
Ведь он служил когда-то Карлу.

Алларт

Верно.
Да вот в Петра влюблен неимоверно.
Ну, я бегу. Заволновался юг.
Там, в пунктуме одном сосредоточась,
По слухам, формируются пока
Два регулярных бунтовских полка.
Прощайте, Herr! [1] Я выступаю тотчас.
(Уходит.)

Гамильтон

Вы, стало быть, и есть София Питт?

---

[1] Господин! *(нем.)*

София

Да, генерал.

Гамильтон

Мы не в родстве ли с вами?

София
(поведя бровью)

Я русская.

Гамильтон
(усмехаясь)

А я так швед. Но знамя
Одно над сердцем а́нглийским парит,
Хоть вы и при Петре, а я при Карле.
Не правда ли? Выходит, мы в родстве.

София

Кто вас послал?

Гамильтон

Статс-секретарь, сэр Гарлей.
А вас?

София

Лорд Витворт, резидент в Москве.

Гамильтон

Что можете, миледи, сообщить?

София

Произошло восстание в станице.
Оно еще дымок. Но, может быть,
Когда бы удалось вам устремиться
Немедля к ставке короля...

Гамильтон

Зачем?

София

Но надо же сказать ему об этом!

Гамильтон

Возиться с этим драчуном отпетым?
Ну нет, мадам. Я буду глух и нем.

София

Но вы «отцу Закрутке» говорили,
Что сможете от нашего лица
Споситься с Карлом...

Гамильтон

Этого юнца
Ничто, миледи, возродить не в силе.
«Отцы» ведь не дослушали меня.
Я говорил об Англии! Поймите:
У ней в руках таинственные нити
Всех обстоятельств нынешнего дня.
Когда бы не она — поверьте, право,—
Карлишка не дошел бы до Полтавы.
Теперь он пал. Он в Турции залег.
Но царь ведь не останется в покое!
Так дайте же вы Лондону в залог
Хотя бы обещание какое!
Тут надо в жертву что-либо принесть.
В конце концов немного. Даже мало.
Не так уж важно Лондону обресть,
Как важно, чтоб Москва не обретала.

София

Чего же вы хотите?

Гамильтон

«Вы»? Мой бог!
Скажите: «мы»! (Ведь наш пароль «Британья»!)
Мы требуем, как я сказал, в залог
Подписанного кликой обещанья,
Что Алексей, вступивши на престол,
Откажется от Балтики навеки.
Коли согласны, я, как их посол,
Отправлюсь тотчас к шведскому калеке
И обо всем для них договорюсь:
Нельзя позволить, чтоб окрепла Русь!
И, наконец, они сказали сами,
Что все завоевания вернут.

София

Кому сказали?

Гамильтон

Мне.

София

Сказать не труд.
Они привыкли управлять полями,
Но государством править посложней.
Я знаю Русь. Тут надобно считаться:
Нельзя Руси без берега остаться.
Без океана невозможно ей.

Гамильтон
(изумленно)

Послушайте-ка, мисс! Вы что сказали?
Вы кто такая? Фрейлина двора,
Да не Петрова, а жены Петра,
Но держитесь царицей в тронном зале.

София

Потише. Здесь подслушивают.

Гамильтон

Черт...

София

Вы вспомните свои слова, милорд,
Когда я стану здесь императрицей.

Гамильтон
(изумленно)

Вы? Впрочем, в этой дикой стороне
Бывают судьбы точно как во сне!
Здесь может невозможное случиться.
Так вот откуда это ваше «вы»
И царственная мысль о русском море!
Да, быть Британии в великой ссоре
С грядущей королевою Невы.

София

Я думаю и на российском троне
Пребыть слугою áнглийской короне.
Забуду ли Британию мою?

Гамильтон

Вот тут я англичанку узнаю!
Но если говорите вы не бредя,
То нужно делать ставку на сынка:
Игра с отцом — игра с огнем, миледи!
Не стала ожерельем бы... пенька.
Я, например, с Петром бы не играл.

София

Я ставлю на обоих, генерал.

Гамильтон
(смеясь)

Императрица! О! Императрица!

София

Итак, милорд, вам надо устремиться
Немедленно же к королю.

Гамильтон

Но как?
Уж очень зорки русские медведи...
Кто выпустит меня отсюда, леди?
Хоть в этом вы помощница?

София

Никак.

Гамильтон

Так что же делать?

София

Но ведь вы мужчина!
Убейте, что ли, стражу. Вот вам нож.
Робеете?

Гамильтон

Всю стражу не убьешь.
Тут нужен человек большого чина,
Который спешно вызвал бы меня
С начальственной решительностью строгой,
А на конвой напали бы дорогой,
И я вскочил бы, леди, на коня
Да скрылся в поле.

София

Это невозможно.
Набрать людей, чтобы затеять бой
И этим взбудоражить ваш конвой,
Пожалуй, я смогла б. Но вызвать *ложно* —
На это не осмелится никто.

Гамильтон

Но это надо сделать, а не то
Весь заговор не стоит и полушки.

Входит Огнев.

Огнев

А! Вот ты где, красавица моя!
Ищу и в городке и на опушке,
А ты махнула в шведские края?

София

Поди ты прочь!

Огнев

Но как это, однако,
Ты очутилась тут?

София

Поди ты прочь.

Огнев

Не диво ли? Ведь на дворе-то ночь.
Петух молчит. Не лает и собака.
Как надобно все это понимать?
Вот душенька моя у Гамильтона
Сидит себе без всякого закона
За дверью, где сургучная печать...

София

Я по закону. Я пришла с Аллартом.

Огнев

Зачем пришла?

София

А ты мне что за спрос?

Огнев

Ты, Софьюшка, не хорохорься! Брось!
Ты с неприятельским кавалергардом
Шепталася, аж занимался дух...
Однако вы задышите короче,
Когда про все про это, милый друг,
Узнает сам-то! Беспокойной ночи!
(Идет к выходу.)

София
(кидается к Огневу, берет его за руку)

Ты этого не сделаешь, Огнев.

Огнев

Не сделаю? Увидим.

София

Пожалеешь!

Огнев

О чем? О том, что ты во рву истлеешь?
Да мне-то что!

София
(шепотом)

А то, что черный ров
Навек схоронит красоту мою —
Зеркальное моих очей сиянье,
Волос моих лучистое сверканье
Да звук речей, подобный соловью...
И слух твой никогда уж не услышит
Мое дыханье на щеке твоей;
И шепот мой, как веянье ветвей,
Всю душу ароматом не всколышет...

Огнев
(громко)

Да я и не слыхал их!
(Хочет уйти.)

София
(увлекает Огнева в угол)

Погоди!

Огнев

Да ты про что все это?

София
(шепотом)

Слушай, Ваня!
Я фрейлина, а ты — простого званья,
Но тот чудесный огонек в груди,
Что так тебя измучил... Ах, мой милый!
Ведь это чувство жаркое твое,
Оно давно уж стало и мое,
Оно меня ночами истомило...
Как часто вижу я тебя во сне!

Огнев
(блаженно)

Во сне? Меня?

София

О да! Поверь, любимый!

Огнев
(шепотом)

Так отчего не сказывала мне?
Как подойду — ты мимо. Тотчас мимо.
Нет! Врешь ты все! Ты брезговала мной!

София

Клянусь тебе, Иван... Я притворялась.

Огнев
(задыхаясь от боли)

Я пропадал... Ходил я как чумной...
А ты? Ты надо мною издевалась!
Одни глаза твои-то... У, змея!

София
(жестко)

А ты-то как со мной, любовь моя?
То с грубостью пристанешь по-медвежьи,
То ожерельем покупать решил.
А ты со мной встречался бы пореже,
Но письмами бы кровь заворожил,

И чтоб слова там были не лихие,
А нежные да жаркие такие...

Огнев
(еще недоверчиво, но уже гораздо мягче)

Так ты с того и притворялась?

София

Нет.
Лгать не хочу. Я по другой причине.
Ведь я... супругой этому мужчине.

Огнев
(изумленно)

Супругой?

София

Да. Тому не много лет.
Я с батюшкой бывала за границей,
Чтобы манерам фрейлин подучиться.
И вдруг явился предо мною он,
Великолепный рыцарь Гамильтон.
Ах, боже мой...
Каким он был влюбленным!
Но батюшка не слушал ничего.
И вот... увы... чтобы сломить его,
Мы тайно обвенчались с Гамильтоном.
Я ожидала от того добра,
А вышло? И к тому ж я разлюбила.
(Плачет, но быстро, впрочем, успокаивается, мужественно утирая глазки.)
Вот отчего я притворялась, милый.
Ведь он-то муж! Ну, я пойду. Пора.
Мне долго оставаться неудобно:
Здесь как-никак, а все-таки поло́н.
(Прощаясь с Гамильтоном, обвивает рукой его шею.)

Огнев

Все это сновидению подобно...
Но до чего ж уродлив Гамильтон.

София направляется к двери.

Постой-ка, Софья. Что же будет дальше?

София

А дальше Гамильтонова жена
У государя попросить должна,
Чтобы видаться безо всякой фальши.

Огнев
(шепотом)

Да ты ж его не любишь!

София

Не люблю.

Огнев

Так как же ты?

София
(вздохнув)

Такая, видно, доля.
Уж как-нибудь до смерти дотерплю.
Конечно, если б ночью... без огня...
Пустить его верхом во чисто поле,
Он тотчас ускакал бы от меня.

Огнев

А государь лишился б генерала?

София

Да кто в нем, Ваня, чувствует нужду?

Огнев

Но он толмач.

София

Он знает очень мало.
Я лучше во сто крат переведу.

Огнев
(глухо)

Ты хочешь так?

София

Хочу, да не умею.

Огнев

Но ты-то хочешь этого?

София

Ну да.
К чему мне этот старичок на шею?

Входит генерал Боур.

Боур
(строго)

Вы что тут делаете, господа?

Огнев

А, Боур? Здравствуй!
(Гамильтону.)
Одевайся, живо!

Боур

Куда такое? Эй! Конвойный взвод!

Огнев

Ну-ну! Стрелками не пугай. Не диво.

Боур

Да что же это?

Огнев
(отчаянно)

Государь зовет!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

КАРЛ XII

Крестьянская хата в Молдавии. Карл XII полулежит на топчане, вытянув забинтованную ногу. Лицо его узко и продолговато. Высокий лоб, свисающий нос, очень короткое расстояние от верхней губы до ямки на подбородке; кажется, будто он всегда поджимает рот, что придает ему сухое, скаредное, старушечье выражение. Однако тонкие женские брови и широкие серые глаза, смягчая жесткость его облика, выдают мечтательный и честолюбивый характер его натуры. Ему двадцать семь лет. Подле него — кабинет-министр барон Герц, гетман Мазепа и претендент на российский престол Яков Собесский. Командующий кавалерией генерал граф Стенбок нервически шагает из угла в угол.

Король
(хищно)

Я вешал их, я села их сжигал.
Уж вороны наелись до отвала,
Уж волки обходили черный пал,—
И что же? Оказалось, мало. Мало!

Герц

Ну стоит ли все время вспоминать
О том, как нас разбили под Полтавой?

Король
(упрямо)

В сраженье с этой скифскою оравой
Утратил я классическую рать.
Ведь рядом с ней бледнели все примеры.
Сам Карфаген... Но что такое он?
У Цезаря Десятый легион
Не знал таких, как наши гренадеры.
И вдруг я здесь... в Бендерах... без солдат...

Стенбок

Но я-то за пехоту не в ответе?

Король

Но конница? Сей драгоценный клад!
Где кирасиры, великаны эти?
Гусары где?

Мазепа
(Стенбоку)

Где наш военный план?

Стенбок

Молчите! Вы! «Ясновельможный пан»!
Вы смеете нам задавать вопросы?
А где обещанные малороссы?
Ушли в Россию! С первого же дня!

Мазепа

О, тут какая-то загадка. Тайна.
Клянусь, король: тут явно западня!

Герц

Вас, гетман, презирает вся Украйна.
Вот вам разгадка.

Король

Русская орда
Сумела победить такое войско!

Собесский

Да, если б конница прошла геройски,
Я стал бы Мономахом, господа.

Стенбок

Но как же мог живой, мясистый конь
В бесплотности промчаться сквозь огонь?

Собесский

Да он оправдывается к тому же!
Вы совершили преступленье.

Король

Хуже.
Ошибку!

Собесский

Нет, мой генерал. Увы!
Когда я буду королем Москвы,
То Стенбоков отнюдь держать не буду.

Стенбок

Но в чем же, господи, моя вина?
Ведь их огонь... Он был везде и всюду!
Уж это ремесло, а не война!
Передо мною огненные печи
Всемерно лили ядра да картечи.
Что против них мой ветреный штандарт?

Герц

Довольно, граф.

Стенбок

Но в чем моя ошибка?

Король

Ошибка в том, что вас, кавалергард,
В бою вела надменная улыбка.
Петра одолевая на «ура»,
Вы Стенбока в нем видеть полагали,
А Петр Первый, зная вас едва ли,
Считал, что видит пред собой Петра.
Не оценивши вражеских умений,
Наивно вы надеялись на пыл,
А тот предполагал военный гений,
Он возвеличил вас и... победил.

Смех.

Мазепа
(льстиво)

Ах, что за дивный юмор! О король,
Вся Греция возникла в этом блеске:
Здесь подлинно аттическая соль!

Король не поворачивает к Мазепе головы.

Не правда ль, Герц?

Министр как будто и не слышит слов Мазепы.

Не правда ли, Собесский?

Претендент на российский престол презрительно безмолвствует.

Герц

К чему, король, ошибки разбирать?
Мы потеряли боевую рать,
А это ведь не просто неудача.
Как быть? Что делать дальше? Вот задача.
Я не могу не выразить того,
Чем все мое пылает существо.
Я не о прошлой славе сокрушаюсь:
Воспоминанья — сладость, но и зло.
Былого нет, едва оно ушло.
Я говорю о сущем. Я решаюсь
Сказать о том, что наш родимый край
Весьма расслаблен, изнурен, обглодан,
Что звонкий пафос юношества отдан
На вой волков и на вороний грай...

Король

Довольно, Герц!

Герц

Что тяжкие поборы
Измучили купцов, да и дворян.
Поля не вспаханы. Редеют боры.
Страна не оправляется от ран.
А между тем слушки ползут окольно...
Крестьяне ропщут...

Король

Я сказал: довольно!

Герц

Вы не выносите советов?

Король

Слез!
Мой гордый жребий Швецию занес
В ее судьбе, теперь необычайной,
Над Балтикой, над Польшей, над Украйной.
Чем были вы, скажите, до меня?
Провинцией! Окраиной глухою!
Но я подъял воинственной рукою
Крылатого, как фурия, коня,
И он летит, завихренное пламя,
Дорогами, лесами да полями.
Окраина столицей стала ныне.
Переместился центр, господа.
Все коронованные города
Вмиг обернулись к нашей сердцевине!
И вы же предлагаете сейчас
Опять вернуться в древнее болото?
Вы? Секретарь?

Герц

Грозит ужасный час!
Поэтому, король, моя забота —
Предотвратить его.

Король

Я был рожден
Орленком в голубятне.

Герц

О, мой боже...

Король

Мне тесно в Швеции! За сотню крон
Держать меж пальцев бархатные вожжи
Правительственной власти над страной;
Рыть железняк по всяким рудным безднам,
Но не мечтать о панцире железном;
Жить пастырем под кроткою луной;
По воскресеньям сонно слушать мессу
И думать: сколько чугуна да лесу
Я вывезу на следующий год
И как свести с расходами приход?
А я могу империю создать!
Империю! Великую!

Стенбок

Вы правы.
Обязаны мы должное воздать...

Король

Нет, вы не понимаете всего:
Я *больше* королевства моего.

Герц

Да-да... Анналы северной державы
Не ведали такого короля.
Однако же, хоть шведская земля,
Ваше величество, и маловата,
Хоть серебро — убогая оплата,
Но можно бы, отчизну не губя,
И в ней прослыть сверкающим талантом.

Король

Ах, каждый может выглядеть гигантом,
Коль карликами окружит себя.
Что делать мне в Стокгольме? Скандинавы
Давно уж недостойны древней славы.
Да, я жесток! Я всей вселенной враг!
С одним мечом, хоть и с пустым карманом,
Явлюсь еще я к русским, как варяг,
Еще я вторгнусь в Англию норманном!

Нет, либо я отечество свое
Втяну с собою в пропасть, либо... либо...

Входит генерал Гамильтон. Его приход повергает всех в изумление.

Гамильтон

Ваше величество!

Король
(брезгливо)

Кто эта глыба?

Гамильтон

Простите мне отсутствие мое,
Но видит бог: как вышел из темницы,
Так тут же поскакал во весь опор.

Герц

Могли бы, генерал, не торопиться.

Стенбок

Трус возвращенный — что прощеный вор!

Гамильтон

Не буду спорить с вами. Трус — так трус.
Что ж запоете, храбрые вы люди,
Когда его величеству на блюде
Преподнесу я золотую Русь?

Герц

Как вас понять?

Гамильтон

Я прибыл не случайно.
Два заговора я везу с собой:
Один из них вверху — сплошная тайна,
Другой внизу — вполне открытый бой.
Здесь — черные людишки службы ратной,
Там — царский сын, монахи да князья.

Король
(усмехается)

Все это до того невероятно,
Что не поверить этому нельзя.

Гамильтон

Ах, господи... Зачем же верить слепо?
Возьмите карту. Где там Дон-река?
Так вот, у Воинского городка
Бунтарствует сейчас второй Мазепа —
Никита Чохов.

Мазепа

Почему «второй»?

Гамильтон

А как назвать иначе, пан герой?
Ведь к вам казаки с Дона не явились,
А тут солдат на ваше место вылез,
И вы уже не нужны никому.
Советую, король, послать к Никите
И предложить бы гетманство ему.

Мазепа

Я этого не допущу!

Король

Молчите.

Мазепа

Послать солдату гетманский жупан?
Предательство!

Собесский
(ехидно)

Ясновельможный пан...

Мазепа

Коварство!

Собесский

Но по времени и овощ!
Был вашим другом гетман Самойлович —
Вы предали Голицыну его,
Голицына вы далее сгубили
Ради царя, но царь не божество,
И вы его на короля сменили.

Зачем же, гетман, надрывать свой бас,
Когда Никиткой заменяют... вас?

Гамильтон

Итак, моим спасительным идеям
Поддержки нет?

Герц

Не говорю, что нет.
Но мы разбиты... Это не секрет...
Мы, генерал, не знаем, чем владеем.
Мы исчерпали родину до дна
И всю ее казну опустошили.
А что, как вдруг из бедности она
Да продала суда своих флотилий?
Пускай не все. Пусть половину. Треть.
Но влезть в игру с казацкою станицей
И в собственный карман не посмотреть?
(Разводит руками.)

Гамильтон

Я попрошу на время удалиться
Мазепу и Собесского.

Собесский

Ого!

Мазепа

Что это значит?

Собесский

Это недоверье?

Гамильтон

Застенчивость... Но за хозяйской дверью
Слыхал я запах дивного жиго...
Когда себя достойно поведете,
То не без пользы время проведете.
(Отвешивает церемонный поклон.)

Мазепа удаляется, резко стуча каблуками. Собесский идет за ним с несколько загадочным выражением лица. Нет сомнений, что он будет подслушивать у замочной скважины.

Герц

Из Швеции не получаем мы
Ни ёрика... Тут все живут взаймы...
Но где же выход? Ведь король-то ранен!

Гамильтон
(закрыв плотно дверь)

Итак... Я удивлю, конечно, вас...
Но в этот тяжкий для Стокгольма час
Я буду говорить как англичанин.
(Вынимает из сапога грамоту и подает ее королю.)
Имею честь уверить короля,
Что Англия и королева Анна,
О Швеции заботясь неустанно,
Прислать могли б четыре корабля
Под высшею командой лорда Норрис.

Герц
(едко)

Ужели это causa honoris? [1]

Гамильтон

Почти. Мы сыты землями вполне,
Ведь Англия над полумиром реет:
В Америке владения имеет,
В Вест-Индии и чуть не на Луне.
Однако же ей мало полумира:
Ей для покоя надо стиснуть Русь!
Встает над морем невская Пальмира,
И прорицать о ней я не берусь.
Покуда в первобытности она,
Пока в ней бродят леший да русалки,
В ее колеса можно ставить палки,
Но как нам быть, когда сия страна
От дикости своей гиперборейской
Пробудится и станет европейской?

Стенбок

Покуда жив наш молодой король,
Не будет этого!

---

[1] Ради почета, то есть безвозмездно? *(лат.)*

Гамильтон

Прекрасно! Браво!
Но подтверждает ли слова Полтава?
А ваша боль — ведь это наша боль!

Герц

Ах, так?

Гамильтон

А вы не знали?

Герц

Мм...

Гамильтон

Вот то-то.
Отныне ваша главная забота —
Не ссориться с соседями. Привлечь
К своим боям в каком угодно виде
И Данию, которая в обиде,
И Пруссию, у коей шведский меч
Отсек довольно жирные частицы...
Придется кое с чем и распроститься.
Ваше величество! Прошу взглянуть
На «птички» этих пурпурных отметин.
(Раскладывает небольшую карту.)
Вот это Шлезвиг. А вот это Штеттин.
Их надо бы хозяевам вернуть.
Но, разумеется, не прямо в руки,
А... через Лондон.

Герц

Снова эти трюки?
Опять иезуитский этот ход:
Вести войну солдатами чужими,
Всегда благословлять чужой поход,
Зато победы объявлять своими?!
О, узнаю великий Альбион!

Стенбок

Вы кто у нас? Солдат или шпион?

Гамильтон

Мой друг! Я не меняю поля брани:
Я вам служу за деньги, а Британьи
За совесть.

Стенбок

О!

Король
(усмехаясь)

Вот это был удар!

Герц

Британцы, государь,— не забияки,
Но от испанской и французской драки
К ним отошел случайно... Гибралтар.
Я вас прошу не принимать решенья,
Иначе в шуме русско-шведских драк
Они урвут, пожалуй, Скагеррак.

Гамильтон

Но царь-то наступает тем не менье!

Пауза.

Король
(устало)

Ну, вот что! Ваш король, конечно, юн,
Но юность эта нынче не из резвых.
Берите Штеттин, генерал.

Гамильтон
(кланяясь)

А Шлезвиг?

Король

Когда б не этот роковой июнь,
Я говорил бы с Англией иначе...
Берите Шлезвиг. Но за этот счет
Я ставлю перед Лондоном задачей
Морской удар по крепости Кроншлотт.

Гамильтон

О мой король! Английская эскадра,

Ее ветра, история да ядра —
Всегда для вас!
(Отвешивает поклон.)

Король

Я верю, Гамильтон.
А вы, дружок, поскачете на Дон.

Гамильтон значительно наклоняет голову.

Пообещайте золото Никите,
Чины и наши милости навек,
Ну, словом, говорите что хотите,
Но только чтобы этот человек
Помог раздуть народное восстанье.

Гамильтон

Лечу, король! У нас бразды судеб!
Четыре дня — и я в казацком стане,
А через пять — я зажигаю степь!
(Идет к выходу.)

Собесский
(выскочив к нему навстречу)

Минутку, сэр. Лишь на вопрос ответьте.

Гамильтон

Извольте, пан Собесский. Пять минут!

Собесский
(тихо)

Как там со мною? Что мои медведи?
Берут меня в цари иль не берут?

Гамильтон

Но вы ж совсем не знаете по-русски.
Удобно ли для русского царя?

Собесский

Я вижу, откровенно говоря,
Что золотые прииски Тунгуски,
Которые я вам пообещал,
Вам кажутся ничтожною наградой.
Ну что ж. Согласен. Если это надо,

То за Москву и за кремлевский бал
Заплатим больше.

Гамильтон

О, не в этом дело!
Я попросту измучен до предела...
Но если я успешно поведу
Кампанию с Никишкой и в Кроншлотте,
У нас царевич будет в поводу,
И вы мне, пане, княжество пришлете.

Собесский

О, я щедрее отблагодарю!
Клянусь, за всероссийскую корону
Курляндию вам, милый, подарю!

Гамильтон

Ах, нет. Зачем? Мне б только ближе к трону.
(Уходит.)

Собесский
(глядя ему вслед)

Ну да. Тебе курляндцы ни к чему.
Тебе бы стать временщиком могучим
И управлять Россией самому,
А этого тебе мы не поручим.
Пускай хоть на год воцарюся там,
Но богатеть, милейший, буду сам!

Король
(задумчиво)

Итак, раздув казацкое восстанье,
Держа войска Петровы на весу,
Я в море пораженье нанесу
И Петербург взорву до основанья.
Как сладко пахнет прах его и тлен!
Я слышу гимн... Грядущее прекрасно!
Нет, видно, я судьбою не напрасно
«Двенадцатым» на троне наречён.
Что есть двенадцать? Полюс циферблата!
Глагол судьбы! Возмездие! Расплата!
Предсмертное судилище всего!
Во мне живет как будто божество...

Стенбок
(Собесскому)

Да, мальчик разошелся.

Король

Каждый жест
Моей руки — лишь отраженье звезд.
На пустяке я докажу вам это.
Смотрите все: вот у меня монета.
Желаю, чтобы кинулась орлом.
(Бросает монету вверх.)

Собесский

Орел!

Король

Вам видно?

Стенбок

Видно.

Собесский

Очень четко.

Король

Как видите, иду я напролом.
Теперь желаю, чтоб она — решеткой!
(Снова подбрасывает монету.)
Ну!

Собесский
(восторженно)

Решка!

Стенбок

Где? Да ведь орлом опять!

Собесский
(сквозь зубы)

Король сказал. Бестактно отрицать.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Голос народа

Станица Воинская. Пушечный завод Меншикова. Большой двор с тремя амбарами — угольным, сверлишным и молотовым, перед которым на колесах, окованных железом, покоится тысячепудовый колокол. Канаты от колокола протянуты к открытым дверям амбара, в глубине которого видны притяжные «барабаны». Народ во главе с Чоховым окружает пономаря. Пономарь пишет грамоту по наказу атамана и всех, кто стоит подле. Чохов спокоен, вдумчив, деловит. На нем черный казацкий чекмень, на груди цепной образ святого Егория. От напускного его скоморошества не осталось и следа. Это истинный вожак простого народа.

Чохов

«Тут мужичонки, да работный люд,
Да винные бабенки и дивчаты,
Колодники да беглые солдаты
Тебе, кормилец, челобитню шлют.
А пишем мы тебе, наш государь,
Не перву сказку про такое дело.
Такого не чинилося и встарь».

Бабка Алена

Пиши: душа выходит вон из тела!

Чохов

«С неправды той не чуем и души».

Белый старик

Мы красных петухов хоша пускаем,
Но на тебя, надежа, уповаем.

Иван Большой

Ты про поборы, атаман, пиши!

Чохов

«Мы на заводе — что ни день, то пушка,
А нам за то копейка да полушка.
Ну, нешто это жалованье, царь?»

Иван Большой

Ты про поборы! Слышишь, пономарь?

Чохов

«У нас хотя и православный норов,
Да семьдесят статей одних поборов.
Оброк, помимо барщины, дерут —
Тут и дорожные и мостовые...»

Голоса

— За пчел!
— За баню, братцы!
— За хомут!
— А во посаде так бородовые!

Пономарь

Еще, поди, возьмут за образа!
Не зря ж налог удумали предивный:
Ладонь грошей за карие глаза.

Лизавета
(прыснув)

А серые почем?

Наталья

Те по две гривны.

Лизавета

Аниська! Я тебя-то поценней!

Иван Большой

Нишкните!

Белый старик

Что уж. Дождалися дней.

Чохов
(продолжая)

«Крестьянское, однако ж, оскуденье
Есть оскуденье царское. Мужик —
Не вековое барина владенье,
А временнóе, хоть бы и обык.
Крестьянин —
принадлежность самодержца!
И, значит, надлежит его беречь.
Помещик же, как он всегда без сердца,

Идет, проклятый, царству поперечь,
И ты бы поучил его указкой».

Голоса

— Во-во!
— По их заслуге!
— Поделом!

Чохов

Ну, ладно, писарь. Бей царю челом.

Белый старик

Да пропиши, мол, что за этой сказкой —
Никита Чохов, три-де старика,
Пять девушек да цельных два полка!

Иван Большой

Никита!

Чохов

Я.

Иван Большой

Сказать тебе хочу...
Да вот боюсь...

Чохов

А что меня бояться?
Я не Данилыч. Не поколочу.

Иван Большой
(указывая на колокол)

Ну, как его, такого, рушить, братцы?
Неужто никому его не жаль?

Чохов

Руби, не плачься. Не твоя печаль.
Я повелел!

Иван Большой

На пулю бы — железа.
Ну, хоть свинца. А то, Никиша,— медь!

Чохов

Пускай свинец. Да ведь его иметь!
А мне, брат, пули эвот, до зареза.

Иван Большой

Рука не подымается колоть.
Ты погляди на колокол: красавец!
Ей-богу, пра. Осердится господь,
Коль этакое да разбить на плавец.
Ведь он водил, Никиша, красный звон,
И всю погласицу на ём держало.
Басок!

Чохов подходит к колоколу.

Голоса

— Гляди: задумался и он.
— У самого, вишь, сердце задрожало.

Чохов
(удивленно)

Ванюша!

Иван Большой

Ну?

Чохов

Да вроде буквы тут.
«Сей колоколъ на девять сотенъ пудъ
Отлилъ во славу Дъвы Пресвятыя
Литейный мастеръ Чоховъ...»

Лизавета

Чохов?

Иван Большой

Как?

Чохов

Ага. «...А звать сей колоколъ Мария,
Да не по божьей матери, а такъ».

Лизавета

Ой, не иначе, девоньки, зазноба!

Чохов
(задумчиво)

Что ж! Здравствуй, Чохов! Может, ты мой дед.
Серчаешь, может, на меня из гроба.
Да край-то сызнова разут, раздет.
Но это малость. Будет и почище,
Как Меншиков достигнет своего.
Кому ж послужит этот язычище?
Опять дворянам благовест его?
Ну, нет. Пускай гудит промеж своими.
Не обессудь уж, дедушка-литец.

Бабка Алена
(смеясь)

Он сам, видать, лихой был молодец,
Коль Машкой заменил святое имя.

Пономарь

Давай-давай. Ну что же ты, Иван?
Аль дожидаться, чтоб явились каты? [1]

Голоса

— А ну-ка, мужики, за «барабан»!
— Пошли тянуть.
                    — Не лопнули б канаты.
— Железняки! Сверлильцы! Гвоздари!
— Айда, Рязань!
                    — Пошли, пошли, Устюжна!

Чохов

Прошу я вас, ребята: очень нужно
Расплавить эту глыбу до зари.
У нас война. Того и жди анафем.

Голоса

— Ужо, Никита Палыч!
                    — Мы потрафим.
— А ну, впрягись, кто на судьбину зол!

Одни начинают вращать рукоятки «барабана», другие помогают делу, впрягшись в лямки.

Иван Большой

Эй, лямки — р-раз!

---

[1] Каты — палачи.

М у ж и к и

Ух!

И в а н Б о л ь ш о й

Напрягайте выю!

А н и с ь я

Ой, девоньки, поплыл-то колоко́л...

Л и з а в е т а

Споем ему?

Н а т а л ь я

Про что?

Л и з а в е т а
(прыснув)

Да про Марию!

Взявшись за руки, поют:

«Ты, Мария, душа наша,
Из которого села?
Ты, Мария, Маша, Маша,
Молодцов с ума свела.
Как лебедушкой ходила
Чередой да лебедой,
Всех томила — любо-мило —
Полюбовною бедой.
Кто увидит нашу Машу,
Будто зорьку повидал.
Поцелует Машу нашу —
Будто в небе побывал».

Смех.

И в а н Б о л ь ш о й

Вы что тут? Очумели? За мехи!
Наташка!

Н а т а л ь я

Ты кому это? Невесте?

Вбегает г о н е ц - м а л ь ч и ш к а.

Гонец

Где атаман?

Чохов

Мы тут.

Гонец

(подойдя к атаману)

Плохие вести!

Чохов

Не вести пло́хи. Гончики плохи́.
Твоя забота — доложить. Понятно?
А плохо ль там оно али приятно,
Про это я смекаю, колобок.

Гонец

Смекай, поди, да ведь и ты не бог.

Чохов

(нахмурясь)

Ну, ладно. Дело.

Гонец

Меншик на пути.
Пылищи — страсть. Всё пушки да иконы.

Чохов

(усмехаясь)

А как еще светлейшему идти?
Светлейший, он христианин исконный.

Гонец

Идут, идут. А левое крыло,
Того гляди, загнется за село.

Чохов

А мы глядеть не станем, молодец.
Беги скорей к Митрошке-есаулу,
И он бы поднял пушечного гулу
Да отходил.

Гонец убегает.

Ребята, Иванец,
Вы колокол оставьте: опоздали.
Подходит, слышь ты, целая орда.

Иван Большой

Данилыч?

Чохов

Он. Бросай варить пищали
И выйди в степь.

Иван Большой

Ребятушки, айда!

Все расходятся кто куда. Остаются только Чохов и Лизавета.

Чохов

(берет Лизавету за руку)

Ну, Лизанька... Давай простимся, что ли...

Лизавета

(робко)

Простимся?

Чохов

Да... Неравный будет бой.
Пожалуй, нам не повстречаться боле.
Спасибо за любовь.

Лизавета

(упавшим голосом)

Господь с тобой...

Чохов

Напрасно ты любила полководца,
Что не имеет даже куреня.
Не жить нам, Лиза. Уж прости меня.
Как это в нашей песне-то поется:
«Нет, не петь тебе, моя пташечка,
Под мои веселые гусельки:
Мне преградою родный батюшка,
Мне помехою моя матушка,
Как мой батюшка — слово верное,
А уж матушка — дума крепкая».

Лизавета
(глотая слезы)

Не ту, Никиша, песню запеваешь.

Чохов

Зачем не ту?

Лизавета

Неужто же не знаешь?
Та про невесту, а ведь я... жена.

Чохов

Ах, Лиза, Лиза...

Лизавета

Миленький, ты снова?
Что не была к венцу обряжена
И в гости к нам — одни сычи да совы,
Моя на это воля! Не грусти.

Чохов

Я не про то. Не о попе тоскую.
Но как оставить мне тебя такую?
Когда б я мог с тобою жизнь пройти,
Как подобает людям...

Лизавета

Верю, верю!
Мне то и радость, что любовь твоя.
А что не жить домочком у ручья,
Что вечно бедовать тебе, как зверю,
По тайным тропам до бело́й зари,—
Про это знаю. Ты не говори.

Чохов
(взволнованно)

А что, родная, как сподобит бог...

Лизавета
(улыбаясь)

Ну что же. Назову его Никитой.
Об этом не кручинься, голубок.

Чохов

Да я-то, может, буду под ракитой!
Что ж выйдет из такого молодца,
Который станет мыкаться без рода?

Лизавета

Он будет знать про своего отца,
Что был он, сокол, батькой для народа.
Так кто же посмеется над таким?
Бурмистера́? Али какие немцы?
А будет он пригожим да лихим...
Постой! Гляди-ко!

Чохов

Что ты?

Казак
(появляясь)

Иноземцы!

За тыном возникают чоховские **казаки**, окружившие **Гамильтона** и с ним какого-то черного **монаха**.

Гамильтон

Прошу покорно. Я сюда пришел,
Чтобы увидеть Чохова.

Чохов

Я самый.

Гамильтон

Имею честь представиться: посол
Из Швеции. Но вы, однако, с дамой,
А я имею тайный разговор.

Чохов

Со мною?

Гамильтон

Да.

Чохов

Но я ведь царской вор.

Гамильтон

О, это дело ваше. Иностранец
Не вмешивается в дела Москвы.
Для них вы — вор, а для меня — повстанец.

Чохов

Чего ж, однако, надобно?

Гамильтон

Увы...
Здесь дама, говорю я.

Чохов

Эта дама
При нас в министрах.

Гамильтон

О!

Чохов

Так ты уж прямо.

Гамильтон

Извольте. Я никак не ожидал.
У нас такое сбудется не скоро:
У нас не вхожа в министерский зал
Сама наследница Элеонора.
Итак, его величество король,
Душевную испытывая боль
Касательно российского народа
И видя гибель вашего похода,
Вам предлагает, ваша светлость, мир,
Хотя войну с царем и продолжает.
Его величество вам предлагает
Под вашу власть до сотни кирасир.

Чохов молчит.

И гренадер.

Лизавета

Да много ли их?

Гамильтон

Сотня.

Лизавета

И быстро?

Гамильтон

Ну конечно, не сегодня.
К сему пехоту — пять отличных рот.
Да денег в ассигнациях дает,
Да званье генерала.

Лизавета
(очарованно)

Енерала?

Чохов
(озабоченно)

Боюсь. Коль буду этим обольщен,
То как потом приняться за орало?

Гамильтон

Зачем же за орало?

Чохов

Так учен.

Гамильтон

Вы странный человек. Ведь мой король
Вам предлагает помощь.

Чохов

Даже званье.
А вот за что такое-то вниманье?
Ты вот что, милый, объяснить изволь.

Гамильтон

Но я уже сказал вам — отчего.
Предвидя гибель вашего похода
И не жалея ровно ничего
Для тихой жизни русского народа,
Король вам предлагает мир.

Чохов
(бесхитростно)

Ах, мир?
Ага. А к миру, значит, кирасир?

Гамильтон

Хотя войну с царем и про-дол-жает!

Чохов
(наивно)

За что же он мне это предлагает?

Гамильтон

Мир?

Чохов

Кирасир!

Гамильтон

Не понимаю вас.
Мы повторяем все одно и то же.
Поймите! Я пришел в тяжелый час
Спасти и даже сделать вас вельможей.

Чохов

Да кто я вам? Чудно́! Ни брат, ни сват,
За что же стану знатен и богат?

Гамильтон
(меняя тон)

Вы, атаман, со мною не лукавьте,
Вы сами понимаете за что.

Чохов
(также изменив тон)

Да ты-то понимаешь? Я по правде!
«Сто кирасир да гренадеров сто...»
А я за это выстави до тыщи!
Помогут вам мои богатыри,
Тогда придет на наши пустыри
Барон аль граф российского почище,—
И вот уж мы в немецкой кабале.
Не сладко при *своем* царе покуда,
А уж при иноземном короле —
Как скажешь, Лиза?

Лизавета

Да уж вовсе худо.

Чохов

Да с этого хоть в петлю! Ей-же-ей!

Гамильтон

Мой атаман! Вы мыслите неверно.
Но вы того не знаете, наверно,
Что, например, царевич Алексей
На все на это смотрит по-иному.

Чохов

Чего такое?

Гамильтон

Сын царя Петра
Большой поклонник Карлова шатра,
Но лютый враг отеческому дому.

Чохов

Ой ли? Не завирайся.

Гамильтон

Пять минут!
Как думаете? Отчего мы тут?
Кто нам сказал об этом вашем стане?

Чохов
(недоверчиво)

Царевич?

Гамильтон

Сам царевич-то прикрыт...
Там есть одна такая Софья Питт.
Но это все через его старанье.

Чохов

Врешь! Это чтобы тихая овца...
Чтоб сын царев да на царя-отца?
После Полтавы? Ах ты, пес!

Гамильтон

Минутку!

Чохов

Чтобы царевич? Ах ты, басурман!
Ступай отселе прочь!

Гамильтон

Мой атаман...

Лизавета

Ступайте! Он серчает не на шутку.

Вбегают чоховские *казаки*.

Казаки

— Эй, атаман!
— Станишники!
— Ребята!
— Хвельдмаршала...
— Хвельдмаршала ведут...

На крик высыпает *народ* из амбаров.

Голоса

— Да ну?
— Ага!
— Да где же он?
— А тут!

Чохов
(недоверчиво)

Пленили?

Казаки

Для полону рановато.
Он сам идет поговорить с тобой.

Появляется *Иван Большой с отрядом*. С ними — *Меншиков* и *Ягужинский*. При виде их Гамильтон и монах уходят в гущу деревьев.

Меншиков
(оглядывая строения своего завода)

Так. Домница еще железом крыта.
Подвал, гляжу, по-прежнему с трубой.
Амбары целы. Молодцом, Никита!
Так я пришел поговорить с тобой.
Понятно, а?

Илья Сельвинский, 1941 г

Илья Сельвинский, генерал Книга, комиссар дивизии Дроздов.
Крымский фронт. 1942 г.

Чохов
(руки по швам)

Так точно! Тьфу... Обычка...

Меншиков
(садясь на камень)

Так вот. Отнюдь не воин ваша кличка.
Чините, сударь, явственный разбой.
А воину при нашем государе
Доступно все! Поверите ль глазам?
Отец мой конюх. Бубличник я сам.
Но через доблесть нынче вышел в баре:
Теперь я князь. Я белый адмирал.
Короче: мужичок вполне отменный!
Скажу тебе, Никита, откровенно:
Я б за царя ни в жисть не умирал,
Когда б не дивная сия дорога.
Вот отчего приму хоть сто смертей,
А уж врага до русского порога
Не допущу!
Нет родины святей,
Вольготней шири, кругозора чище,
Чем наша Русь. От этого, дружище,
Как пес дворовый, предан я царю.
К чему, однако, это говорю?
К тому, что ты, как человек заметный,
Весьма легко бы сделал свой карьер:
Вступи сейчас на этот путь заветный,
Годок-другой, глядишь — и офицер.

Ягужинский
(подмигнув Чохову)

Лови, Никишка, случай: ты, брат, в силе!

Лизавета

Ему уж енерала посулили.

Чохов

Молчи, Лизутка.

Меншиков

Боже мой! Ты чья?

Лизавета

А солнышка, да леса, да ручья.

Чохов

Тебе, светлейший, вот чего скажу:
Ты — мишуре, я — нищете служу.
И был бы я страшилище, халдей,
Когда бы ради чину или званья
Отрекся вдруг от своего призванья
И отщепился от своих людей.
Что мне твое бесштанное-то детство,
Когда *сейчас* вельможа предо мной?

Меншиков
(оправдываясь)

Вельможа, да не кровный: земляной!

Иван Большой

Пока в народе голизна да бедство,
Считаем мы язычником того,
Который спас себя лишь одного.

Меншиков

А ты молчи. С тобою под конец.

Иван Большой

Ну, нет уж. Я молчать тебе не буду.

Бабка Алена

Коль ты и сам из черного из люду,
То к мужику должон бы как отец.
А ты-то? Эх!

Пономарь

Погудка есть в народе:
«Царь и умен, да Меншиков хитер».

Меншиков
(досадливо)

Слыхал-слыхал.

Пономарь

Вот и выходит вроде,
Что ты-то для народа первый вор.

Меншиков

Полегче, старый хрыч!

Пономарь

Вот и выходит:
Покуда Меншиковы верховодят,
От государя милости не жди.

Иван Большой

Опутали царя его дворяне.

Пономарь
(пророчески)

Погибнете! Глаголю вам заране!
Лишь вервие да колья впереди!

Меншиков

Эй, Чохов! Поуйми свою ораву!

Белый старик

Хо-хо! Уйми!

Пономарь

Глаголю не шутя!

Бабка Алена

Мы вольные!

Белый старик

Мы говорим по праву!

Ягужинский

Одумайся, Никишка: не дитя.

Чохов

Уж я подумал.

Лизавета

Этим-то и красен.

Ягужинский

Смирись! Не то конец тебе земной!

Меншиков

Ты кончишь, как Болотников и Разин.

Чохов

Ну что ж. Другие вырастут за мной.

Иван Большой

Подите прочь! Меж нами разговору
Не будет!

Пономарь
(махнув рукой)

Зря и время!

Белый старик

Что за толк?

Чохов

Чужие мы с тобой. Ты пес, я волк.
Иди же. Предавай меня разору
Да получай за это ордена.

Голоса

— Поди-поди!
— Ступайте, лизоблюды!
— На то порода ваша рождена...
— Христопродавцы!
— Ерники!
— Иуды!

Меншиков

Эй, мужики! Даю вам полчаса.
Все логи да окрестные леса
Охвачены войсками.

Голоса

Убирайся!

Ягужинский

Смиритесь! Пожалейте ваших жен.

Голоса

— Себя бы пожалел!
— Ты сам покайся!

Иван Большой
(потрясая мушкетоном)

Видал такое? Бьет на пять сажон!

Улюлюканье. Хохот. Свист. Меншиков и Ягужинский уходят, почти убегают. Гамильтон и монах выходят из укрытия.

Чохов

Казаки!

Голоса

Мы.

Чохов

Что делать впереди?
Кругом войска. Данилыч перед нами.
Сдадимся — плаха. Не сдадимся — пламя.
Как повелите?

Голоса

— К бою!
— В бой веди!

Чохов

Спасибо, братцы. Исполать за это.
Вы все со мной — кто молод, кто и сед.
Однако же вам пропадать не след.
Мы вот чего: я стану у лафета
И на себя всю бурю подыму,
А вы тем часом в этом-то дыму
Рассыпетеся кто куда. Понятно?

Голоса

— Постой-ка. Это что же?
— На попятный?
— Негоже так.

Чохов

Всем пропадать не след.
А выстоять пока силенок нету.
Иван Большой!

Иван Большой

Я тут.

Чохов

Димитрий-дед!

Белый старик

Я тут, кормилец.

Чохов

Подойти к лафету.

Иван Большой и белый старик подходят к Чохову.

Желаете ли помереть со мной?
Мне надобно двоих.

Иван Большой

Ага.

Белый старик

Желаем.

Голоса

— И мы хотим!
— И я!
— Я с Николаем!
— Я с Прошкою Кривым.
— А я с женой!

Чохов

Нишкните, братцы!

Пономарь

Да ведь...

Чохов
(строго)

Ладно! Будет!
Как вам велю, вот так оно и будет.

Гамильтон

Послушайте, какой же вам расчет?
У нас еще остались батареи,
У нас немало гренадерских рот...
Решайтесь же, мой атаман. Быстрее!

Чохов

А шведов повязать. Коль не падут,
Пущай к царю хотя бы попадут,

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Допрос

Преображенский приказ. Слева дверь, ведущая в застенок, справа — зал, где дожидаются свидетели. За столом Петр, Алексей с перевязанной рукой, Меншиков, Голицын, барон Алларт и начальник приказа князь-кесарь Ромодановский, который похаживает по палате, заложив руки за спину и перебирая пальцами связку огромных ключей. Чувствуется, что он здесь хозяин. У входа в застенок Ягужинский. Перед столом в цепях Гамильтон и окровавленный Ванюша Огнев. Допрос ведет крупнейший дипломат Петр Андреевич Толстой.

Толстой

Зачем датчанам обещали Шлезвиг,
А пруссам Штеттин?

Гамильтон

Надобен союз.

Толстой

Союз для целей набожных и трезвых,
На кои умилялся б Иисус,
Иль что-нибудь... военное?

Гамильтон
(устало)

Конечно.

Толстой

Военное. Благодарю сердечно.
Теперь ответьте: цель-то какова?
Чего хотят сии авантюрьеры?

Гамильтон молчит.

Воды ему.

Ягужинский дает генералу испить.

Какая цель?

Гамильтон
(глухо)

Москва.

Меншиков

Слыхал, Огнев?

Толстой

Но где же чувство меры?
Вы человек разумный, Гамильтон,
И знаете, что знают все вороны:
Сейчас величье Карловой короны —
Уже до капли выжатый цитрон.
Тогда зачем бы хилые датчане
Ударили со шведом по царю?
Вот если бы... за шведом... англичане!

Гамильтон опускает голову.

Вопросов больше нет. Благодарю.
Молчанье — как мы знаем — знак согласья.
Итак, я утверждаю, государь,
Что Англия, за Швецией таяся,
Использует воинственную ярь
Мальчишки-короля, над ним колдует,
Его завоеваньями торгует
С колоньями своими наравне,
Немецкие вооружает страны.
Короче: мы воюем в сей войне
Не столько против Карла, сколько... Анны.
А Гамильтон — из тайных тех послов,
Что, якобы служа другим всецело,
Английское ведут в Европе дело.

Меншиков

Видал, кого ты выпустил, Огнев?

Ромодановский

Ну вот гляди, брат: сорвана личина.
Открой же нам, какая бишь причина
Принудила тебя его спасать?

Голицын

Ведь ты, Огнев, открыл дорогу змию.

Меншиков

Молчишь? На дыбу хочется опять?
А? Изувер!

Толстой
(Ягужинскому)

Прошу позвать Софию.

Ягужинский уходит в зал, что справа.

Царь
(Гамильтону)

Скажи нам, ваша милость: ты скакал
К Никишке? Так? Но что он вам сказал?
К чему, подняв народ на бунтовство,
Не захотел он с Карлом подружиться?

Гамильтон

Я не упомню, государь, всего...

Царь

Ведь был бы он у вас большая птица!
Небось полковник, а?

Гамильтон молчит.

Ромодановский

Ты что? Оглох?

Толстой

Мы ждем ответа, подсудимый. Ну же!

Гамильтон

Он говорил... что русский барин плох,
Но чужеземный и того похуже...

Голицын
(восторженно)

Слыхали? А?

Ромодановский

Народный гнев кипит!

Меншиков
(усмехаясь)

Видать, от шведа потерпел немало,

Голицын

Толков, толков!

Ягужинский вводит Софию. Она держится спокойно, несколько даже развязно, всем своим видом показывая, что она выше подозрений.

Толстой.

Свидетельница Питт,
Зачем вы навестили генерала?

София

Затем, что он супруг мой.

Толстой
(Гамильтону)

Это так?

Гамильтон

Да.

Толстой

И давно?

София

Уже три года с марта.

Толстой

Кто разрешил вам посетить барак?

София

Кригс-комиссар Алларт.

Царь

Позвать Алларта!

Ромодановский

Он здесь!

(Повелительным мановением пальца заставляет Алларта встать.)

Толстой

Скажите, сударь: отчего
Свели вы эту парочку друг с другом?

Алларт

Я разрешил свидание супругам.
Не вижу тут худого ничего.

Толстой

Ага! Понятно! Ничего худого,
Кроме́ того, что Гамильтон удрал?

Алларт

А это уж художество Огнева.
К сему я не причастен, генерал.

Толстой
(Огневу)

Что ж это было? Дурость ли? Буянство?

Огнев
(грубо)

Тебе-то что? Виновен я один.

София

Вот, государь: хоть он и без дворянства,
А самый благородный паладин!

Огнев
(вспыхнув)

Молчи, змея! Не смей меня хвалить!
Я сызмальства, еще как вишни крали,
Считал за подлость на других валить.
А то бы... Эх!
(Махнув рукой, мрачно замолкает.)

Ромодановский

Так верить этой крале?
А? Договаривай! Господь простит.

София
(невозмутимо)

Огнев супруга взял лишь на поруки!

Меншиков

М-да... Девка вовсе потеряла стыд.

Толстой

Ну хорошо, Допустим, что супруги.
Он дорог вам. Вы дороги ему.
У вас права пред богом и законом.
Зачем же вы расстались с Гамильтоном?
Он тут же сгинул. Так? Но почему?

Ведь он, пожалуй, бредил о свиданье!
Безумствовал! И вот коснулся рук,
Почувствовал дыханье уст — и вдруг...
(Делает руками комический жест улетающей птицы.)
Ретировался, не придя в сознанье!

Смех.

Меншиков
(улыбаясь)

Умчался, будто пуля из ружья.

Толстой

Но разве так ведут себя мужья?
Ведь генерал-майор — не шут Балакирь.

София молчит.

Мне кажется, я ниточку схватил:
Она ведет не только в шведский лагерь,
Да и не только в наш казачий тыл.
Покуда с доказательствами туго,
Но вот, однако, перед чем стоим:
Во-первых, нежная сия супруга
Не убежала с муженьком своим.

Меншиков

А ведь могла!

Толстой
(Меншикову)

Не так ли? Во-вторых,
Король отправил на верховье Дона
Бежавшего из плена Гамильтона.
Сие, как говорят германцы, «штрих»!
Из этого я заключить имею,
Что Карлу Гамильтон и сообщил
Про бунтовскую Чохова затею,
Его гнездовье и наличье сил.
А это все узнал-то он у нас!
Причем узнал от фрейлины Софии,
Которая осталася в России
На случай связи и как зоркий глаз.
Выходит, этой ниточки узор
Петлею захлестнул и царский двор.

София

Все это стройно и, однако, зыбко.

Алларт

Гадательно!

София

Ведь тут одна ошибка —
И замок рухнет с курьих этих ног.

Алларт

Ну можно ль так мечтать при государе?

Толстой
(с тонкой усмешкой)

Сперва, мадам, мы чуем запах гари,
А там уже находим огонек.

София

Так вот вы огонек-то и найдите,
А запах — не свидетельство. Иной
Батальный дым почует от наитий,
А поглядишь — курится перегной.

Смех.

Алларт

Mein Herr! [1] К чему вся эта философья?
Ты вот на что ответь: откуда Софья
Могла бы разузнать про бунтовство?
Знал государь, Данилыч, Ягужинский,
Знал я. (Но я же и громил его!)
Быть может, Софья — гений сатанинский?

Царевич
(опускает голову, но вдруг встрепенулся)

Да, государь. Я думаю, Толстой
Далек от правды со своей мечтой.
За ложную он ухватился нитку.

Ромодановский

Найди-ка истинную.

---

[1] Мой господин! *(нем.)*

Царевич
(болезненно улыбаясь)

Не дорос.

Толстой

Я попросил бы вызвать на допрос
Никиту Чохова.

Царь

Позвать Никитку!

Ягужинский уходит в застенок. Молчание. Все напряженно ждут. Наконец вводят Чохова, который только что снят с дыбы. Тело его исполосовано батогом. Руки связаны обшитыми войлоком петлями, отчего плечи неестественно оттопырены вверх. Он слаб, изможден, глаза его огромны и прозрачны.

Толстой

Вон ты каков. Я думал, ты бирюк,
А оказалось, преизрядный малый.
Он смахивает на Христа, пожалуй.

Голицын

Ну, это уж кощунство, милый друг.

Толстой
(с поклоном)

Прошу прощения. Увлекся малость.
А все же, государь, какая жалость,
Что он пошел не по тому пути!
Такой сумел бы пользу принести,
Когда в душе бы чуть побольше света.

Чохов
(глухо)

В миру не только звону, что в Москве-то,
Бывает и в Звенигороде.

Толстой

Как?

Меншиков

При государе говоришь. Вахлак!

Ромодановский

Куда девал свою срамную рать?

Чохов
(со слабою улыбкой)

Товарищей? Ищи-ка ветра в поле.

Царь

Ты что же это? Снова бунтовать?
Опять пошел противу нашей воли?

Чохов
(говорит через силу)

Я, государь... ходил в азовский бой...
Сражалися мы также на Полтаве...
Служил я, государь, твоей державе
Не только что грошом, а головой.

Царь

Ты службу сослужил нам. Это верно.
(Я это и в Полтаве говорил.)
А дальше как? А дальше было скверно.
Ты мне такую кашу заварил...

Чохов

А как же мог я, каб не эта каша,
Поговорить с тобою, милость ваша?
Кто я такой? Всего простолюдин.
Попробуй только сунься к государю,
Тебе вельможи разукрасят харю.
И верно ведь: нас много — ты один.
Зато уж как рискнул я головою,
То вот теперь и говорю с тобою.

Смех.

Царь

О чем же разговор у нас?

Чохов

О чем?
О правде. Ты великое мерило.
Отмерь же правду царским-то мечом,
Чтоб это и дворянщину смирило.
Уж мы тебе писали. И не раз.
Помещик — вот кто заедает нас!
Он все творит по нраву своему.

От жадности хозяйской нет спасенья!
Он отымает даже воскресенья.
Мы пашем в ночь! За что же? Почему?

Ромодановский

Врет, государь! Нам тягостно самим!

Царь

Постой-ка, Ромодановский...

Голицын

Чинуши
Как влезут с подоходным в наши души,
Так волком воешь!

Меншиков

Сами-то не спим!

Голицын

Какой тут сон? Мы вносим на чертоги,
На амуницию, на сапоги...

Меншиков

На верфи!

Ромодановский

На заводы!

Голицын

На дороги!
Да это что ж?

Меншиков

Хоть из дому беги.

Царь

Ишь сироты казанские!

Голицын

А что же?
Ведь вся война-то на дворянской коже,

Царь
(теребит Голицына за камзол)

Да кожи-то — все бархат и шелка!
Я, сударь мой, у вас хожу в заплатах,
А ты всегда как будто с утюжка.

Голицын

А толку что? Пошарь в моих палатах!

Царь

Ложь! Мне для шведа нужен миллион,
А вы с России тянете четыре!
Широко, брат, живете!

Голицын

Где нам шире!

Толстой
(мягко)

Вот тут стоит британец Гамильтон.
Спроси его про королеву Анну:
Ужель с дворянства столько же берет?

Ромодановский

Нет, государь! Я говорю вперед:
Коль с мужика я требовать не стану,
То вот те, сударь, истинно: к весне
Ни пуговки не уплачу казне.

Голицын

Мы, Алексеич, хорошо ли, худо,
А миллион-то платим...

Меншиков

Нам не жаль.

Голицын

А как мы достаем его? Откуда?
Ей-богу, право, не твоя печаль.

Царь
(смущенно)

Слыхал, Никита?

Чохов молчит.

Как их покараю?
Победы я хочу родному краю,
А деньги суть артерии войны.
Кого ж казнить? На ком искать вины?

Чохов угрюмо молчит.

Пусть мужики себе натерли выи...
А как иначе? А иначе как?
Будь прозорливей в помыслах, казак.
Не о себе, брат, думай — о России!

Чохов
(кивнув на Меншикова)

А думает ли о России он?

Меншиков

Ах ты, холоп!

Голицын

Ты смеешь...

Царь

Помолчите!

Ромодановский
(ворча)

Потворствуют, вот и набрался прыти.

Чохов
(взволнованно)

Я думал, государь... А может, сон?
В глазах как будто птичья перепонка...
Вот Ванька от помещика сбежал,
А тот помещик — нужный генерал.
Так что ж у Ваньки: правда иль правденка?
А ежели правденка, то ему
Опять бы надо воротиться к барам,
Кормить, поить, обслуживать задаром
Да под кнуты ложиться самому,
Иначе, дескать, родину погубишь...
Неужли так?

Ромодановский
(взорвавшись)

Да что ж это за спор?!
С самим царем! Мужик!

Меншиков

Никишка-вор!

Царь

Молчать!
(Чохову.)
Казак! Ты больно с маху рубишь.
Вертится же державства колесо
(Скрипит хотя, но и на солнце пятна).
А это значит — правда здесь. Понятно?

Чохов
(печально)

Я думал, государь, ты можешь все...
Я думал, царь поверх всего на свете!
А ты... А ты таков же, как и эти.
Ну, ладно. Словеса — что звон копыт:
Покуда слышишь, будто ждешь чего-то,
А сгинут — пыль.
Да ну их всех в болото!
Есть у тебя такая девка — Питт?

Царь

София Питт? Не эта ли особа?

Чохов
(поглядев на Софию)

Не знаю. Только знаю, что змея.
Ты, государь, смотри за нею в оба!

Царь

Чего такое?

София
(схватившись за спину)

Боже... Смерть моя...
Простите мне... Я в тягостях... Врача бы...

Аллapт
(засуетившись)

Слыхали? В тягостях... Mein Gott...[1] Ну, бабы!
Ступайте уж... Быстрее! В дальний зал!
Павлуша, проводи!

Ягужинский уводит Софию.

Царь

Ты что сказал?
Да говори, не трусь. Об этом, что ли?

Чохов

Я, государь, скажу тебе поболе,
Да только...

Царь

Ну!

Чохов

Пускай они уйдут.

Царь

Ступайте все.

Все окружающие подымаются из-за стола. Царевич также.

А ты останься тут.

Все расходятся. Остаются Петр, Алексей и Чохов.

Ну? Что там с фрейлиной? Какое дело?
Рассказывай доподлинное смело,
Но коль соврешь — пощады не проси.

Чохов
(угрюмо)

Не для тебя я это — для Руси.
А что мне врать? Ведь я-то уж на плахе.
Ты слушай!
Сказывал мне Гамильтон,
Что девка эта самая, да он,
Да твой царевич, как весною птахи,

---

[1] Боже мой... *(нем.)*

Тянулися к державе короля,
А я, мол, с ними заодно б тянулся.

Царь потрясенно глядит на сына.

Царевич

Что? Это я-то? К шведам? Он рехнулся!
Клянусь тебе! Священнее Кремля
Нет для меня земли на этом свете.
Запутали тебя людишки эти.

Царь

Меня? А не тебя ли, блудный сын?
Зачем гостит Абрамий Лопухин?
Что ходит под окошком Долгорукий?
А? Отвечай!

Царевич

Да что ты? Ей-же-ей...
Ведь ты-то знаешь: от младых ногтей
Я не любил и не люблю докуки.
Мне только васильки бы... васильки...

Царь
(неистово)

Довольно, шут! Отныне васильками
Не одуришь. Вот этими руками
Я б сам тебя...

Чохов
(усмехаясь)

Да что-то не с руки?

Царь

Ты что бишь?

Чохов
(спокойно)

Чохов. Казни ожидаю.

Царь

Ах да... Я обещал тебе вперед
Любую милость, помнится. Ну вот.
Поди скажи, что я тебя прощаю.
Повстанцев мы сажаем на колы,

Но ты закован будешь в кандалы
И на галеру. Стража! Ягужинский!

Ягужинский
(появляясь)

Я здесь.

Царь

В галерники за бунтовство.

Ягужинский

А записать прикажете его
На финский берег?

Царь

А?.. Да-да. На финский.

Ягужинский уводит Чохова.

А ты... О, господи! Ведь я отец.
Как поступить?
(Зашатался. Прикрыл глаза рукой.)
Ну, вот что... Слушай... Либо
Ты примешь свой наследственный венец
Без мытарства и всякого отшиба,
То есть державной двинешься тропой
По нашим рекам к дальним океанам,
А если нет — я поступлю с тобой,
Как царь Иван с царевичем Иваном.
Запомни этот день и час.

Царевич

Казнишь?

Царь

Ты заслужил допроса. Значит, пытку.
Но делаю последнюю попытку.
Одумайся! Хоть над землею тишь
И стаял порох полевого боя,
Но впереди сражение морское!
Страшусь ли? Нет. Пусть океан и крут,
Моя держава все преодолеет.
Но ангелы царей не берегут.
Готов ли ты, коли меня убьют?

Готов? Или Россия овдовеет,
И мужеское дело рук моих
Придется в ручки бедной Катерины...
А это, знаешь сам,— в единый миг
Предстанут разорения картины.
Все наши иноземцы — Боур, Брюс —
Немедленно же оседлают Русь.
А что с них взять? У них стезя своя.
Покуда жив, я их держу в деснице.
А как помру, лейб-гвардия сия
Начнет такое, что и не приснится:
Коварство, драки меж дворцовых клик...
И что тогда от всей от нашей славы?
Не барабаном государь велик,
Велик он упрочением державы.

Царевич

Я никому не причиняю зла.

Царь

Что?

Царевич

Никому я зла не причиняю.

Царь

Я не тебя в злодействе обвиняю,
Но ты источен гнилостью дотла.
Ты сам того не знаешь, как ты страшен!
Ведь за тобой все галки древних башен,
Вся черная юродивая Русь,
Вся мертвечина... Я тебя боюсь!
Ты должен одолеть свою природу.
Перемениться. Слышишь?

Царевич

Да, отец.

Царь

Клянись!

Царевич

Клянуся...

Царь

Да не мне в угоду,
А для себя. Для дела наконец.
Для нашей же России!

Царевич

Понимаю.

Царь

Так помни же!

Царевич

Да-да.

Царь

Я буду ждать!
(Уходит, слегка волоча ногу.)

Царевич
(бросаясь на скамью)

Господь! За что? Я зла не причиняю.
(Уткнувшись лицом в руки, беззвучно рыдает.)

Петр, не дойдя до двери, оглянулся. Лицо его дергается от муки. Тишина.

(Вдруг вскочив.)
Бежать... Бежать! И к немцу, но бежать!!

Царь

Что?! К немцу?

Царевич
(в ужасе)

Боже мой! Ты здесь?

Царь

Измена?
Эй! Караульные! Вторая смена!

Вбегают Ромодановский, Ягужинский, Толстой, за ним караул.

Вот супостат! Ему прощенья нет!
Немедленно швырнуть его скелет

На дыбу, крюк, на страшные орудья
Согласно уложеньям правосудья...

Ромодановский

Есть, государь.

Толстой

Да что ж это... Постой...
Не дико ли?

Царь
(Ягужинскому)

Павло! Побольше стражи!
(Толстому.)
Да! Я Алешке батькою. Но я же —
Отец отечества, мусью Толстой.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Сражение у Гангута

27 июля 1714 года. Шхеры у мыса Гангут. Многопушечный флагманский корабль «Полтава». На мостике Петр I, белый адмирал, фельдмаршал и светлейший князь Меншиков, адмирал граф Апраксин и флагман Синус. Далее гвардии полковник Ягужинский и поручик Ганнибал, получивший к этому времени военное образование в Сен-Сире. Меншиков на скорую руку зашивает на царе лопнувший рукав.

Ганнибал

Туман, туман... Лазоревый туман...
Откуда в нем такое обаянье?
Вот мы как бы на острове Буяне.
Вокруг уже не мак и не тюльпан —
Пред нами волны, дышащие дымом,
Опасная и каверзная водь.
Но почему, скажите, наша плоть
Пронизана волнением сладимым,
Как если бы жемчужный этот пар
Был самый драгоценный в мире дар?
А? Почему? Я жил, конечно, мало,
Я думал: счастье — золотой карман,

Или чины, иль царское кружало,
Иль девушки... А счастье вот: туман!

Царь
(нетерпеливо)

Когда ж, однако, сей туман взовьется?

Меншиков

Я полагаю, государь...

Царь

Молчи.
Ведь я же не тебя, а флотоводца.

Синус

Понеже нынче лето, а лучи
Весьма пригрели и нырки летают,
Я думаю, что сей туман растает
Примерно в полдень.

Меншиков

Верно! Среди дня.
(Перекусывает нитку.)
Готово, государь! Такая стежка,
Что подивится и портной Сережка.

Царь
(сдержанно)

Ну, помолчи. Не раздражай меня.
(Синусу.)
А что среди туманов сих предивных
Обдумывает нынче наш противник?
Какие, сударь, мысли у него?
Он вышел к бою всем великим флотом;
Прижал нас к сим долготам и широтам,
А влез в туман, как в шубу. Каково?
Ведь должен он подумать о грядущем?

Синус

А что здесь думать? В полуденный час
Туман сойдет, и с ветром всемогущим
Эскадра двинется противу нас.

Царь

А мы?

Синус

Чего-с?

Царь

А мы-то, говорю?
Ужель и нам часа четыре кряду
Вдыхать вот эдак голубого яду,
Доверясь ветру, как поводырю?
Ужель на то тебе и разум дан,
Чтоб дожидаться вражьего тарана?

Апраксин

А что же тут придумаешь? Туман!

Царь

«Туман», «туман»... В башке у вас туманно.

Меншиков

Мин херц... Ваше величество, гляди!
Что скажете про Меншиково судно?
Красавица! Минерва на груди!
Оно сперва, конечно, было трудно,
Зато потом...
(Увлекает Петра в сторону.)

Царь
(недовольно)

А мачты из чего?

Меншиков

Как из чего? Сосновые.

Царь
(криво улыбаясь)

Простые?
А я, признаться, думал — золотые.

Меншиков

Ты что же? Полагаешь — воровство?

Царь

Не воровство, а что-то очень близко.

Меншиков

Ну, это брось. У нас на все записка!
Извольте: на расходец на любой
У нас заведен...

Царь
(досадливо)

Ладно. Шут с тобой.

Балакирев
(возникая, как из-под земли)

Я здесь, Данилыч! Вечно шут с тобою!

Царь

Ба! Это ты?

Балакирев

Так точно. Прибыл к бою.

Меншиков

Без шуток только. Помнишь ли меня?
С Полтавы-то?

Балакирев

Ого! Не только я —
Тебя, Данилыч, помнит вся Россия.

Меншиков

Я не про то. Я говорю о том,
Как мы тебя исправили кнутом.
Небось теперь твоя худая выя
Не вознесется больше к небесам?

Балакирев

А я, светлейший, повторяю вам,
Что вся Россия воет вам «спасибо»
За щедрость княжескую, ибо...
Прибавилось маленько ей деньжат!
Ты помнишь, Алексеич: так ли, этак
Я у него повыудил монеток?

Царь

Ну-ну?

Балакирев

Кто получил их, те дрожат:
Хотя на глаз блестящи и красивы,
А вот на зуб... ломаются.

Царь

Фальшивы?

Балакирев

Зато уж их... тысчонки!

Меншиков

Это ложь.

Балакирев
(подавая монету)

Да вот, Петруша, на зубок положь.

Царь с минуту разглядывает монету на ладони, затем с величавой небрежностью швыряет ее за борт.

Царь

Сего не может быть. Светлейший князь,
Фельдмаршал, белый адмирал да прочья
Не станет же топтать Россию в грязь.
Все это враки. Болтовня сорочья.
А ежели в монете слабый звон,
То, следственно, чеканщики виновны.

Меншиков

Святая правда!

Царь
(сквозь зубы)

Убирайся вон!

Меншиков
(жалобно)

Я предан вам! Я вам как братец кровный!..
Всё девки... Был я, дурень, гулевой...

Царь

Молчи, подлец! Заплатишь головой.

Балакирев

Ах, Петенька, к чему пустая плата?

Царь

Молчи и ты! Хоть и ума палата,
Хоть мог бы стать заводчиком в стране,
А дураком до этих лет гуляешь.

Балакирев

А кто виной, что в нашей стороне
Дурак вольнее умного?

Царь

Ступай уж.

Меншиков
(в тон царю)

Довольно умничать!

Балакирев исчезает.

Царь
(мечется по палубе, как зверь в клетке)

Туман, туман...
Нельзя ль его, проклятого, развеять?
А? Гулом сдуть? Гранатами рассеять?
Кинжалом распороть его дурман?
Ведь это же... Ведь это что такое?
Враги со всей флотилией своей
Стоят и ждут погоды. Ей-же-ей,
Нет более коварного покоя.

Синус

Но как же быть?

Царь

Использовать туман!
Когда какое дело, капитан,
Застопорится, то сию причину
Используйте хотя наполовину —
Глядишь, и преимущество у вас.
Ну, вот к примеру...
Нет, не то.
Поймите:

Ведь вражеский-то флот увяз? Увяз?
Давайте же мне мысли... Хоть наитье...
Но способ обязательно найдите,
Чтоб выгадать на этом. У земли,
Прижавши нас к ее отвесным скалам,
Стальной подковой — строем небывалым —
Стоят пред нами вражьи корабли.
За ними сердце флота — «Элефантус».
Покуда мгла, они бессильны. Так?
(Яростно грызет ногти.)

Синус

И все равно нет ветру для атак.
Чем, государь, мы двинем эти ванты-с?
Где тот борей?

Меншиков
(Петру)

Мин херц, я напрямик!
Ты всех знобишь. Ей-богу, зря ты, право.
Подует ветерок — и в тот же миг
Пойдет на рандеву моя «Полтава».

Царь

Да черта ли мне ваше рандеву?
Используйте вот эту синеву!
Безветрие используйте! Скорее!

Апраксин

Но как?

Царь

Постойте... Я придумал... А?
Придумал! Этот штиль... вот эта мгла...
Пускай галеры, шнявы, скампавеи
Да прочий наш гребной и мелкий флот
На веслах к «Элефанту» поплывет.
(Раскрывает карту.)
Неслышно... Без малейшего без плеска...
Ни на секунду не впадая в раж,
Пройти весь путь вот этого отрезка,
Пробраться к сердцу и — на абордаж!

Покуда швед повис на парусах
И ветру дожидается от бога,
Мы, капитан, возьмем его впросак!

Синус

На чем? На сей флотилии убогой?

Меншиков

Зачем же мы так яростно вели
На Балтику большие корабли?
Неужто же все это нипочем?
А я-то строил, строил...

Царь

Алексаша!
Ведь это сила, а не слабость наша:
Когда гигант разбит параличом,
То бегающий карлик посильнее.

Синус
(тихо)

Нелепо.

Апраксин
(тихо)

Ужас...

Синус
(громко)

Кодекс наш морской
Не ведает баталии такой.

Царь

Приказываю двигнуть скампавеи!

Апраксин

Есть скампавеи.

Синус
(зычно)

Всех свистать наверх!

Илья Сельвинский. 1942 г.

Группа писателей и журналистов.
2-й Прибалтийский фронт. 1945 г.

Меншиков

Ты, государь, науку опроверг.
Смотри ужо!

Царь

Ты видел? Даже шут
И тот явился к бою под Гангут,
И лишь отсутствует один!

Меншиков
(тихо)

Царевич?

Апраксин

Лафарг! Фон Бредель! Волков да Змаевич!

Четыре капитан-командора появляются перед адмиралом. Из трюма, гремя цепями, поднимаются на палубу колодники — галерные гребцы. Капралы отпирают замки на их оковах. Среди галерников Никита Чохов. Иные жмурятся даже от яркости тумана, другие потягиваются и жадно вбирают грудью воздух. Чохов стоит, не обращая внимания на окружающее.

Царь
(задумчиво)

Итак, настал тот заповедный час,
Которого и в радостях и в горе
Я ждал годами. Море... Бой на море!
Как я страшился этого подчас.
Я слушал Время! Шаг его сажений!
А сам, робея, шел за пядью пядь...
И вот мы здесь. Не миновать сраженья.

Балакирев
(вдруг возникнув)

И слава богу, что не миновать!

Царь резко обернулся, с минуту вдумывался в слова Балакирева и вдруг кинулся к нему и, ухватив, по своей привычке, шута за оба уха, крепко поцеловал в губы. Меж тем сбежались офицеры, матросы, вплотную подошли колодники.

Царь
(вполголоса)

Друзья! Вон там, с восточной стороны,
Стоит враждебный флагманский корабль.

Он держит нас у каменной стены,
Но сей туман пока его ослабил.
Нам надлежит без шуму проползти
По самому прибрежному пути
И вдруг пленить то судно абордажем.
Простое дело. Верно?

Голос

Верно, скажем...

Царь

Но для такого дела-то как раз
Натуришка должна быть крепковата,
И тут нужны охотники, ребята.

Голос

Вестимо.

Царь

Есть охотники меж вас?

Меншиков

Я, государь! Меня!

Царь
(досадливо)

Да погоди ты!

Голоса
(в том числе колодники)

— Я!
— Мы!

Синус

Прошу прощенья, государь.
Неужли же возьмете эту тварь?
Колодники-с! И головы обриты.

Чохов
(с ненавистью)

Ты что? Один на этакой войне?
Пиши меня. Я загребной с «Полтавы».

Голоса колодников

— И мне в охотники!
— И мне!
— И мне!
— А я?
— И мы! Нас пятеро!

Царь

Вы правы.
Когда решается судьба войны,
Перед лицом отчизны все равны.
(Апраксину.)
Скорей, пока затянут горизонт!

Меншиков
(вздохнув)

Рискуешь, киндхен!

Царь
(грызя ногти)

Больше бы тумана...

Балакирев
(увидя Чохова)

Приветствую в отставке атамана!

Чохов
(обирая на себе цепи)

А ты кто будешь?

Балакирев

Я?
(Запевает три первые ноты гаммы, дергая соответствующие струны на балалайке.)
До-ре-ми... донт!
Придворный шут Балакирев. Забыли?
Я вам червонцев дал в счастливый час.

Чохов

А! Ихний звон я помню посейчас:
Меня за них порядошно избили.
Ну, ладно. Поздорову. Тороплюсь.

Балакирев

За государя, друг!

Чохов

(бесстрастно)

Ага. За Русь.

(Уходит.)

Апраксин

(вполголоса)

Гребцы и кавалерия, по шлюпкам!

Капитан-командоры спускаются за борт.

Ягужинский

Вниманье! Конногренадеры, в бой!
Прощайте, граф...

Апраксин

(крестит Ягужинского)

Ну-ну. Господь с тобой.
Мы ваше возвращенье встретим кубком.

Конногренадеры по двое спускаются по трапу. Все происходит быстро и бесшумно.

Царь

(зычным шепотом)

Гей, лодку!

Меншиков

Что ты, государь? Куда ты?

Царь

На «Элефант». Держи со мною связь.
Апраксин!

Апраксин

Я.

Царь

(указывая на Меншикова)

За государя — князь.

(Прощается с Меншиковым и спускается по трапу.)

Меншиков и Ганнибал приникают к борту и следят за отплытием царя.

Апраксин

Поручик Басов!

Голос

Здесь я.

Апраксин

Ваше время.

Голос

Драгуны, в бой!

Драгуны идут на цыпочках.

Балакирев

Не потеряйте стремя!
Коней поберегите: пропадут!

Смех.

Меншиков
(со вздохом)

Исчез в тумане. Перейдем на ют.

Туман кое-где рассеялся. Вдруг взгляд Ганнибала становится пристальным.

Ганнибал

Данилыч!

Меншиков

Ну?

Ганнибал

Мне чудится в тумане —
Как будто стая лебедей взвилась...

Меншиков
(взглянув туда же)

Эй, капитан!

Синус
(подходит)

Не так шумливо, князь.

Меншиков
(указывая на отвисшие паруса, вырисовывающиеся сквозь туман)

Что это значит?

Синус
(упавшим голосом)

Это англичане.

Меншиков

Как англичане? Здесь? Не может быть.

Ганнибал

Немыслимо!

Синус

Тут все бывает. Море-с.

Апраксин
(глядя в подзорную трубу)

Да! Это лорд адмиралтейства Норрис!

Синус

Советую атаку отменить!
Не то наш флот подобен станет аду,
Когда они откроют канонаду.

Меншиков

Ах, дьявольское семя!

Ганнибал

Это бред...

Меншиков
(сквозь зубы)

Ах, дьявольские гады! Изуверы!

Ганнибал

Какие ж вы советуете меры?

Синус

Уйти во фьорды?

Апраксин

Правильный совет.

Меншиков

Во фьорды? Ну, а как же государь?

Синус

Пошлем гонца.

Меншиков
(мелко и часто крестясь)

О, господи... О, боже...

Синус

Гонца пошлем.

Балакирев
(голосом Петра)

Мин херц! Ты это что же?
Ведь лента на тебе, а не орарь.

Меншиков
(вздрогнув, обернулся, но увидел всего-навсего шута, сидящего на нижней рее)

Иди ты к бесу!
(Синусу.)
Стало быть, мгновенно
Уйти во фьорды?

Синус

Именно!

Балакирев

Измена!

Синус
(багровея)

Что-с?!

Меншиков

Помолчи ты, проклятущий шут!

Балакирев

Молчать? Дабы победа улетела?

Апраксин

А это не твое шутово дело!
За государя действуем мы тут!

Балакирев

А разве государь бы устрашился
Британских парусов?

Менщиков
(глухо)

Он прав.

Ганнибал
(экзальтированно)

Он прав!

Менщиков
(смущенно)

Ты, Синус... Ты, тово... поторопился...
Сего нельзя. Как думаете, граф?

Синус

Но каково же все-таки решенье?

Балакирев

Решение такое: бой принять!

Синус
(не оборачиваясь к шуту)

И сгинуть?

Менщиков
(твердо)

Бой вести на разрушенье,
Покуда враг не обратится вспять.

Балакирев
(благодушно)

Ну, вот теперь по-моему, ребята.
(Голосом Петра.)
За дело! С богом!
(Засмеялся.)
Шут — он шут и есть.
(Вихрем спускается по ванте на другую сторону корабля и исчезает.)

Апраксин

На восемь румбов поворот фрегата
Орудьями на адмирала.

Синус

Есть!
(Наклонясь над трюмом, командует.)
Тамбур, вниманье! Весла!

Из трюма раздались мерные удары барабана, дающие темп гребле. Корабль стал поворачиваться пушками на англичан.

Меншиков
(поеживаясь)

Что-й-то сыро...

Ганнибал

Пейзаж как будто подъезжает к нам.

Меншиков

Чего?

Синус
(командуя)

Всем орудийным номерам
Стоять у своего у бомбардира!

Вдали справа сквозь туман блеснул огонь. Гром орудий.

Ганнибал

Что это? Англичанин?

Апраксин

Это швед.

Новый залп.

Меншиков

Ужель нащупал?

Новый залп. Треск расщепленного дерева.

Голос

Обломилась рея!..

Меншиков

Нащупал их, проклятый людоед!

Синус

Канаты обрубить! Быстрей!

Меншиков

Быстрее!
Черт... Мы стоим пред самой батареей,
Хоть и невидимы...

Грохот. Рушится мачта. Мгновенно вспыхивает пламя.

Синус
(командуя)

Мешки с песком!
Доставить мокрые кошмы! Бегом!

По кораблю понеслись матросы кто с чем. Пожар быстро затухает. Обстрел прекратился.

Ганнибал

Слыхал? Оборвалася канонада.
Что это значит?

Меншиков

Видно, неспроста.
У адмирала справиться бы надо.

Апраксин

Эй, вестовой грот-мачтина поста,
Докладывай!

Туман становится все светлее, голубее, золотистее.

Голос с мачты

Пообожди. Растает.

Издалека слышны клики рукопашного боя.

Ганнибал

Вы слышите? Хоть клики нарастают,
А грома нет.

Апраксин

Ну, как там, вестовой?

Голос

Горит фрегат.

Апраксин

Который?

Синус

Где же?

Голос

Справа!

Меншиков

Большой?

Голос

Ага. Поболе, чем «Полтава»!

Ганнибал

Не «Элефантус» ли?

Голос

Идет сюда.

Синус

Да как идет? На вервиях?

Голос

Ну да.
Его тащáт четыре скампавеи.

Синус
(дрожащим голосом)

Не верится...

Молчание.

Голос

Он опускает флаг.

Апраксин

Неужли же пленен и сломлен враг?

Ганнибал

А вот и царь!

Меншиков

Где?

Ганнибал

Вот он! Всех живее!

Спнус

Вон прыгнул в ботик!

Апраксин

Двинулись.

Ганнибал

Гребут.

Меншиков

Я плохо вижу: вся вода дымится.
(Радостно.)
Ах, вот он, вот он, на вельботе мчится.

Апраксин

Вниманье, бомбардиры! Ша-ай! Салют!

Гром пушек.

Клики

— Ура!
— Победа!
— Эреншильд сдается!
— Неужто же кончается война?

Апраксин

Салют!

Гром пушек.

Царь
(вылезая на борт)

Данилыч... Меду и вина!

Меншиков

Ура! Качать, ребята, полководца!

Царь

Да здравствует родная Русь!

Апраксин

Салют!

Гром пушек. Петра качают. Он хохочет, придерживая рукой шляпу. Но вот его ставят на палубу. Балакирев тем временем вглядывается туда, где стояла английская эскадра.

Балакирев

Где ж англичане?

Меншиков
(спохватясь)

Англичане тут.

Царь
(изумленно)

Как! Англичане?

Ганнибал

Очертанья тают.
Они... они как будто улетают...

Меншиков
(весело)

Да просто удирают!

Балакирев

У-лю-лю!

Клики и многократное эхо

— Го-го!
— Бедняжки! Подберите шканцы!
— Го-го! Попутный ветер кораблю!
— Ай да вояки!
— Го-го-го, британцы!

Покуда моряки освистывают Норриса, из-за борта на палубу подымают раненых и убитых.

Солдат первый

Убитые да ранетые тут.

Солдат второй

Эй, боцман!

Солдат третий

Осторожней, черт елохов!

Синус

Смертевиков на бак!

Царь

Кого несут?

Солдат первый

Солдат пехоты Аникита Чохов.

Царь, а за ним Апраксин, Синус, Балакирев и Ганнибал подходят к носилкам.

Балакирев

Э, землячок! Взгляни-ка: узнаешь?

Чохов

Водицы бы... Водицы... Невтерпеж...

Балакирев
(властно)

Воды. Скорей.

Вестовой

Бегу, бегу...

Балакирев

Да живо!
(Чохову.)
А ну, взгляни-ка на меня, служивый!
Да ты приободрися!

Чохов
(взглянув на него)

А? Горю...

Балакирев

Сейчас, сейчас! Да кто я, говорю?
Запамятовал? Хочешь — стану с краю?

Чохов
(строго)

Пошто чудишь? Не видишь — помираю.

Балакирев

Ты? Проживешь до старости, мой свет!

Чохов

А как бишь этот...

Балакирев

Кто?

Чохов
(через силу)

Да швед-то...

Балакирев

Швед?
А что ему? Сдается понемногу!
Кишка тонка.

Чохов
(удовлетворенно)

Ага... Ну, слава богу...
(Хочет поднести двуперстие ко лбу, но рука упала.)

Балакирев
(поспешно)

Воды... Ах, господи! Да где ж он бродит?

Вестовой
(прибежав)

Да вот я, вот... Испей-ка из ковша.
Холодная!

Ганнибал

Тсс...

Вестовой
(шепотом)

Худо с ним?

Синус

Отходит.

Вестовой опустил руку с ковшом. Вода, вздрагивая, проливается на палубу. Молчание. Наконец Синус подходит к Чохову и накрывает его с головой шинелью.

Балакирев
(с перехваченным горлом)

Прощай, Никита, голуба душа...
(Плачет.)

Царь

Ну, что ж? И я скажу тебе: прощай,
Таких, как ты, Россия не забудет:
Ты принял смерть за свой родимый край!
А нас с тобой... грядущее рассудит.

По борту «Полтавы» медленно проходят мачты обгорелого шведского корабля «Элефантус». Он еще дымится. С обугленных рей то и дело взлетают искры. Но вот «Элефантус» останавливается у «Полтавы», с него перебрасывают мост, по которому на палубу спускается шаутбенахт Эреншильд, сопровождаемый Ягужинским. Петр возвращается к своему месту. Перед толпой русских матросов выскакивает Балакирев и, утерев слезы, взмахивает флейтой.

Над кораблем поднимается песня.

Хор

От Полтавы до Гангута,
Устремившися на бой,
От вельможи до рекрута
Шла Россия за тобой.

Гей, море, наше море,
Шла Россия за тобой.

Ты, пришед в огне и дыме,
Вышиб Карлова орла,
И твое презнатно имя
Слава к небу вознесла.

Гей, море, наше море,
Слава к небу вознесла.

Ты вступил на север дикой,
Благодарствуя судьбе.
Что не смог Иван Великой,
Удалося то тебе.

Гей, море, наше море,
Удалося то тебе.

Ну, а море то бурунно,
Пенно, дымно, солоно,
Хоть и лоно есть Нептуна,
Покорилося оно.

Гей, море, наше море,
Покорилося оно.

Так пускай по этим волнам
Наша Русь летит вперед,
Чтобы радостным и вольным
Жил великой наш народ!

Гей, море, наше море,
Жил великой наш народ!

Апраксин

Корабль, смирно!

Ягужинский

Шведский командор
Царю Петру свою вручает шпагу.

Царь
(Эреншильду)

Вам пораженье это не в укор.
Прошу принять. Надеюсь, что ко благу.
(Возвращает шпагу Эреншильду.)
Солдаты и матросы! Ныне днесь
Мы объявляем вам, что всемогущий
Сподобил нас из вековечной пущи
Иных просторов приобщиться здесь...
Сбывается заветное мечтанье
Великого Ивана! Огнь и сталь,
Бессонные труды, раздумья втайне

Открыли нам серебряную даль.
И вот отныне радостно и гордо
Становимся, друзья, ногою твердой
На сих брегах.
Я как в блаженном сне...
Я плачу, братцы... И не стыдно мне...
Волна морская нынче в нашем быте!
Наш дух морским дыханьем обуян.
Кто в силах осознать сие событье?
(С неистовой силой.)
Россия!

Эхо

Я...

Царь

Ты вышла в океан!

Музыка. Матросы поднимают на носилках труп Чохова и несут его на бак.

Один из матросов
(собрав чоховские цепи)

А кандалы? Куда их ноне, братцы?
Не за борт ли?

Синус

Оставьте. Пригодятся.

1949

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОЛЬШОЙ КИРИЛЛ

ТОГДА РЕСПУБЛИКОЮ СТРОЙНОЙ
В ВЕЛИЧЬЕ БЛАГОРОДНЫХ ЧУВСТВ
МОГУЧИЙ, СЛАВНЫЙ И СПОКОЙНЫЙ,
В КРАСЕ ПОЗНАНИЙ И ИСКУССТВ,
ГЛАЗАМ ЕВРОПЫ ИЗУМЛЕННОЙ
ПРЕДСТАНЕТ РУССКИЙ ИСПОЛИН
И НА РУСИ ОСВОБОЖДЕННОЙ
ЯВИТСЯ РУССКИЙ ГРАЖДАНИН.

Добролюбов

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Его величество Никки

Январь 1917 г.

Одна из комнат Царскосельского дворца. У окна, завешенного портьерой, глубоко уйдя плечами в обширное кресло, сидит Николай II. Он курит, делая обаятельное лицо, как на излюбленном им портрете Серова. На нем военная гимнастерка с полковничьими погонами. Георгиевский крест. В глубине комнаты, за овальным столиком красного дерева, ритуально положив ладони на его блистающую поверхность, набожно заседают: императрица Александра Федоровна, ее фрейлина Вырубова-Танеева и министр внутренних дел Протопопов. У двери справа, всемилостивейше допущенные на спиритический сеанс, стоят: министр двора, тучный, розовый, седоусый барон Фредерикс, начальник штаба генерал от инфантерии Алексеев, мягкий, деликатный, утомительно-вежливый, и, наконец, командир XXV кавалерийского корпуса маленький киргиз генерал-майор Корнилов, сочетающий неплохое французское произношение с дикой непосредственностью конника, выросшего в юрте.

Протопопов

Старец Григорий! Ты слышишь меня?

Вырубова
(всплеснув руками)

А люстры?

Протопопов

Pardon. Погасите люстры.

Фредерикс выключает свет. Комната освещена теперь только красной лампадой у кивота. Алексеев подходит к Фредериксу.

Алексеев
(шепотом)

Мятеж становится злобою дня,
Повсюду дыхание революции —
Это теперь понимают все!

Фредерикс

Преувеличение.

Алексеев

Может статься.
Но был я сейчас на Выборгском шоссе,
Видел рабочие демонстрации.
Что поразило меня? Порядок!
Двадцать тысяч идут, как один!
Мы с вами, барон, подобных картин
Не видели и на парадах.

Фредерикс

Что ж? Превосходно.

Алексеев

Именно плохо!

Фредерикс

Но почему? Разве лучше толпа?

Алексеев

Лучше! Бунтарская масса тупа,
Но эти колонны — новая эпоха.
Ведь тут рабочий уже не бунтарь:
Это почти солдат. Это воин.

Корнилов
(страстно)

Но почему же спокоен царь?
Царь почему спокоен?

Фредерикс

Царю вопросов не задают.

Протопопов

Старец Григорий! Друзья твои тут.

Императрица

О да, дорогой: здесь Саша и Аня.

Вырубова

Здесь Протопопов. Только друзья!

Алексеев
(шепотом)

Я повторяю: медлить нельзя.
Мы накануне восстания.

Корнилов

Особенно ясно это на фронте:
Анархия. Дезертирство. Содом.

Фредерикс

Что вы!

Корнилов

Да, да. А попробуйте троньте!

Императрица

Старец Григорий!

Протопопов

Старец! Мы ждем!

Корнилов

Кстати: слыхали солдатский фольклор?
«Царь с «Егорьем», царица с Григорьем».

Алексеев

Тише!
(К Фредериксу.)
Взволнован народный бор.
Быть беде! Захлебнемся горем!

Фредерикс
(усмехаясь)

Вы говорите как протопоп.

Корнилов

Да, уж конечно, не как Протопопов!
Мы ведь, барон, из самых окопов:
Нас ожидает потоп!

Протопопов

Дух Григория! Где ты? Явись!
Покинь на время небесную высь.

Алексеев
(теряя терпение)

Барон!

Фредерикс

Я слушаю вас, генерал.

Алексеев

Нельзя ли нарушить сей ритуал?
Ведь гибель грозит родимому краю,
Нужен серьезный удар по врагу!
Поймите: время не ждет.

Фредерикс

Понимаю.

Алексеев

Так пресеките сеанс!

Фредерикс

Не могу.

Корнилов

Может быть, просто включить электричество?
А?

Фредерикс

Не смею.

Алексеев решительно надевает пенсне и подходит к государю.

Алексеев

Ваше величество!

Протопопов

Дух Григория! Где же ты? Где ты?
Слети в орбиту нашей планеты.

Корнилов

И это министр внутренних дел!

Протопопов

Ужели твой дух в запредельное канет?

Алексеев
(тихо)

Приемлю смелость: я прилетел
С докладом о фронте...

Царь
(говорит с гвардейским акцентом)

Простите, я занят.
(Курит.)

Протопопов

Дух Григория! Дух! Явись!
Покинь, покинь небесную высь!

Вырубова

Ты был благодатью для нас когда-то!

Императрица

Ты был, как это... как утром заря.

Алексеев

Sire! Entendez moi! [1] Долг солдата,
Обожающего царя,
Повелевает сказать вам прямо,
Даже рискуя своим постом...

Протопопов
(исступленно)

Дух! Дух!

Алексеев

...Сказать о том,
Что на фронтах назревает драма,
Ибо наш тыл... Он прогнил! Весь!
Ваше величество...

Протопопов

Тише! Он здесь!

Благоговейная тишина.

---

[1] Государь! Внемлите мне! *(франц.)*

Корнилов
(шепотом)

Черт знает что... Братанье идет,
Дезертирнёй наполнены станции,
А тут министры — видите? — вот:
Сидят на спиритическом сеансе!

Входит черный ординарец императора абиссинец Менелик.

Менелик
(низким басом)

Господина министра просит Курло́в.

Вырубова
(со стоном)

Тихо!

Императрица
(в отчаянье)

Боже мой: все с начала!

Вырубова

Зачем ты, чудовище, зарычало?

Менелик

Господина министра просит Курлов.

Вырубова

Курлов подождет.

Протопопов
(вставая)

Но дела не ждут.
(К императрице.)
Разрешите?

Императрица

Надолго?

Протопопов

Десять минут!

Императрица отпускает Протопопова, который уходит за Менеликом.

Вырубова

Старец Григорий! В тяжкие дни
Ушел ты в заоблачные высоты...
Явись же, любимый, и нас осени.
Ведь мы без тебя на земле сироты,
Так пожалей же своих сирот!

Алексеев, тяжело вздохнув, снимает пенсне и печально возвращается к своей группе. Входит Протопопов, весело потирая руки.

Императрица

Rien de nouveau? [1]

Протопопов

У Орловских ворот,
Наша великая императрица,
Схвачен пробравшийся из-за границы
Русский каторжник.

Вырубова

Каторжник?

Протопопов

Да-

Вырубова

Где же он?

Протопопов

Здесь.

Вырубова
(в ужасе)

Доставлен сюда?

Императрица

О! Во дворец?

Протопопов

В комендантское зданье.

---

[1] Что нового? *(франц.)*

Царь
(заерзав)

Бомбист?

Протопопов

Нет, нет! Он имел заданье
Устроить товарищам срочный побег.
Они где-то в ссылке, а сей субъект
С чистым паспортом ехал за ними.

Царь

Так. Понимаю. Как его имя?

Протопопов

Это один из больших бунтарей.

Вырубова

Но кто же он?

Протопопов

Я сказал вам: «красный».

Царь

Имя?

Протопопов

Пока не знаю.

Императрица
(сухо)

Напрасно.
Курло́ва ко мне. Быстрей.

Фредерикс кинулся исполнять приказание.

Корнилов

Курлов, конечно, бьет не тетерю:
Это охотник по красному зверю.
Но как вы могли допустить, чтобы зверь
Вдруг очутился на царском пороге?

Протопопов

Случайно... Вчера на железной дороге
Он был опознан. А схвачен теперь.

Корнилов

Но если опознан вчера, то вчера же
Надо было и взять заодно.

Протопопов
(смущенно)

Он спрыгнул с вагона... А тут овражек...
Рытвина, знаете...

Корнилов

Знаю одно:
При вашей, мосье, постановке дела
Империя крепко в овраг влетела.

Протопопов

Как? Вы смеете...

Корнилов

Смею. Да.

Алексеев
(поморщась)

Вы, генерал, невозможно грубы.

Корнилов
(срываясь)

А не угодно ли, господа,
Чтобы вздымались дымные клубы?
Да и не где-нибудь, а вот тут?
Да и сегодня же, а не завтра?
Вежливым быть — не великий труд.
Я резок, ибо люблю императора.

Протопопов
(Вырубовой)

Как он развязен. Но я не виню:
Киргиз!

Вырубова

Il est tout a fait parvenu [1].

[1] Это выскочка *(франц.)*.

Императрица
(задумчиво глядя на Корнилова)

Очень прекрасно. Хотя вы резок
И натурально дикий нрав,
Зато вы во многом прав,
И все это в наших, друзья, интересах.
Не так ли?
(Вырубовой.)
Не знаю, chèrie, почему,
Но чем-то он очень подобен на Гришу...
Он варвар. Но я доверяю ему:
В его поученьях я тайное слышу.

Входит секретный товарищ министра внутренних дел генерал Курлов. За ним барон Фредерикс.

Скажите мне, генерал Курлофф:
Кого вы словили?

Курлов

Мои пикеты
Мне доложили: стрижка усов,
Уклад бороды и другие приметы
В соединении с нервным ртом
Вполне говорят о том,
Что перед нами — Ленин.

Протопопов

Ульянов-Ленин?

Вырубова

Кто он таков?

Протопопов

Это лидер большевиков.

Царь

О! Человек этот крайне ценен:
Брат его, образец гордеца,
Пытался убить моего отца
И был повешен. А он, представьте,
Против цареубийц! Каково?

Протопопов

Да, об этом писали в «Правде»,
Но...

Царь

Я желал бы увидеть его.
(К императрице.)
Pas de frousse! Не нужно бояться!

Императрица

Его обыскали, конечно?

Курлов нагибает голову.

Царь

Ну, вот.
Скажите негру: пусть позовет.

Вырубова

Но...

Корнилов
(грубо)

Государь повелел — и баста!

Курлов как ужаленный вылетел из комнаты. Царь встал и двинулся по ковру. За ним встали остальные. Царь принимается ходить взад и вперед. Он невелик ростом, гораздо ниже своей супруги, которая стоит, высокая и статная, как колонна.

Царь

Надо уметь привлекать людей.
Не все же вешать. А он не злодей.
Большевики никого не убили.
Они вообще отрицают террор.
Для нас это важно! Немного усилий,
Немногим больше, чем до сих пор,—
И уверяю вас... Кто такой Ленин?
Как-никак дворянин, господа.
Конечно, он «красный». Не спорю. Да.
Но это — новое поколенье!
Не кровожадное. Новый покрой.
И вдруг
перед ним —
Николай Второй!
Труд мой на государственной ниве,
И вообще — образ царя,
Так сказать, э...

Корнилов
(Алексееву)

Все это зря.

Алексеев
(нервно потирая пенсне)

Как он наивен... Как он наивен...

Входят Фредерикс и Курлов. За ними два лейб-казака вводят Кирилла Чохова. Это огромный мужчина лет сорока. Войдя, он очень спокойно, даже самоуверенно, с какой-то лукавой любознательностью, принимается разглядывать куцего императора, хозяйственно поглаживая свою мягкую табачную бороду.

Курлов

Ваше величество!

Вырубова
(подавлено)

Alexandrine...

Императрица

Comme il est grand [1].

Вырубова

Robust! [2]

Императрица

Mais quel trouble..

Царь
(делая обаятельное лицо, как на портрете Серова)

Вы узнаете меня, господин?

Чохов

Как не узнать?
(Вынимает из жилетного кармана монету и показывает царю его изображение.)
Вы же — вылитый рубль.

Царь изумился. Окружающие переглянулись, не зная, как отнестись к этим словам. Формально никакого оскорбления величества как будто не было. Но царь уже осторожно отошел от Чохова, как если бы дотронулся до электрического разряда.

---

[1] Как он огромен *(франц.)*.
[2] Могуч! *(франц.)*
[3] Но как я взволнована... *(франц.)*

Царь
(Протопопову)

Знаете...Поговорите с ним сами.

Протопопов
(подойдя к Чохову)

Вы, коммунисты, точно в бреду,
Бурю пророчили в прошлом году.
Выходит, что вы бросались словами?
Бури-то нет и до этого дня!
(Хихикает, потирая руки.)
Желаемое — извините меня —
С фактическим мирится, ох, как туго!

Царь
(морщась)

Нельзя ли короче? Без этих сцен?

Чохов

Я вам скажу, как сказал Сун Ят-сен:
«Когда человек ожидает друга,
Он принимает сердцебиенье
За топот его коня».
Но друг-то мчится!

Протопопов

Послушайте, Ленин...

Чохов
(усмехнувшись)

Ленин? Далёко мне до него.

Протопопов

Не отпирайтесь: вы — Ленин-Ульянов.

Чохов

Я?

Царь

Но кто же вы?

Чохов

Так. Существо.

Царь
(раздраженно)

А все же?

Чохов

Человек, господин Романов.

Вырубова

О... Наглец!

Императрица

Уберите его.

Казаки схватывают Чохова и собираются увести.

Царь

Ты кто: крестьянин?

Чохов

Нет. Пролетарий.

Царь

Православный?

Чохов

Я атеист.

Вырубова

Безбожник?!

Корнилов
(злобно)

От этих безбожных тварей
Солдат становится в мыслях нечист:
Ему бы теплушечку оседлать,
К тылам подобраться с любого бока...

Царь
(взволнованно)

А как же иначе? Без веры в бога
Русский солдат не солдат.
Армия наша, при всей ее славе,
Вечно зиждилась на православье.
Православный до самых седин
Предан отчизне, как матери сын,
Православный далек от измены,
С радостью он за Россию умрет!

Чохов

Да вы ж православный? А тем не менее
Какой же вы патриот?
Воюете с немцами, а вокруг
Что ни шишка, то иноземец:
Штюрмер — немец, Эверт — немец...
Может, и кайзер — лучший друг?

Императрица
(со стоном)

Убрать его!

Царь

Уведите его.

Курлов и лейб-казаки уводят Чохова.

Вырубова
(удивленно)

Это... рабочий?

Корнилов

А что?

Вырубова

Колдовство!
Рабочие темные и тупые,
А этот...

Протопопов

Ага! Убедились? Вот!
Это и есть российский завод.

Ц а р ь
(поеживаясь)

Какая неуютная наша Россия...

К о р н и л о в

Я бы сказал: двадцатый век!
Страшней всего, говоря короче,
Что этот хам, этот зверь-рабочий —
Интеллигентный, черт, человек!

В ы р у б о в а
(суеверно)

Да, да... Он черт из кромешного ада.

И м п е р а т р и ц а

Боже мой... Боже... Какой афронт!

Ц а р ь
(потрясенно)

Что же нам делать?

А л е к с е е в
(мягко)

Действовать надо.

К о р н и л о в
(подхватывая)

Его величество едет на фронт!

П р о т о п о п о в

К чему?

К о р н и л о в

Это ж так понятно.

П р о т о п о п о в

Именно?

К о р н и л о в

Фронт — это смерть... это кровь... гарь...
И вдруг при звуках могучего гимна
Является русский царь!
Какой подъем! Вдохновенье какое!
(К царю.)

Уже появленье ваше одно
Всех агитаторов сбросит на дно
И обеспечит ведение боя.

Протопопов
(кивнув на дверь)

Но если такие безбожники там,
То царский приезд может вызвать восстанье!

Алексеев

Этот — рабочий, а фронт — крестьяне.

Протопопов

Я, государь, не советую вам.

Царь

А как полагаете вы, Алиса?

Императрица

Я думаю, Никки, наоборот:
Тебя обожает русский народ.
Я вижу уже счастливые лица
Наших зольдатиков. Царский визит
Имеет рассеять народное горе.
Однако узнаем, что скажет Григорий.
(Протопопову и Вырубовой.)
Садитесь, друзья.

Протопопов выключает свет, садится за столик. Императрица и фрейлина по сторонам. Они кладут руки на пламенную поверхность красного дерева и замирают. Тишина. На цыпочках входит Курлов.

Алексеев
(Корнилову)

Из-зумительный вид!

Протопопов

Вы явно толкаете столик, Анни.

Вырубова

Нет, это вы навалились на край.

Императрица
(в экстазе)

Он здесь! Он здесь!

Корнилов
(громко)

Тише! Внимание!

Императрица
(вопрошая небо)

Ехать ли Никки на фронт?

Пауза. Протопопов навалился на столик, чтобы воспрепятствовать его движению, но императрица изо всех сил потянула столик к себе и с помощью фрейлины в конце концов одолела своего министра. Столик отчетливо и ясно трижды стукнул ножкой.

(Вставая.)

Поезжай.

Вырубова

Это предрешено судьбою.

Императрица крестит государя, затем целует его в лоб.

Императрица

Но пусть и Корнилов поедет с тобою.
(Властно.)
Не правда ли, Никки, ты любишь его?

Царь

Да, конечно.

Корнилов
(становясь на колено перед царем)

Мое божество!
Я чувствую веянье ваших крыл!
Sire! Вы повергнете всех чудовищ!

Курлов
(Протопопову)

Некто Чохов. Кирилл Петрович.
Партийная кличка: «Большой Кирилл».

КАРТИНА ВТОРАЯ

Именем революции!

Каземат Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Камера № 9, самая страшная камера, ибо одна стена ее выходит в кастелянскую, другая на лестницу во второй этаж — и перестукиваться узнику не с кем. Железная койка, у койки — вагонный столик, наглухо вделанный в стену; в стене вырублено круглое гнездо, в котором тускло светит электрическая лампочка, забранная решеткой. В двери — смотровая щель и «окно» для подачи пищи. «Окно» задраено. Смотровая щель время от времени освещается: это из коридора во двор открывается дверь, расположенная как раз против камеры № 9. На дворе день, но в камере ночь.

Кирилл Чохов, в арестантском халате, лежит на койке, жадно прислушиваясь к нежной музыке, плывущей по камере.

Чохов

Скрипки... Откуда? Может быть, снятся?
Товарищ Кирилл, не сходи с ума.

Музыка оборвалась.

Так и есть. Галлюцинация.
(Берет со столика Библию, перелистывает ее, не глядя.)
Экая тьма!
(Лежит, заложив руки за голову.)

И вот изо всех углов на него надвигаются страстные шепоты: здесь сипловатые басы, посылающие кому-то проклятия, тихий женский плач, высокие голоса смертников, героически прощающихся с товарищами,— все это гремящее безмолвие вдруг переходит в пение «Варшавянки».

(Чохов вскакивает, сует ноги в арестантские коты, звеня цепью, начинает метаться по камере, говоря тем же страстным шепотом, что и углы, но постепенно переходя на полный голос.)

Всё за решеткой: лампа, солнце,
Жаркое сердце... Всё!
Но нас не осилит ни тьма, ни бессонница,
Ни это безмолвие, ни крысьё.
Глушите нас гарканьем бравых уланов,
Морите тухлою коркой,—
Но разве не здесь пребывал Ульянов?
Ольминский? Бауман? Горький?
Глухая дверь. Железный засов.
Пыль паутины косматой...

Но слышу
эхо
их голосов
По всем углам каземата!
Какая же пуля, какой кинжал
Убьют их живое слово?
На этой койке Морозов лежал,
У этой стены стояла Ветрова...
И вот — я тоже... Тоже стою,
Кровью причастный к этому своду...
Честь-то какая! Ведь я же в строю
Великих борцов за свободу!
И кровь оттого веселее ртути,
Тоска улетучивается, как дым.
Стреляйте! Вешайте! Четвертуйте! —
Все равно победим!

Голос

Кричать нельзя.

Чохов
(угрюмо)

Пардон. Извините.

Голос

Нельзя кричать.

Чохов

Извините. Пардон.

Голос
(наставительно)

Здесь, господин, Трубецкой бастион:
Тут благородные.

Чохов

Правильно, Митя.

Голос

Да я-ка не Митя, скажем, а Ваня.

Чохов
(встрепенувшись)

«Я-ка»... Новгород. Бронницкий уезд?

Пауза.

Голос
(подавляя любопытство)

Ну да. Хотя бы и с тамошних мест.
Да вы-то как знаете?

Чохов
(улыбаясь)

Образование.

Шаги удаляются. Через несколько секунд слышны опять. Подходят к двери. Остановились. В смотровой щели загорелся глаз часового.

Голос

А вы-ка случа́ем не чернокнижник?

Чохов

Какие тут книги? И белых нет.
Просто, друг, я познал своих ближних,
Не зря ведь прожил полсотни лет.
Я ведь и больше сказать могу:
Какие где рыбы; звери, птицы,
А также... имя твоей девицы.

Голос

Вре?!

Чохов
(подойдя к щели)

Не бойся. Я ни гугу.
Только скажу, сколько букв: четыре.

Голос
(шепотом)

Нет. Поболе. Галиной зовут.

Чохов

Да ведь Галина — это же Галя:
Четыре буковки тут как тут.

Голос

Эка штука!

Чохов

А что?

Голос

Угадали...

Чохов

А до чего хороша собой!
Губки ее — куда там малина!
А засмеется если Галина...

Голос

Ох, нельзя мне. Я часовой.

Тень его исчезает из «глазка», но шагов что-то не слышно. Чохов улыбается. Через мгновение голос опять появляется в «глазке».

А сами-то кто будете?

Чохов

Большевик.

Голос

Ай-ай-ай! В такие-то годы
Лежать бы себе на печи с непогоды,
А вы бунтовать!

Чохов

Ничего. Привык.

Голос
(шепотом)

За что же вы здесь?

Чохов

Человеков спасал.
Большие умы пропадают, Ваня.

Голос

Чужих спасал, а сам и пропал.
Тепло ли тем, коли вам тут баня?
А? Рассудите!

Чохов

А что, дорогой,
Если бы где пропадала Галя?
Ужель не помог бы?

Голос

Чего ж? Помогали.
Но это ж любовь. Случа́й-то другой.

Чохов

И здесь любовь. Да какая! Навек!
Здесь, бра́т, любовь к народу.
Ведь каждый этот большой человек
Терпит за что? За твою свободу.
Мучается об твоей судьбе.
Тебя вот на фронт волокут оборонцы,
А эти хотят, чтобы в вашей Броннице
Землю-то дали кому? *Тебе!*

Голос

Мне?

Чохов

Обязательно.

Голос
(блаженно)

Землю?

Чохов

Ну да.

Голос

Эка штука... Она же помещика:
Князя Волконского, Граббе, Терещенка...
Се-то... Она же... Да нет! Беда!
Экой ты!

Чохов

Погоди! Куда ты?

Голос
(удаляясь)

С нами болтать нельзя. Мы солдаты.

Чохов

Ладно. Вернешься.

В каземат проникают далекие звуки «Марсельезы». Чохов насторожился.

Что это? А?
Нет. Ошибся. Опять мечта.

Голос
(снова у самой двери)

Этого... Я, брат... Ты думаешь — что?
Имение надобно? Этого... Се-то...

Вдруг в дверях распахивается «окно», и перед узником возникает юное, детски заинтересованное курносое лицо часового.

Мне, голубенок, шажонков бы сто:
Угол прирезать бы от соседа.

Чохов

Зачем же угол? Поле возьмешь.

Часовой

Поле?

Чохов

Ну да. Помещичье поле.

Часовой

Эх! Ты шутки, а мне это нож!

Чохов

Кабы шутил я, жил бы на воле.
Ну, ладно. Ступай. Ты, видать, не свой.

Солдат неподвижен.

Ступай, ступай, говорю, часовой.
С такими, как ты, ни ляда не выйдет.

Часовой
(оглядываясь)

А как на фронте?

Чохов

Дело идет.
Каждый солдат уже явственно видит,
Что батюшка царь у него идиот,
Что все министерство — как бык на распутье,
Что их осенял — было — Гришка Распутин,
А Гришка этот — немецкий шпик.

Так стоит ли ради таких калечиться?
К тому ж охраняет солдатский штык
Не столько «веру, царя и отечество»,
Сколько буржуев без края и дна,
Всяких помещиков, спекулянтов,
Земгусаров и симулянтов.
А ежели так, то на черта война?

Молчание.

Толково? А?

Часовой

А немцы палят?

Чохов

Палят, да не очень. Тут дело пошире.
Немцы тоже мечтают о мире.
То здесь, то там над окопом плакат:

«РУССКИЙ!
БУДЕМ БРАТЬЯМИ!
ВЫХОДИ
НА ДРУЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ И ЗАКУСКИ!»

(Смеется.)

И правильно: дураки они, что ли?

Часовой
(задумчиво)

Стало быть, вишь ты... Помещичье поле...

Пауза.

А луг дадут?

Чохов

А как же? И луг.
А там и коров, лошадей, моторы...
Была бы народная власть!

Часовой
(озираясь)

Друг!
А где ж он, твой человек-то́?

Чохов

Который?

Часовой

Ну, тот, что старается для бедноты.

Чохов

Их много. Их надо спасать, как душу!

Часовой

Спасать... А кто же спасет их?

Чохов

Ты.

Часовой

Я? О, господи... Нет. Я струшу.

Чохов

То есть спасать-то их стану я,
А ты помоги мне выйти отсюда.

Часовой

Что ты! Мать у меня... Семья...

Чохов

Ну и ступай себе прочь! Иуда!

Часовой

Да почему ж Иуда?

Чохов

А кто же?
Мы вот, рабочий класс,
Боремся, в тюрьмах гнием за вас,—
А вы? Вы плывете по воле божьей?
Добьемся власти — что ж, хорошо,
От Бронницкого уезда спасибо.
Пока же от Бронницы — фунтик «хлиба»,
Воды кувшин да ружье?
Вот. Стоит себе. Он да штык.
Охраняет святую обитель:
Рабочего стережет мужик,
Чтобы помещика не обидел.
Эх, молодежь!

С новой силой звучит «Марсельеза», теперь уже много ближе,

Часовой

Да ить кабы мог!

Чохов

(не доверяя своему слуху)

Послушай! Что это? «Марсельеза»?

Часовой

Студенты шалят.

Чохов

Отопри замок.

Часовой

А ключ?

Чохов

(в отчаянье)

Ах, дьявол... Ну, сбей железо!

Часовой

Мать у меня. Понимаешь ты? Мать!

«Марсельеза» уже гремит у самой крепости. Слышны голоса, провозглашающие лозунги. Клики «ура». Чохов мечется по каземату.

Чохов

Нет, не студенты. Восстала улица.
Может, заводы? Пора им восстать.
Ты понимаешь, а? Революция!

Часовой

(тупо)

Мать у меня.

Чохов

Революция... Ясно...
Она. Наконец-то. Она, она!
Хоть бы увидеть ее из окна:
Черные толпы... Флаги красные...
«Марсельеза»... Люди поют...

Часовой

Мать-старушка. Хозяйство куцее.
Как же, ежели вдруг убьют?

Чохов

Ясно. Она, она. Революция.

Часовой

Мать у меня. Понимаешь? Мать!

Голос
(в коридоре)

Смирно!

Часовой отпрянул от «глазка». Крупный шаг конвоя по коридору. Лязгают ключи. Дверь открывается, и входят комендант, дежурный офицер, унтер и часовой.

Комендант
(указав на Чохова)

Этого вывести. Срочно.
И во дворе расстрелять.
(Уходит.)

Офицер
(просматривая перечень заключенных)

Твоя фамилия Чохов?

Унтер

Так точно.

Офицер красным карандашом вычеркивает имя Чохова из списка живых.

Чохов
(глухо)

Меня убить можно, но нас — врешь!

Офицер

Шагом марш!

Чохов
(с глубокой горечью)

Прощай, молодежь.
(Идет к выходу.)

Вдруг часовой, не помня себя, бросается к двери.

Часовой

Стой! Не пущу! Не дам расстреливать!

Офицер
(сквозь зубы)

И этот выскочил за колею.

Унтер

Ты что? Очумел?

Часовой
(по лицу его катятся слезы)

Убирайся отселева!

Офицер

Арестовать его!

Часовой

Заколю!

Унтер
(выхватив револьвер и отступая)

Поручик, сюды... Они не прорвутся...

Офицер

Руки по швам!

Унтер
(часовому)

Назад, косолапый!

Вдруг распахивается дверь, ведущая из коридора во двор, и вместе с солнцем врываются рабочие, студенты, гимназисты. Девушка Зоя с красным флагом в руках отталкивает офицера в сторону.

Зоя

Граждане! Именем революции —
Освобождение!
(Кинулась к Чохову.)
Папа!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На дне

Февраль.

Салон-вагон Николая II, возвращающегося с фронта на Петроград. В окне проплывают березки, вьются галки, снуют серенькие русские тучки. Николай, в коричневой черкеске, задумчиво глядит в окно. В стороне, у стола, сервированного к ужину, закусывают барон Фредерикс и генерал Корнилов. Их обслуживает черный ординарец императора — Менелик. Слева, за роялем, советник французского посольства г. Дульсе играет Шопена. Присутствие в царском поезде французского дипломата отражает не только финансовую и политическую зависимость Николая от Антанты, но и характерную для этого периода расшатанность этикета российского царствующего дома.

Царь

Ах, Россия... Привольный край!
Но роковой. За драмою драма.

Входит молодой щеголеватый гвардеец князь Волконский.

Волконский

Ваше величество, телеграмма.

Дульсе прекратил игру. Николай читает, затем возвращает депешу.

Царь

Ответьте: «Еду домой. Николай».

Волконский уходит.

Да не грустите вы, бога ради!
Быть императором — тяжкий крест,
Но я надеюсь, что мой приезд
Многое сделает в Петрограде.
Друзья мои, ваше здоровье! Пьем.
(Напевает невеселым тенорком.)
«— А есть вино?
— Есть, есть вино.
— Так будем пить?
— Естественно...»
С моим возвращеньем начнется подъем.
Все это шалости Нового года:
Елки... Гуляния... Цирки Труцци...

Будь в стране дурная погода,
Не было б революции.

Дульсе снова принимается играть. Корнилов подходит. Слушает.

Корнилов

Шопен?

Дульсе

Шопен. Полонез a-dur.
Слышите эскадроны?

Корнилов

Вот как!

Менелик
(подходя с подносом)

Джинджер? Виски? Арака? Водка?

Корнилов
(слушая музыку)

А это уже, пожалуй, амур!

Дульсе, улыбаясь, кивнул головой. Опять появляется Волконский и протягивает царю телеграмму.

Царь
(читает)

«Положение крайне трудное в столице анархия необходимо составить министерство ответственное перед народом промедление смерти подобно молю бога чтобы в этот час гроза миновала венценосца».

Менелик
(входя)

Ваше величество, телеграмма!

Царь
(пробежав депешу)

Одна и та ж надоевшая гамма:
Уступки, реформы! Но разве я труп?

Волконский

Что же ответить Родзянке и Думе?

Царь

Ответа не будет. Родзянко глуп!
Еще цезаризм в России не умер.

Дульсе с траурным выражением закрывает крышку рояля. Настроение у царя сразу становится мрачным. Это отражается на Фредериксе. Между тем поезд останавливается у каких-то захолустных строений.

Что за город?

Фредерикс
(взглянув в путеводитель)

Станция Дно.

Царь
(вздрогнув)

Дно? Какая нелепая шутка.

Фредерикс

Ваше величество... Это жутко,
Однако...
(Тычет пальцем в путеводитель.)

Царь

Нам остается одно:
Пить и ждать. Не правда ли? Prosit!
Пейте, друзья. Император просит.

Волконский
(входит)

Ваше величество...

Царь

Да?

Волконский

Pardon...
C'est impossible...[1] Но странный казус:
Нас комендант не пустил на перрон.

Корнилов

Как?

---

[1] Это невозможно... *(франц.)*

Волконский

Вопреки моему приказу,
На Петроград пути не дает.

Фредерикс

Ну, это, знаете ли, анекдот...

Корнилов

И вы ушли? Пристрелить на месте!

Волконский

Стреляйте! Пожалуйста. Хоть повесьте!

Корнилов

Нет, вы подумайте: мелкий чин...
Тридцать рублей... Четырнадцатый пояс...
И смеет задерживать царский поезд!
Это в России! Где же узда?
Плетка где?

Волконский

К чему эта проповедь?
Комендант здесь. Извольте попробовать.

Царь

Прошу пригласить коменданта сюда.

Волконский выходит.

Корнилов

Не-ет... Такое увидишь не часто...
Чтобы сморчок, нацепивши бант,
Прыгнул вдруг в большое начальство?

Волконский
(входит)

Ваше величество, комендант.

Появляется немолодой прапорщик военного времени с лицом не то народного учителя, не то сельского ветеринара. С ним бойцы железнодорожной охраны, все с красными бантами.

Царь
(сделав лицо в манере Серова)

В чем дело, голубчик?

К о м е н д а н т
(разводя руками)

Нет пути.

К о р н и л о в

Прапорщик! Как отдаете рапорт?

К о м е н д а н т
(взяв под козырек)

Путь на север пока еще заперт.

Ф р е д е р и к с

Что значит «пока»? Нам нужно пройти!

К о м е н д а н т

Я понимаю, да вот беда:
Рельсы «товарищи» разобрали.

К о р н и л о в

Надо наладить. Ясно?

К о м е н д а н т

Ну да.

К о р н и л о в

И срочно!

К о м е н д а н т

А срочно — это едва ли.

К о р н и л о в

Как едва ли?

К о м е н д а н т
(разводя руками)

Рабочих нет.
Всё митингуют. Слышите пение?

Ц а р ь

Сделайте все, господин корнет.

К о м е н д а н т
(поправляя)

Прапорщик.

Корнилов
(сухо)

Повышение!

Вбегает Зоя, за ней Иван Большой и стрелочник с фонарем.

Зоя
(взволнованно)

Где комендант?
(Увидев царя, смутилась.)
Комендант...

Комендант

Чего?

Зоя

Идет паровоз... Политкаторжане...
Отец мой там...

Комендант
(стрелочнику)

Пропустите его.

Стрелочник убегает.

Фредерикс
(изумленно)

Но путь разобран!

Бойцы смеются.

Корнилов
(Волконскому)

Слышите ржанье?

Фредерикс

А? *«Разобран»* — он говорит.

Зоя
(дерзко)

Для революции путь открыт!

Комендант усмехнулся и отошел к окну. Свита царя переглянулась.

Корнилов
(Фредериксу)

Все понятно?

Фредерикс

Еще бы!

Корнилов

Так.

Дульсе

Прапорщик явно хитрец из народа.

Царь
(подойдя к Ивану Большому)

А ты, солдатик? Такой же чудак?
Тоже смутьян подобного рода?
Ты знаешь, кто я? Ведь я твой царь.

Иван
(неожиданно для всех)

Батюшка...

Зоя

Тихо!

Иван

Царь-государь!

Зоя

С ума сошел?

Иван

Да ведь это же... Боже!
«Бо-о-же царя храни...»
(Поет и без удержу крестится, сам того не замечая.)

Бойцы фыркают.

(Падая на колени.)
Ваше величество... Не вини!
Присягу давал я... Се-то...

Царь

И что же?

Иван

Присягу давал... А нынче — вот.

Зоя

Ах ты, раб! Упади на живот.
Ползи к столу. Оближи его блюдце.
Бегай собакой на поводу!

Дульсе
(иронически)

Мадам агитирует на ходу?

Зоя

Мы агитируем революцией!
А вы не радуйтесь: *этот* не ваш.
Никто не в силах с первого мига
Сбросить тысячелетнее иго.
Сейчас в голове у него ералаш,
Вот и поступок его безобразен.
Но он прозревает с каждым днем.
Предки его — Пугачев и Разин —
Очень скоро проснутся в нем.

Иван слушает их озадаченно. Затем медленно поднимается с колен. Брови его удивленно приподняты и остаются в этом положении.

Боец
(глядя в окно)

Идет, идет!

Слышно тяжелое дыхание паровоза. Бойцы и Зоя бросились к окну. Огромный локомотив-декапод величаво проходит мимо салон-вагона.

Комендант
(тихо)

С бородою — Сазонов?

Зоя
(взволнованно)

Чохов. Отец мой. Пошли, пошли!
(Выбегает.)

Иван, еще раз оглянувшись на царя, растерянно шмыгнул носом и, по-детски вздохнув, огорченно побрел за девушкой.

Фредерикс

Итак, оставляете нас на мели?

Комендант
(с непроницаемым лицом)

Нет пути для тяжелых вагонов.

Дульсе

А как же прошел паровоз-декапод?

Комендант

Но не могу ж я при этом морозе
Царя отправить на паровозе.

Дульсе
(в ироническом восторге)

О! Патриот!

Корнилов

Патриот, патриот!

Козырнув императору, комендант застенчиво удаляется. Бойцы, посмеиваясь, пошли за ним.

Царь
(с гвардейским акцентом)

Барон! По приезде моем в Петроград
Схватить коменданта с этой девчонкой
И вместе с уличной собачонкой
Повесить троих в ряд!

Фредерикс

Слушаю, ваше величество.

Дульсе

Но...
Как нам пробраться сквозь станцию Дно?

Корнилов

Мы едем назад. Проберемся до Пскова,
А там — Петербург.

Ф р е д е р и к с

Рискованный путь.

Д у л ь с е

Рискованный?

Ц а р ь

(абсолютно без гвардейского акцента)

А?

К о р н и л о в

Да уж как-нибудь.

Ф р е д е р и к с

Крайне опасный...

К о р н и л о в

Не вижу другого.

Князь!

Волконский понимающе кивнул и побежал исполнять приказание.

Ф р е д е р и к с

Пройдемте в купе, государь.
Вы так устали.

Ц а р ь

Все в божьей воле.
Коль суждено, неминуем удар,
А нет, так и гуси спасут Капитолий.
Прошу, господа: мой любимый коньяк.

К о р н и л о в

(подымая бутылку)

Я верю: гвардия на конях,
Она возродит великие даты!

Мимо вагона со свистом и песнями проносится воинский эшелон.

Д у л ь с е

Дезертиры?

К о р н и л о в

(усмехаясь)

Почти: делегаты.

Волконский
(входит, протягивая телеграмму)

Ваше величество.

Царь

Что? Опять?

Волконский

Прошу извиненья, но в телеграмме...

Царь
(раздраженно)

Я ничего не буду читать!

Волконский

Sire! Cette dépêche est... [1]

Царь
(капризно)

Читайте сами!
(Комкает депешу и, швырнув ее на пол, берется за пустую рюмку.)
Пьем закат февральского дня.

Корнилов
(подойдя к нему с бутылкой)

Ваше величество?

Царь

М? Наливайте.
Если враги низложат меня,
Я поселюсь в Ливадии.
Море... Цветы...

Фредерикс

О, не надо грусти!
Если нисходит с небес благодать,
То Капитолий спасают гуси.

Царь
(печально)

Теперь февраль... Гусей не видать.

---

[1] Государь! Эта телеграмма... *(франц.)*

Дульсе

Но всё во вселенной в господней власти —
Она и спасет горностаев династии...
Sire! Надо веровать в Русь!

Царь
(брезгливо)

Вы кто же, мосье? Спасающий гусь?

Дульсе
(оскорбленный)

О-о!

Фредерикс
(поспешно, царю)

Не угодно ль пройти в купе?
Ведь вы уже сутки в этом салоне.

Царь

Ну что ж.
(Послушно уходит за Фредериксом.)

Поезд двинулся в обратную сторону. Замелькали огни, особенно почему-то грустные при свете угасающей зари. Менелик опускает шторы.

Дульсе

L'empereur на последней тропе.
К тому ж и тропа на последнем склоне.
Решающая наступает пора.

Корнилов
(стиснув руки)

Здесь Петр бы нужен!

Дульсе

Ни много, ни мало?
Но Никки так же похож на Петра,
Как этот арап на его Ганнибала.

Менелик взглянул на них с невыразимым презрением и, вытащив из-под самого их носа фужеры, величественно покинул салон. В ту же минуту Дульсе бросился к скомканной царем депеше.

Корнилов

Обиделся. А величав, как паша.
Оказывается, и у них душа!

Дульсе
(читает вслух)

«Командующие фронтами — великий князь Николай Николаевич (Кавказ), генералы: Сахаров (Румыния), Брусилов (Юго-Западный), Эверт (Западный), Рузский (Северный) — считают необходимым отречение государя императора от престола... Зная своего монарха, не сомневаюсь, что, если благоугодно будет разделить наше мнение, ваше величество принесет эту жертву родине. *Алексеев*».

Корнилов
(в ужасе глядит на Дульсе)

Что будет с Россией?

Дульсе

Зависит от вас.

Корнилов

Как?

Дульсе

От вас, говорю, зависит.

Корнилов

То есть?

Дульсе

Держите с Антантою связь.
Надо глядеть с исторической выси:
Двор деморализован. Так?
Дума не справится с революцией.
Родзянко в почете, но он пустяк.
Гучков бесславен, а это не лучше,
Керенский — шут. Он мукой набелён.
Сейчас, при всеобщем разброде партий,
Спасение только в одном Бонапарте:
Нужен Наполеон!

Корнилов

Но где же он? Где?
(Указывая на депешу.)
Среди этой плотвы?

Дульсе

Где? Здесь!

Корнилов
(робко)

Это... вы?

Дульсе

Нет, вы.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Временнообожаемый

Одна из комнат Таврического дворца. Заместитель председателя совета министров Временного правительства, министр юстиции, он же лидер партии трудовиков, балансирующей где-то между эсерами и кадетами, он же представитель соглашательского крыла Петросовета — адвокат А. Ф. Керенский, сидя за письменным столом, ведет беседу с советником французского посольства г. Дульсе. По обе стороны кресла А. Ф. — два окаменелых юнкера.

Дульсе

Известно ли вам, господин премьер,
Что в Петроград приезжает Ленин?

Керенский

Нет.

Дульсе

Надо ждать больших выступлений:
Он человек решительных мер.

Керенский

Когда приезжает?

Дульсе

Сегодня.

Керенский

Сегодня?
Странно. И я ничего не знал!
(Звонит.)

Входит секретарь — студент Воробушкин.

Послать делегацию на вокзал
Для встречи Ленина.

Студент уходит.

Так благородней.

Дульсе

Этим его не купить, мосье.
Перелистайте хотя бы «Правду».
Вы щепетильно дуете на́ воду,
А там faux pas на любой полосе.
Францию с Англией игнорируя,
Против войны пропаганду ведя,
Эта газета требует мира!
Так что приезд максималистского вождя —
Начало таких событий,
Которые февралю не в пример.

Керенский
(вежливо улыбаясь)

Вы околдованы? Я не в обиде:
Галльская кровь!

Дульсе

Господин премьер!

Керенский
(останавливая его жестом)

Не следует, господин советник,
Базироваться на слухах и сплетнях.
Может быть, роль моя крайне пуста
И я своего недостоин поста,
Но если речь идет о России,
Знайте: Россия предана мне!
Я для нее подобен весне,
А нет ничего на свете красивей
Первой зелени, первых грачей,
Первых лозунгов революции.

Дульсе
(кисловато)

Ах! Я в восторге от ваших речей...

Керенский

Значит, согласны с моей резолюцией,
Что ленинцы не проблема дня?

Дульсе

Да, но за них, pardon, солдатня!

Керенский

Зари не бывает, мосье, без тумана,
Терпенье.

Дульсе

Они фанатичны притом,
Как батальоны Сент-Антуана
В тысяча семьсот девяносто втором.
Во всяком случае, просьба одна:
Если вам
когда-нибудь
станет тяжко,
Если правительству будет нужна
Острая русская шашка —
Вспомните имя Лавра Корнилова.
Другого такого же острокрылого
И в то же время послушного — нет!
Большой военный авторитет.
К тому же казак. Формулируя кратко —
Идиллия в духе эсерских пророков.
В нем, правда, много всяких пороков,
Но ни одного недостатка.

Керенский
(улыбаясь)

Ну что ж. Запомню.

Дульсе

Благодарю.
Теперь о делах. (Это будет короче.)

Недавно приехал мосье Дарю,
Доверенный фирмы «Ротшильд».
Кто такой Ротшильд? C'est une lumière! [1]
Впрочем, у нас буржуазная призма.
(Смеется.)
Заверьте его, господин премьер,
Что, несмотря на паденье царизма,
Его нефтяное дело в Баку
Останется тем, чем было.

Керенский

За этим Дарю и приехал? Мило!
Ответьте: концессии я сберегу.
Хоть мы навсегда покончили с троном
И многое пересмотрим всерьез,
Однако промышленности не тронем.
Другое дело — аграрный вопрос.

Дульсе

Я и не ждал иного ответа.
(Встает.)
Итак, прошу, господин премьер,
Принять выраженье большого привета
И дружбы наших высоких сфер.
(Кланяется.)
Что же до Ленина — дело ваше.
Но я отнюдь не шутя говорил
О генерале с парою крыл.
(Еще раз кланяется и уходит.)

Появляется студент.

Студент

Входите!

Входит Манташев. Это человек восточного типа, в русской поддевке с красным бантом и университетским значком.

Керенский
(указывая на кресло)

Прошу, господин Манташев.

Студент уходит.

---

[1] Источник света! *(франц.)*

Манташев

Я к вам пришел, как монах к царю:
Правды взыскую!

Керенский

В чем ваше дело?

Манташев

Дело в нефти. Приехал Дарю.
Дарю этот нагло и оголтело
Скупает акции Нобеля. Так?
В связи с революцией снижение процента
Дает возможность скупать за пятак
Бумаги бакинского конкурента!

Пауза.

Что ж вы молчите?

Керенский

А что мне сказать?

Манташев

Француза надо приструнить! Связать!
Развязность его не знает предела.
Я заявляю вам не шутя:
Это почти уголовное дело,
Почти уголовная... так?.. статья.
Какой-то нахал, спекулянт из Парижа,
Россию мою заставая в слезах,
Глотает Нобеля на глазах,
А я — я это воочию вижу
И не могу помешать!

Керенский

Да, да.
Я понимаю. Несчастный Нобель.
Пока в России горят города —
Его обирают!
C'est ne pas noble [1].

---

[1] Это неблагородно *(франц.)*

Манташев
(ерзая)

Мышленье ваше, высокое столь,
Весьма похвально-с. Но я не про мышленье-с:
Я нефтяной российский король,
Отечественная промышленность.
Отечественная. Так? Я!
Мне нужно от всех от чужих заградиться.
А тут врывается заграница —
И акции хлынули мимо меня.
И все легально. Согласно визам.
К ее услугам почтовая связь.
Но где же, позвольте, патриотизм?
Где! Так?
Я поддерживал вас.
Я вечно кричал, что мы кровные братья,
Что если марксизм России чужд,
Зато эсерство — русская партия!
А это что? Получается чушь!
Но я бы хотел говорить без стражи.
Вопрос интимный. Лирический даже,

Керенский
(юнкерам)

Друзья! Не оставите ль нас вдвоем?

Манташев

Да, да. Будет нужно — мы позовем.

Юнкера вышли.

Победный клич из Парижа несется,
Все акции там — у меня ж ни одной.
Я попросил бы запомнить, родной:
Министры уходят — нефть остается!

Керенский
(задетый)

Что вам угодно?

Манташев

Моя сума
Всегда патриотов снабжала густо.
От русских сектантов я был без ума,

Я был без ума от русского искусства.
Русские лошади... Русский балет...
Русский Стравинский... Господи боже!
И вдруг меня на старости лет
Отдают на съеденье французам. И кто же?

Керенский

Да. Ошибка. Но ничего:
Сейчас перед вами широкое поле.
Чего ж вы хотите?

Манташев

Хочу одного:
Монополии!
Да, да. Не пугайтесь. Довольно Руси
Жить по архаической мерке.
Смотрите, как дело поставлено в Америке:
Съедят ли Рокфеллера? Боже спаси!
Там ведь живут интересами нации,
Там — политический глазомер.
Как я завидую им, признаться!
Да вот возьмите такой пример:
Вице-директор «Стандарт-ойл» —
Статс-секретарь Соединенных Штатов.
Не дешев служащий из депутатов,
Но, как бы дорого он ни стоил,
Там добиваются этим путем
Великолепного процветанья.

Телефонный звонок.

Керенский
(берет трубку)

Да? Я занят. Нельзя ли потом?

Манташев
(вставая)

Не буду задерживать. Так? До свиданья.

Керенский

Я от решенья пока воздержусь.
Все это ново. Надо продумать.

Манташев

Думать нечего. Кончилась Дума.
Надо спасать Русь.

Керенский

Верно, но, видите ли...

Манташев
(с широкой псевдорусской замашкой)

Родной!
Брось, говорю, кочевряженья эфти:
Возьми бразды управленья страной,
А там и ко мне — в управление нефти.

Керенский
(вспыхнув)

Вы что! Забыли?

Манташев

О чем, например?

Керенский

О том, что Ке́ренский революционер!

Манташев

Ах, Александр Федорыч! Так?
Вне стенограммки беседа наша.

Керенский

Он бессребреник!

Манташев

Верно, Саша!
Войти в мой трест ни за медный пятак
И жить на купоны с больших облигаций,
Где же тут серебро, дорогой?
(Хохочет.)

Керенский

Аудиенция кончена!

Манташев

Вкратце:
Знаете сами — не вы, так другой.

Не хочет Керенский — Дан захочет.
Так? А если не Дан — Чернов!
Пускай что угодно с трибуны пророчит,
Путь министра для нас не нов.
Все будет, как было. К чему ж тут баюканье?

Керенский

Я вызову стражу.

Манташев

Сто десять.

Керенский
(истерически)

Вон!

Манташев

Нет, нет: сто десять — мой телефон.

Входит студент Воробушкин, за ним юнкера, которые становятся по обе стороны Керенского.

Студент

Английский посол Бьюкенен!

Бьюкенен
(входит)

Милый мальчик! Я вовсе не горд.
Но я не Бьюкенен.

Студент
(опешив)

Кто же вы?

Бьюкенен

Лорд!

Лорд Бьюкенен!

Студент

Мы без традиций!
(Ушел, демонстративно стуча каблуками.)

Манташев, сдержанно поклонившись лорду, уходит вслед за студентом.

Керенский

Примите мои извинения, сэр:
Душок анархизма. Mais que je peux faire? [1]
Стигмат эпохи! Прошу садиться.
А я лишь сейчас подхожу к рулю...
Еще не послушен мой «Наутилус»...

Бьюкенен садится, сохраняя на лице выражение глубокого скептицизма по отношению к новой власти и ее возможностям.

Мое правительство обратилось
К его величеству королю
С некоей просьбой, сэр. А именно:
Можно ли
в Англии
гостеприимной
Поселить на месяц-другой
Бывшего государя? Условия
Не позволяют создать покой
В южных степях, а его здоровье
Исключает Уральский хребет
Или, допустим, тайгу на Лене.
Итак, мы желали бы знать ответ.

Бьюкенен
(угрюмо)

Сегодня в ночь приезжает Ленин.

Керенский

Вы не ответили на вопрос.

Бьюкенен

Опасный мечтатель такого рода,
Который врастает в сердце народа,
Как Будда, Конфуций или Христос.

Керенский
(небрежно)

О, ваши сведенья, сэр, неточны.
Мне ли не знать мой русский народ
И его сердце? Но вы озабочены?

[1] Но что поделать? *(франц.)*

Бьюкенен

Боюсь, что Россия к нему повернет.

Керенский

Россия? К нему? Да ни в коем случае!
Вы, иностранцы, должны понять:
Я с юности был слугой революции,
И мне народ говорит: «Исполать!»

Бьюкенен

Мне поздно верить новому Евангелью.

Керенский

Но в мире-то знают, *кто* здесь кумир!

Бьюкенен

Простите: когда говорю я «мир»,
Я имею в виду — Англию.

Керенский

Я очень ценю остроумие, но...

Бьюкенен

Взгляните, сударь, хотя бы в окно:
Ваши ли это флаги полощут?

Керенский

Красные? Значит, мои.

Бьюкенен

О нет.
Сегодня известный вам комитет
Ведет Петроград на вокзальную площадь.

Керенский

Вы ошибаетесь. Не Петроград,
А только путиловцев или Колпино.
За Ленина только пролетарьят.
Два процента. Не густо накоплено.
Много ли весит рабочий класс?
Ну, а возьмите эсерское знамя:
Сто миллионов крестьян за нас,
Значит, и вся Россия за нами.

Мы кровная русская партия, сэр.
(Впадает в лекторский тон.)
Еще от народнических поколений...

Бьюкенен

Я думал, что вы государственный гений,
А вы, к сожалению, только эсер.
О, вы обиделись, кажется? Бог мой!
Так и есть. Поглядите в глаза.
Надо. Покончить. С мертвою догмой.
Очнитесь, Ке́ренский: Ленин — гроза!
Вы говорите, что русский крестьянин
По духу эсер, а не большевик.
Допустим. Но в бой его что-то не тянет.
Он хочет вульгарно остаться в живых.
А вы восклицаете истерически,
Будто эсер мужику родня.
Мужик рассуждает не исторически,
А с точки зрения сегодняшнего дня:
Ке́ренский гонит его в наступленье,
А Ленин к миру его зовет,
Значит, не Ке́ренский, а Ленин
Будет вести крестьянский народ.

Керенский
(чужим голосом)

Сэр, я вас понял.

Бьюкенен

Рад весьма.

Керенский

Но среди слов моего девиза
Нет и не было слова «тюрьма».

Бьюкенен
(примирительно)

У вас имеется Дикая дивизия.

За дверью гул голосов.

Керенский

Солдаты рабочих не тронут, сэр.

Бьюкенен

Солдаты из мусульманских наций?
Магометанин достаточно сер,
Чтобы Корнилову подчиняться.

Керенский
(вздрогнув)

Опять Корнилов?

Бьюкенен

Зачем же «опять»?
Корнилов еще не играл ни разу.
Этот солдат презирает фразу,
Зато умеет вполне наступать.
Угоден ли вам такой генерал?

Керенский молчит.

(Снова садясь.)
Прекрасно. Я сразу в вас угадал
Вполне достойного нашего века
Государственного человека.
Теперь два слова об Англии, сэр.
Должен сказать вам в пылу откровенья,
Что без принятия экстренных мер
Мы задохнемся. В городе Вене
Был знаменитый Австрийский банк,
Который имел от Англии бланк
На скупку нефти в Румынии. Ясно?
Но вот затрещал румынский костяк —
Немцы берут Констанцу и Яссы,
В румынском Плоешти германский стяг —
И вся наша нефть до последнего франка
Льется в бак немецкого танка.
Но Лондону воевать без Плоешти —
Все равно что лежать на боку,
А потому пребываю в надежде,
Что вы допустите нас к Баку.

Глубоко взволнованный Керенский сунул папиросу в рот, затем, спохватившись, раскрывает портсигар перед собеседником.

Керенский

Угодно?

Бьюкенен

Я не курю папирос.

Керенский

Баку... Баку — сложнейший вопрос.
Тут что ни имя — особая специя.

Бьюкенен

Именно?

Керенский

Э... Ну, хотя бы Нобель.
Нобель швед. Обидится Швеция.

Бьюкенен

Я слышал о Нобеле как о снобе,
Но я никогда не позволю себе
Обидеть нейтрального в нашей борьбе.

Керенский
(радостно)

Вы правы, сэр. Абсолютно правы.

Бьюкенен

Но, может быть, вы предоставите нам
Что-нибудь кроме?

Керенский

Не знаю, право...

Бьюкенеп

Что-нибудь рядом?

Керенский

Не знаю сам.

Бьюкенен

Не знаете? Вы? Верховная инстанция?

Керенский
(в отчаянье)

Но Ротшильд француз! Обидится Франция!

Бьюкенен

Я никогда не позволю себе
Обидеть товарища по судьбе.

Керенский

Но не могу ж я обидеть нашего?

Бьюкенен

Кого, например?

Керенский

Например... Манташева?

Бьюкенен

А разве *Манташев* ведет войну?
Разве *его* страшится Германия?
Если он думает так, это мания.
Но кто на себя принимает вину
За сумасбродного негоцианта?
Мистер Керенский? Или Антанта?
Кто отвечает за то, что танк
Не выйдет в атаку на Льеж или По́знань?

Керенский

Да, да... Конечно, конечно...

Бьюкенен

Итак?

Керенский
(отчаянно)

Сэр! Я подумаю!

Бьюкенен

Думать поздно.

Гул морского прибоя за дверью становится угрожающим.

Керенский
(со вздохом)

Значит... вы предоставите бланк
На то, чтобы наш Государственный банк
От вашего имени...

Бьюкенен

Проще, проще!
Вы пропускаете наши войска,
Мы занимаем Баку и площадь
Нефтерождений.
(Успокоительно.)
Она узка!
Дагестан, Грузия и прочее соседство
Нас не касаются. Нужен декрет,
Чтоб наш кавказский генералитет
Мог изыскивать местные средства
С целью снабжения ваших солдат.

Керенский
(сбитый с толку)

Как? Повторите. Я слу... Слуховат.

Бьюкенен

Местные средства с целью снабжения
Трех пехотных дивизий. Не менее.

Керенский

Не понимаю. Утратил нить.

Бьюкенен
(улыбаясь золотыми зубами)

Но *ваших* солдат мы должны же кормить?
Пусть это люди простейших вкусов...

Керенский

Каких солдат? Не возьму я в толк.

Бьюкенен

Мы в Индии держим Индийский полк,
Который содержим за счет индусов.
Согласно вашего, мистер, указа
Мы будем и здесь (до намеченных дат)
Иметь на работе кавказских солдат,
А содержать их за счет Кавказа.

В кабинет непроизвольно влетает студент Воробушкин, отброшенный могучей рукой кочегара с крейсера «Заря». В ту же минуту в комнату врывается толпа рабочих, матросов, мелких служащих, солдат, женщин, уличных мальчишек.

Рабочий-путиловец

Товарищ Керенский!

Керенский

Кто вы?

Путиловец

Народ!

Керенский
(вставая)

Слушаю вас. В чем ваше дело?

Путиловец
(указывая на Бьюкенена)

Долой вот этого!

Телеграфист с гитарой

Действуйте смело!

Солдат с перевязанным ухом

Давай, давай от ворот поворот!

Рабочий с Балтийского

Айда в Британию!

Телеграфист с гитарой

Быстро, быстро!

Керенский
(строго)

Граждане! Вы в кабинете министра.

Рабочий-путиловец

Чего ему надо? Надо чего?

Мальчишка-оборвыш

Долой его! Он без красного банта!

Керенский
(значительно)

Это посол!

Женщина в красном платке и с авоськой.

У вас кумовство!

Телеграфист

России теперь не нужна Антанта...
Бьюкенен! Убирайтесь вон!

Бьюкенен криво усмехается, обнажая золотой клык.

Женщина
(возмущенно)

Сидит!

Рабочий с Балтийского

Сидит себе, желтозубый.

Женщина

Другой бы сгорел со стыда-то... А он?

Матрос с «Авроры»

Ша! Вы, ребята, народец грубый.
(Керенскому.)
Как по-английски «прошу»?

Керенский
(нехотя)

Please.

Матрос с «Авроры»

Вежливо надо с Антантой бороться.
Я с ним сейчас по-английски.
(Подходит к Бьюкенену и с поклоном указывает рукой на дверь.)
Брысь!

Смех. Бьюкенен презрительно безмолвствует.

Кочегар с крейсера «Заря»
(рванув с пояса гранату)

Эх, растуды твою в богородицу...
Береги-ись!
(Кочегар широко размахнулся.)

Толпа шарахнулась в стороны. Керенский тихо падает в обморок. Бьюкенен поступает как истый дипломат: он кинулся к двери, не забыв дать своему бегству вполне благовидное объяснение.

Бьюкенен
(убегая)

Доктора!

Студент Воробушкин
(бросившись за ним)

Даша! Зови докторов!

Народ со смехом обернулся к двери и видит испуганных Скобелева и Чхеидзе, вошедших к министру в крайне неудачный момент.

Скобелев
(робко, толпе)

Позвольте представиться: Скобелев.

Чхеидзе
(с поклоном)

Чхеидзе.

Скобелев

Странно... Он был совершенно здоров.

Матрос с «Авроры»
(с тонкой улыбкой)

Это и с вами может случиться.
(К своим.)
Айда?
(Скобелеву и Чхеидзе.)
Всего!

Толпа уходит. Чхеидзе и Скобелев переглянулись. Чхеидзе со вздохом подходит к Керенскому.

Чхеидзе

Александр Федорыч!
Вы меня слышите? Здравствуйте!

Керенский
(слабо)

Что?

Скобелев

Кажется, можно снимать пальто:
К нему возвращается обычная бодрость.
(Раздевается.)

Чхеидзе

Ну? Вы очнулись?

Керенский

Да, да...

Чхеидзе

Так вот:
Сегодня приедет Ульянов-Ленин!

Керенский

М? Хорошо. Я пошлю туда взвод.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Вождь

3 апреля.

Петроград. Ночь. Площадь у Финляндского вокзала, запруженная народом. Подходят все новые и новые колонны, которыми распоряжается Чохов. Над колоннами плакаты: «ЛЕНИН В РОССИИ!», «ПРИВЕТ ИЛЬИЧУ!», «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!», «ДОЛОЙ АНТАНТУ!», «ДОЛОЙ ГРАБИТЕЛЬСКУЮ ВОЙНУ!» Иногда космические слова, имеющие, однако, глубоко житейское значение: «ЗЕМЛЯ, МИР». Иногда на знамени одно-единственное гордое слово: «РЕВОЛЮЦИЯ».

Порученцы различных партий вперемежку с мальчишками и дезертирами ведут торговлю: одни политическими изданиями, другие папиросами и мочеными яблоками.

Парторг
(подойдя к Чохову)

Товарищ Кирилл! Подошел отряд Красной гвардии Выборгского района. Где ему стать?

Чохов

Красногвардейцы у правого крыла. Туда и веди.

Комиссар полка

Товарищ Чохов! Третья рота Финляндского полка прибыла для встречи товарища Ленина.

Чохов

Идите за выборжцами. Все стрелковые части там.

Голоса

— Яблок моченых! Моченых яблок!
— «Ира», «Ява», «Ира», «Ява», рассыпные!
— Читайте газету «Утро России»!
— «Ира», «Ява», «Ира», «Ява» —
Самая из всех безопасная отрава!
Хватай-налетай!!

На площадь пробивается дама с детьми, гувернантка с баульчиками, собачкой и цветным шаром, носильщик, нагруженный кофрами и чемоданами, два-три пассажира и кулак с мешком.

Дама

Скорей, скорей! Мы опоздаем! Уже, наверное, третий звонок. Зизи, не оглядывайся! Коко... Где Коко?..

Гувернантка

Боже мой! Сколько народу! Что здесь такое? Пожар?

Носильщик
(спокойно)

Нет, революция.

Дама

Коко, не отставай! Я кому сказала? Кокошка! Вот сейчас этот человек возьмет тебя в мешок. Гражданин! Правда, вы возьмете в мешок этого мальчика?

Кулак

Еще чего? В мешок... Чтоб он мне там все сухари обмочил?

Исчезают в здании вокзала. К Чохову подходит инвалид в очках.

Инвалид

До чего дожили, а? Ленина в Питере встречаем!

Чохов
(рассеянно)

Верно, землячок. Правильно.

Инвалид

Не узнаёшь, товарищ Кирилл?

Чохов
(не узнавая)

А-а...

Инвалид

Вместе в Бутырках учились. Камера номер двенадцать. *(Потешно.)* «Диалектика!»

Чохов
(оживленно)

Вот теперь узнал. По «диалектике» узнал. Очки меня сбили.

Инвалид

Очки... Я ведь отравлен газами... Ну, да об этом после.

Солдат с перевязанным ухом

Товарищ начальник! Первая рота Волынского полка!

Чохов
(инвалиду)

Надо бы, Артемьев, посидеть за кружкой пива, старое вспомнить... Разыщи меня. Тебе, может, это легче? Я-то видишь как? Подстричься некогда!

Солдат с перевязанным ухом
(настойчиво)

Первая рота Волынского полка. Куда ею́ поставить?

Чохов

Эх ты, Устюг Вологодской губернии! «Ею́».

Солдат
(обрадованно)

Да нешто... нешто вы меня знаете?

Чохов

А как же? И любушку твою знаю. Даже имя скажу: четыре буквы. Верно?

Солдат

Верно... Это... стало быть... Земляки, может?

Чохов
(улыбаясь)

Чохов земляк всем. Иван! Укажи место волынцам.

Иван Большой

Пошли, ребята! Ты что? В голову ранетый?

Солдат с перевязанным ухом

Не. Офицер в ухо съездили.

Идут.

Чохов
(прощаясь с Артемьевым)

Так ты найди меня, Артемьев. Ладно?

Инвалид

Зачем искать? Увидимся. Сейчас такое время, что беспременно увидимся. «Диалектика!» *(Подмигнув Чохову, исчезает в толпе.)*

Солдат с перевязанным ухом

И любушку мою знает. Имя сказал. Четыре, говорит, буквы.

Иван Большой
(остановившись)

Ну-у? Четыре?

Солдат с перевязанным ухом

Ага. Лида.

Иван Большой

А мою Галя. Тоже четыре. Постой, постой: Лида, Галя, Маша, Катя, Зина, Нина... Тьфу ты, мать честная! Видал, чего? Все девки на четыре буквы тянут. Вот здоровенно!

Нам, дурачью, невдомек, а он образованный! Дошел, стало быть, и морочит. А я думал — вправду чернокнижник.

Смех.

Ушли. В стороне появляется Маяковский. Он молод, худ, выражение глаз угрожающее.

Маяковский
(бормоча стихи)

«Пожарами землю ды́мя,
везде,
где гнев
откровенен...»

Нет, не то... Слабо...

«Пожарами землю дымя,
везде,
где труд
обесценен...»

Опять не то...

Зоя

Слушайте, Володя! Где ж наконец ваша автомобильная рота?

Маяковский

М? Рота? Рота сейчас прибудет.

Зоя

«Сейчас» — понятие растяжимое.

Маяковский

Да нет. Не особенно. Я звонил минут пять назад: уже построились. Придут — доложу вашему папе. А вы продолжайте улыбаться, девушка: это необходимо для украшения пейзажа. *(Отходит от нее.)*

Иван Большой

Это кто ж такой?

Зоя
(улыбаясь)

Маяковский. Футурист.

Папиросник

«Ира», «Ява», «Ира», «Ява» —
Самая из всех безопасная отрава.

Маяковский

Эй, гражданёнок! Сегодня даже папиросы надо выкликать по-новому.

Папиросник

Как же это?

Маяковский

А хотя бы вот так:

«Нам остаются от старого мира
Только папиросы — *«Ира»!*

Газетчик

Речи Керенского семнадцатого года! Речи Керенского! Возьмите, гражданин.

Маяковский

Почем?

Газетчик

Бесплатно!

Маяковский

Бесплатно? Дорого. Очень дорого.

Разносчица

Яблок моченых! Моченых яблок!

Разговор с мещанином

— Послушайте, я дал вам рубль, а вы мне что дали?
— Я дала вам сдачу.
— Хорошенькая сдача: почтовыми марками?
— А где я вам сейчас наберу серебра? Вы что: с луны свалились?
— Но, но... Я хотя провинциал, однако же...
— Все так торгуют... Вон спросите хотя бы папиросника!
— Ну, хорошо. Пускай марки. Но ведь тут нарисован Николай Второй!
— Какая разница? Мелочь есть мелочь. Видите: тут написано — пятнадцать копеек.
— А Петра у вас нет? Петра Великого?
— Вы бы еще Иоанна Грозного спросили.

— А что ж Иоанн? Иоанн бояр казнил. По нынешнему времени вполне подходящий царь.

— Отойдите, гражданин. Не мешайте торговать. В Петрограде так много о царях не разговаривают.

— Яблок моченых! Моченых яблок!

Маяковский
(Чохову)

Товарищ Чохов! Автомобильная рота прибыла в полном составе: один «фиат» и четыре броневика.

Чохов

Где они у тебя?

Маяковский

За углом.

Чохов

Зоя! Поди-ка с ним, и сообразите вдвоем, куда их подвести. Они должны быть в моем личном распоряжении.

Зоя

Пойдемте. Так *как* это у вас? «Пожарами землю дымя...»

Маяковский

«Пожарами землю дымя,
везде,
где народ
испленен,
врывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!»

Уходят. Появляются Чхеидзе, Скобелев и Суханов.

Голоса

— «Ира», «Ява», «Ира-а-а»!
— Яблок моченых, моченых яблок!..

Чхеидзе

Приезд Ленина — это самое опасное испытание из всех, каким только может подвергнуться наша революция,

Скобелев
(робея)

Смотрите, что тут делается! Это нечто неслыханное.

Суханов

Дьявольская организованность.

Скобелев

Керенский хочет арестовать Ленина. Вы понимаете, господа, что об этом сейчас не может быть и речи?

Суханов

Боюсь, как бы Ленин не арестовал Керенского.

Чхеидзе

Надо позвонить ему, чтобы он отменил свое решение. Оно безумно.

Суханов

Поздно. Вы слышите?

Рокот барабанов.

Зоя
(подбегая к отцу)

Папа! Из казармы Первого казачьего полка движется взвод пластунов.

Чохов

Кто их послал?

Зоя

Керенский.

Бой барабанов ближе.

Чохов

Это они, что ли?

Зоя

Они.

Казачий урядник

С дороги! С поля! Осади назад! На тротуар которые!

На площадь, прорываясь сквозь колонны рабочих, вступает взвод пеших казаков.

Суханов

Боже мой!.. Что же сейчас произойдет? Кровопролитие?

Чхеидзе

Давайте отойдем в сторону.

Скобелев

Подумать только, до чего мы дошли: революционеры посылают казаков против революционеров!..

Чхеидзе

В сторону, в сторону...

Суханов

А может быть, все это к лучшему? А? Может быть, к лучшему? Керенский, наверное, все это глубоко продумал. Немного крови — ну что ж... Зато народ почувствует твердую власть.

Хорунжий

Взво-од, стой!

Чохов
(зычно)

Броневики, вперед!

Голос первый

Броневики, вперед!

Голос второй
(в отдалении)

Броневики, вперед...

С грохотом позади колонн возникают три броневика. Один, с надписью мелом «РСДРП», заходит с правой стороны площади, другой, с надписью белилами «Враг капитала»,— с левой. Пулеметы повернулись в своих бойницах и нацелились на пеших казаков.

Чохов
(любезно)

Здравствуйте, гражданин хорунжий. С делегацией? Очень хорошо. Товарищи! Прибыла делегация от казаков для встречи Владимира Ильича Ленина. Предлагаю приветствовать!

Голоса

— Привет!
— Ура!
— Да здравствуют красные казаки!

Работницы из колонн хлынули к пластунам, обнимают их, целуют, называют «сыночками» и «братцами». Пластуны растерялись.

Чохов

Казаки революции! Занимайте место рядом с питерским пролетариатом. «Варшавянку», товарищи!

«Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас грозно гнетут...»

Работница 1-я

«Вихри враждебные веют над нами...» Пой, казачок, пой, миленький! «Темные силы...»

Работница 2-я

«В бой роковой...» Гляди, мой-то как поет! Шаляпин!!

Подходит Волконский в штатском и Дульсе.

Волконский

Черт знает что. Керенский прислал казаков, а их обезоружили одной фразой и даже заставили что-то такое петь. Ведь это убийственно снижает авторитет Временного правительства.

Дульсе

Временное... Вы знаете, мосье Волконский: все эти революционные министры напоминают мне жалких деятелей переворота тысяча восемьсот тридцатого года — я имею в виду Моле, Пиро, Одилона...

Волконский

Вы хотите сказать, что среди них нет Марата?

Дульсе

Среди них нет Ленина. И это ужасно.

Волконский

Зато Ленин имеется среди ленинцев. Это еще ужаснее.

Дульсе

Нужен Корнилов. Корнилов нужен!

Казак
(старому рабочему из соседнего отряда)

Какой части, отец?

Старик

Красная гвардия.

Казак

Большевик, стало быть?

Старик

Он, он.

Казак

В остроге небось побывал?

Старик
(радостно)

А как же? Приходилось.

Казак

А каторга?

Старик

Нам вся жизнь каторга.

Казак второй

А кого ж мы тут встречаем, отец?

Старик

Ленина встречаем.

Казак второй

Это я слыхал, что Ленина. Да Ленин-то кто? Стоят войска, а он не генерал. Рабочие стоят, а он даже не член Совдепа. Чудно́!

Старик

Эх, сынок! Еще на земле и титула того нет, чтобы Ленина обозначить.

На площадку перед главным входом выбегает Иван Большой.

Иван Большой
(озаренно)

Ленин!!

Громкое «ура», крики: «Да здравствует Ленин!» — сливаются с пением «Интернационала». Прожекторы осветили вокзал, и в скрещении голубых лучей появился Ленин. Он выглядит исхудавшим: ямки под скулами подчеркивают это впечатление. Нервное лицо носит следы хронической усталости от ночной работы при лампе. Но в то же время облик его отмечен выражением зоркости, настороженности, стремлением разгадать всякого, кто с ним разговаривает.

За Лениным видны Подвойский, Крупская, Мария Ульянова. Владимир Ильич, ослепленный светом, на миг задержался, затем быстро пошел вперед и вдруг остановился перед группой Чхеидзе, точно наткнувшись на препятствие.

Чхеидзе

Товарищ Ленин! От имени русской революции приветствуем вас в России. Но... мы считаем нужным предупредить, что главной задачей демократии является сейчас сплочение всех ее сил — меньшевиков и кадетов, эсеров и октябристов, анархистов и большевиков. Ведь у всех у нас одинаковые интересы.

Ленин
(резко)

Одинаковые, но... не общие!

Снова пошел вперед. Чохов подхватил Ильича под руку, и через мгновение, поднятый руками народа, Ильич оказался на броневике у купола башни. Голубой дым прожекторов охватил его широкоплечую фигуру в распахнутом демисезоне. Ленин снимает шапку. Тишина.

Товарищи!

Ленин говорит быстро и отчетливо. Быстрота его речи отражает неудержимость хода его мыслей. Но резко отчеканенные паузы, иногда в самых неожиданных логически местах, рассчитаны на то, чтобы ни один звук его голоса не прошел мимо слуха и сердца массы. Каждый возглас его, уходя в паузу, сопровождается эхом столицы, и кажется, будто за плечами Ленина высится эпоха, которая подхватывает каждое его слово, радуясь тому, что он верно выражает ее волю.

И еще одна черта ленинской речи: Ленин говорит, абсолютно не приспосабливаясь к уровню своих слушателей — солдат и рабочих, как это свойственно рядовым митинговым ораторам. Огромное

уважение Ленина к народу предполагает как бы равную культуру, и народ, необычайно чуткий к малейшей фальши, потрясенно слушает своего вождя, ощущая себя достойным его и действительно поднимаясь до ленинского уровня.

Ленин... Он вернулся на родину как раз в тот момент, когда история возложила на русский пролетариат ответственность за судьбу земного шара. Вождь рабочего класса осмыслил эту ответственность и раскрыл ее перед массами. Он сделал это в маленькой, казалось бы, строго деловой речи. Но деловая эта речь пронизана пророческой верой в духовную красоту миллионов простых людей, в гигантскую, титаническую мощь их творческой энергии. Вождь сквозь Февраль предвидит Октябрь. Вытянув правую руку вперед, Ленин зовет человечество в коммунизм с такой поразительной естественностью, с такой заражающей убежденностью, словно сам давно обитает в грядущем.

Рабочие, матросы и солдаты!
Вы проявили
чудеса героизма
в труднейшей борьбе
с царем.
Теперь
вы должны проявить чудеса
общенародной организации,
чтоб подготовить
свою победу
на новом этапе революции.
Да, революция в феврале
избавила нас от монарха.
Но значит ли это,
будто решен
тем самым вопрос о судьбе миллионов?

Война и сейчас остается грабительской.
Без
свержения
буржуазии
кончить демократическим миром
такую бойню
нельзя.
Отсюда лозунг:
«Ни-ка-кой
поддержки Временному правительству!»

Власть
от банкиров и фабрикантов

должна
перейти
к рабочим!

Только рабочий класс
в союзе с беднейшим крестьянством
в силах
создать
на русской земле
подлинно трудовой, справедливый,
социалистический строй —
государство Коммуны.
Но,
беззаветно борясь за него,
мы выполняем, товарищи, долг
перед трудящимися
всего мира:
русское зарево —
это заря,
восходящая над планетой.
Да здравствует знамя пролетариата!
Землю — крестьянам.
Хлеб — голодным.
Мир — народам.

Вперед
к социалистической революции!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Нео-Бонапарт

Июль.

Кабинет петербургского ресторана «Вилла Родэ». Херес, бургундское, мумм, водка в огромных трактирных чайниках с тюльпанами, икра в серебре, осетр во льдах, шпаги, унизанные шашлыками и увенчанные горячими помидорами, наконец, не по сезону заморские фрукты и овощи: пышные, губчатые апельсины жаркого цвета, изнеженные дыни в пролежнях, виноград, даже на глаз холодный и подернутый розоватой пыльцой.

Хор цыган. Пьяный Корнилов развалился в кресле. У него на коленях цыганка Кланя в ярко-красном с подсолнухами. На диване американский посол Дэвид Иеремия Фрэнсис тупо уставился в газету и почти не слышит песни,

которую поет ему сидящая рядом цыганка Ланская. Ланской лет под шестьдесят. Она в синем панбархате с черными отливами, на плечах страусовое боа. У нее седая голова и аристократическая линия профиля. Говорят, будто она незаконная дочь великого князя. Поет Ланская запросто, как бы между прочим, на грудных и лишь местами крикливых нотах, но сквозь пошиб восходит то глубинное и чистое откровение, которое внесла в цыганскую песню поэзия Пушкина, Тургенева, Аполлона Григорьева.

Подвыпивший Керенский не сводит с Ланской глаз, но совершенно трезвый Дульсе не спускает глаз с Керенского. Входит студент Воробушкин с папкой «На подпись».

Ланская
(поет)

«Что взгрустнулося тебе?
То не томное забвенье:
Все не так, не по себе,
Даже пенье уж не пенье...
То ли милая ушла,
С кем-то вихрем закутила?
То ли молодость прошла,
Как подружка, изменила?
Это хмелем не залить...
От себя не сгинуть в поле...
Господи, как скушно жить!
Хоть бы заболеть, что ли».

Керенский

Великолеппо!

Студент

Простите.

Керенский

Опять?

Студент

Все уже сделано. Только подписать.

Фрэнсис
(шелестя газетой)

«Ленинцы», «большевики», «коммунисты», «Беки» [1] еще какие-то... Черт!

---

[1] Беки — краткое прозвище большевиков в 1917 г.

Беки — ведь это же футболисты,—
Зачем же в политику лезет спорт?
А?

Корнилов

Эти беки весьма осмелели.

Дульсе

Напомню вам, господин премьер,
Что я предвидел это в апреле:
Ленин — политик решительных мер.

Керенский

Ленина я арестую.

Дульсе
(усмехаясь)

Опять?

Керенский

Как «опять»?

Дульсе

Опять говорите?

Корнилов

У вас на это не хватит прыти.

Керенский
(вынимая какую-то бумагу)

Вот резолюция: «арестовать».

Воробушкин уходит, оглядывая по дороге пышный натюрморт ресторанного стола. Ланская вздохнула, оглянулась на своего гитариста, пожала плечом, встала и исчезла в хоре. Но в то же мгновение пожилой цыган Илья, с бровями, похожими на усы, и с усами, напоминающими запорожские чубы, выпустил на американца таборную орлиху Нюшку.

Нюшка
(на лету)

«А как наши кавуны
Потоптали кабаны,
А как наши дыни
Потоптали свиньи...»

Керенский
(задумчиво)

Шампанское... «Золотой ранет»...
Раки... А в городе хлеба нет.
(Встрепенулся.)
Ах, господа, умоляю, без паники!
Ленин сегодня в нимбе легенд.
Нужна осторожность!

Фрэнсис
(срываясь)

Едет агент
Банка «Диллон, Рид и компания»!
Но что я скажу ему? Кто здесь глава?
Вы? Но вы не доплыли до берега,
Сами дымитесь едва-едва.
Меж тем, досточтимые, наша Америка
Может внести в настоящий момент
Восемь
миллиардов
золотых монет
На восстановление российской инду́стрии.
Если вы власть — я всецело ваш.
Нет? Укладываю саквояж.

При последних словах Корнилов вскакивает, сбросив с колен цыганку, словно угревшуюся кошку.

Корнилов

Прошу, господа! Черноморские устрицы!
(На ухо Дульсе.)
Скажите ему, что власть — это я,
Что я у Антанты вроде тарана.
Восемь валютой! Какая статья!
А? Дульсе!

Дульсе

Погодите. Рано.

Керенский подходит к Фрэнсису с бокалом «мутон д'армайяк».

Керенский

В политике, Фрэнсис, не может быть сердца.
Но ло́гика? А? Вы согласны? Sic!

Так вот: республика — это мужик,
Поэтому власть в России — эсерство!
(Отвешивает поклон как бы от имени этой партии.)

Фрэнсис

Что-то не видно.

Керенский

Не видно сейчас,
Но погодите еще немного...

Фрэнсис

Ждать? Господа! Побойтесь же бога:
Доллар падает каждый час!

Керенский
(скривив губы)

Иными словами: «Хватай, налетай»?

Фрэнсис
(снова принимаясь за газету)

Мы очень хотим поддержать Россию,
Но, кажется, вложим валюту в Китай.

Керенский

Поднять российскую индустрúю?
Сначала поднимем российский дух!
Ведь смысл февральских событий для нас
В том, чтобы, сбросив самодержавие,
Возбудить вдохновение масс
И выйти к Берлину в громе и славе.
Но если так, то одно из двух:
Либо поднять до вершин, до предела,
Даже до мистики, имя мое,
Либо... пустить всероссийское дело
Под германское лезвеё.
(Залпом осушает бокал и сразу пьянеет.)
Цыганка! Возьми мою душу в застенок.
Песню!

Нюшка

Для вас? Вы больно скупой.

Керенский начинает шарить по карманам.

Керенский
(смущенно)

Друзья мои... Кéренский без «керéнок».

Дульсе
(дает Нюшке скомканные бумажки)

Пойте.

Керенский

Спасибо... Сочтемся... Пой.

Нюшка деловито разглядывает бумажки на свет, затем аккуратно прячет их в чулок. И вдруг запела так искренне, так захватывающе, точно завела песню совсем другая девушка.

Нюшка
(поет)

«Эй, буран! Злей, буран!
Табор мой развей, буран!
Руку взял. Весь горит.
Ничего не говорит.
Средь полей я росла,
Как березка, выросла.
Пела я... Шила я...
Жила, не тужила я...
Отчего же сейчас
Плакать хочется подчас?
Нюша, эй... Слушай: пей!
Душу мне вином залей.
Арды ма! Фрыджи ма!
На курбуне пуне ма!
Мучь меня! Жги меня!
На углях сожги меня».

Гитары заметались в истерике.

Керенский

Россия стоит на дремучей вере,
Суть ее не в финансовой сфере...
Утопий марксизма я не боюсь.
Сказка — вот что такое Русь!
Возьмите такой эпизод, как Распутин.
Он непонятен большевикам.
Для них этот Гришка попросту хам:

Он темен, жаден, лукав, распутен.
Но для крестьянства этот мужик —
Поп из болота, хлыстовский кудесник,
Царь недотыкомок да шишиг,
Тот, о котором поется в песнях.
И вот представьте: тобольский леший
Вознесся вдруг из болотной мглы...
Князьям и министрам плюет он на плеши,
Их бородами метет полы,
Рукой царя скрепляет приказы,
С царицей самой совершает проказы —
Разве не сладко народной душе?
Кто самолюбие глубже затронет?
Средь камергеров, дам, атташе
Мужик-лесовик восседает на троне.
А это... это такая помощь...

Цыганка Кланя подходит к нему с бутылкой.

Кланя

Керенский-душка! Позвольте стакан.

Керенский

Да вот спросите хотя бы цыган.
Эй, Илья! Распутина помнишь?

Цыган Илья

А как же не помнить, батюшка Александр Федорыч? Куда как хорош гость был покойник. Никогда меньше тыщи не оставлял.

Керенский

Вот! Слыхали? А вы — «анекдот».
Я вам скажу: гениален тот,
Кто вздумал пятому году на смену
Выпустить бороду эту на сцену.
Сказка, сказка! Лишь на Руси
Возможно такое в двадцатом веке.
А вы — «анекдот»! Нет уж. Мерси.
Уметь разобраться в таком человеке —
Значит понять, что такое народ,
Значит осмыслить истину яркую.
Гришка Распутин — громоотвод:
Он отводил от Руси анархию!!

Фрэнсис
(улыбаясь)

Ого! Бутылка «мутон д'армайяк»,
Оказывается, влияет на связки.

Дульсе

Чтоб разобраться в распутинской сказке,
Вовсе не нужно носить армяк.
У Льва Толстого в «Войне и мире»,
Не помню кто, но, кажется, князь,
Тонко воспитанный в русском ампире,
Сказал о французах, то есть о нас,
Что мы говорим по-французски... скверно.

Смех.

Возможно, он прав. И даже наверно.
Со стороны, конечно, видней.
Но если б меня, допустим, спросили,
Я тоже сказал бы вам о России:
Вы плохо, друзья, разбираетесь в ней.
Русь отнюдь не русалка со дна.
Она не в прошедшем. Она не в дремучем.
Напротив: умом проносясь по тучам,
Всею душой в грядущем она.
Россия — это туманная даль,
Дороги, бегущие к светлой тайне.
Реальность для русского только в мечтанье.

Фрэнсис

Э? И какая ж отсюда мораль?

Дульсе

Мораль? Не в Гришке Распутине дело.
Лишь укажите России мираж,
И мальчик любой (говорю вам смело)
Может скомандовать: «Шагом марш!»
Русь — это лирика. В этом всё!
Полет в неизвестное — суть России.
Только летели бы кони лихие,
Только кружилось бы колесо —
В бездну, в болото ли — не беда! —
Важно, чтоб лихо, захлёбисто, бойко.
Разве Гоголь ответил, куда
Мчится русская тройка?

Корнилов
(гикнув)

Верно! Тройка! А ну-ка, Илья!

Илья

Чего прикажете?

Корнилов

Едем!
В степь! Давай! До лесного жилья...
Тройку! С колоколом и медведем!

Илья
(диким голосом)

«Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные, да Серый,
Да медвежий мех...»

Он страшно повел бровями — и хор грянул. Загремели бубенцы, зазвенели подковы, засвистала вьюга. Корнилов в упоении плюхнулся на пол и стал в такт песне хлопать ладонями по ковру, по своим лампасам, по голенищам. Цыганка Кланя вскочила на стол и, разбрызгивая сапожками хрусталь, завертелась, закружилась вихрем. Бусы, мониста, блестки, разноцветные ленты, огненное платье...

«Там, за белой пылью,
В замети скользя,
Небылицей-былью
Жаркие глаза...

Былью-небылицей
Очи предо мной...
Так быстрей же, птицы!
Шибче, коренной!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные, да Серый,
Да медвежий мех.

А глаза сияют,
Ласково маня.
Не меня встречают,
Ищут не меня,

Только жгут без меры
Из-под темных дуг...
Гей, чубарь мой серый,
Задушевный друг!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные, да Серый,
Да медвежий мех.

Я рыдать не стану,
В дурь не закучу —
Я тебя достану,
Я тебя умчу!

Припадешь устами,
Одуришь, как дым...
В полынью с конями
К черту угодим!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Вороны, да Серый,
Да медвежий мех...»

Керенский умиленно полез целоваться с хором. Корнилов, сидя на полу, проливает сладкие слезы. Дульсе восторженно аплодирует: ему ль не понять цыганско-русскую душу?

Входит Воробушкин с новой папкой «На подпись».

Фрэнсис
(вскакивая)

Странные люди вы, европейцы!
Странные! Непонятные мне!
Я. Говорю. Что у нас. Имеется
Восемь миллиардов золотых монет.
Это ж звучит выше всякой музыки.
Вот от чего приходить бы в раж!
(Кажется, так произносят по-русски?)
А вы говорите: «тройка», «мираж».
(Корнилову.)
Встаньте с пола!

Корнилов испуганно поднимается.

В вопросах идейных
Я полный профан. Но я знаю одно:
Деньги
стоят
денег!
Они без движения канут на дно.
Деньги должны совершать оборот.
Деньги должны приносить проценты —
Пенни, копейки, сантимы, центы,
Черта, дьявола — иначе банкрот!
Иначе мир становится жуток:
Доллар сам пожирает себя,
Как пожирает себя желудок,
Лишенный еды.
Говорю вам, любя:
Взрослые вы наконец или дети?
У нас миллиарды! Глотайте их всласть!
В дело пускайте! Звените! Владейте!

Корнилов

Так дайте же их!

Фрэнсис

Покажите власть.

Дульсе

А я говорю, что любой мальчишка
Может Россию увлечь за собой.
Дело лишь в том, чтобы этот «любой»
Работал для нас. А Гришка ли? Мишка?
Был бы он годен для крупных атак,
Имел бы пару орлиных крыльев!
А имя? Да пусть он зовется так:
«Лавр Георгиевич».

Студент
(замирая)

Корнилов?

Керенский

Нет! Ни за что!

Д у л ь с е
(досадливо)

Mon ange, après!
Пока для нас важен образ правления.

К е р е н с к и й

Поймите: Керенский — это явление!
Ну, а Корнилов?

К о р н и л о в

Когда в сентябре
Повесит вас на фонарике Ленин,
Тогда и ответьте себе на вопрос:
Кто такой Керенский и что он за явление?

К е р е н с к и й

Ах, не пугайте! Не так я прост.
Сами вы трусите!

К о р н и л о в

В сентябре
Висеть вам, Керенский, на фонаре!

Д у л ь с е
(нежно)

А потому-то нам и придется
На Петроград послать полководца.

К е р е н с к и й

То есть Лаврушку?

Д у л ь с е
(сладко)

Это для вас.
Только для вас. Уверяю. Милый.
Россия вступает в двенадцатый час.
На время нужна политика силы,
А там — вы примете первый парад!
Милый, доверьтесь нам, не бунтуя.
Ну, улыбнитесь!
В Париже говорят:
«Улыбка — половина поцелуя».
Вот-вот! Вы прелесть! Честное слово!

К тому же, мой ангел, все готово:
Уже окропляют слезой старики,
Уже осыпают цветами подруги
В Новочеркасске казачьи полки,
Дикую дивизию в городе Луге.
Шпоры звучат, как пасхальный звон...
В них воплотилось российское чаянье...

Корнилов

Да наконец за меня англичане!
Движется танковый дивизион.

Фрэнсис
(расцветая)

О-о! Столица взята в кольцо?

Корнилов

Этот поход будет легким вояжем!

Дульсе
(Керенскому)

Но я генералу сказал в лицо,
Что вам, мосье, мы в посту не откажем.
Об этом, мосье, я сердечно рад
Вас информировать. Вот: не хотите ль?
(Протягивает ему проект управления Россией.)

Студент
(сгорая от любопытства)

Что это?

Дульсе

Это директорат.

Керенский
(жадно)

Кто председатель?

Корнилов

Вы... заместитель.

Керенский бурно падает в обморок.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Россия — путь в грядущее

Квартира Чохова. Вечер. Висячая лампа под белым абажуром. На стене портреты Маркса, Некрасова, Шевченко. Самодельная этажерка из катушек. Книги.

За столом у самовара — хозяйка дома Наталья Николаевна, дебелая, красивая, грубоватая, далее Кирилл Петрович, углубленный в газету, и младшая дочь их Валя, девочка лет четырнадцати, которая пьет чай, поставив перед собой раскрытую книгу.

Наталья Николаевна

Один читает. Другая читает.
А я, как дура, сиди одна.

Валя

И вы читайте. Никто не мешает.

Наталья Николаевна

Ты что не ешь-то?

Валя

Не голодна.

Наталья Николаевна

Врешь. Я знаю: тебе б на коровьем,
А мы на постном нынче готовим.

Бьют часы.

А что же делать? Где ж его взять?
Десять. Мучение мне с самоваром.
(Снимает конфорку и легонько дует в трубу.)
А та гуляет небось по бульварам.
(Дует.)
И главное: с кем?
(Дует.)
Какой с него зять?

Валя

При чем тут зять?

Наталья Николаевна
(обрадовавшись, что есть с кем поговорить)

Да ведь мы с ним не дружим.

Валя

Не важно. Был бы хорошим мужем.

Наталья Николаевна

Откуда же быть хорошим ему?
Он-то эсер, а она коммунистка!

Валя

Вот уж действительно! Кланяюсь низко!

Наталья Николаевна

Ты что ерепенишься, не пойму?

Валя

А то ерепенюсь, что вы позабыли
Про то, как сами когда-то любили.
Разве вы спрашивали у отца
Партийный билет?

Наталья Николаевна
(смутившись)

То были смотрины.

Валя

Важно, какая душа у мужчины,
Ну и конечно, каков он с лица.

Наталья Николаевна

Это ты, мать моя, не тово.
Нынче не так. Нынче время другое.
Да и сравнила: то я, а то Зоя.
Здесь вроде чувство, а там сватовство!

Валя

А я про что говорю? Про то же!
У Зои чувство.

Наталья Николаевна

Какое? К кому?

Едва по плечо старику моему.
Тьфу! Женишок... Ни кожи, ни рожи.

Валя

Вам ни кожи, а ей кумир.

Наталья Николаевна

Чего? Кумир? Словцо-то какое...
Нет, не такого хотела я Зое.
Неужто на нем сошелся весь мир?
Маленький, щуплый... Куренок прямо.
Ну что она в этом студенте нашла?
Да я б за него и сейчас не пошла,
Даром что старая.

Валя
(заливаясь от хохота)

Ох и мама!
(Вскакивает, обнимает ее, целует. Затем вдруг становится серьезной.)
Она говорит... (Только чур: никому!)
Она говорит, что поможет ему
Понять, в чем правда. Он парень чистый,
Да путаный — оттого эсер.
Он Ленина не читал, например.

Наталья Николаевна

Покуда она его в коммунисты,
Боюсь, что он ей навяжет свое:
Курсистки, марксистки, а все девье!

Валя

Сегодня она его приведет.

Наталья Николаевна

Это зачем еще?

Валя

Папа велели.

Наталья Николаевна

Кирилл!

Чохов

Так надо. Гляди вперед,
Они что-то лихо несутся к цели.
Глядишь — обвенчаются, не спросясь;
Так пусть женишок побывает у нас,
Посмотрит — что у него за теща,
Авось и отчалит.

Валя прыснула.

Наталья Николаевна

Лекарство дать?

Чохов

Нет, я серьезно. Парнишка тощий:
Где уж ему с тобой совладать?

Входят Влас и Артемьев.

Влас

Добрый вечер!

Наталья Николаевна

Товарищ Влас?

Влас

Он самый.

Артемьев

Артемьев!

Наталья Николаевна

Слыхали про вас.
Садитесь, пожалуйста. Чаю испейте.

Влас

Спасибо, некогда. Я в Москву.

Наталья Николаевна

Ну, да стаканчик успеете.

Влас
(тихо, Чохову)

Кирилл Петрович, слыхали молву?
Корнилова прочат в диктаторы.

Чохов

Слышал.

Влас

Керенский... Тот возражает пока,
Да что он может? Я был в ЦК.
Выступим!

Артемьев

А какой нам смысл?
Корнилов ли, Керенский — шайка одна.
Передерутся — для нас же лучше.
Можно сказать: драгоценный случай.

Влас

Не разбираешься, старина.
Керенский — что: и нашим и вашим.
Будет нужно — в момент ошарашим.
Ну, а Корнилов? За ним чубовье,
За ним Антанта, за ним валютца.
Тут мировая контрреволюция!
Неправильное рассужденье твое.

Артемьев

А мы что можем? Ведь мы в подполье.

Влас

Это, Артемьев, и да и нет.
Все-таки входим в Петросовет,
Все-таки есть какое-то поле,
Так сказать, действий.
(Совсем тихо.)
Слушай, Кирилл,
Владимир Ильич об тебе говорил:
«Пусть разузнает число полков,
Гнезда корниловской дислокации
И будет в момент, говорит, готов
Съездить для агитации».

Артемьев
(почесав в затылке)

Задачка, я доложу вам.

Влас

А то ж!

Чохов

Ясно. Мне самому невтерпеж.
Я уж сегодня и сам, без ЦК,
Понял, что будет Корнилову стрижка,
Вот и зазвал одного паренька.
Есть у премьера секретаришка...

Артемьев

Ну?!

Влас

Неплохо.

Артемьев

И как ты его?

Чохов
(уклончиво)

Это детали.

Артемьев

А существо?

За дверью веселые голоса, звонкий девичий смех.

Чохов

Да вот и оно, существо-то.

Артемьев

Слышу.

Дверь распахивается. Зоя, хохоча, тащит за рукав застенчиво упирающегося Воробушкина.

Зоя

Ну! Входите же! Что за байбак:
Тут ведь порог, а не буерак.
(К своим.)
Никак не могу затащить к нам Мишу.

Наталья Николаевна
(ворчливо)

Как же! Войдет — а мы его: ам!

Зоя
(зовя на помощь)

Валя!

Валя

Бегу!

Воробушкин

Не надо... Я сам...

Зоя

Мы запоздали?

Воробушкин

Здравствуйте!

Наталья Николаевна
(иронически)

Драсьте!

Зоя

Чай еще теплый. Какое счастье!
Садитесь, Миша.

Воробушкин

Спасибо.

Наталья Николаевна
(сурово)

Налить?

Зоя

Да, да. Ужасно хочется пить.
А кроме того, и я и мой витязь
Безумно голодны. Миша, садитесь.

Влас

Ну, я пошел. Бывайте!

Чохов

Всего!

Артемьев
(кивнув на Воробушкина)

Не больно веское существо.

Влас и Артемьев уходят. Чохов снова принимается за газету.

Зоя

Хотели сегодня попасть на балет.
Нижинский... Что это? Пшенная каша?

Чохов
(из-за газеты)

Подсыпь-ка им сахарку, Наташа.

Наталья Николаевна
(делая ему знаки бровями)

Что ты, Петрович? Ведь сахару нет!

Чохов
(невозмутимо)

Есть, Николавна. В шкафу, Николавна.

Зоя

Пшенная с сахаром? Это бы славно.
Сегодня в Мариинке — вавилон!
Барышники действуют просто по-свински.
Пятьсот бельэтаж! И то: у колонн.

Валя

И люди платят?

Зоя

Еще бы: Нижинский!
Нижинский сегодня танцует пашу́.

Наталья Николаевна резким движением ставит на стол мешочек сахарного песку.

Спасибо, родная. Миша, прошу!
Ешьте!

Студент

Благодарю вас.

Зоя

(уписывая пшенную кашу)

Вчера
Миша присутствовал на банкете.
Были омары, черная икра,
Самые лучшие фрукты на свете.

Валя

Правда, Миша?

Зоя

Премьер был пьян?

Чохов

А что за банкет?

Студент

Посла принимали.

Чохов

Ну? Неужели в Таврическом зале?

Студент

Нет. Мы сняли один ресторан.

Зоя

Венгерские вина... французские вина...

Валя

Правда, Миша?

Зоя

Ты что, Валентина?

Студент

Корнилов тоже был пьян, как дым.

Валя

Миша, а вы? Вы тоже пили?

Наталья Николаевна

Какие же там разговорчики были?

Студент

(усмехаясь)

Какие?

Чохов

Откуда же знать молодым?
Им не докладывают об этом.

Студент

Конечно.

Наталья Николаевна

А может, болтали вздор?

Студент

(важно)

Поскольку я мог судить по приметам,
Был исторический разговор.

Зоя

Представь: Михаил совершенно случайно
Узнал один очень важный секрет.

Валя

Ах, я так обожаю тайны!
Скажите!

Студент

Нельзя.

Валя

Ну, Миш!

Студент

Нет, нет

Валя

(ревниво)

А Зойка знает?

Студент

Зоя не знает.

Наталья Николаевна

Откуда же Зое секреты знать?
Он про любовь свою объясняет —
И хватит с нее.

Студент
(краснея)

Простите?..

Чохов

Мать!

Зоя
(задетая)

Конечно, если бы я захотела,
Миша бы мне рассказал. Да-да.

Студент
(поспешно)

Но мы решили раз навсегда:
Любовь — любовь, а дело — дело.
Личная жизнь у нас будет одна,
Но политическая...

Зоя усмехнулась.

Чохов

Однако!
Боюсь, такая жизнишка трудна.
Люди, мыслящие «инако»,
Могут легко вступить меж собой
Не только в идейный — в кровавый бой.

Студент

Что вы! При нашей друг к другу симпатии...

Чохов
(откладывает газету)

А что, если вступят в бой ваши партии?
Вот, например, вы были вчера
На совещании в ресторане.

Ваш «секрет» мне ясен заранее:
Если на этакие вечера
Эсер приглашает посла с генералом,
Не приглашая большевика,
Стало быть, юноша, речь о малом:
О реставрации. Это пока.
Но, может быть, речи не кончились речью?
Может, уже запахло картечью?
Расписаны роли? Принят план?
А? Эти мелочи вы упустили?

Студент

Вы говорите в судейском стиле.
Но я не Керенский. Да и не пьян.

Зоя
(с укором)

Действительно, папа.

Чохов

Но мой вопрос
Касается нашего спора о браке.
Да, вы оба не забияки,
Но вывод у вас что-то больно прост.
И вот вам пример. Михаил и Зоя
Желали бы жить в атмосфере покоя.
Так ведь? Ни Зоя, ни Михаил
Не думают рыть никаких могил.
Но лидер партии Михаила,
Известный своей игрою двойной,
На партию Зои пошел войной.
А? Ведь пошел?

Молчание.

Наталья Николаевна
(мягко)

Не артачься. Милый.

Чохов
(испытующе)

Вчера в ресторане шел разговор
Об этом, не так ли? Гость иностранный

Оплачивал счет корниловских свор
И дату наметил. Вчера. В ресторане.
А? Или нет?

Студент
(болезненно)

Ну, вот вы опять...
Снова судебное следствие...

Зоя

Папа!

Студент

Я ничего не смею сказать.
Поймите! Пусть я болтун, я «шляпа»,
Рохля и вообще размазня,
Но я связан тайной! Поймите меня!
К тому ж я работаю так недавно...

Наталья Николаевна

Виляешь?

Студент

Наталия Николавна!
Вам уже объяснили, что брак
В нашем смысле...

Наталья Николаевна

Не пяться. Не рак.
Отец тебя спрашивает по-свойски,
Ты и ответь.

Валя

Оставьте его!

Наталья Николаевна

Молчи, пискля!

Студент

Не скажу ничего.

Чохов

То, что Корнилов готовит войско,
Это известно и вам и мне.

Интересуют меня мелочишки:
Где его части? В какой стороне?

Наталья Николаевна
(тихо, Зое)

Слышишь, а? Разузнай у Мишки.

Валя
(тихо)

Ну, разузнай!

Наталья Николаевна

Для народа не грех.
А он те скажет! Я знаю примету:
Девке у парня отказа нету.

Валя
(страстно)

Ведь для народа же!

Зоя
(раздраженно)

Валька!

Валя
(с досадой)

Эх!..
(Отворачивается.)

Чохов

Я не хочу навязывать вам
Своих убеждений. Но вот что странно:
Вы вот приходите из ресторана,
Где Керенский дал возможность врагам
Договориться за счет народа.
И что же я слышу? Сплошная ода
Тонким винам да жирной еде.
Но возмущение ваше где?
Вы ведь эсер, черт возьми! Народник!
На ваших глазах создается связь
Белых с Антантой... Поход на голодных...
И это ничуть не встревожило вас?

Воробушкин
(отчаянно)

Но мы ведь против большевиков!

Чохов

Вот и браните нас на здоровье!
А тут ведь пахнет русской кровью —
Пойми ты это, друг Воробьев!

Воробушкин

Простите, Воробушкин.

Чохов

Извиняюсь...
Не закрывай же глаза, как страус...

Воробушкин
(нервически)

Нет, это *вы* закрываете! Да-с!
Вы игнорируете Европу!
«Русская кровь»... Мы знаем — для вас
Важно одно: насытить утробу.
Ну, не свою, понятно, а всех,
Что ж до культуры, то ваш марксизм...

Чохов

Наш марксизм такой орех,
Который не по зубам блюдолизам.

Зоя

Папа!

Воробушкин
(жест в сторону Чохова)

Ну, вот.

Чохов
(грубо)

А зачем он врет?
(Воробушкину.)
Ты, мальчуган, почитай-ка Маркса,
А там пожалуйста — выкамаривайся,
Сам понимаешь: неученье — тьма!

Воробушкин
(отчаянно)

Да уж читали!

Чохов

Кого? Дюма?
Без французской социологии,
Политэкономии англичан
Да философии немца — в итоге
Не было бы и нас, мальчуган.
А русская кровь оттого дорога,
Что, сбросив гнет казарменной дроби,
Россия укажет путь Европе
На заповедные берега.
А ты ее снова хочешь в кутузки?
Какой же ты «красный»?

Наталья Николаевна

Какой ты русский?

Воробушкин
(срываясь)

Я ухожу. Вы идете?

Зоя

Сейчас.

Воробушкин убегает.

Думаю, все понятно для вас?
Это не шпик из какой-нибудь чайной,
Эсер по воззреньям, он связан тайной,
И я уважаю стойкость его!

Наталья Николаевна

Тьфу, кулугурка!

Зоя
(вполоборота)

Только всего?

Чохов

Что ж... Мне понятно все ослепленье
Влюбленного сердца. Ладно. Пусть так.

Пусть он по-своему прав. Тем не менее
Белые где-то на близких путях.
Знать бы пути, полки и так далее,
Мы бы корниловщину — в дугу!
Можешь узнать это?

Зоя

Не могу.

Наталья Николаевна

Враг ты!! Враг!

Чохов

Погоди, Наталья.

Валя

Мам!

Чохов
(Зое)

Ты подумай, дочь, об одном:
У революции свой порядок.
Как-нибудь самым сереньким днем
Вдруг на питерских баррикадах
Встретятся грудью — штык о штык —
Жених-эсер и отец-большевик.
С одной стороны — пролетарское знамя,
С другой — Антанта и орды чубья́.
С кем же ты будешь?

Зоя
(недоуменно)

С большевиками!

Чохов

Уверена?

Зоя
(твердо)

Да!

Чохов
(очень спокойно)

Мы не примем тебя.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Товарищ дочь

Экстренное совещание большевиков на Васильевском острове. Председательствует «товарищ Андрей» (Свердлов), прозванный буржуазными газетами «Черным Дьяволом». У него очень сдержанная манера вести собрание, но глубокий бас его обладает такой мощностью, что при малейшем напряжении легко покрывает любой шум и реплики. Рядом с ним Крупская. Милое, умное лицо классической русской интеллигентки, выражение глаз дружелюбное и несколько мечтательное. За ней Киров. Он глядит с таким живым любопытством, точно прилетел с другой планеты, где все гораздо менее интересно, чем здесь, на Земле. Он с удовольствием поддакивает, парирует, даже негодует с удовольствием. Это сама молодость! В затененном углу комнаты из табачного дыма угадываются одутловатое лицо Зиновьева и лица Преображенского и Каменева. В другом углу — шевелюра Калинина, борода Чохова, жаркие глаза Шаумяна.

Свердлов

Владимир Ильич крайне обеспокоен слухами о заговоре Корнилова. Владимир Ильич уверен, что правительство Керенского не только не решится, но и не захочет подавить буржуазно-генеральской контрреволюции.

Преображенский

А где сейчас Владимир Ильич?

Свердлов

Этот заговор тем более осложняет наши задачи, что как раз теперь...

Преображенский

Я спросил: где сейчас Владимир Ильич?

Свердлов
(помолчав)

Кажется, в Талмуде есть такая поговорка: «Спрашивающий неуместное, спрашивай трижды, а потом молчи: все равно не ответят».

Киров
(озорно)

Преображенский, не унывай: у тебя в запасе имеется еще один раз!

Смех.

Свердлов

Корниловский заговор тем более, я говорю, осложняет наши задачи, что как раз теперь пролетариату предстоит генеральное сражение с российским капиталом.

Каменев

Сражение?

Зиновьев

Да еще генеральное? Побойтесь бога: речь Ленина с броневика дала нам программу мирного развития революции. Вы помните, надеюсь? *Мирного!*

Свердлов
(отбросив официальный тон)

«Мирного, мирного...» Что значит — мирного? В апреле было одно, сейчас другое. Разгром «Правды» — раз, июльский расстрел рабочих — два, наконец, приказ Керенского об аресте Ильича. Должна измениться наша тактика или нет? Ну вот она и меняется.

Шаумян

В порядок дня поставлен штык!

Зиновьев

Говорите прозой: кем поставлен?

Свердлов
(пожав плечами)

Вопрос! Самой жизнью.

Преображенский
(едко)

Она к вам приходила на дом с визитом?

Крупская

Вопрос поставлен Центральным Комитетом.

Преображенский

Значит, вы противопоставляете ЦК... Ленину?

Шаумян

Противопоставить Центральный Комитет товарищу Ленину — все равно что противопоставить дневной свет солнцу!

С в е р д л о в

Что касается апрельских тезисов, то требование их пересмотра исходит от самого автора. Ясно? Ну-ну! Однако покорнейше прошу перейти к делу. Если бы нам удалось выяснить диспозицию корниловских спецчастей и хотя бы приблизительно дату его выступления...

Осторожно, чуть ли не на цыпочках, входит А р т е м ь е в.

Ч о х о в
(тихо)

Ты что, «Диалектика»?

А р т е м ь е в

Тут мой сынишка пришел. На телеграфе он работает. Имеются сведенья насчет Корнилова.

Ш а у м я н

Ага! На ловца и зверь бежит?

С в е р д л о в

Давайте вашего сынишку.

Входит м а л ь ч и к лет шестнадцати, на лбу селезневый хвостик, в руках балалайка, расписанная розами.

А р т е м ь е в
(шепотом)

Ты что с балалайкой-то вылез? Давай сюда! Эк-кой!

С в е р д л о в
(мальчику)

Что имеешь сообщить, мальчик?

М а л ь ч и к

Насчет Корнилова. Ну, это... На телеграфе я работаю. На вокзале, одним словом. Известно ребятам, что Корнилов на Петроград собирается. Только не знает, где его части стоят.

К р у п с к а я

Простите, кто не знает?

М а л ь ч и к

Ну, этот... Корнилов, одним словом.

Шаумян
(недоуменно)

Корнилов не знает?

Киров

Корнилов? Непонятно.

Мальчик

Сам удивляюсь, а только ребята говорят: раз твой батька ленинец, так ты его предупреди. Чтобы Ленин, одним словом, про все это знал.

Калинин

Да про что про это? Ты ж ничего не сказал толком!

Свердлов

Как тебя звать?

Мальчик

Димитрий.

Свердлов

Митя! Ты куда сейчас направляешься?

Митя смутился.

Киров

На свиданье идет. Ясно.

Свердлов

А! Ну, если на свиданье, тогда ничего не выйдет.

Артемьев

А вам чего бы хотелось, товарищ Свердлов?

Свердлов

Я думал, не сбегает ли Митя к своим телеграфистам и не выяснит ли подробней: в чем, собственно, дело?

Артемьев

Сбегает. Выяснит.

Мальчик
(стрельнув на отца глазами)

Да мне сейчас, знаешь, как некогда?

Артемьев

Сбегает, товарищи, сбегает. *(Железными пальцами берет сына за локоть, и сын, несколько неестественно приподнявшись на цыпочки, выходит из комнаты.)*

Преображенский
(со смехом)

Философ сказал бы, что молодой человек вышел из комнаты «дедуктивным путем».

Каменев
(улыбаясь)

То есть путем вывода?

Крупская

И все же поводов для юмора маловато. Сведения более чем странные.

Преображенский

А чего ждать от мальчишки? Не придавать же значения этому лепету?

Зиновьев

И вообще: мы отвлеклись от главного!

Киров

Главное — это ликвидация корниловского заговора.

Зиновьев

Главным я считаю политику нашей партии. Ты, Яков, говорил что-то такое об изменении тактики. В чем это изменение?

Калинин

Но ведь вам уже сказали: мирный период революции закончился.

Зиновьев
(раздраженно)

Конкретно? Что это значит конкретно?

Свердлов

Это значит, что пролетариат должен взять власть. И не в будущем, а уже в настоящем. Сейчас!

Шум. Реплики. В комнату просовывается испуганное лицо Артемьева.

Артемьев

Конспираторы! Тише!

Зиновьев
(истошным шепотом)

Это невозможно! Это авантюра!

Каменев

Мы обречем рабочий класс на гибель!

Киров

Почему? Напротив!

Калинин

Только в одном этом и спасение!

Зиновьев
(изрекая)

Ма-аркс...

Преображенский

Но русский пролетариат еще не дорос до рабочей революции!

Зиновьев

Ма-аркс говорил: «Переворот в экономическом отношении без Англии — это буря в стакане воды». Но где у нас Англия, я вас спрашиваю? Где?

Каменев

А Энгельс? Энгельс говорил: «Рабочую революцию начнет француз, а немец доделает».

Зиновьев

Где француз? Немец?

Свердлов
(едко)

В ваших рассуждениях, товарищи Зиновьев и Каменев, имеется много, как говорится, положительных плюсов. Но есть и один отрицательный минус. Вы берете слова Маркса, относящиеся к сороковым годам прошлого века, и хотите загнать их в наше время чуть ли не коленкой. Какой же это марксизм?

Шаумян

Они пытаются фразами из Маркса и Энгельса смазать точку зрения Маркса и Энгельса.

Чохов

Догмой убить дух!

Преображенский

Позвольте, товарищи, позвольте! Будем смотреть правде в глаза. Совершить в России рабочую революцию — значит стать лицом к лицу с социализмом. Так? Но ведь это светило нас испепелит! Мы погибнем от солнечного удара. Мы всего-навсего русские мужики. Еще вчера мы были крепостными.

Чохов

Но ведь вы только что Ильича вспоминали. Даже пытались защитить его от ЦК. А между тем Ильич утверждает, что построение социализма в России вполне возможная вещь.

Преображенский

Вы что же, противопоставляете Ленина... Марксу?

Шаумян

Ну вот, теперь Преображенский защищает уже Маркса от Ленина.

Чохов

Чтобы в конце концов защищать буржуев от Маркса.

Веселое оживление. Свердлов звонит. Входит Зоя. При виде дочери Чохов начинает нервно застегивать и расстегивать крючки на вороте своей русской рубашки.

Свердлов

Товарищи, тише! Мы безбожно отвлеклись. Никто не поручал нам обсуждать вопрос о социализме. Сами понимаете, что без Ленина...

Зоя наклонилась к его уху и что-то взволнованно шепчет. Свердлов слушает с жадным любопытством. Тишина.

Ш а у м я н
(Крупской)

А где же все-таки Владимир Ильич?

К р у п с к а я
(шепотом)

В районе станции Разлив. Живет в шалаше и собирает грузди с таким увлечением, точно опять вербует циммервальдскую левую.

Ш а у м я н

Я думаю, Ленин интересуется не только грибами.

К р у п с к а я
(улыбаясь)

Он пишет большой труд «Государство и революция».

С в е р д л о в

Внимание! Дата корниловского мятежа уточняется.

Напряженная тишина.

З о я

Я сейчас встретила на улице секретаря Керенского. Это мой бывший коллега по университету.

З и н о в ь е в

Короче!

З о я
(глядя на отца сияющими глазами)

Этот молодой человек узнал, что генерал Корнилов начнет наступление на Петроград двадцать восьмого августа.

П р е о б р а ж е н с к и й

Насколько солидна эта информация?

З о я

За что купила, за то и продаю. Но я не кончила: этот мятеж согласован с самим Керенским.

К а л и н и н

Как? С Керенским?

Шаумян
(разводя руками)

Ну, знаете... Мятеж против Керенского, согласованный с Керенским,— это... это такое...

Преображенский

Но ведь он все-таки эсер! Кажется, бывал даже под арестом! Пел, черт возьми, революционные песни!

Киров

Брось, Преображенский! Будь реальным политиком: логика вещей сильнее логики намерений.

Чохов
(зычно)

Какими войсками располагает Корнилов?

Зиновьев

Наивный вопрос. Корнилов — главковерх. Следовательно, в его распоряжении вся российская армия.

Чохов

Вся российская армия на Питер не пойдет.

Зоя

Товарищ Чохов прав. В качестве ударной силы у Корнилова имеется Дикая дивизия.

Чохов

Не знаете ли, где она расположена?

Зоя
(улыбаясь)

Знаю. В городе Луге.

Входит Дзержинский.

Дзержинский

Корниловский мятеж начался!

Преображенский

Не начался, а начнется двадцать восьмого,

Дзержинский

Начался, товарищи, начался. По приказу номер сто двадцать восемь корпус генерала Крымова был, оказывается, двинут на Петроград! Но, как видите, не дошел. Спасли революцию на этом этапе железнодорожники и телеграфисты, те самые сентиментальные телеграфисты, которые, казалось бы, только тем и занимались, что играли на гитарах душещипательные романсы. Эти герои самым тщательным образом путали все распоряжения генералов. В итоге не только начальники дивизий, но и командиры полков не знают, где находятся их роты и сотни. Мы перехватили разговор ставки с генералом Крымовым. «Где корпус?» — спрашивает ставка. «Не знаю! — отвечает Крымов.— Расползся по каким-то станциям каких-то железных дорог».

Громкий смех.

Киров

Вот это действительно: «сумасшествие момента», как любит выражаться буржуазная пресса.

Свердлов

Но нам-то местонахождение корпуса известно?

Дзержинский

А как же? Это чтобы народ да не знал?

Движение среди присутствующих.

Корпус состоит из трех дивизий. Первая дивизия — Уссурийская — расположена между Ямбургом и Нарвой. Вторая — Донская — сосредоточена в Луге.

Зоя

А мне сообщили, что там стоит Дикая.

Дзержинский

Нет. Дикая дивизия концентрируется на станциях Вырица, Сусанино, Семрино — вдали от населенных пунктов. Газет в этой дивизии не читают. Офицеры — сплошь князья. Любопытно, что даже председателем дивизионного комитета является полковник... Султан-Крым-Гирей! Представляете этого защитника армейской демократии?

Смех.

Калинин

Все это, конечно, очень весело, но, думается, Крымов рано или поздно все-таки соберет свои дивизии. Надо действовать!

Свердлов

И действовать рано, а не поздно. Товарищи! Предлагаю следующее: немедленно войти в правительство с требованием организовать Комитет обороны.

Дзержинский

Бесполезно. В связи с восстанием Керенский назначил генерал-губернатором Петрограда эсера Савинкова.

Калинин

Корниловского дружка?

Чохов

Феликс, иного выхода нет. Защищать Петроград мы можем только легально.

Свердлов

Только! Большевики войдут в Комитет обороны и примут на свои плечи всю тяжесть борьбы с корниловщиной. Что же до Керенского, то с этим человеком в такой момент выяснять отношения не приходится.

Крупская

Вот именно. *(Цитируя Пушкина.)* «Лакей, сиди себе в передней...»

Шаумян
(заканчивая цитату)

«А будет с барином расчет».

Свердлов

В беседе со мной Владимир Ильич внес предложение: послать агитаторов в Третий корпус и зажечь в нем мятеж против Корнилова.

Преображенский
(с иронией)

Всего и делов?!

Киров

Сагитировать донцов и уссурийцев дело нехитрое. Куда сложнее с Дикой дивизией. Тут нужно бы связаться с исполкомом Союза мусульманских Советов Северного Кавказа и Дагестана. У меня там большие связи. Я могу, например, дать телеграмму Намытакову.

Свердлов

Прекрасная идея!

Киров

Идея прекрасная. Но пока подъедет делегация мусульман, пройдет какое-то время. Я считаю, надо срочно послать в Дикую дивизию кого-нибудь из нас. Меня, например.

Дзержинский

Неплохо. Пусть Киров и едет. А кого в подмогу?

Шаумян

Если уж говорить о людях Востока, то не забудьте обо мне: как-никак, а я все-таки кавказец.

Крупская

Это разумно.

Свердлов

Не согласен! «Кавказец»... Кавказец — понятие очень широкое: это и тюрок, это и армянин. Между тем армяно-тюркская резня еще у всех в памяти, а в Дикую дивизию вербовали исключительно тюрок. Вы представляете себе, что это получится, когда на митинге дадут слово оратору с фамилией, которая оканчивается на «ян». Это же не просто дивизия, а именно *Дикая*.

Пауза.

Товарищ Ленин назвал другое имя.

Киров

Чье же?

Свердлов

Имя Чохова.

Шаумян
(подумав)

Пожалуй. «Большой Кирилл» удивительно находчив в опасностях и бывал в самых отчаянных переделках.

Свердлов

Как вы смотрите на это предложение, товарищ Чохов?

Преображенский

Товарищ Чохов смотрит на это без всякого энтузиазма.

Дзержинский

Может быть, вам угодно проехаться в Дикую, товарищ Преображенский?

Преображенский
(шутливо)

Мне? Да если какой-нибудь абрек заскрипит на меня зубами, я тут же, на месте, тихо скончаюсь.

Свердлов

Петрович! Мы ждем твоего ответа.

Чохов

Что ж. Если партия прикажет...

Зиновьев

Тут дело не в приказе: вдохновение нужно.

Чохов

Прикажет — будет и вдохновение.

Тихий смех, аплодисменты.

Свердлов
(вставая)

Ну вот и отлично. Разрешите на этом закрыть наше совещание.

Все поднимаются со своих мест. Говор, шум, реплики. Зоя бросается к отцу.

З о я

Я, конечно, поеду с тобой?

Ч о х о в
(целуя ее в голову)

Ну конечно, нет.

З о я

Почему?

Ч о х о в

Сама понимай! Дикая дивизия — это, брат, знаешь? Там тебе не станция Дно. Там может быть такая резня...

З о я

Я очень прошу взять меня с собой. Понимаешь? Очень.

Ч о х о в

А как поживает Воробушкин?

З о я

Очень прошу! Пойми меня! Папа!

Ч о х о в

Передай Воробушкину нашу благодарность

З о я
(нахмурясь)

Не передам.

Ч о х о в

Что так?

З о я

Опротивел.

Ч о х о в

Фью! Вот те и раз. Отчего ж это?

З о я

Оттого, что секрет выдал.

Ч о х о в
(опешил)

Ну-у... Это уж, Кирилловна, с твоей стороны...

Зоя
(страстно)

Да ведь если б он это идейно! Из любви к народу! А то ведь так... Ради бабы... А я что? Я хотела перевоспитать его в нашу веру. Я была уверена, что это мне удастся,— и вдруг он сразу все выболтал. Ты понимаешь? Без всякого перевоспитания. Сразу. Ну, как ему верить?

Чохов
(восхищенно)

Ох и девушка... Не дай бог с такой повстречаться...

Киров
(подойдя к ним)

Значит, так, Петрович: я еду в дивизию, ты — в бригаду. Феликс говорит, что она находится на станции Сусанино.

Чохов

Ладно, пускай Сусанино.

Киров

Да вот беспокоит меня то, что ты плохо знаешь всю эту национальную кавказскую кутерьму. Будь осторожен. Там ведь черт-те что делается. Взять хотя бы аджарцев. Молятся они в мечетях и даже до сих пор фески носят, а по национальности, представь себе, грузины. Или, скажем, таты. Язык у них персидский, а сами они горские евреи. Смотри не попади впросак.

Чохов

Не пугай меня, Сергей Мироныч. Я уж как-нибудь сам испугаюсь.

Киров

Ну, что ты! Я и не думаю пугать. А все-таки дивизия не зря прозывается дикой.

Чохов

Да, да, знаю: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал».

Киров
(засмеявшись)

Да хоть бы один чечен, а то ведь там и курды, и кумыки, и лаки, говорят даже — киргизы!

Чохов

Ладно, Мироныч! Хоть бы и папуасы. Чохов — земляк всем.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Дикая дивизия

30 августа.

Станция Сусанино Виндаво-Рыбинской ж. д. Митинг Дикой дивизии. На грузовике с откинутым бортом — стол, накрытый красной скатертью. За столом — президиум: полковник князь Тайганский, слева от него — ефрейтор Первой Осетинской пешей бригады Керим Ханукаев, справа Зоя как делегатка из центра. У трибуны — Чохов. В толпе, среди бурок и бешметов, можно заметить белоснежные черкески Манташева и князя Волконского. Тут же рыжая шинель Ивана Большого. Вдали приготовленный к отправке эшелон. Из товарных теплушек с настежь открытыми дверьми выглядывают папахи и бороды коноводов. За ними прядают и потряхивают гривами золотые, вороные и белые кони. Изредка над митингом плывет мягкое, призывное ржание.

Керим
(тихо)

Как объявить вас, товарищ Ильич?

Чохов

Я не Ильич.

Керим

Зачем отпираться?
Давай — скажи имя: это же клич!

Чохов

Кирилл — мое имя.

Керим
(подмигнув)

Понимаю. Конспирация?
Так бы и говорил.
(Сказал что-то Тайганскому вполголоса.)

Тайганский
(с гвардейским акцентом)

Слово имеет некто Ки'илл!

Чохов
(с лукавинкой)

Я человек, извиняюсь, рязанский:
Не разберусь — где калмык, где кумык,
Но я..
говорить
открыто привык.
Попросту. По-крестьянски.
Можно? Ну, вот. Не пойму одного:
Здесь Курдистан, и Чечня, и Киргизия,
Но прозвище ваше — «Дикая дивизия»,
И вы не отказываетесь от него.
Стало быть, правильно это название?
А? Отвечайте.

Джигиты смущенно молчат.

Да ну, быстрей!
Я, как рязанец простого звания,
Отродясь не видал дикарей.
Те-то едят человечье мясо,
Спят в берлогах...

Тайганский
(поморщившись)

При чем это тут?

Чохов
(твердо глядя ему в глаза)

Но почему же народные массы
Вас дикарями зовут?

Иван
(восторженно)

Верно! А? Почему?

Голос
(наивно)

Потому,
Что носим папаху или чалму.

М а н т а ш е в

Горец блистательно шашкой владеет —
Вот почему это!

Ч о х о в

Русский казак
Не хуже горца врубит тесак,
Но обзови его людоедом —
Он крепко обидится. Ну, а вы?
Несете позор народной молвы —
И все?

Т а й г а н с к и й

Джигитам позор неведом!

Ч о х о в

Но кто такой этот самый — джигит?
Только ли головорез, ребята?
Только ли, братцы, саблей жужжит?
А может, он и трудился когда-то?
А? Я плохо знаю Кавказ,
Но слышал, что есть там и козы и овцы.
А ну, джигиты, скажите по совести:
Много ли пастухов среди вас?

З о я

Пастухи! Подымите руки!

Руки пастухов поднимаются.

И в а н

Ох, здоровенно!

Ч о х о в
(радостно)

Побей меня гром,
Я сам коровьим был пастухом,
Тоже хлопал бичом по округе,
Тоже на дудку резал камыш,
В песнях оплакивал долю коровью,
Но... никогда не питался кровью.

Г о л о с а

— При чем тут кровь?
— Ты что говоришь?

Чохов

Кровь при чем?
(Выражение лица его из добродушного
с лукавинкой становится жестким.)
Друзья кабардинцы!
Товарищи курды! Аджарец! Тат!
Известно ли вам, что дивизия двинется
Завтра утром на Петроград?
Что вас заставят резать рабочего?
Сечь отца его? Вешать дочь его?
Гнать в Сибирь не десять, не сто,
А тысячи славных людей? А за что?
За то, что рабочий, ваш же товарищ,
В борьбе с буржуем имеет успех!
Знаешь ли ты об этом, узбек?
Знаешь ли ты, аварец?

По бригаде проходит ветер.

Манташев

Не верьте ему, джигиты! Речь идет вовсе не о славных якобы людях, которые...

Чохов

Все трудящиеся — это братья!
Меж нами должна быть кровная связь.
Российская социал-демократическая партия
Большевиков
призывает вас
Объединиться с северным братом.
Люди! Киргизия! Дагестан!
Идя за русским пролетариатом,
Вы осчастливите ваших крестьян.
Горные княжеские поместья
Станут собственностью бедняков...

Тайганский

Вы лжете, оратор! Бедняк не таков!
Бедняк может князя убить из мести —
Это я допускаю. Не сплошь,
Но изредка все же бывает такое...
Но чтобы присвоить себе чужое?
У нас? На Кавказе? Ложь!

Манташев

Это ложь!
(Карабкаясь на грузовик.)
И главное даже не в этом. Так?
Главное. Так? Господа джигиты!
Если отбросить наружный лак,
Слова его белыми нитками шиты:
Российская партия большевиков
Зовет кавказцев, как ишаков,
Идти за *русским* пролетариатом.
Вы понимаете? *Русским!* А?
Но мы уж знакомы, Россия-кума,
Со всем полицейским твоим аппаратом,
Мы, как овечий хвостик, дрожим,
Вспоминая российский режим.

Невдалеке послышался музыкальный клаксон корниловской машины.

Тайганский
(вскочив)

Вниманье! Автомобиль главковерха!

Зоя

Корнилов?

Керим

Корнилов. Едет сюда.

Манташев

Двести лет — неплохая проверка.
Но мы уже сами себе господа.
Иваны Грозные нам не указ,
Петр Великий для нас не мессия...
Живи себе на здоровье, Россия,
Но только навек забудь про Кавказ!

Появляется Корнилов, за ним его телохранитель Джелал, за Джелалом полковник Султан-Крым-Гирей, дальше — некто Аткинсон с повязкой Красного Креста на рукаве и фотоаппаратом, которым он снимает все достойное его внимания.

Тайганский

Смирно!

Корнилов взбирается на грузовик и, не обращая внимания на президиум, здоровается с одним Тайганским. Манташев с поклоном оставляет трибуну. Корнилов удостоил его кивком.

Султан
(тихо, Тайганскому)

В штабе дивизии — большевики:
Какие-то Киров и Намытаков.
Корнилов бросил на них казаков,
Но сам едва не упал на штыки.
А что у вас?

Тайганский

Да пока неплохо.
Нам тоже подкинули большевика,
Но он не вызвал переполоха.

Султан
(радостно)

Не вызвал?

Тайганский

Я повторяю: *пока!*

Султан

Ужас!

Корнилов
(председателю)

Прошу предоставить слово.
(Замечает на столе кисет.)
Чей табачок?

Керим

Курите.

Корнилов

Чилим?
(Нюхает щепотку, затем медленно набивает трубку.)
Джигиты! Не будем трогать былого:
Кавказ от России неотделим.
Вы мне поверьте! (Я-то не русский.)
Сегодня Кавказ, завтра Литва.
Того же потребуют в Туле да Курске —
Без тела останется голова,
Но если пустить от России перья,

То чем же владеть нам? Грудой камней?
Ведь завтра, джигиты, Российская империя
Станет моей.

Появляется группа мусульман в штатском. Среди них Баба-Омар в засаленной рабочей робе и знаменитый лезгинский ашуг Сулейман в порыжелом бешмете. Увидя их, Корнилов тут же оглянулся на Чохова и Зою. Голос его сразу утратил спокойную уверенность и стал звонким, нервическим.

Двинешься, горец, на Петроград,
Будешь Корнилову младший брат.
А брата, конечно, я не обижу:
Титулы, золото! Словом: якши.
Но я, джигиты, меж вами вижу
Людей враждебной души.
Это марксисты. Сказать иначе —
Воины Маркса. Но кто он такой?
Немец! Ясно? Повадкой кошачьей
Измена вползает к тебе, дорогой.
Что ж с ними делать?

Манташев
(Волконскому, досадливо)

Зачем так рано?

Корнилов

Что с ними делать, джигиты?

Волконский
(истошно)

Убить!

Манташев
(стиснув руки)

Поспешно действуете!

Корнилов
(командуя)

Охрана,

Приказываю изрубить!

Джелал и четыре горца ринулись к трибуне. Но перед ними возник ашуг Сулейман и широко распростер руки.

Ашуг

Назад! Оборвите мое дыханье,
Прежде чем прикоснетесь к ним!..
Дети мои! Крестьяне... дехкане...
Стыдно за вас.

Керим

Позорно!

Тайганский
(сверкнув глазами)

Керим!

Ашуг

Есть ли у мусульманина мать?
Она ли в сакле вскормила сына?
Или вдали от аульного тына
Волчицу дано ему было сосать?

Султан-Крым-Гирей
(с гвардейским акцентом)

Убрать старика без дальних прелюдий!

Тайганский

Убрать!

Манташев

Убрать этот рыжий бешмет!

Джелал
(уклончиво)

Как уберешь? Это баш. Поэт.
Большой аксакал. Обидятся люди.
(Джелал подходит к ашугу и неуверенно берет его за плечо.)

Баба-Омар

Люди! Это же наш Сулейман!

Голоса

— Наш Сулейман?
— Сулейман?
Стальский?

Иван Большой
(Джелалу)

А ну отойди ты, хвост генеральский!

Крики

— Не тронь старика!
— Отойди, шайтан!

Головорезы отхлынули.

Ашуг

Русский ведет на цепи, как медведя,
Большое время рядом с собой.
Земли дает нам. Но земли эти
Разве не станут нашей судьбой?
А что дает нам этот калмык?
А? По «керенке» за каждый клык?

Корнилов

Ах, негодяй!

Волконский

Долой его!

Манташев

Ложь!
Ты тоже меришь русским аршином!

Ашуг
(лукаво)

А чем же русский аршин нехорош?
А? Господин Манташев? Скажи нам!
Ведь этот самый русский аршин
Был неплохим для купцов размером:
Тебя же он сделал миллионером.

Зоя

Вы русский туз, хотя армянин!

Чохов

Правильно!

Баба-Омар

Эй, мусульмане! Я
Рабочий манташевского мазута.

Сердце он высосал из меня,
А сам я хожу раздетый, разутый...
В тридцать четыре, видите, сед!
Но думал, что так уж устроен свет.
Но русский рабочий сказал мне так:
«Можно устроить свет иначе —
Чтобы Манташев значил пустяк,
А ты, Омар, очень много значил;
Чтобы Манташев носил твой бешмет,
А ты плясал бы в белой черкеске;
Чтобы ты почки ел на обед,
А он — от бараньих ножек обрезки
Или протухлый пилав...»
А? Чем плохо?

Смех.

Ашуг

Нефтяник прав.
Вглядитесь в Россию орлиным глазом:
Единством одним трудовой народ
Народный порядок в стране наведет.

Зоя

Вперед, за русским рабочим классом!

Выстрел. Зоя падает.

Чохов
(бросаясь к ней)

Дочка...

Иван Большой

Ах ты, господи боже...
(Бежит на трибуну.)

Крики

— Выстрел оттуда!
— Это Джелал!
— Клянусь, не я!
— Не ты? Тогда кто же?
— Не знаю, не знаю,

Керим
(грозно)

Кто стрелял?

Крики

— Это Волконский!
— Неправда!
— Мы видели!
— Он!
— Неправда!
— Спросите у деда!

Керим

От имени. Тайного. Комитета
Большевиков дивизии
Я объявляю проклятье тому,
Кто погрузил нас в такую тьму,
Что мы уподобились дикому барсу:
Мы в девичье сердце стали стрелять!
Мы так угождаем буржуйству, барству,
Что завтра зарежем спящую мать!

Среди джигитов волнение: для людей мусульманского Востока мать священнее самого Магомета.

Корнилов

Схватить!

Султан-Крым-Гирей

Схватить эту кучку злодеев!

Тайганский

Ахмет, сюда! Максуд! Сеидбеев!
А кто из толпы шевельнется, Джелал,
Из пулемета бей наповал!

Головорезы кинулись на Чохова, Ивана, Керима и Баба-Омара. Чохова мигом связали. Потрясенный беспамятством дочери, он и не пробовал сопротивляться. Зато Иван и оба горца бешено отбиваются. Между тем Джелал, установив на грузовике пулемет, направил дуло на толпу, которая ошеломлена быстротой действия конвоя.

Иван
(свалив Сеидбеева)

Врешь, не возьмешь!

Султан-Крым-Гирей

Сломить! Разгромить их!

Толпа
(следя за борьбой на грузовике)

— Свалили...
— Нет!
Свалили опять...

Конвой одолел. Керим, Иван и Баба-Омар стоят со связанными назад руками. Но Чохов уже пришел в себя и быстро оценил обстановку.

Чохов
(связанный)

Товарищи! Продолжаем митинг.
Есть предложенье —
Корнилова арестовать.

Бригада вздрогнула.

Корнилов

Что-о? Да я т-тебя...

Волконский

На колени!

Бросившись на Чохова, начинает хлестать его нагайкой. Бригада зашумела.

Султан-Крым-Гирей

Так его! Так!

Тайганский

По лицу!

Манташев

В глаза!!

Волконский задохся. Облитый кровью Чохов стоит, величавый и полный сознания силы, как скованный Прометей.

Чохов

Товарищи! Нет других предложений?
Я голосую. Кто — за?

Молчание. Все замерло. И вдруг бригада в грозном безмолвии поднимает вверх руки, держа в них боевое оружие.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Сумасшествие момента

Кабинет английского посла в Петрограде. Закат. Еще не зажженная театральная люстра. Огромный голубовато-белый ковер. Серебристые шторы и золотистые гардины. По стенам синие и серые океанские пейзажи со средневековыми бригантинами в парусах и современными дредноутами в замысловатых башнях.

Хозяин и гости за двумя ломберными столиками играют в покер. Бьюкенен, Фрэнсис и Манташев за одним, Дульсе, Рябушинский и Путилов за другим. Что касается Аткинсона, то этот молодой человек бесцеремонно фланирует по кабинету, достает из шкафа книги, перелистывает их, ставит на место, затем слоняется от одной группы к другой, заглядывая в карты и шепотом советуя ходы.

Бьюкенен

Стрит королевский.

Манташев

У меня масть.

Фрэнсис

Четыре туза. Разрешите карты.
(Тасует.)
Я думал, Корнилов — водитель масс.
Все-таки офицерские кадры...
Горцы...

Бьюкенен
(Аткинсону)

Включите, пожалуйста, свет.

Аткинсон зажигает люстру.

Фрэнсис

Да, Корнилов — битая ставка.
Я думал — лев! Оказалась шавка.

Дульсе

Три валета.

Путилов

Фулишка.

Рябушинский

Цвет.
(Тасует карты.)
На эту шавку молился штаб!
Его обожали даже солдаты.
Дело не в том, что Корнилов слаб.
Горцы
оказались
слабоваты.

Аткинсон

Нет, извините. Тут дело хитрей.
Горцы сильны, но...

Менелик
(разнося напитки)
Водка? Виски?

Аткинсон

Ленин — русский, Свердлов — еврей,
Сталин — грузин, поляк — Дзержинский...
Свой у каждого расовый лик,
Но в ленинской партии расы как братья!
Мигнет большевик — и ваш Менелик
Большевикам раскроет объятья.
А? Не так ли, «товарищ» арап?

Менелик

Водка? Виски?

Аткинсон
(брезгливо)

Подальше, горилла!
Дело не в том, что Корнилов слаб.
Дело в том, что ленинцы — сила!

Фрэнсис

Негры — пустяк!

Аткинсон

Понимаю сам.
Но, кроме черной, есть желтая раса:
Китай, например, Филиппины, Сиам.
А? Если двинется вся эта масса

В громе орудий, в звоне подков
Под руководством большевиков...
Вы представляете красную Азию?

Манташев

Что ж с нами сделают?

Путилов
(тасуя)

Смешают с грязью.
Судите сами: в альянсе таком...

Дульсе
(смеясь)

Мосье по-русски прямолинеен.

Рябушинский

Кстати: седьмого числа тайком
В столицу вернулся Ленин.

Фрэнсис

Ленин?

Бьюкенен

Простите, вы пас?

Фрэнсис

Нет, вист.
Ленин... Кажется, он анархист?

Аткинсон
(Дульсе)

Стыдно сознаться, но наш посол
Не отличает эсера от картошки.

Путилов

Ставьте, любезные; в банке ни крошки.

Бьюкенен

Бью по банку. Карты на стол.

Рябушинский

Панике поддаваться рано:
Есть на свете и белые страны.
Действовать надо! Карту.

Дульсе

Одну?

Манташев

Действовать? Мы идем ко дну.

Дульсе

Напрасно! С приходом иного режима...

Путилов
(перебивая)

Россия левеет неудержимо.
Тут не до шуток.

Дульсе

Я не шучу.

Рябушинский

Друг мой Путилов, примите морфий.

Путилов

Благодарю, но я уже мертвый.

Рябушинский

А я еще верю огню и мечу.

Манташев
(задумчиво)

Если действительно прибыл Ленин
«Товарищи» выступят. Это сигнал.

Рябушинский

Вы не волнуйтесь: премьер согнал
Ополчение трех поколений.

Путилов

Враки!

Рябушинский

Не верите?

Путилов

Нет.

Рябушинский

Почему?

Путилов

Корнилов не смог — куда уж ему?

Аткинсон

Я не считаю себя за провидца,
Но, кажется, ясно и без меня,
Что жалкое Временное правительство,
Не обладая силой огня,
Капитулирует непременно!
Чем же закончится этот акт?
Тем, что произойдет замена
Керенского Лениным.

Путилов
(со вздохом)

Факт.

Аткинсон

Земли крестьянину отойдут,
Фабрики и заводы — рабочим,
Вы обнищаете, между прочим...
Словом, «владыкою будет труд!».
Но!
Несмотря на сумасшествие момента,
Сделав прыжок вперед, а не вспять,
Можно вернуть ни за грошик медный
Ваши богатства вам же опять.
Вы только вдумайтесь: ваше имущество,
Будучи *вашим,* уйдет к врагам.
Но если фиктивно продать его нам
(А мы иностранцы! У нас преимущество!),
То вы сохраните его за собой,
В чем мы дадим вам залог. Любой.
Вам, господин Манташев, к примеру,
Рекомендую следующую меру:
Сдайте
гнезда
нефтерождений
Мне, например,— и вопрос закрыт.

Манташев

Простите, кто это говорит?

Аткинсон

Говорит банк долгосрочных вложений
«Диллон, Рид и компания».

Бьюкенен
(бледнея)

Мистер Аткинсон!

Аткинсон

Слушаю, сэр.

Бьюкенен

Я в восхищенье от ваших манер,
Но здесь не Трансиордания.

Фрэнсис

Не понимаю.

Бьюкенен

Наоборот:
Вы-то и понимаете, мистер.

Фрэнсис
(пожав плечами)

Трансиордания — тихая пристань,
С которой Англия грузит на борт
Всю арабскую нефть, коллега.
Ведь их король — это ваш агент.

Бьюкенен
(косясь на Аткинсона)

Да, но кому идет дивиденд?
Я знаю у вас одного человека,
Который акции наши... скупил!

Аткинсон
(добродушно)

О! Этот парень вину искупил:
Он вбухнул в дело мильонов триста,
А выручает гроши.

Бьюкенен

Да, да. Понимаю. Тихая пристань.
Нужна ему для спасенья души.
(Резко встает и отшвыривает карты.)

Гости шокированы неслыханной в дипломатическом мире выходкой хозяина.

Путилов
(тихо)

Ого! Есть нервы у монумента.

Дульсе

Вина не его: сумасшествие момента!

Фрэнсис

Сэр! Уверяю вас. Верьте мне:
Мальчик ведет себя неприлично,
Но он отвечает за это лично.
Я ни при чем. В моей стране
У банков своя международная политика,
А звездное знамя само по себе.

Входит Менелик, который держит на подносе ликер и кофе.

Дульсе
(указывая Путилову на один из этюдов)

Как вам нравится эта палитра?
Правда, ей далеко до Курбé,
Но...

Бьюкенен

Все поглотил нью-йоркский тиран!
Везде и всюду — Рокфеллер, Мóрган!..

Фрэнсис

Ну, а Голландия? Чей это орган?
Чья это фирма — Иран?

Дульсе
(оборачиваясь)

О чем вы хлопочете, господа?
Вопрос решается много проще:
В России уже имеется Ротшильд,
И мы никого не пустим сюда.
(Путилову.)

Я обращаю ваше вниманье
На этот серебряный трепет в тумане.

Бьюкенен

Мосье! Я ослышался?

Фрэнсис

Что это? Нота?

Бьюкенен

Мосье! Я люблю французский язык,
Но на подобные речи привык
Отвечать
языком
дредноута!

Аткинсон
(в бешенстве от этой самостоятельности)

Послушайте, вы! Госпожа Европа!
Нельзя ли поменьше истерики?
Ведь вы должники Вашингтона до гроба,
Вы частная собственность Америки.
К чему ж становиться в позу Баярда?
Изображать роб-роевский дух?
Англия!
С вас четыре миллиарда.
Франция!
С вас — около двух.
Какие ж дредноуты? Что за ноты?
Одно мое слово — и вы банкроты.

Англия переглянулась с Францией, и обе сочли за благо смолчать.

(Фрэнсису, нагло.)

А вы не юлите пред ними, старик:
Для нас дворянский их материк
То же, что негры из племени банго.
Поймите, посол, хоть на старости лет:
В мире
великих
держав
нет,
Кроме нашего банка.

Входит Менелик.

Менелик

Господин Керенский!

Фрэнсис

Это эсер?

Керенский вбегает, потрясая в воздухе газетой.

Керенский

Друзья! Сенсация!

Аткинсон
(наставительно)

Здравствуйте, сэр.

Керенский

Здравствуйте. Что? Да какое тут здоровье!
Читайте! Читайте, что пишет Зиновьев:
Сегодня... ЦК...
Ленинской партии... вынес... решенье:
Взять власть!
Предстоит сраженье.
Надо срочно готовить войска.

Аткинсон, Рябушинский, Манташев бросились к газете.

Манташев

Ужас! Ужас!

Рябушинский
(сквозь зубы)

Рискнули, черти!

Керенский

Ну, ничего. Пожалеют. Да, да.
Поплачут. Запомните, господа:
Если вы только зубы ощерите,
Именно вы, европейцы... О!
Воображаю их бледные лица...
Нужна европейская коалиция!
Нужно Питер зажать в кольцо!

Путилов

Корнилов уже кольцевал — и что же?

Аткинсон хочет незаметно уйти.

Фрэнсис
(растерянно)

Куда вы, мой мальчик?

Дульсе

Он все подытожил.

Бьюкенен
(громко)

Торгаш соглашается на компромисс?

Дульсе

О да! С корабля бегущая крыса!

Аткинсон
(оборачиваясь)

Вы правы. Я вспомнил марксистскую мысль:
«Буржуи не в силах договориться».
(Очаровательно улыбается им и уходит.)

Керенский

Санкт-Петербург... Этот город Петра,
Таинственный город Пиковой Дамы —
И вдруг солдатня под крики «ура!»
Возьмет «Эрмитаж»!

Рябушинский

Не делайте драмы.
(Вынимает блокнот.)
Давайте обдумаем, что у нас есть.

Манташев

Во-первых... Так? «Союз офицеров»,
Корпус георгиевских кавалеров...

Секретарь
(входит)

Сэр!

Бьюкенен

Я слушаю.

Секретарь
(тихо)

Сводка ноль шесть.
Ульянов-Ленин опять в столице.

Бьюкенен

Знаю.

Секретарь

Но Фрунзе, Орджоникидзе,
Молотов, Киров — летят на Урал,
В Москву, Гельсингфорс, Донбасс...

Бьюкенен

Это плохо.

Керенский

Вы понимаете, а? Под «ура»!
Санкт-Петербург Александра Блока...
Город туманов... Город химер...

Секретарь
(тихо)

«Аврора», сэр, и «Заря свободы»
Имеют заданье прикрыть заводы
В случае их выступления, сэр.

Бьюкенен

Дальше?

Секретарь

Все.

Бьюкенен

Хорошо. Вы свободны

Путилов

Первый казачий, увы, удален...

Рябушинский

Зато имеется Третий сводный!

Манташев

А женский? Женский где батальон?

Дульсе
(подойдя к Бьюкенену)

О чем вы задумались?

Бьюкенен

М?

Дульсе
(отступая)

Простите.

Бьюкенен
(взяв его за локоть)

Ход моих мыслей таков. Проследите.
Расчет, как увидите, очень простой.
Немцы. Чтó было немецкой мечтой?
Какие-то африканские мили!

Дульсе

Как! А Эльзас?

Бьюкенен

Не важно, мосье.
Но если при европейском кормиле
Окажется Ленин — погибли мы все!
Покатятся головы и короны,
И станут франки, ливры да кроны
Простой нумизматикой.

Дульсе

Но... но Эльзас?

Бьюкенен
(сухо)

Я думал, вы человек с масштабом.
Поймите: единственный выход у нас
Открыть Петербург швабам!

Дульсе
(упавшим голосом)

Но как это сделать?

Бьюкенен

Сделаем так:
Ке́ренский двигает с фронта резервы
И в Петербург врывается первый!
*(Увидев близко от себя Менелика,
переходит на шепот.)*
Здесь под ударами красных атак
Резервы гибнут... Да, да. Без сомненья.
Но, не давая фронту вздохнуть,
Тем временем швабы ведут наступленье —
И вот вам кратчайший в столицу путь.
Чего не свершила кавказская бурка,
Сделает карандаш Гинденбурга.
Осталось продумать детали...

Дульсе

Мосье,
Премьер возразит. У премьера «марка».

Бьюкенен
(презрительно)

Извольте вспомнить его досье:
Был эсером. Спасал монарха.
Охотно делил с Корниловым власть.
Белый? Не белый. Красный? Не красный.

Дульсе
(усмехаясь)

Да... У валета неясная масть.
Назвать ее пестрой?

Бьюкенен

Зовите грязной!
Но можно рискнуть и на этот «кулёр»,
Ведь ставка — Россия!

Менелик
(подходит с подносом)

Кофе? Ликер?

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ (бис)

Лирическое отступление

Полночь. Луна. Черный блеск Невы. Слева силуэт памятника Петру I, справа, по ту сторону блеска, огни Петропавловской крепости.

По гранитному берегу проходят двое пожилых мужчин. Навстречу высокий босяк с меховой шубой, переброшенной через руку.

Первый мужчина

Вот говорят: «Николай, Николай». А у меня дома, если желаете знать, висит портрет Николая, так я каждое утро чищу ему сапоги паюсной икрой!

Второй мужчина
(заинтересованно)

А где икру достаете?

Первый мужчина
(неопределенно)

Там...

Босяк

Папаши! Не купите шубы? Продам задешево.

Первый мужчина

Почем?

Босяк

Давайте угол.

Второй мужчина

Двадцать пять тысяч? Ого!

Первый мужчина
(проходя мимо)

На чем же она?

Босяк

На хорях.

Первый мужчина
(ехидно)

А! Я думал, на «керенках».

Босяк

На «керенках» было бы дешевше.

Расходятся. Появляется пьяный. Он недоуменно озирается, затем снова исчезает. К гранитному берегу подходят Чохов и Зоя. Девушка изредка покашливает, держась за раненое плечо.

Чохов

В этом районе будут стоять два легких орудия, направленные на Петропавловку. Мы поставим их вот тут.

Зоя
(ставя на карте крестик)

Отметила.

Чохов

Но где же Артемьев?

Зоя

Всегда, когда я смотрю на этот монумент, я будто вижу, как он грохочет по мостовой за несчастным Евгением... Удивительно, насколько «Медный всадник» вошел в атмосферу Петербурга! Поэма как бы срослась с архитектурой города. Немыслимо представить себе Петербург без этой легенды!

Чохов
(рассеянно)

Да? Я как-то об этом не думал.

Зоя

«Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?»

Чохов закуривает папиросу. Снова появляется пьяный.

Пьяный

Уф! Наконец-то! Жду вас уже битых два часа, а вы, оказывается, вот где!

Чохов

В чем дело?

Пьяный

Прикурить... Прикурить не у кого! Подумайте: битых два часа!

Чохов
(давая ему прикурить)

Надо было позвонить мне по телефону.

Пьяный
(прыснув)

Хи-хи! А вы, однако, юморист! В «Сатириконе» работаете?

Чохов

А как же? Только тем и кормлюсь.

Пьяный прикурил, расшаркался и пошел было дальше, но вдруг увидел Зою.

Пьяный

О! Какая встреча! Девушка... Одинокая девушка на берегу Невы... Как ваше имя, погибшее, но милое созданье?

Чохов

Гражданин!

Пьяный

Впрочем, знаю: вас зовут «Незнакомка Блока». Теперь всех ваших так зовут. А мое имя *(опасливо оглядываясь на памятник)*... Евгений. Коренной петербуржец и отпрыск некогда благородной фамилии. Итак, моя крошка, теперь, когда мы, так сказать, представлены друг другу, не можем ли мы быть предоставлены друг другу? А? Денег больших у меня, конечно, нет. Но луна... ночь... поэзия...

Чохов бережно взял его за локоть и, поставив лицом к памятнику, легонько подтолкнул. Прохожий по инерции двинулся вперед, прямолинейно, но неравномерно.
(Кротко напевая.)

«У Петра Великого
Близких нету никого.
Только лошадь и змея —
Вот и вся его семья...»
(Удаляется.)

Зоя

«Медный всадник»... Ты знаешь? Когда я снова начну учиться, я обязательно напишу работу об этой загадочной поэме. Статуя Петра, преследующая маленького человека, который осмелился протестовать. Но с кем же Пушкин? На чьей стороне совесть русского общества? В письме к Чаадаеву Пушкин писал, что Петр Первый — «это воплощение мировой истории». Значит, для Пушкина он олицетворял собой исторический процесс. Значит, Пушкин был *за* Петра. Но, с другой стороны, от поэмы веет щемящей жалостью к маленькому человеку. Этот маленький человек, с его таким естественным правом на личное счастье, ушиблен эпохой:

«Он узнал того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Над морем город основался...»

Этот маленький человек ничуть не виноват в том, что Петр основал Петербург на опасном месте. Правда? Между тем наводнение погубило счастье этого человека. Кто же из них прав? Великий Петр или маленький Евгений? Пушкин поставил мировую проблему, но разрешить ее, мне кажется, не сумел.

Чохов
(задумчиво)

А ведь он и не мог бы разрешить ее, Зоя. Эта проблема тогда не решалась. Я, понятно, мало разбираюсь в поэзии, но большевики мыслят классами, а в классовой борьбе я кое-что смыслю. Дело тут, пожалуй, не в чиновнике Евгении. Кабы не царская цензура, Пушкин в противовес царю изобразил бы не убогого дворянишку, а великого мужика, повстанца, одного из тех мятежных крестьян, которые подымали бунт из края в край во всю народную стихию. Уж

если говорить о праве на счастье, то вот оно где: у миллионов цепных людей, у крепостных, ведь для них даже убогая жизнь мелкого чинуши была бы раем господним.

Зоя
(пораженная)

Ты думаешь?

Чохов
(глубоко затягивается и говорит дымом)

По-моему, в «Медном всаднике» он имел в виду столкнуть две правды: государственную правду и правду народную. Разрешить это столкновение он по тому времени не мог, но наметил его правильно, и мы в этом сейчас убеждаемся: не будь Петра с его железной десницей, быть бы нам до сего дня шведской провинцией, но... без вспышек и взрывов народных восстаний не дожить бы России до революции. *(С интонацией Артемьева.)* «Диалектика!»

Зоя

Две правды... Допустим... Но ты сказал, что эта проблема тогда не решалась. *Тогда?*

Чохов
(прикуривая новую папиросу от старой)

Угу. Она решается теперь. И самое главное — то, что решается чисто практически. Большие цари наши — Иоанн Четвертый, Петр Первый — создали войско, построили флот, развили Российскую державу, но... поработили русскую душу. Государство стало идолом, народ — жертвой его. Но в толще народа узлом завязался пролетариат. По двадцать пять копеек за трудовой день работала мастеровщина для заводчиков и фабрикантов, и те ценили ее, как муравей тлю, помогали ее классовому развитию, не подозревая, *что* за громушек выращивают. А русский пролетариат рос! Рос не только численно, но философски, политически. Шаг за шагом разоблачал он в себе глупую ненависть к машинам, наивное доверие к престолу и церкви, бескрылый экономизм, лишенный всякого смысла террор. Россия выстрадала марксизм! Гляди вокруг, Зоя!.. Завтра это небо будет уже другим. Другими станут эти дома, река вот эта. Пусть для обывателя все остается по-прежнему серым петербургским — для революционера в воздухе появится новый, особый колорит,

что ли. Народовластие! Две правды сольются воедино. Самодержцем станет теперь сам народ, Кирилловна. Он возьмет в руки буржуазное государство, повытряхнет из него буржуев и заставит его, идолище этакое, служить рабочим и мужикам. И это все... все это, понимаешь ты, произойдет завтра! Ты только вдумайся: сколько столетий готовились — и вот... Завтра. *(Отшвыривает папиросу.)* В каком часу «Авроре» положено открыть огонь?

Зоя

Ах, если б тебе дать образование, папа!

Чохов

Об этом, дочка, вздыхать уже поздновато. Так в каком, говоришь, часу?

Зоя

Не знаю. В плане об этом не сказано.

Чохов

Ну? Неужели не сказано? *(Зажег карманный фонарик.)* Ага. Правда.

Подходят Артемьев и Железняк.

Запаздываете!

Артемьев

Подвойский задержал. Настаивает, чтобы «Аврора» стояла у Николаевского моста.

Чохов

Что ж. Предложение толковое.

Железняк

Пошли!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Начало эры

25 октября ст. ст. 1917 года от Р. Х.

Смольный. Крыльцо и часть двора. На крыльце ящик с патронами, на нем полевой телефон. У входа в здание кочегар Желез-

няк с винтовкой, на штык которой нанизаны пропуска. Во дворе броневики, пулеметы, мотоциклы. Горят костры. Люди в шинелях, бушлатах, кожанках и просто в пальто с красными нарукавными повязками греются у пламени. Среди них видны Чохов и Артемьев.

Ленин без шапки и в пальто, накинутом на плечи, говорит по телефону. Рядом Дзержинский и Зоя.

Ленин
(в трубку)

Двадцать четвертого было рано,
Двадцать шестого будет поздно:
Сегодняшний день решает все!

Связной 1
(Чохову)

Убит генерал. Лицо не опознано.

Железняк

Пропуск.

Рабочий 1

Милый! Так я же Васёк!
Не узнаешь?

Железняк

Узнаю. Пропуск.

Ленин
(в трубку)

Не разводите мне чепухляндии
И не читайте приказ, как опус.

Рабочий 2

Товарищ Дзержинский: на наших гляньте.

Дзержинский

А что?

Рабочий 2
(ликующе)

А то: Шлиссельбуржский завод
Выставил пулеметный взвод.

Ленин
(ему)

Мало.
(В трубку.)
О тактике тот же ЦК
Высказался яснее ясного.

Двое рабочих подходят к Дзержинскому.

Рабочий 3

Мы тоже с завода.

Рабочий 4

С боеприпасного.

Рабочий 3

Есть четыре броневика,
А вот куды их постановить...

Ленин
(ему)

В распоряжение Подвойского.
(В трубку.)
Сударь вы мой, перестаньте выть!
Квазиправительство
и все войско его
Знают, что гибнут. Время за нас.

Железняк
(восторженно)

Верно, Ильич! Это ж прошлые тени!

Ленин
(говорит в трубку, но обращается к Железняку)

Но мы не смеем плыть по течению.
Энтузиазм рабочих масс —
Дело великое, но где у вас пушки?

Железняк крякнул.

Чохов
(усмехаясь)

Что, брат море? Съел бутерброд?
С Лениным ушки держи на макушке.

Связной
(проталкиваясь к Чохову)

К Чохову я! Пропустите вперед!

Железняк

Давай, давай! Счастливого плаванья!

Связной
(подойдя к Чохову)

Товарищ Чохов? Связной Сауляк!
На Васильевском острове с гавани
Густо попёр беляк.

Ленин
(в трубку)

Все ли вам ясно?

Связной
(испуганно)

Ползут по низам,
Бьют в белый свет! Если б вы видели!

Ленин
(в трубку)

Салют!
(Кладет трубку.)
Васильевский справится сам:
Это самая мощная республика в Питере.

Связной

Сам не справится. Будет скандал!
Если б вы видели их наступление-с.

Ленин

Вы кто? Меньшевик?

Связной
(обиженно)

Это я-то? Ленинец!

Ленин

Ленин бы этого о вас не сказал.
(Уходит...)

Новая группа связных подходит к Дзержинскому.

Связной 2

Взят Литейный!

Связной 3

Взят Гренадерский!

Связной 4

Взят Сампсониевский мост,

Связной 2

В Гвардейском штабе мы сняли пост
И заменили своим.

Чохов
(улыбаясь)

Дерзко!

Женщина с авоськой
(вбегая)

Граждане! Ужас! Люди! Народ!
Кадеты уже на Дворянской!

Железняк
(объявляя)

Кадеты!

Женщина

Стою это... Очередь на котлеты...
(У нас на котлеты пока недород.)
И вдруг — они! Усатые! Страх...
Идут, идут...

Зоя
(подойдя к ней)

Их полчища, видимо?

Женщина

Что?

Зоя

Их много?

Женщина

Видимо-невидимо!

Чохов

Причем «невидимо» больше, чем «видимо»?

Женщина

А? Ну да... Да ты что?! Остряк!
Я тебе дело, а ты...

Чохов

Нуте-с,
Сколько же их?

Женщина

Не желаю с тобой!

Чохов

Главное, женщина, не волнуйтесь...

Женщина

Именно что волнуюся. Ой!
Господи! Как же не волноваться?
Я уже все обмолила святцы.
Этакое ж на свете зло!
(С митинговой хваткой.)
А вот ты
отчего
не боишься
кадета?
Почему за революцию страха нету?

Чохов
(невозмутимо)

Я бы уж боялся, кабы это помогло.
Идите к тому мужчине. С бородкой.
Артюша!

Артемьев

Я.

Чохов

К тебе дама.
(Ей.)
Прошу.

Женщина
(презрительно)

К нему? Вот к этому плюгашу?

Артемьев

Слушайте: здесь разговор короткий:
Сколько их на Дворянской?

Женщина

Что?
Видимо-неви... Человек... сто!!
Я как увидела беляков...

Связной 5
(отстраняя женщину)

Связной!

Чохов
(Артемьеву)

Пошлешь пятьдесят штыков.

Связной 5

«Аврора» вошла с пролетарским гимном,
Спрашивает, когда, мол, бить?

Чохов

Керенский где?

Связной 5

А где ж ему быть?
В Зимнем.

Чохов

Уверены?

Связной 5

Как же! В Зимнем!

Появляется Менелик и подходит к Железняку.

Менелик

Могу ли я видеть лично В. И.
Ленина тире Ульянова?

Железняк
(изумленно)

Тире?

Менелик

Тире.

Железняк

Уведите пьяного.

Зоя
(кинувшись к нему)

Ты что?

Железняк

Ну, тятеньку позови.

Зоя
(Менелику)

Сейчас, гражданин. Вы присядьте!

Менелик
(брезгливо оглядев ящики)

Сесть?
Благодарю. Я и так в состоянии.

Зоя

Товарищ Артемьев!

Артемьев подходит.

Менелик

Имею честь:
Дворецкий посла Великобритании.

Артемьев

Бьюкенен? вас? послал? сюда?

Менелик

Нет, я сам пришел, господа,
Ибо я есть человек упорный.
Я, господа, понимаю прекрасно:
Ленин — красный, Менелик — черный.
Но черный сейчас это то же, что красный.

Ergo: пока не прошла эта ночь,
Черный красному должен помочь.

Железняк

Ну что же, мы слушаем.

Менелик

Слушаем? Но:
Любому слушать меня не дано.

Железняк

А тут, братишечка, нет любых:
Тут все нелюбимые, пасынки вроде.

Менелик
(печально)

Я к вам пришел от кровей голубых,
Я думал сердце найти в народе...
Быть может, жизнь моя — только преамбула
К этому шагу! И вдруг...
(Поворачивается, хочет уходить.)

Железняк

Постой!

Зоя

Куда же вы?

Железняк

Как тебя... Камбала,
Не обижайся! Я ж тебе друг!
Скажу, браток, ничуть не грубя:
Я, может, еще почерней тебя!

Менелик останавливается в изумлении.

Артемьев

Ага! Если черный то же, что красный,
Стало быть, красный то же, что черный,
А? Диалектика!

З о я
(весело)

Ясно?

М е н е л и к
(засмеявшись)

Ясно.

Ж е л е з н я к

Дозвольте же ручку!

М е н е л и к

Прошу покорно.

Крепкое рукопожатье.

З о я
(бросается к нему и целует его в щеку)

Какой вы чудесный!

М е н е л и к

О, господи... Боже...
(Покрывает поцелуями руки Зои.)

А р т е м ь е в

Но все равно: к Ильичу — не можем.

М е н е л и к
(в упоении)

Слушайте: вам готовят шах!
Мой приход исторический шаг...
Внимание: Керенский, сняв резервы,
Во Петроград врывается первый!

Ж е л е з н я к

И что же?

М е н е л и к

Все! Изложено так,
Как мною услышано было случайно.

А р т е м ь е в

Спасибо, товарищ!

Менелик

Но это тайна.
Если узнают... Но это — шаг!
Единственный в жизни! Не мог я иначе...
Не мог! Исторический...
(Резко поворачивается и быстро удаляется.)

Железняк

Братцы! Он плачет!

Зоя
(глядя ему вслед)

Видели? Даже такие люди
Рубят прошлое по корням.
Обаяние революции
Все сердца привлекает к нам.

Железняк

А как сообщенье?

Артемьев

Не выйдет интрижка:
Керенский в Зимнем, а там ему крышка.
(Подходит к Чохову и сообщает ему о своем разговоре с Меneликом.)

У колонны появляется Воробушкин.

Воробушкин

Зоя....

Зоя

Кто это? Ты?! Тут?
С ума сошел? Тебя убьют!

Воробушкин

Он... он бежал в посольской машине...

Зоя

Кто?

Воробушкин
(брезгливо)

Да Керенский...

З о я

Керенский?

В о р о б у ш к и н
(болезненно)

Да.
В дамской шляпке и крепдешине.

З о я

Милый! Ты с этим пришел сюда?
Ко мне?

В о р о б у ш к и н

Ты подумай...

З о я
(восторженно)

Рискуя жизнью?

В о р о б у ш к и н

Он был моим богом, этот делец!

У него спазматически сжимаются челюсти.

З о я

Не плакать.

В о р о б у ш к и н
(отрицательно качая головой)

Это я зубы стиснул,
Чтоб не стошнило.

Зоя хватает его за руку и тащит к Чохову.

З о я

Папа! Отец!
Керенский скрылся в посольской машине
В дамской шляпке и крепдешине.
Вот свидетель!

А р т е м ь е в

Бежал?

З о я

Да, да!

Артемьев
(глухо)

Так. Это все меняет. Беда.

Чохов

И все же не Керенский туз в этой тайне,
Он и живет из последних жил.

Артемьев

Но негр большего не сообщил.

Чохов

Негр-то не сообщил, но британец
Думал большее, милый друг:
Козырный туз он прячет за лацкан,
Но я, как борзая, на это натаскан —
За версту чую лисий дух.

Артемьев
(смущенно)

Впрочем, негр... негр сказал,
Что Керенский в Питер ворвется первый.

Чохов

Первый? Вот это английский закал,
Это обычные их маневры.
Первый... Гм... Постой-постой:
Керенский, сняв тыловой эшелон,
Двинется первым. Рота за ротой.
Но кто второй? Вы поймите банкрота:
На фронте остался только заслон!

Зоя

Но это же значит открыть ворота
Перед германскими касками...

Чохов

Вот!

Воробушкин

Как! Неужели не устыдится?
Войти в свою же... в свою столицу
Вместе с врагами?

Чохов

Прохлопать — войдет!
Но есть в этом трюке особые грани.
Уж если английский стальной синдикат,
Отнюдь не страшась немецких солдат,
Пошел на мир с синдикатом Германии,
Стало быть, большевизм на Руси
Вырос в такую гигантскую силу,
Которая — господи их спаси —
Может *все* — господь их помилуй.
(Смеется.)
Вот что, ребятки: я к Ильичу,
Минут на десяток. Ты, брат Воробкин,
Пойдешь со мной. Не робей! Не из робких,
Рискнул вот!

Зоя

Он с нами плечом к плечу.

Чохов и Воробушкин входят в здание Смольного.

Сдать Петроград... Гениальный ход!
Но им не вернуть себе царские бармы:
Можно разбить любые армии,
Но нельзя
победить
вооруженный народ.

Появляется Аткинсон.

Железняк

Пропуск.

Аткинсон

Пропуска у меня нет, но мне нужно видеть господина Ленина.

Железняк

Понял. Но господину Ленину совсем не нужно видеть вас.

Аткинсон

Понял. Тогда давайте кого-нибудь из помощников. Только живо!

Железняк

А как об вас доложить?

Аткинсон

Доложите так: представитель банка «Диллон, Рид и компания», Нью-Йорк.

Железняк

А-а. Ясно. *(Объявляет.)* Акула мирового империализма!

Аткинсон
(хихикнув)

Шутник, шутник...

Хлопнул Железняка по животу и вдруг увидел Зою, которая быстро двинулась к нему.

Алло! Старая знакомая! *(Протягивает ей руку.)* Банк «Диллон, Рид и компания». Здравствуйте. Ах, господа, какой сейчас Санкт-Петербург. Как он красив и страшен! Заря. Туман. Очертания дворцов. И пожары, пожары... Великолепно!

Зоя

Извините, нам сейчас некогда: мы делаем революцию.

Аткинсон
(с очаровательной улыбкой)

Мне тоже некогда: я делаю деньги. Вопрос в двух словах: когда именно вы могли бы предложить нам Ротшильда и Нобеля?

Зоя
(улыбаясь не менее очаровательно)

К сожалению, мы не торгуем ни тем, ни другим.

Чохов
(возникая в дверях)

Вы имеете в виду французские и шведские концессии?

Аткинсон

С кем имею честь говорить?

Ч о х о в

Некто Чохов. Вы меня фотографировали в Дикой дивизии.

А т к и н с о н

Помню, помню. Но я не об этом. Какой вы занимаете пост?

Ч о х о в
(не моргнув глазом)

Пост? Визитная карточка осталась дома. Но это сейчас не важно. Я, понимаешь ты, статс-секретарь по иностранным делам Коммунизма.

И в а н
(вбегая)

Товарищ Кирилл! Гарнизон Петропавловки
Бить по Зимнему не хотит...

З о я

Как!

А р т е м ь е в
(срываясь)

Захотели корниловской палки?
Ждут, когда Керенский их закогтит?
Это измена!

З о я

О да!

Ж е л е з н я к

Безусловно!

Вбегает солдат с перевязанным ухом.

С о л д а т с п е р е в я з а н н ы м у х о м

Слыхали?

Ч о х о в

О чем?

С о л д а т с п е р е в я з а н н ы м у х о м

Это просто срам!
Петропавловка...

Ч о х о в

Ладно. Знаю сам.

З о я

Они за Октябрь, но только бескровный.
Я знала об этом. Но этот отказ...
О-о!

Ч о х о в

Вызвать «Аврору».

З о я

Сейчас.

(Садится к телефону. Между тем Аткинсон начал потихоньку отступать.)

Ч о х о в

(взяв его под руку)

Ты вот что, молодой человек. Сегодня мы берем власть, так что время у меня, понимаешь, заполнено. *(Взглянул на ручные часы.)* А вот двадцать седьмого утречком загляни ко мне. Побалакаем.

А т к и н с о н

Да, но... Петропавловская крепость отказалась стрелять...

Ч о х о в

Я считаю, приехал ты как раз вовремя. Не советую уезжать порожняком. Мы ведь правительство еще молодое, зеленое. Дорожим покуда каждым гостем. А через недельку-другую можем и нос задрать. Залетишь к нам снова: глядь-поглядь, а у меня уже Бьюкенен сидит. А? *(Похлопал американца по плечу.)* Ну-ну, давай, давай. Двадцать седьмого. Утречком.

А т к и н с о н

Да, но Петропавловская...

Ч о х о в

(Железняку)

Море! Проводи этого. *(Отвернулся и пошел к телефону.)*

Зоя
(в трубку)

Связь. Связь. Прошу «Аврору».
Что? Потрудитесь без разговору.
Я звоню, кажется, не на луну.
Дежурного по «Авроре». Ну?!

Аткинсон

А деловой он у вас человек, этот министр.

Железняк
(провожая Аткинсона)

Чохов-то? Американец!

Аткинсон уходит.

Артемьев

Гм... Петропавловка... Что ж они там?

Иван

Да вот панорамы пропали.

Артемьев
(возмущенно)

Недурно!

Железняк
(возвращаясь к посту)

Стрелять возможно и без панорам:
Прямой наводкой.

Зоя
(в трубку)

Дежурный!.. Дежурный?

Иван
(кивнув на нее Чохову)

Ребенок-то, а? Похудал без харча.

Зоя

Папа!
(Протягивает ему трубку.)

Чохов
(у телефона)

Дежурный? Приказ Ильича:

Дать огоньку. И быстрее!
(Кладет трубку.)
Вызвать Подвойского.

Зоя
(у телефона)

Связь. Связь.
Алло!

Иван
(подсаживаясь к Зое)

Так вот, брат: вспомнил я вас
На Петропавловской батарее,
Как вы когда-то... С флагом... Ура!
Какая давнишняя пора...
Верно? Точно и не было вовсе.
Другое дело Сусанино. А?
Стоит Корнилов. На ём ордена.
Я только подумал: «К бою готовься!»
Глядь — вы ранетые.

Зоя
(в трубку)

Алло!

Иван

Металл посылало их благородье,
Стреляло-то в вас! А я... Ну вроде
Меня этим выстрелом обожгло!

Зоя

Ваня! К чему тут этот рассказ?
Право, не время.

Иван
(уныло)

Знаю.

Железняк
(жадно слушая)

Не время?
А вдруг убьют? Не шути с батареями!
Когда же он это в другой-то раз?
(Ивану.)
Давай шуруй!

И в а н
(ободренный)

Подбежал я к вам,
А вы сидите, кровно рыдая...
«Зоечка, говорю... Родная...»
Обнял я вас: «Никому не отдам!»

З о я
(вспыхнув)

Ну, что сочиняешь?

И в а н
(упавшим голосом)

Правда. Ей-богу.

З о я

Не было этого.

И в а н
(яростно)

Был металл?
Выстрел-то был в тебя, недотрогу?

З о я
(строго)

А прочее?

И в а н
(смущенно)

Это я так мечтал...

Глубокий бас корабельного орудия.

Ч о х о в

«Аврора»!

И в а н

Ох, здоровенно!

Новый грохот, но более мягкого тембра.

Ж е л е з н я к
(гордо)

«Заря».

На крыльцо выбегает Л е н и н, слушает канонаду.

Ленин
(потрясенно)

Двадцать пятое октября...
Свершается греза всех поколений.
Я только сейчас это понял!

Народ
(увидев Ильича)

Ленин!!

(Бегут к нему.)

Ленин

Потрясающе! Эти басы...
Их музыкальный бой как часы!
Новое летоисчисленье...
(Вдумываясь в смысл произносимой фразы.)
Товарищи! Братья!
Новая эра!

Чохов

Да здравствует Ленин!

Ленин

Да здравствует партия!

Народ гремит «ура», перекрывая гул орудий.

Дзержинский
(входит, держа в руке телефонограмму)

Владимир Ильич, звонила Москва.

Ленин

Что?

Дзержинский

Москва, говорю, звонила.

Ленин
(очнувшись)

А! Ситуация какова?
(Дзержинский протягивает телефонограмму. Ленин читает.)

Так. Так. Гм-гм... Очень мило.
Что-о? Кремль? Но где же штыки?
Какие ж там, к дьяволу, большевики?
Там гимназисты какие-то! Дети!
Кремль упустили. И кто же? Влас!
А я-то думал: вот это деятель!
(Дзержинскому.)
Свяжитесь с Москвой. Заклинаю вас:
Гигантски
важно
всех юнкеров
Переловить, как перепелов.
И это возможно. Поднять лишь массы.
Только бы штурм у них начался́.
Звоните им. Срочно!

Дзержинский направляется в здание Смольного.

Ах, лоботрясы.
(Вдогонку Дзержинскому.)
Звоните им каждые два часа!

Дзержинский
(удаляясь)

Понял, Владимир Ильич.

Ленин

Кавардак.
Сплошной кавардак. Это увальни! Тесто!
(Увидев перед собой Чохова.)
А вы почему еще здесь?

Чохов
(опешив)

То есть как?

Ленин

Разве не ясно, что ваше место
В Москве? В Москве, у Лобного места?!

Ч о х о в
(срываясь)

Зоя, вокзал!

З о я
(у телефона)

Николаевский вокзал.

Л е н и н
(перечитывая телефонограмму)

Головотяпы, а? Гимназисты!

Ч о х о в

Зоя! Локомотив, я сказал!

З о я
(у телефона)

Срочно локомотив. Неказистый?
Да хоть «кукушку»! Петросовет.
(Кладет трубку и спешно одевается.)

В о р о б у ш к и н
(из-за колонны)

Я, конечно, с тобой?

З о я

Ну конечно, нет.
Ну, сам пойми... Я с тобой до могилы!
Но это потом... Послезавтра...
(Бежит за отцом. Оглянулась на бегу.)
Милый...

Ушли. Ленин продолжает изучать телефонограмму. Из Смольного снова выходит Д з е р ж и н с к и й, очень возбужденный при всей своей сдержанности.

Д з е р ж и н с к и й

Владимир Ильич! Звонил Антонов:
Наши бойцы — среди царских тронов!
В Зимний хлынул первый отряд!

Отныне у нас уже весь Петроград
И вся петроградская периферия...

Ленин не реагирует.

Снята одна из важнейших проблем...

Ленин
(страстно)

Москву надо взять! Москва. Кремль.
Ведь это же... Это же вся Россия!

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Москва. Кремль

3 ноября.

Москва. Кремлевская башня. Ночь. Звезды. Темные шлемы колоколов. Два юнкера ожесточенно стреляют из пулемета.

Юнкер 1

Ага... Побежали... Теперь не до пряток?
Вот мы какие, камер-пажи!

Юнкер 2

Левей! Сережа! Левей!

Вдруг позади возникает силуэт Ивана Большого. Он бросает гранату. Взрыв. Юнкера падают.

Иван Большой

Порядок.
(Свистит.)

На башню всходит Чохов, за ним Зоя.

Юнкер 2
(увидев Чохова)

Ленин?!

Чохов
(Зое)

Этого перевяжи.

Зоя занимается раненым.

(Установив полевой телефон.)

Чохов. Я Чохов. Кто говорит?
Пулемет на кремлевской башне накрыт.
Огонь
отнести
вправо.

Иван Большой

Товарищ Зоя! Ленту держи!
(Стреляет.)

Чохов

Куда ты стреляешь, друг?

Иван Большой

В этажи.

Чохов

Бей по Иверским: там их орава!
Зоя!

Зоя

Что?

Чохов

Отойди от окна.
(В телефонную трубку.)
Гостиница «Дрезден». Прошу Ногина.

Иван Большой
(стреляя)

Эка штука! Да здесь их тыщи...
А?

Чохов

Ничего. Не упустим зверья.
(У телефона.)
Ногин? Это Чохов. Ну, как Мытищи?
Двести? Мало! А как Верея?
Старица как? Это все саперы?
Звоните в Коломну, Шую, Тверь...

Товарищ Ногин, какие тут споры!
Завтра поздно. Нужно теперь!
Сейчас. Понимаете? Точка!
(Бросает трубку.)

Иван Большой

Зоя!
Где ж ты, а?

Зоя
(склонившись над раненым)

Я тебе не нужна.

Чохов
(у телефона)

Дайте Смидовича.

Иван Большой
(Зое)

Вот те и на!
Ради таких отлучаться от боя?

Зоя

Он умирает...

Чохов
(у телефона)

Смидович? Я!
Тут батарея со Вшивой горки
Бьет по нас во все корки.
Что это за батарея? Чья?
А? Я спрашиваю: чья батарея?
Наша? Снимите ее. И быстрее.
Мне подозрителен ихний азарт.
Ничего. Справимся. Как «Мастяжарт»?
Сколько пушек сошло с ремонта?
Так. Отлично. Хватит пока.
Вчера Духонин отправил с фронта
Против Москвы четыре полка.
Эти полки переходят к нам.
Вот и отдайте им эти пушки.
А? Вы лично. А кто же? Пушкин?
Не беспокойтесь. Уж это я сам.

Фрунзе просит. Да, да. Тем боле.
Действуйте. А? Хорошо. Всего!
(Кладет трубку.)
Вы что замолчали?

Иван Большой

Нет никого.

Чохов

Следи, брат: появятся!

Зоя перевязывает шею одному из раненых.

Юнкер, что ли?
Молод, а старое на уме...
(Потянулся до хруста костей.)
Эх, братва! Да за эти минутки
Любой боец заслужил монумент!

Зоя
(улыбаясь)

Бронзы не хватит.

Чохов

Все это шутки.
Поставь нам столп высотою в Машук,
Наша слава не в бронзе да меди.
Как он сказал, этот старый ашуг:
«Ты время ведешь на цепи, как медведя!»
Здорово, а?
(Вынимает книжечку и быстрыми движениями перелистывает ее странички.)
Значит, так: Гужон.
Далее АМО. Завод Михельсона.
Прохоровка плюс четыре заслона.
Дело ясное: Кремль окружен.
Так что еще немного, ребятки,
С Кремля сползет эта дымная мгла —
И мы затрезвоним в колокола!
А кстати: как они тут? В порядке?
(Подходит к огромному колоколу и начинает вглядываться в него.)

Не плохо лили когда-то прадеды! Понимали дело. И ведь все по наитью, по чутью. Помню, еще мальчишкой, когда подручным работал у Путилова, зазубрил я древний такой заговор при литье стали:

Когда плывет в изложницу металл,
Засыпь в него сперва медвежьи когти,
Бирючьи зубы да бычачий рог.

Ну и так далее, вплоть до причитания: «Прах. Дым. Урбаш. Бардадым! Слово мое крепко!»

Юнкер приподымается на локте и дрожащей рукой целится в Чохова из пистолета.

На первый взгляд — чепуха все это, верно? Язычество. А на самом-то деле: рецепт, как варить сталь. А? Что такое сталь? Сталь — это соединение железа с углеродом. А что такое все эти когти, рога да перья? Это он самый, углерод, и есть. Знали про это наши предки? Нет, конечно. А вот как-то додумались. На ощупь шли и открыли тайну. Вот как наука-то делается. С низов растет. Это как в океане: с воды небо-то начинается.

(Ощупывает колокол зрячими руками металлиста.)
Щербат маленько. Ого! Это пули!
(Пальцы его натолкнулись на выпуклые литеры.)
Надпись какая-то. Надо прочесть.
Ванюша, спички имеются?

Иван Большой

Есть.
(Бросает ему коробку.)

Чохов зажигает спичку.

Чохов

М-да... Порядком его ковырнули.
А коли судить по этой дыре,
То били, пожалуй, еще при Петре.
(Читает надпись.)
«Сей колоколъ на девять сотенъ пудъ
Отлилъ во славу Дѣвы Пресвятыя
Литейный мастеръ Чоховъ».
Зойка! Дочь!

Иван Большой

Чохов?

Зоя

Какая странная ночь...

Чохов
(поглаживая боковину колокола)

Может, мы повстречали деда?
А? Отыскался и наш росток.

Локоть у юнкера подломился. Он рухнул на бок.

Юнкер

Пить... Воды...

Зоя
(нервно)

Потерпите часок.

Юнкер

А что через час?

Чохов
(улыбаясь)

Через час? Победа.
(Снова обернулся к колоколу.)
«Чохов»... А? Чем мы хуже дворян?
Лет на четыреста наша династия.

Юнкер, стиснув зубы от боли, цепляясь за стену, подымается во весь рост. Его никто не замечает.

Зоя

Колокол... Милый... Рябой от ран...

Чохов

Дедушка Чохов.

Зоя
(всхлипывая)

Какое счастье!

Иван Большой

Хо! Чего ж плакать? Дед — ну и дед.

Чохов

Не понимаешь этого?

Иван Большой
(без всякой лирики)

Нет.

Чохов отворачивается от колокола и, скрывая волнение, подходит к пролету окна. Юнкер следует за ним. Тень его на стене становится огромной, зловещей и нависает над Чоховым, как черный монах. Она приподымает пистолет, поддерживая левой рукой правую.

Чохов
(глядя вниз)

Постой... Они ведь сдаются!

Зоя

Сдаются?

Голос
(зычно)

Да здравствует всемирная революция!

Юнкер
(со стоном)

Победа...
(Роняет пистолет и беспомощно сползает на пол.)

Чохов

Фрунзе!

Иван Большой

И Фрунзе тут?

Громы «Интернационала» плывут над древней русской столицей из конца в конец, уносясь ветром, сливаясь друг с другом, перекликаясь и создавая веселое медное разноголосье. Вокруг башни вьются белые голуби, алеющие от зари. Изредка в минуты затишья с рынка, что на Болоте, долетает бодрое петушиное пенье.

З о я

Эхо-то, эхо какое несется!

И в а н
(блаженно)

Поют петухи...

З о я
(восторженно)

Петухи поют!

И в а н

Солнце восходит...

З о я

Восходит солнце!

С лестницы на колокольню подымается В л а с.

В л а с

Кирюха! Чохов!

Ч о х о в

Товарищ Влас?

Они крепко обнялись.

Э... Да ты ранен!

В л а с

Да ну... Не дюже.
(Деловито кричит вниз, на лестницу.)
Давай, ребята, советску власть!

На колокольню поднимаются к р а с н о г в а р д е й ц ы с огромным шелковым стягом.

Становь!

Бойцы закрепляют стяг у окна. Багряные шелка с кровяными отливами, хлопнув, как парус, разметали по ветру свое жаркое пламя и сразу стали сторожевым костром, боевым сигналом, заревом революции.

И в а н Б о л ь ш о й

Красотища!

Чохов
(помогая закреплять)

Потуже, потуже.

На колокольню взбегают все новые и новые люди: здесь солдаты, женщины, даже подростки. Все жадно бросаются к окнам.

Крики

— Порфирий!
— Василь!
— Подымися к нам!

Влас
(указывая на юнкеров)

Красногвардейцы! Убрать этот хлам!

Зоя
(обернулась к колоколу и шепчет, будто молится)

Колокол! Милый! Рыжей ты масти.
Бурые губы. Ржавый язык.
Не голос ли свой
онемевший мастер
Замуровал в этот медный зык?
Кто же он был? Ну конечно, смерд.
Черный мужик из самых бесправных.
А вот теперь... Теперь его правнук,
Пройдя сквозь цепи, каторгу, смерть,
Стоит, как хозяин, над древней Москвою,
Открыв человечеству новый путь,
И мир, признавши Москву главою,
Всем сердцем захочет за ней повернуть!
Мы тебя, дедушка, не забудем:
Мы свяжем тебя с часами Кремля.
О времени будешь звучать ты людям,
На звон твой настроится вся земля...
Я верю: у этой обстреляннной меди,
Внимая красным ее голосам,
Придут учиться русской победе
Немцы, китайцы, чехи, Сиам,
И мир засмеется — веселый, юный...
Мечта увенчается торжеством!

Мимо пролетают алые тучки, похожие на золотых рыб, и кажется — башня стремительно мчится куда-то вдаль, вперед...

Иван
(Чохову)

Гляди: облака. Мы будто плывем.

Чохов
(обняв его за плечи)

Плывем, земляк! В океан Коммуны!

Сквозь Никольские ворота в Кремль врывается песня, за нею грохот сапог и лязг оружия.

Люди на башне с минуту вслушиваются и вдруг подхватывают песню со всем народом.

Песня

Золотоглавая Москва!
Колокола, колокола...
Твоя большая синева
Душою русскою слыла.

И ты сверкала, как шелом,
В зарю и снег обряжена.
В тебе, как в озере большом,
Вся Русь была отражена.

Но грянул день в твоей судьбе:
Мы век зажгли со всех сторон,
Мы шли за всех! И вот в тебе
Весь мир отныне отражен.

В звенящем имени твоем
Европа слышит зов трубы;
Призыв мятежный чует в нем
Индус у тигровой тропы;

Из Океании в Китай
Летит великая молва:
Москва, Москва, заветный край,
Надежда всех племен — Москва!

1951—1954

ЧИТАЯ «ФАУСТА»

Да будет это страшным пригово-
ром, устрашающим поучением.

Народная драма
о докторе Фаустусе, 1587

ПОСВЯЩЕНИЕ

Германия Гете, Бетховена,
Германия Канта и Листа!
Не раз ты была околдована
Трубой своего горниста.

Военная клика, орудуя
Древнетевтонским стягом,
Бросала тебя на орудия
В угоду твоим делягам.

Ты падала, дымом окутана,
Ты счет потеряла ранам,
Но снова, ложью опутана,
Шла за тупым барабаном.

Срывай же маски заранее —
И сгинет кровавая клика.
Мы верим в тебя, Германия
Тельмана и Пика!

ПРОЛОГ

Когда возвращаешься с фронта после большой войны,
Дома все твои чувства будто удвоены.

Штатский костюм хотя бы. Это почти поэма!
Карманы. Уйма карманов. Брюки, пиджак, жилет.
Тут что ни вещица — находка.
Что ни бумажка — проблема.
Чья-то подробная жизнь, застывшая на пять лет.

Взволнованно в зимней шубе
нащупаешь пачку «Казбека»!
(Оказывается, товарищ курил до войны «Казбек».)
И вот в сиреневом дыме плывут черты человека,
Которого знал когда-то, но уж не встретишь век.

Это всего папироса. Но ты ощутил впервые,
Что навсегда между вами — пороховая мгла.
От этого в маленьких тайнах старые кладовые,
Ящики выдвижные письменного стола.

Заметки... Записки... Блокноты...
Мелькают знакомые строки.
В полузабытых мыслях немало буйных кудрей.
Тот был лихой да шумный. А ты осторожный, строгий.
Тот наивный да жаркий. А ты спокойней, мудрей.

Но больше всего волнует бронза ветхого тома.
Взглянул — и услышал голос... И в комнате эхо цитат.
Снимай же, снимай его с полки! Итак, наконец ты
дома.
Скорее усядемся в кресло. С ногами. Как дети сидят.

Как можно любить природу,
так можно любить и книгу.
Бывают такие книги, что в мире живут, как пейзаж:
Иная полна светотени, весны и птичьего крику,
В другой океан несется на золотистый пляж.

И можно дышать озоном или сосновым духом,
Хижину в ней построить (где-нибудь на «полях»)
И с автором у камина советоваться, как с другом,
Или в эскизы женщин влюбляться на первых порах.

Ты думал: сейчас упоенно перелистаешь страницы —
Как лебединые крылья, раскинется разворот,
И книга тебе поможет от горестей отстраниться:
Знакомый сосновый запах юность тебе вернет.

Но что с тобой сотворили эти военные годы?
Юность, пришедшую в гости, отвергли запросы твои!
Видно, не только шаганьем были наши походы,
Не только седым нагаром в душе оседали бои.

Как прежде, звучат орга́ном величественные строфы,
Опять в очертаньях поэмы восходит гора за горой...
Но вдруг тебя охватило предчувствие катастрофы:
В чем-то вдруг изменился боготворимый герой.

И вот уж иные строки теперь нависают, как иго.
Новый являет облик с детства изученный том.
Ты ли не тот, что прежде,
или седеет книга,
Но явны черты больные в старом друге твоем.

Тебя почти лихорадит... Ты хочешь его дополнить!
Что-то навеки вычеркнуть! Где-то увлечь вперед!
И страшно, как от кощунства...
И так пролетает полночь.
Дрожащие твои руки гладят сухой переплет.

Заря петухами пропела. Но ты, согбенный недугом,
Все еще с кем-то шепчешься, как со своей судьбой.
А это у книжной полки спорят века́ друг с другом,
Это ведут поединок столетия меж собой.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

И понял: не дано нам знанье.

Гете, Фауст, ч. I

Кабинет доктора Зебальда Нордена в бомбоубежище его института. Мрачная сводчатая келья, заставленная физическими приборами. На стене электрическая надпись: «Внимание! Воздушная тревога!» Доктор сидит в глубоком кресле с пюпитром. Он задумчиво перелистывает «Фауста», изданного in folio.

Норден

Я каждый год в начале сентября,
Пред лекциями в университете
Вступительное слово говоря,
Твердил студентам:
«Дорогие дети!
Пока еще душа у вас жива,
Вдохните аромат одной идеи:
Еще остались в мире чародеи,
Владеющие тайной волшебства.
Ученые! Вот эти ведуны,
Последняя из сказок нашей эры!
Лишь им одним в кругу житейской сферы
Магические палочки даны».
(Глубоко вздохнул.)
Да... Так я, дети, говорил... Увы...
Наука мне казалась гордым троном,
Пока я не столкнулся с электроном,
Которого не осознали вы.
Я истиной гордился непреложной
В своей псевдонаучной простоте:
Мир состоял из атомов, а те —
Из электронов. Просто, хоть и сложно.
Над этим всем царил закон Причины!
Он управлял стихией вещества,
Изученного мной, как дважды два;
Проблемы очень вежливо и чинно
Снимали шляпу, истину любя,
И позволяли разрешать себя.
И вдруг сие безоблачное лоно
Перечеркнула молния сама:
Открылось мне безумье электрона,
И показалось: мир сошел с ума...

Тогда я понял на закате лет,
Что в мире никакой науки нет!
Наука — склад бесплодных «эрудиций».
В науке что ни истина, то сплошь
Одна лишь общепринятая ложь!
Но что же есть? Чем жить? За что схватиться?
(Продолжает перелистывать «Фауста». Задержался взглядом на одной из его строф.)
«Я в философию проник,
И в медицину, и в права.
Читал, прилежный ученик,
И богословские слова —
Ни запятой я не забыл,
А все ж глупец, каким и был».

Телефон.

Алло! У телефона... Кто? Граф Бодо?
Я слушаю вас, граф... Да нет, пустяк.
Обстреливаю атом водорода
Посредством гамма-излучений... Как?
Ах, выводы? До них еще далёко.

Пред нами широчайшая дорога,
Но нужен труд. Да, да. Гигантский труд.

Но ведь не может юный институт
Мгновенно дать решение проблеме,
Которой занимался... Демокрит!
Для этого необходимо время.

Да ведь нейтрон едва-едва открыт!

О, мы работаем совсем неплохо,
Но расщепленье атома — эпоха,
А может быть, и эра... Что? Нет, нет,
Надежда есть, но никаких гарантий...

Как вам не стыдно? Перестаньте!

А вы придите прямо в кабинет
И здесь удостоверитесь воочью,
Что доктор Норден безусловно прав.

О, господи, конечно! Днем и ночью!
Прошу. Нисколько. Честь имею, граф.

(Кладет трубку. Вынимает старинные золотые часы с медалью, на которой выбита голова тевтона, увенчанная рогами.)

Так. Ровно девять.

(Нажимает кнопку звонка.)

Входит Минна.

Вернер прибыл?

Минна

Да.

Норден

Пускай войдет.

Минна

(обернувшись к коридору)

Пожалуйте сюда.

(Впускает Вернера и выходит.)

Норден

(сухо)

Прошу садиться, и приступим к делу.
В конце концов мне это надоело:
Вы знаете, что я добряк,
Что я сердиться не умею,
А потому садитесь мне на шею,
И ergo: вся моя работа — брак.
Для наших изысканий, господа,
Германия нам не жалеет денег.
А мы? Проходят месяцы, года...
Да взять хотя бы вас: ведь вы бездельник!
Ну, что вы дали в нынешнем году?
А? Отвечайте же! Я жду!

Вернер

(апатично)

Вы правы, профессор. Из моих экспериментов с водородом пока действительно ничего не вышло. Но вы ведь сами любите говорить, что творчество не труд. Здесь одним старанием не обойдешься. Нужна удача.

Норден

Ложь! Профессиональная ложь!
«Творчество»... «Труд»... Ведь я вам не Бодо.
Этим, дружок, меня не возьмешь.
Работа где? Где работа?

Вернер

А разве я не работаю? Вы знаете меня со студенческой скамьи. Я всегда был работником, профессор.

Норден

Был! В том-то и дело, что был.
Нет, за такую работу спасибо.
Кем вы были, я уж забыл.
Знаю одно: теперь-то вы рыба.

Вернер молчит.

Что с вами стало этой зимой?
Ведь я вас знал таким оптимистом!
Подлинным немцем! Шумным! Искристым!
И вдруг вы какой-то... глухонемой...

Пауза.

Вернер

Вы читаете «Фауста», профессор?

Норден

Да. Это вас удивляет?

Вернер

Недавно один знакомый офицер привез мне с фронта своеобразный подарок: новый тип нашей гранаты.

Норден
(рассеянно)

Да? Ну и что же в ней интересного?

Вернер

Название.

Норден

М?

Вернер

Она называется так: «фауст-патрон».

Норден

Как? Не может быть! Этого не может быть. Это клевета. И не смейте ее повторять. Слышите?

Вернер

Он же привез мне и второй подарок. Среди бумаг убитого русского офицера, очевидно старого интеллигента, нашли одну бумажку. *(Вынимает вчетверо сложенный листок.)* Вот! Хотите прослушать в переводе?

Норден

Что это?

Вернер

Стихи.

Норден

Стихи? С каких пор вы стали интересоваться поэзией, Вернер?

Вернер

Стихи, найденные на трупе,— это больше, чем поэзия. Это человеческий документ.

(Читает.)

«Меня теперь не умиляет Гете,
Не радуют ни Уланд и ни Тик...
При всех варьянтах — сквозь немецкий стих
Мне чудится тупой поход пехоты.

И проступает черствое лицо
Со взглядом, точно яд невыводимым!
И если воспоет он деревцо,
Оно пахнёт не зеленью, а дымом.

Мы многое теряем на войне.
Любил баллады я о Лорелее,
Жил «Фаустом» всю жизнь — и вот во мне
Германский мир все глуше, все тусклее».

Норден
(дернув плечом)

Очень наивные стихи. И притом типично русские. Отождествлять немецкую военщину с германской культурой... Только русские могут так легко приходить к таким крайним выводам.

Вернер

Пусть. Но можем ли мы допустить, чтобы русские думали о нас подобным образом?

Норден

Ах, дорогой мой! Не все ли равно, что о нас думает враг?

Вернер
(тихо)

Разве это голос врага? Неужели вы не слышите стона, с каким высказаны эти слова? Неужели вы не чувствуете в них боли?

Норден

«Германский мир все глуше, все тусклее...» Милый юноша! Пока существует эта книга, существует Германия! Есть книги, которые заключают в себе квинтэссенцию национального духа. Для меня, например, образы этой поэмы — мои друзья до гробовой доски. Они мне ближе родственников. Больше того: иногда мне кажется, что Фауст — это я сам. Впрочем... *(Смеется.)* Я еще только полу-Фауст: я пережил уже драму познания, но не прошел еще через драму любви. А в общем, конечно, если брать шире, то я уже и совсем Фауст, ибо трагедия Фауста — в его вечной неудовлетворенности настоящим!

Вернер

Не согласен! Так можно было понимать Фауста только до русской революции. После нее стало ясно, что трагедия Фауста — в его оторванности от народа. Общественная природа науки столкнулась с индивидуалистическим характером ученого. «Фауст» — это трагедия одиночества.

Норден

Но где у Фауста индивидуализм? Разве Фауст творил не для народа?

Вернер

В том-то и дело: *для* народа. А творить надо *вместе* с народом.

Норден

Вот как? Гм... А ведь это большая мысль, Вернер. Однако...

Вернер

И вот эта трагедия действительно угрожает вам, профессор. Тут вы уже не половина Фауста, а, я сказал бы, Фауст в квадрате.

Норден
(дернув плечом)

Спасибо за предупреждение, но, изучая атом, я никогда не испытывал необходимости советоваться о нем с толпой.

Вернер

Я говорю не о толпе, а о народе, о народном характере науки, о человечности самой культуры,— а с этим связана и ваша личная судьба, судьба большого ученого. Мой научный багаж, профессор, просто ничтожен в сравнении с вашим, но если бы я обладал вашими познаниями, я был бы неизмеримо богаче вас. Для вас наука существует вне человечества и его страданий. Это почти эстетическая категория. Ваша глубина становится теснотой. Но если вы когда-нибудь убедитесь в том, что познание — только часть духовной жизни, ибо не менее мощной потребностью души является реорганизация мира на основе этого познания, тогда каждая ваша мысль будет приносить людям счастье. Это ли не богатство?

Норден

Ну вот, теперь я уже узнаю прежнего Вернера. Люблю, когда вы говорите глупости. Кстати, вы что-то такое сказали о том, будто мне угрожает одиночество... А? О чем идет речь? В чем, собственно, дело?

Вернер

Сейчас вы этого не поймете.

Норден

Как? Вы кому это? Вы это мне?
Вы смеете еще дерзить? Мальчишка!
Вы забываетесь в конце концов!
Я... я официальное лицо.
Директор института! Я вас вызвал,
Чтоб выяснить вопрос о водороде,
И потрудитесь, Вернер, отвечать!

Вернер
(погаснув)

Я уже ответил вам, профессор, что из моих экспериментов с водородом пока ничего не выходит.

Норден

А как же может выйти, если вам
Привозят всякий стихотворный хлам
И русофильством голову морочат?
Вы равнодушны к делу, как студент!
Вы гнусно вялы! А эксперимент
Выходит только у того, кто хочет!

Вернер молчит.

(Ему становится жаль Вернера.)
Но, может быть, я сам тому виной?
Я не сумел привить вам вдохновенья...
Да, да! Того научного горенья,
Которое овладевает мной,
Когда я думаю об электроне.
Ах, Вернер! Что за штука электрон!
Чье сердце эта искра не затронет?
Она сшибает прочь любой закон.
Мы знали о законе тяготенья,
Непроницаемости, сохраненья массы,
О принципе инерции и прочем,—
Но все это развеялось, как дым...
Природа пала ниц пред электроном!

Вернер

Простите, профессор, а разве сам электрон не является частицей природы?

Норден
(тонко улыбаясь)

Судите сами, Вернер: он стремится
Неведомо куда и отчего.
Он вне причинности. В нем все случайно.
Он, черт возьми, одушевлен как будто!
В нем есть свобода воли. Да, да, да!
Он сверхъестественен, если хотите...
И вообще — все наши представленья
Об атоме, материи, вселенной

Есть только символы какой-то тайны,
Конструкции воображенья!

Вернер

Так. Но сама эта тайна существует не в воображении, а в реальном мире? «Конструкции»-то наши строятся в соответствии с наличием этой тайны? Значит, мир все-таки материален, сознание все-таки объективно, а то и другое подчиняются, следовательно, каким-то законам.

Норден

Но тайна эта говорит о том,
Что нет закономерности на свете!

Вернер

Напротив, тайна эта и есть закономерность, которая только потому выглядит тайной, что черты ее нам еще не известны.

Норден

Ах, боже мой! Но ведь и вы ученый,
К тому же ученик мой. Неужели
Вас не волнуют мощные открытья,
Которые — угодно или нет —
От школьной физики не оставляют
Буквально ни пылинки? Неужели
Вы так и не усвоите вовеки,
Что относительно на свете *все?!*
Все! И реальность мира в том числе.

Вернер
(усмехаясь)

И в том числе сама относительность?

Норден

О, вы неисправимый дуэлянт!
Но шпага ваша — только остроумье,
А остроумье — не всегда наука.

Вернер

Я мог бы выразиться более научно. Я мог бы сказать, что вы отрываете мышление от бытия, но боюсь, что вы увидите в этом марксизм.

Норден
(ему уже нисколько не жаль Вернера)

Но если вы такой философ, друг мой,
То почему хромаете как физик?
Не знаете? Так это знаю я!..
Ага! Вы вздрогнули. Но я скажу вам:
У вас мировоззренье мужика.
Научный ваш критерий — здравый смысл,
А здесь нужна, любезный, окрыленность!
Утонченность ума! И даже больше:
Изысканность, если хотите, вкуса.
Но где же вам все это взять, бедняга?
Вы сын крестьянина. Ведь так? Поймите:
Я вас за это не корю нисколько,
Но вся беда, что вы... остались им.

Вернер

Еще раз убеждаюсь, профессор: вы гений. Вы почти угадали мою тайну. *(Зевает.)* Я действительно глубоко прозаическая личность. Есть два типа германцев. Одни — романтики. Они глядят вдаль. У них за плечами крылья. Таков профессор Зебальд Норден. *(Отвешивает рыцарский поклон.)* И есть другой тип — мелкий практик, обыватель, человек текущего дня. К этому типу принадлежит, к сожалению, ваш покорный слуга Людвиг Вернер.

Норден
(сконфуженно)

Вы на себя клевещете, мой друг.

Вернер

Нисколько! Вы просто меня не знаете. Моя частная жизнь всегда была вне поля вашего зрения. Можете ли вы представить, например, чем я занимался до войны? Делал деньги!

Норден

Вы? То есть как?! Фальшивые монеты?

Вернер
(смеясь)

Ну, не так буквально, однако что-то вроде этого. Я выращивал искусственные рубины. *(Зевает.)* О, конечно, им

было далеко до их собратьев из Бирмы, Сиама, Индии. Но эти красные стекляшки давали мне триста марок дохода и положение в обществе. Я был совершенно счастлив.

Норден

(брезгливо)

Мне очень больно слышать эти речи.
Вы — извините, Вернер,— мещанин.
К чему вам деньги? Положенье? Чин?
Вы рождены в эпоху бурной встречи
С великою загадкой бытия,
С первоосновой всей вселенной,
И это чувство, зрея и бродя,
Ведет к бессмертью наше поколенье.
Мы разгадали, Вернер, вещество!
Я... то есть мы... наш окрыленный гений
Пытается посредством расщеплений
Проникнуть в атом, в логово его!
Пускай умы пронзила, как сверло,
Атомная догадка Демокрита,
Но два тысячелетия прошло —
И все опять в беспамятстве сокрыто...
Барахтаясь в космической пыли,
Пройдя через исканья и метанья,
Мы лишь сейчас вплотную подошли
К угаданной, но позабытой тайне.
Но это уж наука, а не миф!
Мы утвердим блистательную дату,
И тайна эта, голову склонив,
Отдаст ключи, как цитадель солдату.
Зачем же вы сгибаетесь дугой?
Мы у судьбы
не белые негры:
Мы
создадим
через год-другой
Гигантский источник энергии!
И сон о грядущем окажется явью:
Грамм урана —
и вот
Трехтрубный корабль от Киля до Явы
Будто на каменном угле плывет...
Только грамм! И синий экспресс
Мчится по линии Бруклин — Дакота,

Грамм — и работает сплошь до года
Штамповочный с молотом наперевес,
А в рудных горах, на вершине бездомной
Нá семь суток задышит домна.
Значит, повсюду и навсегда —
В стране ль коммунара,
в краю ли буддиста,—
Человечество освободится
От изнурительного труда,
И мы увидим невиданный быт:
Земля расцветет до полярного норда,
Энергия атома освободит
Энергию народа!

Вернер

Вот это уже совсем другой разговор. Пять минут назад вы сомневались в реальности мира, а сейчас мечтаете о чисто практическом применении вашего открытия в этой «ирреальной» действительности.

Норден
(задетый)

Так. Ну и что же?

Вернер

А то, что именно за эту вашу непоследовательность я и обожаю вас, дорогой мой учитель.

Норден удовлетворенно смеется.

Минна
(входя)

К вам какая-то дама.

Норден

Дама?

Минна

Очень настойчиво просит принять.

Норден
(шутливо)

Гм... Молодая?

Минна

Держится прямо,
Но в общем... морщинки, седая прядь...

Норден

Короче: в непрезентабельном виде?

Минна

Очень просит.

Норден

Ну что ж. Введите.

Минна оборачивается к коридору.

Минна

Прошу вас!

Входит Анна Кроне.

Норден

С кем я имею честь?

Анна

Не узнаёте? Вглядитесь получше.

Норден

Гляжу.

Анна

Простите... Можно мне сесть?

Норден
(потрясенно)

Анна?.. Но как вы в Берлине?

Анна
(загадочно)

Случай.

Вернер делает знак Минне, и оба бесшумно уходят.

Норден

Минна права: седая прядь...
Морщинки... А? Нищета одолела?

Анна

Зебальд... Я... По такому делу...
Нет, вы не смеете мне отказать!
Вы... вы обязаны... просьбу мою!
Я никогда ни о чем не просила...
Но речь о Валеске! Я вас молю:
Вы ведь такая сила!

Норден

Валеска? Гм... Ну, что еще с ней?

Анна

«Номер сто восемь» — вот ее имя.

Норден

Где она?

Анна

В лагере.

Норден

Где? Точней!

Анна

В городе Освенциме.

Норден

Ах, вот что! *(С лица его исчезает выражение сочувствия.)* Увы, мадам, здесь я уже ничего не могу сделать.

Анна

Вы можете сделать все! Да, да!
Все абсолютно!

Норден

Но я... Поверьте...

Анна

Вы не простите себе никогда,
Что предали девушку смерти!

Норден
(вздрогнув)

Смерти? Это ужасно... Это, конечно, ужасно... Но уверяю вас, что спасение вашей дочери вне моих возможностей.

Анна

Ваши возможности безграничны!

Норден

С чего вы взяли? Я самый обыкновенный профессор, который...

Анна

Который имеет огромную власть!

Норден

Ошибаетесь, мадам. Видит небо, ошибаетесь.

Анна

Вы вправе действовать энергично!
Я слышала — фюрер приветствовал вас.
Вам не откажут. Спросите любого.
Ну, что вам стоит? Одно только слово!

Норден

Ага! Теперь, господа, вы уже благословляете мое знакомство с людьми власти? Теперь! Когда это вам понадобилось! А как вы, так называемые «мужи науки», третировали меня прежде? Не отрицайте! Знаю!

Анна

Зебальд! Дело не в этом сейчас.
Быть может, вы правы, Зебальд...
Но в этот час, в этот страшный час,
Уместен ли ваш обиженный лепет?
Ведь тут же кру́гом идет голова!
А вы о себе... Ваше сердце пусто...
Но где человеческие слова?
Отцовские наконец чувства?

Норден
(оглядываясь)

Позвольте, позвольте, сударыня... Какие «отцовские»?

Анна

Послушайте, вы! Ведь нас тут двое.
Кому же вы лжете? Мне?

Норден

О друг мой! То влеченье роковое
И те свиданья наши при луне,
О коих вам сейчас угодно вспомнить,
Мне больше ничего не говорят.
В угрюмой бездне этих мрачных комнат
Иные звезды для меня горят.
Вот отчего, мадам, теперь я в моде!

Анна

Одно ваше слово... Слово одно...

Норден

Нет, вы меня, конечно, не поймете.
Нам с вами сговориться не дано...

Анна

Слово одно... Одно ваше слово...

Норден

Болтают много низкого и злого...
Что я, к примеру, продался за грош.
Но, Анна, Анна, чтó мне деньги?
Не верьте ничему! Все это ложь!
Я помню взгляд восторженной студентки...
Вы видите: я помню. Не забыл.
Сухой доцент, в своем величье строгом
Я вам тогда казался полубогом,
Но, Анна, я такой же, как и был!
По-прежнему, хотя и поседелый,
За физику мою дойду я до креста!
Познание — вот истинное дело,
Все остальное — суета.

Анна
(как сомнамбула)

Ну что вам стоит? Одно лишь слово...
Трубку поднять!

Норден

Ах, вы о том же снова?
(Резко отворачивается от нее.)

Анна
(падая на колени)

Зебальд! Я умоляю вас!

Норден

Встаньте, встаньте!

Анна

Она прекрасна...
Если б вы видели свет ее глаз:
Кроткий... Лучистый... Ясный...
Она, как и вы, поводит плечом,
И голос похож: высок и звонок.
Подумайте, Зебальд: ваш ребенок
Завтра выйдет пред палачом,
И грубая петля в чудовищном банте
Вдруг захлестнет ее шею...

Норден
(взволнованно)

Встапьте!

Анна

И сразу... навеки... затмится свет...
А вы, могуществом облеченный...
Одно только слово, Зебальд!

Норден
(истерически)

Нет!

Анна
(истошно)

Но вы детоубийца!!

Норден
(тяжело дыша)

Я ученый.
Я не имею права вмешиваться в политику. Все, чем я располагаю, может рухнуть при малейшей бестактности с

моей стороны. Учтите время, в которое мы живем... Образ правления в нынешней Германии... Могу ли я просить за девушку, если эта девушка еврейка?

Пауза.

Конечно... Не спорю... Она моя дочь...

Анна встала. Лицо ее приняло выражение крайней решимости. Она озирается по сторонам и вдруг видит черный револьвер, лежащий на белой кипе бумаг. Норден, испуганно следя за направлением ее взгляда, также увидел револьвер. Он кинулся к нему, но Анна опередила. Норден отпрянул от нее, как обожженный.

Постойте... Вы что? Он заряжен. Прочь!

Анна

Сейчас же подымете трубку. Ясно?

Норден

Вы что? В уме? Убирайтесь вон!

Анна
(прицеливаясь)

Подымете?

Норден
(бросаясь к аппарату)

Да, но... Это напрасно:
Это внутренний телефон.

Входит Минна.

Минна

Здесь Вернер и профессор Сент-Эглиз.

Норден вздохнул с облегчением и резко опустил трубку на рычажок.

Норден

Итак, мадам! Все родственные нити
Меж нами навсегда оборвались.
Прошу прощенья.
(Кланяется.)
Минна! Проводите!

Анна
(в глубокой задумчивости)

В лагере, где меня держали, как прокаженную, мне показалось, будто я поняла одну страшную вещь: человек

перерос дьявола. Потом я бежала. Мне помогли одни очень хорошие люди. Но теперь передо мною он... Отец, который отказывается спасти своего ребенка... Нет. Человек все-таки перерос дьявола.

Анна идет к выходу в сопровождении Минны. В дверях сталкивается с профессором Сент-Эглизом, его секретаршей Мартой и Людвигом Вернером, которые учтиво уступают ей дорогу. Анна уходит.

Сент-Эглиз

Кто эта дама?

Норден

М? Не важно кто.

Сент-Эглиз

Не парижанка ли?

Норден

Прошу садиться.

Сент-Эглиз

Но в стиле этих все-таки традиций?
Да... Вот кто нам, швейцарцам, по душе!
Вы знаете: я не люблю Буше,
Но Фрагонар... Но как его...

Марта
(привычно подсказывая)

Ватто?

Норден

Ну как, профессор, движется работа?

Сент-Эглиз
(очнувшись)

Работа? М-м... Да будто как-то что-то...

Норден

Короче?

Сент-Эглиз

Скверно.

Норден

В чем у вас нужда?
Ведь я, профессор, вас просил, как друга,
Заняться лишь ионной центрифугой,—
Без этого я как без рук.
Так отчего вы медлите, мой друг?
Ну, кто же, кроме вас, во всей Европе
Имеет соответствующий опыт?

Вернер поднимает с ковра револьвер.

Вернер

Вы уронили револьвер.

Норден

Да, да.
(Выдвигает ящик стола и бросает в него оружие.)
Для наших изысканий, господа,
Германия нам не жалеет денег,
О нас печется генералитет!
И это не из выгоды, о нет,
А в целях глубоко идейных.

Сент-Эглиз

Я вам неоднократно говорил:
Мне нужно посоветоваться с этим...
(Шевелит пальцами.)

Марта
(подсказывая)

С Эйнштейном.

Сент-Эглиз

Да. Ну, и с другим, и с третьим.
Без них я как без этого...

Марта

Без крыл.

Норден

Mon cher ami! Я доктор, но не маг.
Поверьте мне, что в этом я бессилен.

Сент-Эглиз

Но не могу же я летать впотьмах,
Как этот... как его...

Марта
(с отсутствующим видом)

Как филин.

Сент-Эглиз

Филин!
Да не как филин, а... Ну да, как сыч.
Ведь я ученый. Если что открою,
То тут же должен кликнуть клич
По нашему профессорскому рою —
И вот мои коллеги зажужжат,
Начнутся споры, диспуты, сраженья,
Все признаки научного движенья.
А здесь, мосье, я в уголок зажат!

Норден

О, господи... Но чья же тут вина?
Заслуги ваши многого достойны,
Но сами понимаете: война.

Сент-Эглиз

Но атому чихать на ваши войны!
Мне нужен академик... этот...

Марта

Бор.

Вернер
(апатично)

Он в Лондоне.

Сент-Эглиз

Эйнштейн!

Вернер

Он в Вашингтоне.

Норден

Я прекращаю этот разговор,
Тем более в таком развязном тоне.
Вы будете считаться с тем, что̀ есть.

Америке и Англии, коллега,
Германию придется предпочесть.

Сент-Эглиз

Ученый без противников — калека.

Норден
(усмехаясь)

Противники найдутся и у нас.

Сент-Эглиз

Не спорю. Но в другом, конечно, роде?

Вернер

Теперь война. Противники не в моде.

Сент-Эглиз

Ну, а сотрудники?

Норден

Да хоть сейчас!
Пожалуйста. Лишь назовите имя.

Сент-Эглиз
(подмигивая)

Могу и тех, кто не сдружился с *ними*?

Норден

Любое имя. Повторю опять.

Сент-Эглиз

Любое? Гм... Ну что ж. Мне говорили,
Что взрыв урана двести тридцать пять
Снижается, наткнувшись на бериллий,
И некто даже вздумал эту соль
Использовать как замедлитель.
Так вот, любезный доктор, не хотите ль
Привлечь на эту каверзную роль
Одно из тех как будто скромных лиц,
Что без восторга, но и без печали,
Когда мы пред ураном пали ниц,
Бериллий кропотливо изучали?

Норден
(нетерпеливо)

Вам нужен экспериментатор?

Сент-Эглиз

Да.

Норден

Пожалуйста! Располагайте смело
Любою суммой. Для такого дела
В Германии поддержат нас всегда.

Сент-Эглиз

Он в Чехии.

Норден
(улыбаясь)

У нас найдутся кроны.

Сент-Эглиз

Нет, вы серьезно?

Норден

Вот моя рука!
Как его имя?

Сент-Эглиз

Имя? «А» и «К».

Норден

Ах, этот? Знаю, знаю.

Сент-Эглиз
(уточняя)

Анна Кроне.

Норден

Что? Анна Кроне?!

Сент-Эглиз

Именно, мой друг.

Норден

Так это Анна Кроне тот ученый,
Который пусть покуда отвлеченно,
Но разрешает злостный наш недуг:
Проблему руководства изверженьем?
Но я ведь... Я читал ее труды
С большим, да нет — с огромным уваженьем!
Вы помните константные ряды?
Какая прозорливость! Что за сила!
Я рядом ставил наши имена.
Но мне и в голову не приходило,
Что это именно она!

Сент-Эглиз

А как же? Томик в триста две страницы.
Он мне, поверите, ночами снится:
Зеленый переплет, а с корешка
Пунцовый...

Марта

Алый.

Сент-Эглиз

Верно, верно! Алый.
А сверху это... что?

Марта

Инициалы.

Сент-Эглиз

Ну да. Такие... Как их?

Марта

«А» и «К».

Норден

А я-то... Я-то... Как я близорук!
Скорее, Вернер! Эта... эта дама...
Вернуть ее! Скорей! Какой упрямый...
Бегите же!

Вернер
(флегматично)

Куда? На север или юг?
(Уходит.)

Норден
(у телефона)

Алло! Связать с шестой аппаратной!
Господи боже...

Сент-Эглиз

Вы рады?

Норден

Рад?
Я просто счастлив!

Сент-Эглиз

Вот это приятно.

Норден

Алло! Это Норден. Шестой аппарат?
Ваше превосходительство! Просьба!
Я понимаю всю дерзость ее...
Мне просто краснеть перед вами пришлось бы,
Если б не тонкое ваше чутье...
Как? Вы почти угадали. Что?
Да, седовласые люди науки
Часто капризнее, чем их внуки.
Требуется послать в Освенцим
За одной девушкой. Номер «сто восемь».
Будьте добры. Очень, очень просим.
Всё впоследствии вам объясним
До самых деталей. Итак? Ваше слово?
Великолепно! Слуга навек.
Мои комплименты!
(Кладет трубку.)
Ну вот и готово.
Норден! Ты неплохой человек.

КАРТИНА ВТОРАЯ

— Еще я вижу...
— Что?
— Вдали передо мной
Встал образ девы, бледной и прелестной.

Гете, Фауст, ч. I

Доктор Норден, Анна Кроне и Вернер, углубленный в газету.

Норден

Итак, мадам? И суток не прошло,
Как мы опять сошлись на этом месте.
Не странно ли? Мы снова вместе!
И хорошо, что первое число:
Оно всегда приносит счастье...
(Как все ученые, я суевер отчасти.)
(Смеется.)
Вы сердитесь, мадам? Но уверяю вас,
Что на меня нельзя сердиться:
Я вне условностей! Я вне традиций!
Я уничтожил всяческую связь
Со всем, что не относится к науке.
Корите, осуждайте — я таков!
Медаль не отличу от пятаков,
Мне все равно, что чужаки, что внуки...
На «злобу дня» смотрю я как на дождь,
На чувства — как на времени потерю...
Я — физика и все!

Анна

Где моя дочь?

Норден

Не беспокойтесь: явится.

Анна

Не верю.

Норден

Но почему вы скрыли от меня,
Что вы и есть «А. К.»? Сознайтесь: скрыли?
Нехорошо! Но мы теперь родня:

Мой «двести тридцать пять» и ваш бериллий
Соединятся сквозь волшебный дым,
И, возбудив шумиху всех редакций,
Мы современной физике дадим
Не только бешенство «цепных реакций»,
Подобье сумасшедшего коня,
Но способ *управлять* такой стихией!
Но вы, мадам, не слышите меня?

Анна

Где моя дочь?

Норден

Ох, Вернер, объясни ей!

Анна

Дочь моя где? Вы слышите: где?
Люди здесь? Или все вы гориллы?
Вся моя жизнь прошла в труде,
Я только формулами говорила.
Книги, книги... Жила меж книг.
Ребенка утратила среди них.

Вернер
(откладывая газету)

Фрау Кроне! Ваша дочь прибудет с минуты на минуту. Об этом позаботилось само его превосходительство граф Бодо. Что еще нужно? *(Глядит на часы.)* Без пяти двенадцать. Вы уже можете начинать радоваться. *(Снова принимается за газету.)*

Норден

И, кстати, должен вам заметить прямо:
Во всем, что вы сказали о себе,
Не вижу я не только драмы,
Но даже повода для маленьких скорбей.
Вы лишены любви и материнства?
И я лишен отцовства и любви.
И правильно! Таков закон единства:
Не для ученых свищут соловьи.

Входит обер-ефрейтор в синих очках. Он не совсем трезв.

Обер

«Нумер сто восемь» из Освенцима,

Анна
(бросаясь к двери)

Валеска!

Появляется Валеска. Она с черной повязкой через глазницу. В дверях Минна, швейцар и огромный рабочий в синей робе с волнением глядят на эту встречу.

Валеска

Мама!

Анна

Валеска... Дочь...
Но что с твоим глазом?

Валеска

Уже терпимо.

Анна

Что надо делать? Чем помочь?

Валеска
(смущенно)

После... Потом...

Анна

Они тебя били?
Били! Конечно!

Валеска
(целуя ее)

Ма... Не кричи...

Анна

Доченька... Боже мой... Это ты ли?
Девочка... Милая... М-м!.. Палачи!
А пальцы? Пальцы у тебя все?
Покажи пальцы!
(Считает их.)
Слава богу...
Уши? Зубы?

Обер
(кладет объемистую тетрадь)

Вот ее досье.
Вела себя неважно всю дорогу.

Но и дорога, я вам доложу,
Вела себя неважно. Слякоть! Вьюга!
Не разберешь ни севера, ни юга.
Вот так и долетели без пути.

Норден

Я расписался. Можете идти.
(Машет рукой на Минну и остальных, столпившихся в дверях. Те исчезают.)

Обер

Вы понимаете? Ведь я же взводный!
Но вот сопровождаю мадмазель,
Как нижний чин. А в воздухе метель.

Норден

Но я ведь расписался. Вы свободны.

Вернер
(из-за газеты)

Дайте ему что-нибудь трехзначное в зубы — и он улетучится, как серный эфир.

Норден

Ах, вот что... Извините... Я сейчас...

Обер
(обращаясь к Вернеру, единственному, кто его здесь понимает)

С аэродрома поднялись мы живо.
Но вдруг осечка: потеряли связь.
(Снижая тон.)
Поверьте чести: никакой поживы.
У этой фрейлейн никаких монет.
Креста, конечно, у безбожниц нет,
Но тут и золотых зубов не видно.
Ужели ж ничего не приобресть?

Норден дает ему денег.

Благодарю! Поймите же: обидно...

Норден

Теперь как будто все?

Обер
(козыряя)

Имею честь!
Ах да! Чуть не забыл... Из лагерей
Бежал какой-то красный... Альбрехт Видэ.
Так если кто из вас его увидит...

Вернер

Да, да, мы сообщим.

Обер

И поскорей!
(Доверительно.)
Я это говорю вам потому,
Что все равно всем служащим об этом
Объявят своевременно декретом.
Так если вы его...

Вернер
(не отрываясь от газеты)

В тюрьму, в тюрьму.

Обер еще раз козыряет и уходит доблестным шагом солдата, выполнившего долг перед обожаемым фюрером и собственной совестью.

Норден

Мадам!

Вернер
Она не слышит.

Норден

Фрау Кроне!
Хоть я для вас давно уже не бог
И мой авторитет не в солнечной короне,
Но я вам, кажется, по-божески помог.
(Простите каламбуристую фразу.)

Анна
(сухо)

Я глубоко признательна.

Норден

Ну вот.
Теперь я жду от вас того же, фрау.
Вступая в наш почти военный взвод
Из самых лучших физиков отчизны,
Надеюсь, вы не будете капризны?
У нас довольно плохонький завод,
Ну и работаем, конечно, скверно,
Но с вашей помощью, мадам... Итак?

Анна

Пожалуйста. Бериллий мой — пустяк,
Но если он вам нужен...

Норден

Очень! Вернер,
Я попрошу вас проводить мадам
В профессорскую комнату покуда.
Задания, конечно, я не дам:
Напротив, сам я ожидаю чуда
От опытов с бериллием.

Анна

Ну что ж.
(Берет Валеску за руку.)

Норден

О нет! Оставьте девушку со мною.

Анна

Зачем?

Норден

Томлюсь проблемою одною:
Хочу узнать, как мыслит молодежь.

Анна
(отведя Валеску в сторону)

Дитя мое...

Валеска
(улыбаясь)

Не беспокойся, мама,

Анна

Довольно с нас и освенцимской драмы,
А физики — опасная среда.
Будь осторожна. Обещаешь?

Валеска

Да.

Анна целует ее в лоб и уходит в сопровождении Вернера.

Норден
(пристально смотрит на девушку)

Отважный подбородок. Рот. Надбровья.
Так-так. Отлично. Да. Я очень рад.
Во всем оттенок скандинавской крови.
Ты на меня похожа, говорят?
Ведь я-то от разбойника-норманна
С такими же надбровьями и ртом.
(Спохватившись.)
А впрочем... Анна не совсем нормальна:
Мы не в родстве! Клянусь тебе я в том!
Во всяком случае, родство такое,
Поскольку ты еврейка... Извини...
Но я ученый! Я хочу покоя!

Валеска
(улыбаясь)

О чем ты, па? Мы вовсе не сродни.

Норден
(смущенно)

Ну вот, спасибо, золото, спасибо...
Мне самому претит расистский дух,
И спесь моя не предками спесива.
Но тут такое делается, друг,
Такой разгул Вальпургиевой ночи,
Что миг — и amen всей твоей судьбе...
Ну, хватит. Расскажи-ка о себе.

Валеска

Ну, что рассказывать? Неинтересно.

Норден
(изумленно)

Как?

Валеска

Вам неинтересно.

Норден

Почему?
Садись сюда. Да нет, поближе. В кресло.
Ну-ну? Так в чем же дело, не пойму.

Валеска

Какой занятный перстень!

Норден

Где? Ах, это?
Так. Пустячок. Железо и сапфир.
Как говорится, «в оны лета»
Такой сентиментальный сувенир
Дарили в знак единого пути
Двух слитых душ до самого до ада.
Хе-хе... Ты, детка, с этим не шути:
Под этим камнем — капля яда!
(Смеется.)

Валеска

А как он открывается?

Норден

Вот так.
Но что б сие кольцо ни означало,
Давай-ка познакомимся сначала.
Согласна? Разумеется. Итак:
Ты кто?

Валеска

Студентка.

Норден

Медик?

Валеска

Физик.

Норден
(одобрительно)

О-чень!
И чем же ты увлечена сейчас?

Валеска

Одним... одним открытьем.

Норден
(посмеиваясь)

Небывалым?

Валеска

Верней — забытым.

Норден
(потирая руки)

Понимаю вас!
Атомники пошли девятым валом.
Что ж. Очень, очень! Тема такова,
Что сотни с ней управятся едва,
А нас десятки, даже единицы.
Allez! Ты можешь присоединиться.
Конечно, трудно. Ты еще дитя.
Меж тем перед тобой законы бытия!
Но Анна здесь. И я подмога.
Где туговато, подтолкнут плечом.

Валеска

Я, доктор, не об этом!

Норден

А о чем?

Валеска

Мне нужно... открыть... бога.

Норден
(весело)

Бога? Обыкновенного?

Валеска

Да.

Норден

Того, что в церкви Петра и Павла?

Валеска

В мире, доктор, случилась беда:
Человек
перерос
дьявола.

Норден
(смеется)

Ах, это? Ну, это дала мне понять
Еще вчера твоя милая мать.
Но я не согласен. Не всё же во мгле!
Есть еще солнце, лазурь и так далее...

Валеска

Был один юноша на земле.
Звали его Виталий.
Когда его смех услыхал слепец,
Мужик угрюмый и грубый,
Он сказал так: «У вас, молодец,
Я слышу — чудесные зубы!»
(Подбородок ее задрожал.)

Норден

Ты плачешь? Друг мой... Но отчего?
Что с тобой?

Валеска

М? Нет-нет! Ничего.
Однажды приходит этот Виталий
К себе в барак с каких-то работ,
И вдруг усмехнулся — и все увидали
Черный, беззубый рот.
Вы понимаете? Зубы как пена!
Как белые перлы! Как снега!
А он не преступник. Он только пленный...

Норден

Да-да... Но что это было? Цинга?

Валеска

Военный поп с методичностью четкой
Целый сезон подбирал себе четки.
Белые-белые четки...

Норден
(содрогнувшись)

Бред!

Валеска

Белые четки. Его сутана
Была черна и черен берет.
Он отличался изяществом стана,
И даже солдатские сапоги
Не огрубили его шаги.
О! Как истый Христовый воин,
Он весь под сурдинку. Он тих и спокоен.
Глаза его кротки. Даже нежны.
Ему только белые четки нужны.
Белые четки. Без всякой черни.
Для утренней мессы и для вечерней.
А перед жертвой он сердцем чист!
(Не он ли мадонне востепливал свечи?)
К тому же проделывал эти увечья
Совсем не палач — дантист!
Кстати, ему даже выдали орден.

Норден

Боже... Меня подирает мороз...

Валеска

Итак, вы согласны, профессор Норден,
Что дьявола человек перерос?

Норден
(преувеличенно громко)

Я? Согласен? Mon Dieu! Да нет же,
Твой священник — он сумасшедший!
Иначе... Иначе немыслимо жить!..
Как по утрам я могу пить кофе?
Читать газету? Работать? Служить?
Как? Если всюду царит Мефистофель!

Валеска
(горько усмехаясь)

О, если б именно он! Увы!
Не будем в песок зарывать головы,
Как пред опасностью страус.
Наш Мефистофель... Слава ему!
Ведь как-никак, а великий Фауст
Душу-то продал ему одному.
Не дешево стоила эта душа!
Теперь же продай — не дадут ни гроша...
Теперь никто, кроме книжного черта,
Не ценит сердце высокого сорта.

Норден
(любуясь ею)

Боже, какой сарказм!

Валеска

Ах, нет!

Норден

И это — девушка в двадцать лет?

Валеска
(вздохнув)

Это тоска, дорогой коллега,
Тоска о том, чего все лишены:
Тоска о ценности человека,
Которая выше всякой цены.

Норден

Опять узнаю твою милую мать!
В конце концов я весьма сожалею,
Что столько лет не беседовал с нею:
Я мог бы иначе ее воспитать,
А в этой связи и тебя, золотая...
Но бог уж с ней, она женщина злая,
Но ты... Но с тобой...

Валеска

Не спорьте со мной:
Вы так же, как мы, несчастны.

Норден
(преувеличенно громко)

Я? Но я совершенно иной.
Люди в конце концов — это частность.
Что такое, увы, человек?
Рой электронов — и только.
Так стоит ли, друг мой, из века в век
О нем разговаривать столько?

Единственно кто достоин вниманья —
Это сейчас электрон.
Именно «кто», а не «что», ибо он,
Еще пребывая для нас в тумане,
Может быть, есть частица Души,
Конструирующей материю.
Вот в какую *Душу* я верю!
А наши душонки — мелочь, гроши.

Телефон.

Слушаю. Кто это? Граф? О да! Позвольте, ваше превосходительство, горячо поблагодарить вас за помощь: девушка уже здесь... Как? *(Смеется.)* Повторяю то, что сказал вчера: надежда есть, но ни-ка-ких гарантий. *(Не без кокетства.)* Нет-нет-нет-нет-нет! Что? Пожалуйста. Приходите. Буду только счастлив. Хорошо, хорошо! Ровно в десять? Отлично! Всего наилучшего. Ваш слуга. *(Кладет трубку.)*

Так вот, золотая моя, пойми!
(Я-то уж понял, кто ты.)
Я предлагаю тебе, mon ami,
Все условия для работы.
Но прежде всего — идею мою:
Уйти с головою в атом.
(Шепотом.)
А классы, нацию, даже семью —
Хоть к фашистам, хоть к демократам!

Валеска

Так. Значит, атом такая обитель,
Такой блиндированный дот,
Куда за нами вовек не войдет
Поработитель?

Норден
(восторженным шепотом)

Именно! Атом — такой еще хаос,
Где можно творить безо всяких опек.

Валеска

Вы так и не поняли, господин страус,
Что дьявола перерос человек.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Переменяет время добро во зло...
Гете, Фауст, ч. I

Бомбоубежище института. Граф Бодо и Зебальд Норден. На заднем плане Вернер приводит в порядок книжные полки. Он делает вид, будто углублен в работу, но напряженно следит за беседой, особенно зорко наблюдая за душевными движениями Нордена.

Все его реплики будут иметь в виду только Нордена.

Граф Бодо
(перелистывая книгу)

Вы читаете «Фауста»?

Норден

Это моя настольная книга.

Граф Бодо
(продолжая перелистывать)

Скажите, господа: не приходилось ли вам в вашей среде слышать имя некоего Альбрехта Видэ?

Норден

Нет.

Граф Бодо

И вы не слышали, господин Вернер?

Вернер

Нет, не слышал, ваше превосходительство.

Граф Бодо

Я попрошу вас обо всех людях, так или иначе появляющихся в вашем институте, немедленно сообщать мне лично.

Вернер
(наивно)

А разве этот человек — физик?

Граф Бодо

Почему вы спросили?

Вернер

Если б он был физиком, мы бы, наверное, рано или поздно могли с ним столкнуться.

Граф Бодо

Нет, он не физик. Это крупнейший организатор Германской коммунистической партии.

Вернер

А каковы его приметы?

Граф Бодо
(подозрительно)

Зачем вам это знать, господин кандидат?

Вернер

Но как можно найти человека, если не знаешь его примет?

Граф Бодо

С приметами плохо. По наружности Альбрехт Видэ — низкорослый крепыш. Но тот ли это Видэ, которого мы знали до войны? Дело в том, что в Освенциме, Дахау, Треблинке и прочих наших лагерях заключенные меняются номерами. Иногда берут номера мертвецов, чтобы числиться по списку казненных. Что касается Альбрехта Видэ, то его уже однажды сожгли. Но он появился вновь. Самозванец это? Или все-таки прежний Видэ?

Вернер

Прежний, прежний! Коммунисты обожают воскресать.

Граф Бодо

Двусмысленная острота, господин кандидат!

Вернер
(смеясь)

Извините, ваше превосходительство: острю я действительно неудачно.

Граф Бодо

Прошу вас, профессор, вызвать сюда весь обслуживающий персонал.

Норден наклоняет голову и, подойдя к распределительному пульту, нажимает последовательно все кнопки.

Итак, вы читаете «Фауста». Похвально! Эта книга особенно полезна в наши дни, во дни всеобщего неверия. Возьмите хотя бы хвалу, возносимую господу архангелами во втором прологе:

«Крепит нас дел твоих виденье,
Хоть в нем постичь нельзя и тень,
И каждая черта творенья
Торжественна, как в первый день».

В одной этой строфе с исчерпывающей полнотой дан ответ на все метанья современной физики и философии: да, мир божий непостижим даже в тени своей, но каждая черта творения господня незыблема и абсолютна. Однако tempora mutantur. Суетные времена человеческой хроники меняются быстро, и то, что казалось азбучной истиной вчера, требует новых доказательств сегодня. Кстати, профессор, мне сообщили, что вы утверждаете, будто электроны — это душа вещей. Есть у вас такая теория?

Вернер
(с лесенки)

Это не теория. Скорее поэтический образ.

Входят Минна, швейцар, рабочие, среди которых гигант в синей робе.

Минна

Вы нас вызывали, господин директор?

Норден

Его превосходительство желает с вами поговорить. Внимание! *(Графу.)* Прошу вас.

Граф Бодо

Некто Видэ,
Точнее — Альбрехт Видэ, коммунист,
Бежал из лагеря. Я попрошу
Запомнить это имя: *«Альбрехт Видэ»*.
Что надо знать об этом человеке?
Он немец. Но, увы, преступный немец.
Он, будучи германцем, поднял руку
На фюрера, на все его ученье,
На все движенье, поднятое им!
Сейчас он возглавляет бунтарей,
Идущих против нас. Он мозг и сердце
Всего, что пробует сопротивляться
Идее и политике нацизма.
Листовки ли, секретные газетки,
Подпольные брошюрки — всюду он!
Какого коммуниста ни схвати,
Он связан с этим Видэ. И однако,
Преступник этот до сих пор не схвачен.
Позвольте мне надеяться, ребята,
На вашу помощь. Если кто из вас
Хоть что-нибудь разведает о нем,
Или почувствует намек хотя бы,
Или нащупает среди друзей
Какую-либо связь — прошу вас тут же,
Не медля ни секунды, сообщить
Директору. Вы поняли меня?

Молчание.

(С легким раздражением.)
Вы поняли? Я спрашиваю вас!

Швейцар

Отчего ж не понять? Как только услышим, так уж тут...

Граф Бодо

И это будет не донос. Отнюдь.
Не клевета, не ябеда, не кляуза.

Я в этом вижу долг священный ваш,
Рабочие Германии! Понятно?

Швейцар

Ясно, господин генерал. Отчего же не ясно? Значит, это долг с нашей стороны перед вашей стороной, а раз долг, так уж тут...

Граф Бодо
(брезгливо)

Ну, ну. Отлично. Можете идти.

Уходят.

Я всегда разговариваю с рабочими, как равный с равными. Оттого меня любят. Но к делу, господин профессор! Итак, если электроны, как вы утверждаете, душа вещей, а мир состоит из вещества, то отсюда уже один шаг до того, чтобы доказать или, во всяком случае, *доказывать*, будто существует всемирная Душа, то есть нечто подобное гегелевскому Абсолютному Духу, Демиургу Платона или пантеизму этого еврея... как его? Спинозы. Короче говоря, надо найти бога.

Норден
(криво улыбаясь)

Гм... Найти бога... Один знакомый мне полуребенок действительно пытается проделать что-то такое в этом роде.

Граф Бодо

Ах, так? Значит, моя идея носится в воздухе?

Норден

Но я-то ведь не ребенок.

Граф Бодо
(сухо)

Надо найти бога. Таков приказ фюрера. Если вы заметили, фюрер сейчас усиленно посылает на фронт военных священников. Почему? Потому что идея атеизма, на которой мы, нацисты, до сих пор настаивали, себя не оправдала. Безбожие тянет к науке, а наука работает на большевиков. Значит, мы должны отрицать науку и утверждать предопределение. Если большевикам служит

историческая закономерность, то пускай нас осеняет сам господь бог. Там, где существует бог, не может быть места для истории. Вы согласны со мной, профессор?

Норден
(разводя руками)

Если от человека науки требуют, чтобы он отказался от науки и тем не менее оставался ученым...

Граф Бодо

Повторяю: надо найти бога! Этого в наши дни не может сделать священник: голая вера никого сейчас не устраивает. Этого не сделает и философ: спекуляция чистого разума неубедительна в эпоху обостренного практицизма. Но если существование *бога* докажет физик, ему поверят, ибо народ верит в точную науку. Отсюда вывод: необходимо организовать при вашем институте отдел пропаганды, который займется тем, что будет доказывать существование божественного духа.

Норден

Как это можно доказать научно?

Граф Бодо

Я уже сказал: на основании вашей же собственной теории. Вы ведь считаете электрон сверхъестественным? Ну вот. В добрый час! Начинайте отсюда.

Норден
(раздраженно)

Моя теория не имеет ничего общего с тем, что вам нужно. Я ученый, ваше превосходительство, и призван служить только истине.

Граф Бодо

Истинно для нас то, что нам выгодно. Вот последнее слово фюрера.

Вернер

Разве это сказал фюрер? Клянусь, я читал это у философа Уильяма Джемса.

Граф Бодо
(смутившись)

Ну что ж, мы не склонны отрицать влияния новых философов на великое мировоззрение фюрера. Мы, нем-

цы, всегда были слишком тяжеловесны. Наша культура страдает одышкой. Нам нужна легкость. Человечество до смерти устало от сложности.

Норден

Наука, к сожалению, сложна.

Вернер
(подобострастно)

Его превосходительство право. Если исключить этих русских с их марксизмом, то вся мировая цивилизация развивается именно в этом направлении. Возьмите философию: сложнейший Гегель заменяется простейшим Джемсом. В музыке слишком утонченного Шопена сменяет бравый джаз-банд Армстронга. В живописи черный Рембрандт уступает место художественной рекламе, где фазанье оперение электроламповой фирмы соперничает с северным сиянием. Вместо трагедий мы с вами смотрим скетчи. Вместо эпических поэм читаем куплеты, воспевающие шелковые интимности очередной кинозвезды. Легкость, легкость нужна Германии, профессор Норден!

Граф Бодо
(холодно)

Вы... серьезно все это говорите?

Вернер

Абсолютно. Я развиваю вашу же мысль.

Граф Бодо

Вы не столько развиваете ее, сколько доводите до абсурда.

Вернер

Ничуть. Я только последовательнее вас. В германском вооружении имеется, например, граната под названием «фауст-патрон». По-вашему, это абсурд. А по-моему, глубоко современное понимание американизирующегося немецкого духа. Если можно из зубов казненных людей делать, допустим, четки, то почему же нельзя Фауста превратить в гранату? Трезвость! Никаких предрассудков!

Звонок телефона.

Алло! Вас слушают. Да, его превосходительство здесь. *(Графу.)* Сам господин Геринг.

Граф Бодо

У телефона. Хайль!.. Так точно. Все сделано: отдел пропаганды утвержден и будет работать... Что? Об этом я еще с ними не говорил. Дело щекотливое. Учитывая слабонервность ученых и ограниченность их кругозора... *(Улыбается Нордену нежно и многозначительно.)* Но я не оставляю надежды... Что?.. Я говорю: я все же надеюсь... О, виноват, виноват... Я не так выразился... Вы совершенно и абсолютно правы: не «надеюсь», а... Так точно! Будет исполнено! Хайль!

(Кладет трубку и начинает ходить по комнате в крайнем раздражении. От всей его вежливости не осталось следа.)

Минна
(входя)

Профессор Сент-Эглиз.

Норден
(графу)

Нельзя?

Граф Бодо
(резко)

Просите!

Минна ушла. Входит Сент-Эглиз со своей Мартой.

Сент-Эглиз

Ах, граф? Мы помешали вам? Простите...

Граф Бодо
(грубо)

Вы где слоняетесь? Вас вечно ждут!

Сент-Эглиз

Меня? Но мы явились... это...

Марта
(подсказывая)

Быстро...

Граф Бодо

Вы получаете оклад министра,
Но где работа ваша? Где ваш труд?

Норден
(тихо)

Научный мир гордится Сент-Эглизом.
Тут надо бы повежливее, граф.

Граф Бодо

Но он полгода бьется над эскизом!

Норден

Однако же в эскизе тридцать глав.

Марта
(угрюмо)

Он труженик.

Граф Бодо
(иронически)

Бесспорно! Видно сразу.

Сент-Эглиз

Mon vieux!

Граф Бодо
(брезгливо)

Что-что? Переведите фразу!
Вы явно забываете, что здесь
Большой Берлин! Хозяин ваш навеки!
К тому же тем обидней ваша спесь,
Что все швейцарцы — недочеловеки.
Да-да. Живут без расовых основ,
А чванятся: «Мы тоньше вас! Мы старше!»

Сент-Эглиз хотел что-то сказать, но задохся и только махнул рукой.

Что? Не хватило и французских слов?
Ах да, pardon: слова у секретарши.
(Нордену.)
Не барабаньте пальцами, «мон вье»!

К тому же вам как будто не до песен.
А кстати: что это у вас за перстень
Со стеклышком в змеиной голове?

Норден

Сапфир.

Граф Бодо

Сапфир? Так-так. Однако с тайной.
Вы знаете ли, что они тают?
Мгновенно тающий, необычайный
Индийский яд.
(Злобно.)
Придется вам упиться этим ядом,
Железный перстень осушив до дна,
В тот самый час, когда ваш чертов атом
Меня обманет.
Вам была дана
Огромная возможность изысканий.
Мы не жалели денег. Вы могли
Добыть ученых хоть из-под земли,
На вашу просьбу о еврейке Анне,
Которая бежала из тюрьмы,
Ответили согласьем. Вы забыли?
Молчите. Не перебивайте. Мы
Вам доставляли, доктор, в изобилье
Сквозь облака, сквозь ливни, сквозь буран
Бог знает где полученный уран.
Вам дали все! Вам всю Европу дали!
И как же вы доверье оправдали?

Норден

Наши успехи действительно очень и очень скромны. Но оттого, что вы будете нервничать, они не станут более ощутимыми. Нужно запастись терпением, граф.

Граф Бодо

Так. Значит, вы хотите, дорогой,
Чтоб я оставил вас в покое,
Чтоб вы резвились, а на поле боя
За вас сражался кто-нибудь другой?

Норден

Прошу прощения, но я не вижу той внутренней нити, которая связывала бы идею моего института с войной нашего обожаемого фюрера.

Граф Бодо

А вам пора бы видеть эту нить!
Так вот, при всем великом уваженье
К идее вашей — должен огорчить:
Вы *примете* участие в сраженье.

Норден

Я лично?

Граф Бодо

Вы и весь ваш институт!

Норден

Где? На полях России?

Граф Бодо

Здесь.

Сент-Эглиз

Вот тут?

Норден

Не понимаю. Вы хотите сказать, что мобилизуете нас как бойцов местного гарнизона? Но неужели в нашем дорогом отечестве так плохо обстоит дело с ландвером, что понадобилась и наша профессорская шагистика?

Граф Бодо
(грубо)

Скажите! Вы! Величьем обуянный!
Вы... туповаты или только пьяны?

Норден
(бледнея)

Ваше превосходительство! Я решительно протестую против этого тона!

Граф Бодо

Мой тон диктуется военным долгом.
Пока мы шли, победами кичась,

И упивались пафосом недолгим,
Я вас не беспокоил. Но сейчас,
Когда мы отошли от Сталинграда,
А у солдат поистрепался дух,
Советую подумать, милый друг,
О судьбах мира и о капле яда,
Что в вашем демоническом кольце.
Умрем — так вместе! В дружеской компании!
Слыхали сводку? Жуков на Кубани!
Мы стратегически почти в кольце!
(Испытующе смотрит на Нордена.)
Ни черточки не дрогнуло в лице.
Еще бы! Ведь война — не электроны.
Да, дорогой: женевец Сент-Эглиз,
Мамаша Кроне и девчонка Кроне
За вас, я вижу, с толком принялись.
Вы затуманены. Вы — как в дыму.
Кто вокруг вас? Евреи да славяне!
Вот вы кричите про образованье
Какой-то там энергии... К чему?
Чей капитал на это ассигнован?
Кто в ней, скажите, заинтересован?
Кто, кроме коммунистов? Ловкий тур,
Чтоб разорить влиятельные группы,
Держащие Нью-Джерси или Рур,
А биржи
превратить
в трупы!

Слушайте, вы, господа ученые! Хоть на минуту вы представляете себе, что открытие такой энергии абсолютно не в интересах крупной промышленности? Ведь только в одну нефть вложены сейчас капиталы более чем тридцати компаний! Калифорния, Техас, берега Карибского моря, Иран, Ирак, Румыния — это все кишит долларами, фунтами и франками, сосущими нефть. И все это вдруг заменить какой-то атомной энергией! Да кто вам это позволит?

Вернер

Да, да! Святая истина! Вы, конечно, вправе воскликнуть, господа, что впервые слышите, будто великое научное открытие может быть несвоевременным! Однако это так. Его превосходительство совершенно право! Несвое-

временное открытие атомной энергии может вызвать падение нефтяных, угольных, железнодорожных и всяких других акций. А ведь немалую долю этих акций держат и наши отечественные капиталисты. Значит, если эти драгоценные акции превратятся в бумажки из-под карамелей — это разорит не только наших врагов, но и Германию! Нас с вами, профессор! Меня, например! Ну что я такое без нефтяных акций? Нуль!

Сент-Эглиз прыснул.

Граф Бодо
(косясь на Вернера)

Если бы не ваш шутовской тон, господин кандидат, я мог бы вполне с вами согласиться. Но вообще, коль угодно знать мое мнение, то я полагаю, что атомная энергия не может иметь никакого будущего в промышленности. Может быть, я ошибаюсь, но я рассуждаю как политик. В самом деле: заменяя, допустим, горы каменного угля и целые фонтаны нефти силой ничтожного атома, мы тем самым освобождаем миллионы рабочих рук. А куда их девать?

Вернер

Да, да... Профессор Норден говорил мне то же самое. Он утверждал, например, что энергия атома освободит энергию народа. Это ужасно!

Норден
(взволнованно)

Но я имел в виду совсем другое!

Граф Бодо

Подождите, я не кончил. Итак, миллионы рабочих рук, то есть миллионы безработных. Но каждый безработный — это уже почти большевик! Об этом вы подумали? Нет, господа ученые, вы затеяли крайне опасную игру. Крах цивилизации — вот вы что затеяли. Грандиозное восстание черни!

Молчание. Ученые явно потрясены... Вдруг Сент-Эглиз бросается к генералу и страстно схватывает его за руки.

Сент-Эглиз

Мой генерал! Примите мой восторг!
Ваш ясный разум из меня исторг
Святые слезы... Генерал! Вы гений!
Ведь ваши мысли — это... это...

Марта
(восторженно)

Клад!

Сент-Эглиз

Сокровище! Какой широкий взгляд,
Какая глубина суждений!
Вот мы вдвоем, как два слепых крота,
Зарылись в атом и отнюдь не видим,
В какое царство мы оттуда выйдем.
А вы нам отверзаете врата,
Духовные вы нам открыли очи...
Mon Dieu! В итоге наших всех затрат
Над нами будет властвовать рабочий!
Хоть слаб немецкий пролетариат,
Но ведь ему поможет этот...

Марта

Русский!

Сент-Эглиз

Vous êtes charmant, mon général! Bravo!

Граф Бодо

Черт с вами, говорите по-французски.
Единодушие важней всего.

Сент-Эглиз

Нет, я сейчас же возвращусь домой.
Бог с ним, с изобретеньем пресловутым!
Восстанье черни... Боже мой!

Норден
(глухо)

А что же будет с нашим институтом?

Граф Бодо

О, на этот счет можете быть спокойны! Ваш институт будет работать еще интенсивнее прежнего. Надо только одну проблему заменить другой. Вот и все.

Норден

Одну другой? Простите, я не понял.

Граф Бодо

Понять нетрудно. Вы ведь сейчас работаете над чем? Над тем, чтобы извлечь из атома энергию для мирного производства. Так? Поэтому вы стремитесь расщепить ядро урана, используя для этого *медленные* нейтроны. А вы делайте опыты на *быстрых* нейтронах. Понимаете? На быстрых. Все остальное предоставьте нам.

Норден

На быстрых? Но ведь это будет смерч!
Мы можем этим вызвать ураган
В пятнадцать тысяч тонн тротила.

Граф Бодо

Браво! Именно это и требуется. Фюреру нужна бомба. Атомная бомба.

Вернер
(сдерживая волнение)

Один вопрос.

Граф Бодо

Прошу вас, Вернер.

Вернер

Бомбу
Такого действия в районы фронта
Бросать не станут: этим мы погубим
Не только русских, но и немцев.

Граф Бодо

Ну!

Вернер

А это значит: речь идет о том,
Чтоб разрушать тылы. Не так ли?

Граф Бодо

Верно.

Вернер

Точнее: нам придется убивать
Детей и женщин?

Норден

Боже...

Сент-Эглиз

Неужели?

Граф Бодо

Оставьте сантименты для влюбленных!
Армеец ли, «сестра» или моряк,
Старик ли, женщина или ребенок —
Различье небольшое. Враг есть враг.

Норден

Я... я глубоко штатский человек
И ни к чему такому не пригоден.
Возможно, вам виднее. Вы политик.
Допустим, уголь. Этот минерал
Я попросту привык обозначать
Латинской буквой «С». Но что за ним?
Какие акции? Какие страсти?
И что за махинации? Не знаю
И думаю, что не обязан знать...

Сент-Эглиз

И все же он, по-видимому, прав:
Восстанье черни!

Норден

Женщины и дети...
Нет, это нестерпимо! Боже мой,
Как я был счастлив пять минут назад!

Сент-Эглиз

И все же он, по-видимому, прав.
А? Марта?

Марта

Прав!

Норден

Куда идет наука?
Атомная энергия в руках
Такого графа Бодо — это бритва
В руках у обезьяны. Нет, страшнее!
Мне кажется, что мир сошел с ума...
Чем больше человечество познáет,
Тем для него опаснее. Вот вывод,
К которому я с ужасом пришел.
Как жить? Что делать?

Граф Бодо

Успокойтесь, милый.
Садитесь. Сядьте.

Вернер

Что это? Приказ?

Граф Бодо

Поймите: бронированные силы
Со всех сторон одолевают нас.
Богатые российские угодья,
Как рыбы, прорывая невода,
Уходят из-под рук. Но вот беда:
Пройдет неделя, месяц, полугодье —
И мы услышим рокот их трубы
И боевого гула нарастанье...
Те самые российские крестьяне,
Которых мы же прочили в рабы
Тевтонскому солдату, понесутся
По улицам Берлина и в дыму,
Свирепые, не внемля ничему,
Навяжут нам законы революций.
Они деревни щедро одарят
Отобранной у юнкерства землею,
Они подымут пролетариат —
И наша власть развеется золою...
О, варвары! В их яростных чертах
Я вижу все безумье катаклизма.
Они идут! Поймите же, чудак,
Что это... это крах капитализма!
Тот самый крах, который страшен вам,
Как страшен мне. Но я, увы, бессилен.

Что я могу? Швырять могильным рвам
Трупьё из душегубок и плавилен?
Вы скажете: «И в этом польза!» Да.
Но это, доктор, мелкая работа.
За целый день упорного труда
Умрет всего какая-нибудь рота.

Нет, вы не представляете себе,
Как трудно уничтожить человека!
Во-первых, на гестаповском горбе
Аресты. Так? Тюремная опека.
Охрана при доставке в лагеря.
А транспорт? А питанье? Пусть плохое,
Но все же из казенного ларя,
То есть опять лишение покоя.
А время этих «траурных ночей»?
Мы, правда, отказались от винтовок,
Но ведь система газовых печей
Или кремационных установок —
Хозяйство, черт возьми! Но это быт.
А где психологические нити?
Истерики? Стенанья? Плач?

Норден

Простите...

Граф Бодо

Что с вами, доктор?

Сент-Эглиз

Он...

Марта

Его знобит.

Граф Бодо

Извините. Увлекся. Я хотел только показать, в какой мере я бессилен хоть чем-нибудь помочь нашему обожаемому фюреру. Иное дело — вы, ученые! Иное дело — точная наука!

Ведь если эта атомная бомба...
Послушайте! Должны же вы учесть:
Над атомной энергией работа

Ведется и в России, но ведь там
Господствует наивная забота
О том, чтоб деревенским мужикам
Доступны были все земные яства,
Шелка и бархат, музы и кино;
Их атомщики знают лишь одно:
Индустрию да сельское хозяйство —
И все! Провинциальная Москва
Не разглядела в атоме всей мощи.
А эта мощь, германцы, такова,
Что миг — и вдруг селения да рощи
Взлетят от поворота рычага!
Мы Крым, Кавказ, Поволжье, Украину,
Прибалтику и русскую равнину
Подымем на тевтонские рога!
Ничтожный атом сможет стать судьбою
Не только битвы, но самой войны!
Так приспособьте ж эту силу к бою!
На вас не будет никакой вины.
Напротив: агитаторы прославят
И вас, и ваших дедов да отцов.
Вам бюсты отольют в конце концов!
Клянусь: при жизни памятник поставят!
Века запомнят ваши имена!

Норден
(вздрогнув)

Века? Увольте от подобной чести...

Граф Бодо
(ледяным тоном)

Хоть я и недоступен жажде мести,
Но все ж не стоит разъярять меня.

Маленькая жуткая пауза.

Вы поняли, чего от вас хотят
И фюрер, и священник, и солдат?
А? Отвечайте!

Сент-Эглиз
(упавшим голосом)

Поняли.

Граф Бодо

Отлично!
Тогда прошу вас подойти сюда.
(Садится за письменный стол и вынимает из кармана бумагу.)

Сент-Эглиз

Вы обращаетесь ко мне?

Граф Бодо

Да, да.

Сент-Эглиз
(беспомощно)

Где Марта?

Граф Бодо

Да не Марта. Вы! Вы лично!

Сент-Эглиз робко подходит к графу Бодо.

Если вы, профессор, действительно поняли то, что от вас требуется, в таком случае благоволите подписать эту бумагу. В ней сказано, что вы без всякого принуждения извне, но исключительно по страстному своему желанию обязуетесь служить великой идее фюрера: изобретению атомной бомбы, имеющей целью уничтожение коммунизма во имя цивилизации. Вы спросите: зачем нужна ваша подпись? Отвечаю: для истории. Прошу. Вы будете подлинным избавителем человечества от... Ну, что же вы медлите? Возьмите перо. Вам поставят памятник. Бронзовый памятник. Да не здесь, вот тут! Тут подпишитесь. При жизни. Имена. Благодарю вас. Доктор Зебальд Норден, прошу!

Норден неподвижен.

Что? Все еще продолжает знобить?

Норден

Не могу я. Поймите меня: не мо-гу!

Граф Бодо

Так. Не можете. Хорошо. Господин кандидат!

Вернер

Слушаю вас.

Граф Бодо

Покажите своему учителю пример.

Вернер

О ваше превосходительство! Ученики не могут служить примером для своих учителей.

Граф Бодо
(нетерпеливо)

Не рассуждайте, Вернер. Подписывайте.

Вернер
(улыбаясь)

Не смею, генерал. Там, где документ подписывает, допустим, Фридрих Великий, может ли выглядеть серьезно росчерк его карлика?

Граф Бодо

Я требую! Вашей! Подписи!

Вернер

Хорошо. Если вы настаиваете, я подпишу. Но не как физик, а просто как человек из народа.

Граф Бодо

Подписывайте, как хотите, но только не задерживайте. *(Протягивает ему документ.)*

Вернер
(пряча руки за спину)

А вы уверены в том, что народ подписал бы эту бумагу?

Граф Бодо

Вы что? Издеваться надо мной вздумали?

Вернер
(нажимая на все кнопки распределительного пульта)

О нет, нисколько! Что вы! Я хочу только, чтобы между нами не оставалось и тени какой-нибудь недоговоренности. Я человек науки и во всем люблю точность,

Норден
(бросаясь к нему)

Ты с ума сошел! Что ты делаешь? *(Шепотом.)* Не смей его раздражать, слышишь? Он растерзает тебя!

Вернер

Обязательно растерзает. Но не сейчас. Сейчас я нужен ему живой, а не мертвый. Он это знает так же хорошо, как и я. Спокойствие, учитель, спокойствие.

Входят Минна, швейцар, рабочие и гигант в синей робе.

Итак, ваше превосходительство, объясните этим честным людям цель и задачи вашего документа, и если подпишут они, тогда незамедлительно подпишу и я.

Граф Бодо
(очень спокойно)

И после этого вы хотите, чтобы я поверил в то, что вам действительно ничего не известно о существовании Альбрехта Видэ?

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился,
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Пушкин, Сцена из «Фауста»

Норден, Анна Кроне, Сент-Эглиз и Марта

Норден
(глухо)

Его превосходительство граф Бодо дал совершенно новую программу нашему институту. Отныне мы будем обстреливать ядро атома не медленными нейтронами, а быстрыми. Это вам понятно?

Анна

Нет.

Норден

То есть как это нет? Неужели вы не понимаете разницы между медленными нейтронами и быстрыми?

Анна

Разницу понимаю, но мне совершенно непонятен смысл этой замены.

Норден

Вы не читаете газет, Анна. Русские отогнали нас от Сталинграда и отбивают обратно Крым или что-то в этом роде...

Анна
(непроницаемо)

Но при чем здесь мы? Ученые?

Норден

Граф полагает, что мы можем сделать очень многое. Если, например, мы перестанем думать об атоме как об источнике энергии для мирного производства, а займемся им только исходя из его разрушительной стихии, то... Вы понимаете?

Анна

Не хочу понимать.

Норден

Анна, не капризничайте. Не забывайте, что такое Германия коричневой рубахи. Граф терпелив. Он часто притворяется дурачком. Он делает вид, будто многого не замечает, но только потому, что мы нужны ему живые, а не мертвые. Но как только генералу покажется, будто мы не идем ни на какие компромиссы...

Анна

На компромиссы с кем? С атомной бомбой?

Сент-Эглиз

Напрасно, фрау... Совершенно напрасно... Если это... как это? А? Как это, Марта?

Марта
(четко)

Если у нас имеется хотя бы один шанс для того, чтобы спасти капитализм, мы должны использовать этот шанс.

Анна

Капитализм — это Освенцим! И вы хотите, чтобы я своими руками спасала его?

Норден

Тсс... Тише! В этих стенах могут быть вмурованы диктофоны!

Сент-Эглиз
(засуетившись)

Ну, мы исчезаем. Марта! Allons! *(Преувеличенно громко.)* К тому же вы слишком примитивно думаете о капитализме: капитализм не покрывается Освенцимом. *(Шепотом.)* Марта! За мной!

Уходят.

Анна

А то, что вы боитесь собственных стен,— это тоже не капитализм?

Норден
(обмирая от страха)

Ну, к чему это все? Зачем?

Анна

А то, что ученый, декан факультета,
Отдавший науке полсотни лет,
Вдруг отрекся от физики,— это
Капитализм или нет?

Норден

Отрекся? Я?

Анна

Отрекаетесь! Явно!
Где, скажите, тот сказочный грамм,
Который, как помню, от Киля до Явы
Судно ведет к далеким краям?

Норден

Тише! О, господи...

Анна

Больше того
Вы выступаете в новом стиле!
Полубольной, не щадя усилий,
Насилуя все свое существо,
Вы убеждаете нас, ученых,
Самую душу в себе погубить
Во имя преступников уличенных,
Во имя душителей и убийц!
Вы, которого я любила
Со всем обожаньем юного пыла...
Вы, в котором пленили меня
Не черные брови, не губы, не руки,
А вера в святое призванье науки,
В чистое небо грядущего дня,
Боже мой... вы...

Норден

Подождите, Анна.
Да, я не тот. Но ведь и мир не тот.
Чего же вы хотите от меня?
Геройства? В шестьдесят четыре года?

Анна

Хотя бы честности.

Норден

Ах, боже мой!
Но это ведь и есть геройство, Анна!
Да, я не тот... Но ведь и вы не та.
Вы уж давно не физик, не ученый.
Вы ранены идеей материнства,
Которой были чужды столько лет
Во имя...

Анна

Не кощунствуйте, профессор!

Норден

Простите... Я не то хотел сказать...
Вы правы... Не кощунство, но бестактность.

Но все же, Анна, ясно для меня,
Что вы разочарованы в науке.
Не возражайте! Видно по всему!
А я — нисколько! Все, что я познал,
Быть может, крошечная золотинка
В сравненье с Истиной, и все же, Анна,
Оно есть нечто, связанное с миром,
Как астероид с космосом. И вдруг
Является граф Бодо...

У него перехватило дыхание, по лицу прошла судорога почти физической боли.

Слушай, Анна!
Пусть я не тот и время не мое,
Но я не сдамся. Слышишь?
(Шепотом.)
Я решил
Работать на историю. Ты знаешь:
Вчера мне стало ясно, что бериллий
Себя не оправдал и что вернее
Взамен его использовать графит.
Но эту богатейшую догадку
Я графу ни за что не подарю.
Она останется в секрете. О!
Граф Бодо не воспользуется ею.
И в этом наша месть, не так ли, Анна?
Но и графит, и множество других
Идей, гипотез, мыслей и открытий
Я подарю Валеске. Анна, Анна!
Пусть наша дочь в ладонях унесет
И передаст потомству нашу тайну!
Послушай, Анна: будем жить втроем,
Как если б жили с самого начала.
Мы обвенчаемся с тобою в церкви,
Валеску я усыновлю. Уедем
Куда-нибудь в Висбаден. Заведем
Немецкий быт с ночными колпаками,
С кофейной мельницей, с витою трубкой,
С дубовыми зайчатами на ставнях —
Но ты меня не слушаешь, Аннет!
Я говорю с тобою о Валеске...

Анна

О Валеске надо говорить не со мной, Зебальд.

Норден

А с кем же говорить мне?

Анна

С графом Бодо. Только граф может вырвать из Освенцима Виталия, и только это может как-то возродить ее душу.

Норден

Ты думаешь?

Анна
(страстно)

Зебальд! Надо понимать людей, которые были в лагере смерти. Их нельзя мерить меркой полноценной человеческой психики. Эти люди прикованы к одной идее, к одному комплексу. Валеска страдает о Виталии совсем не так, как обычная девушка о своем возлюбленном. Это глубже. Болезненнее. Трагичнее. Мне трудно объяснить... Но ты должен почувствовать... Надо освободить Виталия. Слышишь, Зебальд?

Норден

Извлечь Виталия из Освенцима... Ну что ж, это можно сделать. Но ты должна мне в этом помочь. Впрочем, ничего сложного. Ты только поставишь свою подпись на одной ничего не значащей бумажке.

Молчание.

Я только что говорил тебе, что решил работать на историю. Графу Бодо я буду бросать всего лишь крохи с пиршества своих познаний, ничего больше. Поэтому бумажка его никакой ценности иметь не может. Поэтому никакого преступления не будет, если ты ее подпишешь, Анна.

Анна

Подписывать я ничего не буду.

Норден
(сдерживая раздражение)

Ты не пугайся. Этот документ —
Всего лишь юридическая форма.
О нем никто не будет знать. Клянусь!
Он будет заперт в сейфе. Понимаешь?

Анна

Не буду ничего подписывать.

Норден

Так, так.
Но правильно ли я вас понял, Анна?
Из вашего отказа надлежит,
Что юношу по имени Виталий
Вернуть из лагеря по вашей просьбе
Теперь уже как будто бы не нужно?

Анна

Такой ценою? Нет.

Норден

А ваша дочь
Вполне спокойно может пребывать
В своем безумье? Крайне любопытно,
Как примет это грустное известье
Сама Валеска. Что-то будет с нею?

Анна
(побледнев)

Вы не посмеете!

Норден

Увы... Посмею.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Что такое в наши дни судьба?
Политика — вот судьба!

Эккерман,
Разговоры с Гете

Комната Валески. Валеска сидит у пианино и перебирает клавиши. Вернер.

Валеска

Доктор Норден сказал мне, что до войны вы делали фальшивые рубины.

Вернер

Не совсем точно: искусственные.

Валеска

Не вижу в этом разницы.

Вернер

Разница большая: фальшь — это ложь, выдаваемая за истину, искусственность же — только подражание природе.

Валеска

Вы, как всегда, невыносимо логичны. *(Глядит на него продолжительно.)* Доктор Норден сказал, что вы делали искусственные рубины и были счастливы. Это правда?

Вернер

О да, да!

Валеска

Неужели ваше счастье сводилось только к этому?

Вернер
(пожимая плечами)

К чему же еще?

Валеска

Вам никогда не приходила в голову мысль, что, кроме вас самих, на свете существует еще целое человечество?

Вернер
(вяло)

А какой смысл работать для человечества? Все равно из хорошего получится дурное. Возьмите конец «Фауста». Гете думал, будто совершил нечто великое, когда заставил своего героя строить плотину во имя всеобщего блага. А что получилось? Эта плотина наверняка попала в руки дельцов «Электроконцерна», которые использовали ее для военной агрессии против Польши, Чехословакии, Советского Союза. Вы ведь сами говорите, что человек перерос дьявола. Для кого же работать?

Пауза.

Вы меня не слушаете?

Валеска

Я вспомнила о вашем обещании. Вы не забыли его?

Вернер

Я ищу вашего жениха дни и ночи. Но в Освенциме, как вы знаете, людей нет. Есть номера. К тому же заключенные часто обмениваются номерами с покойниками.

Пауза.

Валеска
(взяв несколько тихих аккордов)

Грустна эта песня простая.
Был праздник Святого креста.
Фрегат, из воды вырастая,
Увидел родные места.

Вот он прорывает буруны,
На миг раздробился в пыли.
Он входит в отлогие дюны
И домом стоит у мели.

Мы все побежали на взморье,
Туда, где впаденье реки.
С пустым горизонтом во взоре
Сошли к рыбакам моряки.

Чудесные были подарки!
(Был праздник Святого креста.)
Отцам и приятелям — чарки,
Подругам и женам — уста.

Лишь чайки, над морем летая,
Заплакали сквозь торжество:
«Зачем ты пришла, золотая?
Здесь нет для тебя ничего».

Вернер

«Здесь нет для тебя ничего...» Да... Действительно грустно. Однако зачем вам петь такие печальные песни, фрейлейн? Вы ведь еще так молоды. Вы еще можете встретить на своем пути...

Валеска

Не говорите пошлости, прошу вас.

Вернер

Пошлость — это мелкое решение глубокого вопроса. Я же предлагаю вам как раз глубокое решение. Вы еще можете встретить, говорю я, ну, хотя бы большую идею, которой захотите служить беззаветно, самозабвенно, всеми помыслами ума и сердца.

Валеска

Я уже служу такой идее.

Вернер
(апатично)

Ах, это господу богу?

Валеска

Не богу, а поискам его. Научным поискам.

Вернер

Понимаю. Вы хотите создать бога из той щепотки мистической золы, которая осела на дне науки? Бросьте, золотая! Бога вы, конечно, не найдете, ибо, если бы он существовал, мы давно заставили бы его сидеть в турбогенераторе и давать энергию заводам господина Круппа... Извините, я, кажется, оскорбил ваше религиозное чувство?

Валеска

Нет, главным образом эстетическое. Вы бываете иногда очень грубым.

Вернер
(целуя ей руку)

Хорошо. Буду корректен. Вот вы ищете бога. Зачем? Затем, что бог для вас — это совесть, это сила, карающая злое и награждающая доброе, это идея высшей справедливости, чистейшей нравственности, священного гуманизма. Не так ли? Но зачем искать в небесах то, чего в них нет, и проходить на земле мимо того, что есть? Попробуйте заменить понятие «бог» понятием «народ» — и вы получите все, о чем так воспаленно мечтаете. Народ — это и

есть совесть, это именно та сила, которая карает зло и возвеличивает добро, это идея высшей справедливости, чистейшей нравственности и совершенного гуманизма.

Валеска
(с горечью)

Я что-то этого не замечала. В народе так много грубости и варварства, особенно в крестьянах.

Вернер

Не спорю. Но вы говорите об отдельных людях.

Валеска

Этих людей много.

Вернер

Пусть. Если даже это и все те, с которыми вам приходилось иметь дело, то и тогда это, в общем, сотни, максимум — тысячи. Поймите, Валеска, ни один рабочий, ни один крестьянин не может олицетворять собой народ. Это все равно что зачерпнуть стаканом воду из прибоя в Куришгафе и сказать: «Вот Балтийское море!» Народ — понятие философское.

Валеска

Философское? Это очень абстрактно.

Вернер

Нисколько. Это значит, что к народу нельзя подходить исключительно с точки зрения статистики: столько-то мужчин, столько-то женщин, столько земледельцев, шахтеров, часовых мастеров, клерков, столько воров, самоубийц, умалишенных... Народ можно воспринять только во времени. Когда мы говорим «народ», надо обязательно иметь в виду его прошедшее и предугадать будущее. Народ — это движение. Процесс. Попробуйте остановить сердце — вы получите кусок сизого мяса. Но если оно забьется — это любовь, это поэзия, это вся вселенная. То же и народ. Наблюдайте за народом в его движении — и это одухотворенная стихия земли, способная осмыслить и подчинить себе не только все другие явления земного шара, но и законы своего собственного развития.

Валеска
(задумчиво)

Народ — понятие философское... Это Ленин сказал?

Вернер

Нет, это моя собственная мысль. Но вы правы: она родилась в атмосфере ленинских идей.

Валеска
(тихо)

Вы... ленинец?

Вернер

Я физик. Мое дело — электроны.

Валеска

И рубины?

Вернер

Совершенно верно.

Валеска

Искусственные?

Вернер

Абсолютно точно.

Валеска

Тем не менее вы изучаете Ленина?

Вернер

Ленинцы продумали такое колоссальное количество вопросов, что не изучать их — значит не иметь права считаться культурным человеком.

Валеска

Я думаю, революция не такая безобидная вещь, чтобы ее можно было изучать со стороны. Если вы разделяете ее философию, то нечаянно можете поверить и в ее идеалы.

Вернер

А почему вы думаете, что я в них не поверил?

Валеска

Но тогда вы должны были бы стать революционером.

Вернер

Должен был бы, но, как видите, не стал.

Валеска

Это очень странно. Что же вам помешало? Неужели трусость?

Вернер

Не совсем. Скорее всего — рубины.

Валеска
(продолжительно глядит на Вернера)

Знаете что? У нас в школе была такая игра: пять минут откровенности. Понимаете? Только пять минут.

Вернер

Ну и что же?

Валеска
(взволнованно)

Хотите сыграть? Мы должны будем сказать друг другу что-нибудь самое-самое сокровенное. Только честно! Хорошо? Начнем с вас. Итак, внимание: раз... два... три!

Вернер
(взглянув на часы)

Я люблю вас.

Валеска
(опешив)

Ну-у... Что это вы? Как не стыдно...

Вернер

Вы просили сказать что-нибудь сокровенное.

Валеска

Просила. А вы вместо этого шутите.

Вернер

Почему вы думаете?

Валеска

Ну, разве это правда?

Вернер

Смотря по тому, каковы условия игры. Если ваша «пятиминутка» допускает шалости...

Валеска

Нет, нет! Тут по-настоящему. Но вы сказали это так... деловито!

Вернер

У меня мало времени.

Молчание.

Валеска

Я никогда не полюблю вас, Вернер. Вы вполне достойны любви самой прекрасной женщины. Но я никогда вас не полюблю. Помните, в «Фаусте»:

«Покоя нет.
Душа болит.
Ничто его
Не отдалит.
За ним слежу
Я здесь в окно.
Его я жду
Давно, давно...»

Да, Вернер... Я... я потеряла все.
Мой мир отныне — тризна и поминки.
Ведь я подобна полевой былинке,
Попавшей под глухое колесо.
Вы знаете... Однажды у решетки,
Разведав, что Виталий — мой жених,
Предстал монах и показал мне четки.
(Вы знаете происхожденье их?)
Восьмой барак был только что расстрелян.
Я думала — пришел он сожалеть...
Как духовник... Но он сказал: «Ах, фрейлейн!
Представьте: четки начали желтеть!»

Он был ко мне в претензии, монах,
Как будто, честью наделенный свыше,

Корил за то, что мы ему впотьмах
Всучили низший сорт за высший.
Вот, Вернер, в чем проблемы существо:
Он так привык к режиму преступленья,
Что не увидел в этом положенье
Всю противоестественность его.

Вернер

Не надо вспоминать об этом, Валеска. Я понимаю, что для вас образ вашего жениха неотделим от этого священника и его четок, но нужно же подумать и о том, как жить дальше. К тому же... мы с вами, кажется, во что-то такое играем? Во что-то невозмутимо детское, не так ли?

Валеска

Ах да! Извините. На чем же мы остановились?

Вернер

Я сказал, что люблю вас.

Валеска

Да, да. Вспомнила. Теперь моя очередь говорить сокровенное?

Вернер

Ваша.

Валеска

Я не верю в эту историю с рубинами, Вернер. То есть рубины, вероятно, были и даже искусственные, но вы не могли посвятить им своей жизни. В этом я убеждена. Правда?

Вернер

Что правда? Что вы в этом убеждены?

Валеска
(твердо)

Это правда, что вы всю эту биографию выдумали? По крайней мере, в отношении своего счастья. Отвечайте!

Вернер

Рыба ищет, где глубже, а человек — где рыба.

Валеска
(глядя в упор)

Еще я думаю, что вы коммунист. Самый настоящий коммунист, Вернер. Член Германской коммунистической партии. Может быть, даже один из ее вождей.

Вернер молчит.

Я видела таких людей в лагере. У них у всех что-то общее в лице, в походке, в манере держать себя. Они стараются произвести впечатление маленьких, незаметных, обыкновенных людишек, но это железные человечища! Иногда это железное вспыхивает в глазах или заляжет где-нибудь в складке у рта,— но все это на одну секунду. А потом снова у одних как будто бы равнодушие, у других якобы лень, у третьих еще что-нибудь. Они были в партии. Потом партию разгромили. Они потеряли явки и стали бороться в одиночку. Но их выловили. Конечно, дело их проиграно. Фашизм слишком силен. Но они все еще надеются. Это трогательно и жутко.

Молчание.

Я думаю, вы той же породы, Вернер. Вы работаете в одиночку. Но что именно вы тут делаете, этого я не могу понять. Я наблюдаю за вами. У вас несомненно есть какой-то замысел. Вы чего-то ждете. Какого-то момента. Вы как золотистый тигр, который притаился в ворохе желтой листвы. Он сливается с окружающей природой. Он не подает признаков жизни. Но вот наступает миг, ему одному понятный,— и тигр прядает. Да?.. Вернер! Правда?

Вернер
(улыбаясь)

Время истекло, фрейлейн. Пять минут седьмого.

Валеска

Это нечестно, Вернер!

Вернер

Почему же? Условия игры.

Валеска
(едва сдерживая слезы)

Это нечестно...

Вернер

Скажите, Валеска: а можете ли вы быть откровенной независимо от этих пяти минут? Ну, например, можете ли вы сказать, в чем разница между расщеплением ядра урана медленными нейтронами и быстрыми?

Валеска
(удивленно)

Но ведь вы сами знаете. В первом случае это...

Вернер

А во втором — ураган мощью в пятнадцать тысяч тонн тротила? Так, по крайней мере, утверждает профессор Норден.

Валеска

Возможно.

Вернер

Так вот. Нашему институту предлагают создать атомную бомбу, концентрирующую в себе эти пятнадцать тысяч. Вы понимаете, Валеска? Это уже война против женщин, детей, стариков...

Валеска
(хрипло)

Наш институт? Этого не может быть... Откуда у вас такие сведения?

Вернер

Минутку, дорогая моя. Пока спрашиваю я. Итак, у меня вопрос: что бы вы сказали, если б ваша мать, глубокочтимый ученый доктор Анна Кроне, согласилась посвятить свою жизнь изобретению такой бомбы?

Валеска

Она не пойдет на это ни за что на свете!

Вернер

Вы уверены в этом?

Валеска

Убеждена! Ни в коем случае не согласится.

Вернер
(значительно)

Даже ради вас, Валеска? Даже если граф Бодо подарит вам за это вашего жениха?

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Женственность вечная
Зиждется здесь.

Гете, Фауст, ч. II

Комната Анны Кроне. Горящий камин. Анна и Валеска.

Анна

О чем ты думаешь?

Валеска

Так. Ни о чем.

Молчание.

Анна

Жизнь должна в тебе бить ключом!
Ты избежала казни, Валеска.
Подумай, какое счастье!

Валеска

Да, да.
У смерти вдруг обрывается леска,
Вокруг опять голубая вода,
И снова плывет золотая рыбка,
Сама не зная, в какой такой путь...

Анна

Иронизируешь?

Валеска

О, ничуть!
Это скорее горькая улыбка.

Анна

Чего тебе надо? Двадцать лет!
Красива! Знатна! Да ты просто упряма.

Валеска

А что мне со всем этим делать, мама?

Анна

Опять о Виталии?

Валеска

Что? Нет, нет!

Анна

Ты очень о нем тоскуешь?

Валеска
(беззаботно)

Очень?
Да я уж давно забыла о нем.

Анна

Глаза горят нездоровым огнем,
Мозг неотвязно одним озабочен —
И ты... забыла? Ну, ничего,
Я думаю, Вернер отыщет его.

Валеска

А если не он, то отыщет... Бодо?

Анна
(вздрогнув)

Почему Бодо?

Валеска
(зорко следя за матерью)

А кто же другой?
Я думаю, боги подобного рода
Едва ли откажут в услуге такой,
Особенно женщине. А? Не так ли?

Анна
(нервно)

Не знаю, не знаю!

Валеска
(с наивным видом)

Смешная ты, ма!
Когда б эти глазки чуть-чуть заплакали,
Граф бы, наверно, сошел с ума.

Анна резко отвернулась.

Что с тобой?

Анна

Надо подбросить поленья.
В камине мало огня.
(Наклоняется к камину, берет в руки полено и замирает в задумчивости.)

Валеска
(сдавленным голосом)

Ма! Скажи мне: ради меня
Могла ли бы ты совершить преступленье?
Пойдет ли мать по такому пути?
Впрочем, не отвечай. Прости.
Ты побледнела... Здесь очень душно...
Да?

Анна
(глухо)

Я, конечно, скверная мать.
Таких матерей нельзя уважать.
Иные матери, если нужно,
В жертву детям готовы принесть
Не только совесть и честь:
Мир взорвали б от края до края!
А я, увы, я совсем не такая...

Валеска
(бросаясь к ней на шею)

Спасибо, ма!

Анна

Я не верю тебе.

Валеска

Не веришь?

Анна
(все больше волнуясь)

В твоей нелегкой судьбе
О лучшей матери ты мечтала:
О той, которая бы дотла
Душу свою за тебя сожгла,
Что тысячи жизней бы разметала,
Только бы доченьке лучше жилось!

Валеска
(потрясенная)

Я?

Анна
(зорко следя за дочерью)

Да, да!

Валеска

Как ты можешь, мама!

Анна

Тогда отвечай мне, Валеска, прямо:
Как иначе понять твой вопрос?

Валеска молчит.

Мать... Великое слово — *мать*...
Светлый, могучий, нетленный образ.
Ей все прощается. Как не понять?
Все в материнстве подвиг и доблесть...
Слезы матери — выше всего,
В благословенье — само божество!
Мать умилительна даже у зверя.
В жизни нет ничего родней,
Корни поэзии связаны с ней,
Сущность ее в философской сфере...
(С болью.)
Но ведь и я как будто бы мать?

Валеска

Ты выше всех матерей на свете!

Анна

Нет, я могу еще рассуждать,
А материнство стихийно, как ветер...

Мать не задумывается, когда
Детям ее грозит беда.

Валеска
(с вдумчивой улыбкой)

Но мне ведь пока ничто не грозит.

Анна

Молчи. Я все понимаю, Валеска.
Я говорила, может быть, резко,—
Так обвиняемый говорит.
Но не в чем
тебе
меня обвинять!
Слышишь? Молчи! Я не жду ответа.
Запомни одно: я не только мать.
(Стиснув руки у груди, быстро выходит из комнаты.)

Валеска
(печально глядя матери вслед)

Ах, если б я поверила в это!
Сейчас ты уверена в том, что ты
Не переступишь страшной черты.
Но мукам нет ни конца, ни краю...
Ты веришь в твердое сердце свое.
Ты думаешь так.
(В отчаянье.)
Но я-то знаю,
Что для меня ты пойдешь на *все!*

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Струится крови ручеек,
Еще ручей, еще поток,
Еще, еще... Из ручейка
Течет кровавая река.

Гете, Фауст. Черновик «Вальпургиевой ночи»

Валеска над рукописью. Перед ней огромное кресло с высокой спинкой. В комнате полумрак. Валеска засыпает и сквозь сон говорит ясно и отчетливо, как по телефону.

Валеска

Змеится крови черный ручеек...
За ним второй скользит змеевичок.
Еще, еще — и вот из ручейка
По всей земле, на всем на белом свете
Уже несется алая река —
И Анна Кроне за нее в ответе.

Проклятия над ней произнесут...
Позору имя предадут навеки...
Но что позор? Я вижу эти реки!
Мы сами над собой свершаем суд!
Еще мы к злодеянью не причастны,
Еще мы не преступницы — и все ж
Виденья предо мною ежечасно...
И сердце обрывается... И дрожь,
Та самая, какой знобит убийцу...
И кровь по следу тянется, как нить...
О, боже мой! Как человеку жить?
Где совести его забыться?
Спасенье — только в правде! В ней одной!
Но то, что прежде зиждилось на вере,
Теперь не убеждает. В высшей сфере
Никто не видит бога. Кто виной?
Мир поумнел!
И все же надо снова
Изобрести мерило правоты,
Критерии для доброго и злого,
Научные, как формула воды.
Но как же это без идеи бога?
О господи... Ты должен быть! Ты есть!

Голос из кресла

Прекрасно, друг. Еще немного —
И физика придется предпочесть
Архангелу.

Валеска
(вздрогнув)

С кем я имею честь?
Как вы вошли и кто вы?

Голос

Извините.
Я не вошел, а, так сказать, возник,
Преодолевши горы этих книг,
Из нити вашей мысли.

Валеска

Гм... Из нити...
Но кто вы?

Голос

Бог.

Валеска
(с интересом)

Как вы сказали? Бог?
Ах, это ваше имя?

Голос

Да... Отчасти...
Скорей же, ремесло. На рубеже эпох
Обычно требуют и моего участья.

Валеска

Еще вопрос: скажите — вы... мой сон?
Вы снитесь мне?

Голос

Допустим. Ну и что же?
В конце концов не тучкою захожей
Я в сновиденье ваше занесен.
Ведь я — сомненье ваше!

Валеска
(сухо)

Сударь бог!

Голос

Не так официально, голубок:
Зовите меня просто: «боже».

Валеска
(надменно)

Благодарю вас, но...

Голос

Прошу, прошу!

Валеска

Я фамильярности не выношу.

Голос
(смеясь)

Вы не без юмора. Но тем не менье
Ваш юмор не спасает положенья.
Сознайтесь: вам приятен мой приход?
Вы рады «купине неопалимой»?
Скажите откровенно: в Освенциме
Не вы ли, друг, молились на восход?

Валеска
(вспыхнув)

Что? Это я молилась?

Голос

О, мой боже!
Ведь я же фигурально говорю.
Я подразумеваю не зарю,
А жажду повалиться у подножья
Идеи справедливости, мой друг.
Мне долго объяснять вам недосуг,
Но речь идет не о старинном боге
Мечети, церкви или синагоги,
Которому вы посвящали плоть
И величали всяким званьем.
Внемлите мне: аз есмь господь
С техническим образованьем!
(Смеется.)

Валеска
(очень серьезно)

Да, в этом отношении вы правы:
Лишенная элементарных прав,
Ждала я не законности, не права,
Но правды! Все реальное поправ
И видя в нашей участи убогой,
Что человек и черта перерос,
Я вдруг перед собой поставила вопрос:

Нельзя ли вновь придумать бога
В противовес всей этой кутерьме,
Разнузданности и аморализму?

Голос

Вы заглянули в колбу, склянку, призму —
И я воскрес?
Но я еще в тюрьме
Концепции, построенной на фальши.
(Вам это Вернер дельно объяснил.)
Допустим, что я здесь. (Увы — по мере сил...)
Но что со мною будет дальше?
Ах, вы молчите? Нехороший знак!
Опасное безмолвие. Надеюсь,
Что я пришел к вам вовсе не как deus
Ex machina. Ты мучилась во снах,
Ты все звала меня у перелеска,
Чтоб эху глупому внимать.
Я был тебе, раба моя Валеска,
Родней, пожалуй, чем родная мать.
Так почему же в дивную минуту,
Когда твоя мечта перед тобой,
Ты нервничаешь?.. Дергаешь губой...
Ты недовольна мной как будто?

Валеска

Не стану лгать. Да и кому? Тебе ли?
Ты видишь дух мой... Сможешь — утиши.
Ты был хранителем моей души,
Ты был домашним миром с колыбели.
Я знала: если буду делать зло,
Меня за это покараешь адом,
За доброту ж, возрадуясь зело,
Отеческим окинешь взглядом —
И надо мной заголубеет стяг,
И буду я в долинах сребролонных...
Короче, понимали мы с пеленок,
Что совесть — это божий страх.

Голос

Так вот о чем ты молишь божество!
Эх, эх... Уж я не тот, что был когда-то.
Илью-пророка с грохотом его
Переглушили пушками солдаты.

От славы той осталась только тень,
И рухнуло большое дело,
Особенно когда Эйнштейн
Отвел для бесконечности пределы.
Вот и слоняюсь в мире, аки тать.
Что делать при таком размахе знанья?
Ужели домовым в старушечьем сознанье
Мне остается службу подыскать?

Да... Худо мне живется, видит небо!
Возьмем хотя бы... ну, того же Феба.
Я был владыкой грома и огня,
Я с человеком жил среди сплошных дискуссий,
А он сдружился с ним в искусстве,
И вот — увы! — бессмертнее меня.
А что ему? Бренчи себе на лире
Да демонстрируй фиговый свой лист!
А мне, дружок, нет больше места в мире.

Валеска
(криво усмехаясь)

Вы, господи, я вижу,— атеист?

Голос смеется.

Была чудесная игрушка: *бог.*
Игрушка сломана — и мир поблек.

Голос

Не в этом дело. Вы творили бога
По своему подобию. Но вы
Не обладали прелестью, увы:
«Подобье» отразило вас глубоко,
И созданный уродцами кумир
Уродовал и ваш духовный мир.
Юпитер свел его к солдатским дракам,
До темной страсти низвела Танит,
У иудеев он терзает страхом,
У христиан страданием томит,
И только современная эпоха
Гласит сквозь бред звереющих солдат:
«Зря наши предки создавали бога —
Тут *человека* надо бы создать!»

Входит Норден.

Норден

Анна здесь? Где мама? Валеска!

Валеска

М?

Норден

Где мама?

Валеска
(отрывисто)

Нет ее. Нет.

Норден

Сказано категорично и веско,
Однако я слышал голос Аннет.

Валеска

Голос? Да-да. Это я. Спросонья.
Я разговариваю со сна.

Норден

Пошла бы гулять. На дворе весна.

Валеска

Одета я плохо в этом сезоне.

Норден

Глупости! Ты одета как все.
Просто апатия. Даже к весне.
А сваливаешь на одежду. Кстати,
Сколько раз тебе повторять,
Что надо вешать верхнее платье
Там, в вестибюле, а не швырять
Пальто и шляпу на кресло
В комнате, где ты спишь!

(Подходит к креслу, откуда слышался голос, и забирает пальто и шляпу Валески.)

Валеска

Простите.

Норден

Ага! Сумасбродство исчезло?
Мы успокоились? В воздухе тишь?
А? Или все еще мечутся духи?

Жаль. У меня сообщеньице есть,
Которое может вам радость принесть,
Однако поскольку вы, фрейлейн, не в духе...
(Делает вид, будто хочет уйти.)

Валеска

Постойте! Вы о Виталии?

Норден

Да.

Валеска

Ради бога! Профессор!

Норден

Вот то-то!
Ты, золотая, везде и всегда
Моя единственная забота.
(Целует ее в лоб.)

Валеска

Но что вы узнали, профессор? Что?

Норден

Сейчас. Вот только повешу пальто.
Где-то я видел гвоздик.

Валеска

Ради бога... Не мучьте меня...

Норден

Милая! Тебе надо на воздух.
Ты побледнела, как простыня.
Где вентиляторы в этом зале?
Ах, эта Минна! Отбилась от рук!

Валеска

Что вы узнали? Что вы узнали?

Норден

Сейчас, сейчас! Да где ж этот крюк?
(Наконец находит вбитый в стену костыль и вешает на него пальто. Затем торжественно поворачивается к Валеске и не столько говорит, сколько произносит.)

Как ни могущественно гестапо,
Однако и Норден не из овец:
Я вырву его оттуда!

Валеска

Папа!

Отец мой... Миленький мой отец...
(Покрывает поцелуями его руки.)

Норден
(растроганный)

Ну, ну... Спокойно, детка... Не надо...

Валеска

Какой ты чудный!.. Какой родной!..

Норден

Я крайне счастлив, что дочь моя рада.
Конечно, девушке скучно одной.
А ты одна у меня забота.

Минна
(входя)

Простите. К вам генерал фон Бодо.

Норден

Очень кстати. Вот видишь, дитя:
Мир тебе сказкою может казаться,—
Сейчас мы сумеем почти шутя
Освободить твоего красавца.

Валеска

Как? И вы через этого графа?

Норден

Ну да. А что? Куда ты ушла?
Постой! Да ты ненормальная, право!
Ты в каждом видишь исчадие зла,
В каждом тебе сатанинское снится,
Всякие бездны! Ты чахнешь от них.
Подумай: завтра твой юный жених
Нежно твои поцелует ресницы.
А? Это будет явь, а не сон.
Мир предстанет в иных освещеньях,

Граф Бодо
(входя)

Добрый вечер.

Валеска

Боже мой! Он!

Норден

Кто?

Валеска

Это он! Освенцимский священник... *(Падает в обморок.)*

Граф Бодо

Она, очевидно, душевнобольная. Бедняжка! Надо уложить ее на диван. Ну! Что же вы? Помогите мне!

Укладывают Валеску.

Она скоро очнется. Какие новости, доктор?

Норден

Новости? Ах да... Новости... *(Он начинает нервно вертеть кольцо на пальце.)* Профессор Сент-Эглиз набросал уже кое-какие расчеты применительно к вашему замыслу. *(Вынимает из сейфа папки.)* Угодно взглянуть?

Граф Бодо
(раскрывая папку)

Дальше?

Норден
(подавая новую папку)

Имеется уже чертеж оболочки.

Граф Бодо

А это что за молния в синих клетках?

Норден
(тревожно оглядываясь на Валеску)

Это таблица. Таблица усиления заряда и кривая его эффективности в окружности радиусом около пятидесяти километров.

Граф Бодо

Радиус в пятьдесят мал. А почему эти папки черного цвета?

Норден

Случайно.

Граф Бодо

Просто траур какой-то!

Молчание.

Какие же проблемы стоят перед институтом сейчас?

Норден

Проблемы? Их еще много.

Граф Бодо

Сент-Эглиз сказал мне, будто бериллий в качестве заменителя себя не оправдал. Это правда?

Норден

Да.

Граф Бодо

Чем же его заменить?

Норден
(уронив перстень)

Не знаю. Нечем. Пока нечем. *(Он начинает искать перстень, низко нагнувшись над полом.)*

Граф Бодо

Что вы там шарите?

Норден

Я утерял перстень.

Граф Бодо
(иронически)

Ах, это сапфир, имеющий провиденциальное значение?

Норден

Что? Да, да...

Граф Бодо

Потом найдете. Сядьте. Сидите спокойно.

Норден

Скажите, ваше превосходительство... Мне это почудилось или... Вот вы, когда вошли, держали четки... Белые четки... Или мне показалось?

Граф Бодо

Четки? Какие четки? Не понимаю вас.

Норден

Белые четки...

Граф Бодо

Какие пустяки вас интересуют! Но к делу, милостивый господин, к делу! Как реагировала Анна Кроне на необходимость подписать документ?

Норден

Анна отказалась наотрез.

Граф Бодо

Так. Чем вы ей пригрозили?

Норден

Видите ли... Зная характер этой женщины... Она скорее умрет, чем... Короче говоря, возвращением в лагерь ее, ваше превосходительство, не запугаешь. Я хотел испробовать другое... Жених этой девушки также в Освенциме. А девушка эта — ее дочь. Я надеялся, что любовь фрейлейн Валески может заставить мать пойти на уступки.

Граф Бодо

Позовите ее.

Норден звонит.
Входит Минна.

Норден

Пригласите доктора Анну Кроне.

Минна выходит. Молчание.

Ваше превосходительство... Извините мою настойчивость. Если вы действительно граф, то есть генерал, в чем я нисколько не сомневаюсь, то почему эта девушка сказала о вас, будто вы священник? Или это тоже бред?

Граф Бодо

Вот вам совет, профессор Норден: поменьше любопытства. Я вам известен как граф Бодо, генерал службы СС. Это все, что вы вправе обо мне знать. Могу еще добавить чисто по-дружески: я решительно не советую вам, профессор Норден, доискиваться чего-либо большего не только в отношении меня, но и в случае знакомства с любым другим человеком моего образца. Ясно ли вам, милостивый господин?

Молчание. Входит Анна.

Анна
(тревожно)

Разрешите?

Норден

Да-да. Прошу вас. Знакомьтесь: это, Анна, его превосходительство граф Бодо, которому вы обязаны...

Анна

Что такое с Валеской? Почему она лежит? Доченька! Что ты?!

Норден

Ей стало несколько дурно, Анна... Я давно говорил, что следовало бы чаще бывать на воздухе.

Граф Бодо
(тихо)

Замолчите!

Анна

Валеска! Ты слышишь меня? Это я, я! Твоя мать! Скажи мне что-нибудь... Ну, скажи... Доченька...

Валеска
(в бреду)

Нет, нет... Не тронь...
Уйди, уйди!
Огонь, огонь
В моей груди...

Вот он стоит.
Он выше всех!
На нитку нижет
Белый смех...

Граф Бодо

Она бредит. Само по себе, фрау Кроне, это не страшно. Но у нее такое состояние вряд ли кончится выздоровлением. Ведь тут не инфекция. Это истощение нервной системы. Вы, надеюсь, понимаете, фрау, что исцелить вашу дочь можно только одним: возвращением ее жениха.

Валеска

Ах, нет, ты знаешь, милый: он потом
Возник однажды у моей решетки,
Позвал меня и показал мне четки.

Граф Бодо

Не вслушивайтесь, фрау, в ее слова: они бессмысленны.

Валеска

Я вскрикнула, поймав себя на том,
Что увидала в них твою улыбку!
Ты понимаешь? Вдруг такая тишь.
Все стало как-то призрачно и зыбко...
А ты... ты будто в зеркале стоишь.

Граф Бодо
(Анне)

Мадам! По вашему лицу катятся крупные слезы. Но это ведь, простите меня, лицемерие. Вам стоит сказать только одно слово — и жених вашей дочери будет здесь. Профессор! Объясните это госпоже Кроне.

Норден

Да-да, золотая моя. Только одно слово. Даже не слово, а подписать бумажонку. И ты это сделаешь! Ты обязана это сделать: ты мать!

Анна
(глядя на него с ненавистью)

Но ведь и ты отец. Зачем ты связываешь ее здоровье с моей совестью?

Граф Бодо

Профессор ничего не может сделать без моей помощи. Ясно вам? Ни-че-го. А я ставлю условием вашу подпись под одним историческим документом. Ну? Решайте!

Валеска

Белые четки, белые четки,
Белые четки стучат, как скелет.
Кость за костью — отчетливо, четко —
Отсчитывают
чьи-то двадцать
лет.

Как он смеется, двадцатилетний!
Так смеяться вы не смогли б...
Слушайте четки... Чу! Все заметней
Тайное щелканье, скрежет, скрип.

Склабятся, скалятся, щерятся четки.
Близится, близится грозный суд.
Мертвой хваткой сомкнутся у глотки,
Горло зубами перегрызут.

Анна громко рыдает.

Норден

Спаси ее, Анна... Теперь уже я умоляю тебя об этом! Спаси нашего ребенка! Мы будем жить втроем... Совсем с начала... По-новому... Я брошу эту ужасную физику... Я пойду учителем в школу... в начальную школу... Где-нибудь в Висбадене...

Граф Бодо
(брезгливо)

Замолчите!

Норден
(истерически)

Нет, это вы замолчите! Не согласны уступить, ну и молчите! Это вы во всем виноваты! Думаете, я не знал? Мне все известно! Белые четки! Все! Молчите!! Анна... Анна... Спаси нашу дочь... Я ничтожество. Я нищий духом. Но ты! Ты могучая, смелая! Ты все можешь! Анна!

Граф Бодо
(одобрительно)

Так, так.

Норден
(радостно)

Смотри, наша девочка очнулась. Вот она глядит своими чудесными глазами: кроткими... лучистыми... ясными... Анна! Один только росчерк — и она спасена. Одна лишь подпись: «Анна Кроне». Всего несколько букв. Ну, что же делать? Что же делать? Ан-на!

Валеска села и глядит в лицо матери широко открытыми глазами. Анна встает и, крепко прижав руки к груди, выходит из комнаты.

Граф Бодо

Ну? Как вы думаете — согласится?

Норден беспомощно смотрит Анне вслед. Из темного угла отделяется Вернер, появление которого никто не заметил. В руках у него раскрытая газета.

Вернер

Какое это может иметь значение? Русские подходят к Днепру.

Граф Бодо
(вздрогнув)

К Днепру? Плохо. Очень плохо.

Пауза.

Плохо, но пространства России велики. У нас еще есть время. Профессор Зебальд Норден!

Норден
(привычно подчиняясь)

Я.

Граф Бодо

С завтрашнего дня весь персонал института переходит на положение войск службы СС. Лично вы будете представлены к чину генерала. Остальные — в зависимости от рвения и преданности делу. Институт отныне становится строго секретным. Местопребывание его переносится за пределы Берлина, может быть,— в другое государство.

Куда именно, вам знать не полагается, В течение трех дней все должно быть подготовлено к эвакуации. Через три дня, ровно в шесть часов утра, на аэродроме будет ждать эскадрилья. Предупреждаю: малейшая неточность в исполнении моего приказа грозит расстрелом. Реверансы по отношению к вам закончены. Теперь вы люди военные. Вопросы есть? Нет! Имею честь кланяться. *(Бодрым шагом выходит из кабинета.)*

Норден машинально провожает его к выходу. Вернер подходит к письменному столу, на минуту задумался, стиснув зубы так, что под кожей обронзовели желваки, затем гибким движением вытащил из среднего ящика револьвер и быстро спрятал его в карман. Возвращается Норден.

Норден

Служба СС... Аэропланы...
Кончено. Все расползается врозь.
(Устало опускается в кресло.)

Вернер
(металлическим голосом)

Профессор! Можно задать вопрос?

Норден удивленно поднимает голову: тон Вернера странно необычен.

Где великие ваши планы?

Норден
(досадливо)

Оставьте меня!

Вернер

Отвечайте: где?

Норден

И этот чего-то требует... Боже!

Вернер

Я для вас не случайный прохожий,
Но и не демон на Страшном суде,
После Валески, после Анны,
Кто дороже меня для вас?
И если именно в этот час
Я смею спрашивать: где ваши планы...

Норден
(умоляюще)

Не нужно думать... И без того скверно...

Вернер

Нет! Напротив! Наоборот!
Надо!

Норден

Чего вы хотите, Вернер?

Вернер

Идите к народу!

Норден
(в отчаянье)

Но где народ?
Фашизм — это пустыня истории,
Это костьми покрытая степь,
И все мы по ней, не глядя в стороны,
Тихо влачимся волей судеб.
Мы больше не мыслим... Нас нет на свете...
А нас миллионы! Умер народ.

Вернер
(страстно)

Ложь! В пустыне проносится ветер!
Жажда свободы... Она не умрет!
Не падайте духом. Увидите: вскоре
В Германии будет хозяином Труд.
Объявите: «Морю плескаться тут!» —
И у Берлина возникнет море;
Прикажете: «Здесь не место горам!» —
И вместо гор задымится поле,
Ибо народ предоставит вам
Весь порыв своей доброй воли.
Но это, Норден, не будет для вас
Хищной победой сверхчеловека.
Нет! Объятый любовью масс,
Ваятель облика нового века,
Вы сами себя ощутите вдруг
Изваянным миллионами рук...

Такой полноты в одиночестве гордом
Фауст
не знал
никогда!
Идете ли с нами, Зебальд Норден?
Одно только слово: нет или да?

Норден

Ах, замолчите! Вы, кажется, пьяны.
«Фауст», «народ», «труд»...
Здесь ожидают аэропланы!
Аэропланы ждут!!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

На свете так ведется,
Что в воздухе, в земле или в воде,
В тепле иль в холоде зародыш разовьется.

Гете, Фауст, ч. II

Актовый зал института. Огромное окно в бумажных крестах. Закат. Военное небо, перекрещенное синими лучами прожекторов. Над черными очертаниями германской столицы висят дирижабли наблюдения.

Вернер
(один)

Родина,
ты ли это?
Тебя проклинают на всех языках...
Чудовищем стал уже образ Германии!
Ужели ж тебя не пугает этот закат?
Ведь мир стоит у последней грани.

Как мне узнать тебя, родина?
Я утерял любимые с детства черты...
Какою надеждою
мог бы я снова упиться?
Мать моя!
Милая...
Нежная...
Ты
стала убийцей.

Ах, нет, не то!
Ты просто душевно больна!
бациллой безумья
тебя заразили.
Но мы тебя вырвем из этого страшного сна
силой!
Я в тебя верю. Но я не один,
верящий в святость твоих седин.
Я не один.
Нас много таких,
тайным огнем молчанья палимых,
неукротимых, неистребимых,
нежно любящих,
беспощадных
верных сынов твоих!

Радио: «Внимание! Внимание! Воздушный налет с востока! Внимание!»

«Воздушный налет с востока...»
Клич этот слаще пенья!
Мы не одни.
Земля не мертва.
Спасение близко. Придет спасение:
Есть на свете Москва!

Серия мощных ударов. Даль озарилась. Ярко вспыхнул собор. В зал входят рабочие, среди которых гигант в синем комбинезоне.

(Сурово.)

Что вам здесь надо? Ступайте в бомбоубежище.

Гигант

А вы почему стоите, господин кандидат?

Новая вспышка фугаса. Черная линия крыш на красном зареве. Прожекторы заметались с бешеной быстротой.

Вернер

Я требую, чтобы вы немедленно ушли в бомбоубежище.

Гигант

Придется идти, ребята.

Рабочие удаляются. Гигант подходит к Вернеру и становится за ним. Оба наблюдают бомбардировку.

Говорить можно?

Вернер утвердительно кивнул головой.

Арестован Ва́руш.

Вернер

(потрясенно)

Ва́руш?

Гигант

Тише!

Вернер

Не может быть...

Гигант

В сторону отойди, товарищ.
Тебя ведь могут убить.
(Бережно уводит Вернера за колонну.)

Вернер

Когда арестован? Как?

Гигант

Случайно.
В облаву взяли целый район.

Вернер

Мало сказать — утрата... Урон!
Ва́руш... Известна ли им его тайна?

Гигант

Не думаю. Жил он два года в щели.
Да и не крупная птица с виду.

Вернер

Ва́руш... Кто ж теперь «Альбрехт Видэ»?

Гигант

Ты.

Вернер

Я? Вы с ума сошли...
Альбрехт Видэ — бессмертное имя,

В нем грозная пламенность. Это стяг!
А я с дарованьицами моими
В сравнении с «Альбрехтом» — нуль. Пустяк.

Гигант

Бюро приняло́ решенье такое:
«Альбрехт Видэ» с этого дня —
Вернер.

Вернер

Ах, но ведь имя какое!
Имя!

Гигант

Альбрехт! Ты слышишь меня?

Вернер осекся.

Что передать товарищам?

Вернер

Что?
Скажи коммунистам... Скажи рабочим...
Всем нашим людям скажи... А впрочем,
Это лирика. Нет. Не то.
В бюро передай, что у графа Бодо
Вылет назначен на утро в шесть.
Это событье такого рода,
Значенья которого не учесть:
Если только полет состоится,
Последствия будут ужасны.

Гигант

Так.
А Норден что?

Вернер

Профессор стыдится,
А все же с графом почти контакт.
Но это...

Гигант

Понятно: это от страху.

Вернер

Главное — надо сорвать полет.

Гигант

Действовать надо.

Вернер

Да. Но не с маху.

Гигант

Ясно. Кто у них там пилот?

Вернер

Не знаю. Дело совсем не в пилоте.

Гигант

А в чем? Если курс изменить в пути...

Вернер

Как вы, товарищи, не поймете,
Что мы не можем на это пойти?
Здесь удача проблематична.
Ведь с ними, наверное, будет конвой,
Второй авиатор и Бодо лично!
Пилот рискует своей головой.

Пауза.

Можно ли физиков спрятать в руинах?

Гигант

Можно.

Вернер

Уверен?

Гигант

А как же? Вполне!
Благодаря взрывной волне
В наших руках теперь бывший рынок.

Вернер

Великолепно! Пять человек
Могут укрыться. Это не масса.

Гигант

Если мы спрятали статую Маркса,
Как-нибудь спрячем и ваших коллег.

Радио: «Внимание! Внимание! Воздушный налет с востока отбит! Спокойствие!»

Вернер

Надо идти. Значит, все исполнишь?

Гигант

Будь спокоен!

Вернер

Так помни: пять.
Прощай!

Гигант

Где мы встретимся?

Вернер

Здесь же в полночь.
В полночь налет повторится опять.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Ты должен либо жизнию земною
Доволен быть и глупо жить, как скот,
Или подняться гордою душою,
Познав, что к правде дерзость лишь ведет.

Ленау, Фауст

Анна укладывает чемодан. Валеска.

Анна

Ты уложилась? Торопись. Пора.

Валеска

Когда мы улетаем?

Анна

В шесть утра.

Валеска

А где Виталий?

Анна

Говорят, прибудет.

Валеска

Когда?

Анна

Они уверили меня,
Что не позднее завтрашнего дня.

Валеска

Но это будет?

Анна

Ну, конечно, будет.

Валеска страдальчески закусила губу.

Валеска

А как работа, доктор Анна Кроне?

Анна
(недоуменно поглядев на Валеску)

Что за вопрос? Работа как всегда.

Валеска

Я вспомнила случайно о нейтроне.
Они все те же? Медленные?

Анна

Да.

Валеска судорожно сжимает руки. На одном из ее пальцев сверкнул перстень доктора Нордена.

Как ты бледна! Не выпьешь ли «кармина»?
Дешевое, но крепкое винцо.
Постой! Откуда у тебя кольцо?

Валеска

Я... я нашла.

Анна

Где?

Валеска

В пепле. У камина.

А н н а

Сними!

В а л е с к а

Зачем?

А н н а

Профессору верну.
Он обыскал весь дом и все дорожки.
Он целый день ворчит. Сними же! Ну!

В а л е с к а

Позволь мне поносить его немножко.

А н н а

Да что в нем? Ни огня, ни красоты.

В а л е с к а

Я так люблю стекляшки!

А н н а
(удивленно)

Это ты?

В а л е с к а

Ты многого во мне не замечала.

А н н а

Да. Это правда.

В а л е с к а
(играя сапфиром)

Видишь — он горит.

Пауза.

А н н а

Отец твой то и дело говорит,
Что мы втроем сумеем жить с начала.

В а л е с к а

С начала? О! В особенности я!

А н н а

Он понял, как нужна ему семья.
Он строит планы, бредит об уюте...

Все это мелочи, но дело в сути:
Он знает, в чем его вина.

Валеска

Ну что ж, благодаренье катастрофе!
Послушай, мама, я хочу вина.

Анна
(усмехаясь)

Решила выпить за его здоровье?
(Достает из чемодана бутылку.)

Валеска

Не надо смеяться, мать!

Анна
(наливая красную струю в стакан)

Почему?

Валеска

Скажи — это правда, что завтра Виталий
Станет свободным?

Анна

Так мне сказали.

Валеска

И ты... не шлешь проклятья ему?

Анна
(мягко)

Что с тобой, девочка?

Валеска

Мама, мама!
Мне эта тяжесть не по плечу...
Пусть он не едет. Я не хочу!
Я не могу! Но ты... Ты упряма.
Нет, ты не сбросишь своих цепей.
Ради меня ты погибнуть рада,
Хоть этого мне не надо, не надо!

Анна
(взволнованно)

Выпей и успокойся. Пей!
(Она отвернулась, чтобы не выдать своего волнения.)

Валеска открывает перстень и быстро выливает в стакан все его содержимое.

Валеска

Зачем я живу? Во имя дыханья?
Биенья пульса на столько-то лет?
Но это все тот же Майданек... Дахау...
Вот я живу. Но меня нет.
А ты? Во что обратилась ты?
А Норден? Жалкая львиная шкура...
Во что превратилась наша культура?
Где наши крылья? Где мечты?
Вернер сказал, что та плотина,
Которую Фауст для нас возводил,
Считая песней своей лебединой,
Последней волной угасающих сил,
Что эта плотина закономерно
Вошла в инвентарь «Электроконцерна»
И стала давать электрический ток
Для хищной агрессии на восток.

Да вот пример еще большего чуда:
Потомок Фауста, моя мать,
Весьма неплохой человек как будто,
Бомбу-то... *будет* изобретать!

Анна

Нет, ты больна. Эти бледные губы...
Эти глаза...

Валеска

Итак, мой тост —
За матерей! Ты им не под рост:
Ты впала в звериное чадолюбье,
Оно все низменнее, лютей.
Тебе твой детеныш дороже крови
Миллионов людей...
А я — я пью за ту Анну Кроне,

Что мне путеводной звездою была,
Но вдруг померкла и умерла.
(Делает несколько больших глотков из стакана.)

Анна

Зачем ты так со мною жестока?
Да, я была виновна пред тобою:
Я увлеклась наукой и забыла,
Что у меня есть дочь. Ты не дитя
И понимаешь: юная студентка,
Которая, как бога, обожала
Великого ученого, а он,
Пресытившись любовью, покидает
Ее с ребенком,— юная студентка
Решает посвятить себя науке.
Она мечтала где-нибудь вдали
Завоевать себе большое имя,
Чтоб стать ему под рост, чтоб он не знал,
Кого скрывает славный псевдоним,—
И вдруг бы ахнул, вспомнил бы, смутился...
Ну, и так дальше...
(С горькой усмешкой.)
Роковая месть!
Но вот теперь, когда я поняла,
Что ты росла без матери, Валеска,
Что золотые дни моей дочурки
Я в жертву этой мести принесла,—
Теперь я посвящу тебе, родная,
Все свои силы, всю свою тоску,
Все двадцать лет бессонницы моей!

Валеска стонет.

Ты что сказала?

Пауза.

Что же ты молчишь?
(Берет ее за руку и вдруг замечает приподнятый над перстнем камень.)
О, господи... Кольцо... Она мертва!
Скорее... Люди! Боже мой... Скорее!
Сюда, сюда!

Вбегает Вернер с саквояжем и пальто, переброшенным через руку. За ним Норден.

Вернер

Что с вами?

Анна

Отравилась.

Норден

Как отравилась? Не может быть! Почему? Не может быть... Все шло так замечательно... И Виталий этот... Почему отравилась?

Вернер стремительно отбрасывает пальто и саквояж, подходит к Валеске, щупает пульс, приподнимает верхнее веко.

Ну да: вот мой перстень. Тот самый перстень. Двадцать лет хранил я эту змею и не знал, для чего, для *кого* я ее хранил...

Вернер
(подходит к Анне)

Большое горе, фрау.

Анна
(склонившись к его плечу)

Вернер, Вернер...

Вернер

Большое горе. Тут слова излишни,
А утешенья пошлы.

Норден

Отравилась...

Вернер
(осторожно усаживая Анну в кресло)

Прошу вас только: сохраните силы.
(Он снова подходит к Валеске, глядит на нее с глубокой печалью, затем поднимает на руки, укладывает на диван и покрывает простыней.)

Норден

Я хотел передать ей все свои познания... Я хотел, чтобы она принесла грядущему то, что я спас от современности... А она отравилась. В конце концов, я никогда

никого не любил. Никто не был мне по-настоящему дорог. И вдруг на склоне моих лет явилась она, эта девочка... *(Плачет.)*

Вернер
(возвращаясь к Анне)

Я преклоняюсь перед вашим чувством,
Священным чувством матери. Но, фрау,
Моя любовь к Валеске рядом с вашей!
Не место здесь об этом говорить...
Вдобавок же с минуты на минуту
Войдет граф Бодо. Ваши слезы, Анна,
Теперь нужны Валеске много меньше,
Чем ваша честь.

Анна
(сквозь слезы)

О чем вы говорите?

Норден

Я так привязался к ней! Никто не поверит, как я к ней привязался! *(Продолжает плакать.)*

Вернер
(тихо)

Вы были ради дочери готовы
На преступленье...

Анна отшатнулась.

Я не обвиняю.
Я констатирую. Однако, фрау,
Теперь, когда Валески с нами нет,
Ужели вы по-прежнему согласны
Отдать свои познания тому,
Кто замышляет гибель миллионов?

Минна
(входя)

Его превосходительство граф Бодо.

Входит граф. Минна исчезает.

Граф Бодо

Ну! Все готово. Поздравляю вас:
На всем пути прекрасная погода,
И вылет я назначил через час.

Прошу вас оценить мое доверье:
Вы будете работать в атмосфере
Весьма уютной маленькой страны,
На глубине полузабытых штолен
И под защитой штыковой стены.
Хочу, чтоб фюрер вами был доволен.
Хайль!

Молчание.

Что же вы?

Молчание.

В чем дело, наконец?
Профессор Норден!

Норден

Тсс... У нас мертвец.

Граф Бодо
(огляделся и увидел труп)

Кто это?

Норден

Это дочь моя. Валеска.

Граф Бодо

Что с ней такое? А?

Норден молчит.

Вернер
(тихо)

Самоубийство.

Граф Бодо

Несчастная... Из-за чего? Бедняжка...
Но я ведь говорил вам, что она
Психически больная.
(Крестится.)

De profundis clamavi ad te, Domine! Domine, exaudi vocem meam! [1] *(Вздохнул.)*

[1] Молитва: «Из глубины воззвал я к тебе, господи! Господи, внемли гласу моему!» (129-й псалом.)

В конце концов, мы в жизни, как в походе,
И сколько ни шагает человек,
А ждет его и гробовой ночлег.
Однако... надо помнить о погоде.
Погода — вещь капризная: сейчас
Безоблачная высь, а через час...
К тому же эти вражеские птицы...
(Хотя вполне надеюсь на броню!)
Короче: я прошу поторопиться.
А дочку вашу я похороню.
Конечно, без особенного блеска,
Но все-таки. Итак?

Норден
(подходит к дочери)

Прощай, Валеска.
(Вдруг резко оборачивается к графу Бодо.)
Да бросьте перебирать вы четки!
Не могу слышать этой трещотки....

Граф Бодо
(резко)

Никаких четок у меня нет.

Норден

Да... Действительно... Очень странно...
Но звук-то, звук!.. Ведь это не бред.

Вернер

Это, профессор, каплет из крана.
(Подходит к раковине и плотно запирает воду.)

Норден вздохнул, поцеловал Валеску в лоб и уступил место Анне.

Анна

Прощай, моя девочка. Дочка моя.
Ты мало жила. Не изведала счастья,
Нет, не тебя поджидала скамья
Под липою в соловьиной чаще...
Ты только страшным видела мир,
Ты чисто по-детски искала бога,
Но поняла, что и он кумир,
А мы кумиров видели много,

Правда? И все-таки, ангел мой,
Ты не напрасно жила на свете:
Я говорила, объятая тьмой,
Что я одна за тебя в ответе,
Что есть у горя свои права,
Что, даже уйдя в пучину порока,
Горе выше любого упрека.
Но ты мне ответила: «Ты не права!»
Жизнью ответила! Нет... Я не плачу...
Видишь? Не смею слезинку пролить.
Отныне, Валеска, я буду жить
Не знаю как, но иначе. Иначе!
(Целует ее в лоб.)

Граф Бодо
(набирая номер телефона)

Ну, ну! Простились? Пора, пора...
Нас ожидают аэропланы.
Ей принесут *(дует в аппарат)* гвоздику,
тюльпаны!
Если б я знал об этом вчера...
Я уж и так пошел на уступку.
(Дует.)
Верьте: мне самому тяжело,
Но дело есть дело, не так ли? Алло!
Аэродром?

Вернер

Положите трубку.

Граф Бодо
(в аппарат)

Диспетчер? Вы что? Одурели от скуки?
Лжете! Спали! Ясно вполне!

Вернер
(отчеканивая)

Граф, положите трубку.

Граф Бодо
(изумленно)

Вы... мне?

Вернер
(у него револьвер)

Руки!!

Бодо поднял пальцы, со стуком уронив трубку на рычажок. В ту же секунду телефон зазвонил.

Норден
(робко взяв трубку)

Слушаю. Я. Да-да... Институт.
Что?
(Вернеру.)
Аэропланы ждут.

Граф Бодо

Вот видите! А? Какая забота!
В городе бомбардировка, гром,
А нам звонят...

Вернер
(у телефона)

Аэродром?
Вылет не состоится. Бодо.
(Кладет трубку.)

Граф Бодо

Норден! Уйми его... Удержи...
Он сумасшедший. Лишился рассудка...

Вернер

Доктор! Формулы и чертежи!

Граф Бодо

Доктор, не смейте!

Норден
(Вернеру)

Сейчас. Минутка!
(Направляется к сейфу.)

Граф Бодо

Доктор! Будьте мудрым хоть раз:
Если придут советские части,

Вас арестуют за соучастье
В создании бомбы. Он губит вас!
Вас заточат в одиночной башне...
Сошлют в Сибирь... Да что говорить!

Норден

Нести наказанье за бомбу не страшно,
Гораздо страшнее — бомбу творить.
(Отпирает сейф.)

Граф Бодо

Так. Анна Кроне... Зебальд Норден...
Молодец, Вернер! Ваша взяла.
Но что вы получите, сын мой? Орден?
А? Это все? За такие дела?
Слушайте, юноша: жизнь — это рынок.
Хотите чек?
Сорок тысяч! Ведь вы человек.
Я кое-что слышал о ваших рубинах.

И вообще, мне все тут понятно. Вы делаете ставку на коммунистов, ибо Красная Армия не за горами. Да! Империя Гитлера падет. Гитлер — это собака, которая укусила своего хозяина. Новый Гитлер будет умней. Слушайте меня, Вернер: на нас с вами капитализма хватит! Мы еще будем купаться в золоте. Именно мы с вами!

Норден передает Вернеру тетради, рукописи, папки.

Вы мне нравитесь, Вернер! Вы увели с собой этих дураков, как флейтист из Гаммельна увел за собой крыс. Вы мне нравитесь. К тому же у вас чертежи! Их можно продать Америке. Мы еще будем купаться в золоте, говорю я вам! Это я вам обещаю. А пока предлагаю аванс. Обладали вы когда-нибудь суммой в сорок тысяч марок?
Сорок тысяч — вилла! Авто!
Сорок...
(Он вытаскивает из верхнего карманчика мундира чековую книжку. Вместе с ней на пол вываливаются белые четки.)

Анна
(в ужасе)

Четки!!

Граф Бодо

Это не то...
Это не зубы... Это подвески!

Вернер прицеливается в него. Бодо рухнул на колени.

Дом куплю вам... Поместье куплю...
Пощады, Вернер! Прошу! Молю!

Вернер
(с ненавистью)

Пощады? Просите ее у Валески.

Выстрел. Бодо падает. Вбегает Сент-Эглиз в пальто и с чемоданом.

Сент-Эглиз

Боже... Вернер! Вы всех погубили!
Сейчас сюда сбежится весь дом.
Все погибло. Мы не уйдем.
Все! За что вы его убили?

Входят рабочие и гигант в синем комбинезоне.

Ну, вот вам. Вот! Они уже тут.
Я говорил вам! Весь институт!
Все, кроме швейцара и Минны.

Гигант

Вниманье, ребята! Закладывай мины.

Рабочие закладывают по углам мины замедленного действия.

Вернер
(держа на ладонях папки)

Друзья! Мы просим у вас совета.
Тут собраны тайны двух тысяч лет.
Здесь новый источник тепла и света,
Грядущей техники силуэт,
Здесь физика шествует новой тропой,
Здесь новый гимн торжества над природой,
Здесь каждая буква во имя народа!
Это мы унесем с собой.

(Передает гиганту связки рукописей в оранжевых папках, затем подымает над головой кипу бумаг в черных переплетах.)

Но в этих траурных папках таится
Чудище, выраженное в нулях,
В страшных формулах, в жуткой таблице
С черными «птичками» на полях.
Тут мозг
покоренный
чертил окружность,
Вылавливал молнию из сетей...
Здесь, в этих папках, гнездится Ужас,
Обвалы столиц и пепел детей.
Здесь кровью невидимой все залито́...
В них самосуд над творчеством мирным,
В них преступление наше пред миром,—
Что с ними делать, гении? Что?!

Молчание. Ученые подавлены. Вернер подходит к камину. Замирающие угли подсветили снизу его упрямый подбородок и страстный рот, углубив еще больше тени вокруг широких скул и запавших глаз, горящих неукротимым блеском.

(Бросая в пламя первую папку.)
Во имя сожженного Альбрехта Видэ,
Что снова шагает, огнем овитый,
В черном дыму и горящей золе.
(Бросает вторую.)
Во имя девушки чистой и юной!
(Бросает третью.)
Во имя грядущего!

Гигант

Во имя Коммуны!

Анна

Во имя радости на земле.

Москва
1947

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий том Собрания сочинений включает драматическую трилогию «Россия», состоящую из трагедий «Ливонская война», «Царь да бунтарь», «Большой Кирилл», а также философско-публицистическую драму «Читая «Фауста».

Трилогию «Россия» поэт считал основным трудом всей своей жизни. Она создавалась им более десяти лет, правда с перерывами, самым продолжительным из которых были первые годы Великой Отечественной войны и начало послевоенной поры.

Обращение к событиям истории было для Сельвинского не уходом от современности, а как бы новым подходом к ней же с позиций более сложных задач и замыслов. Автор трилогии объяснил это стремлением изобразить идеального героя русской истории — носителя народной правды в развитии, от его появления на исторической арене до завоевания власти пролетариатом России. Все части трилогии связывает не только единая мысль о народе как главной созидающей силе истории, но и образно олицетворяющий основу замысла род Чоховых. В «Ливонской войне» его представляет литейных дел мастер, талантливый самоучка из крестьян, Андрей Чохов, которому близки и понятны интересы простого люда.

В трагедии «Царь да бунтарь» — Никита Чохов, правнук Андрея. Подобно тому как Петр I наследует и осуществляет мечту Грозного о выходе России к морю, Никита Чохов продолжает начатую еще прадедом борьбу за народные права. В заключительной части трилогии, пьесе «Большой Кирилл», в первой шеренге пролетариев-большевиков рядом с вождем революции добывает и утверждает победу Октября рабочий-путиловец с партийной кличкой «Большой Кирилл» — комиссар Кирилл Чохов из той же трудовой династии России.

Примечательно, что, тщательно изучая исторические источники, поэт одновременно вспоминал, перечитывал и внутренне переосмысливал творения литературных предшественников, обращавшихся к тем же темам: А. К. Толстого — создателя трагедии «Царь Федор Иоаннович» и Пушкина с его «Борисом Годуновым» и «Полтавой».

Раздумья Сельвинского о судьбах и направлении драматической поэзии, о пушкинских и шекспировских традициях во

многом воплотились в трагедиях «Ливонская война» и «Царь да бунтарь». Существо позиций поэта по этим вопросам выражено в письмах его к студенту Литературного института имени Горького А. Чеботареву:

«История трагедии началась не с Озерова, а с Пушкина, то есть тогда, когда она стала национальной. Озеров забыт, а традиция пушкинской драмы живет полной жизнью и в наши дни. Но не следует представлять себе это явление таким образом, что, мол, Пушкин создал недосягаемую вершину в «Борисе Годунове», по которой равнялись все драматические поэты последующих поколений. Алексей Константинович Толстой как поэт не смог стать рядом с Пушкиным, но с точки зрения разработки характеров, несомненно, ушел дальше... Творчество таких прозаиков, как Лев Толстой и Достоевский, не могло не отразиться на работе драматургов, и Алексей Толстой создает шедевр: духовный облик царя Федора Иоанновича. Понимание такого характера было совершенно невозможно во времена Пушкина» [1].

Напоминая о переписке классиков марксизма с Лассалем, поэт продолжал:

«В Шиллере они видели «рупор времени», тогда как Шекспир пленял их необычной «живостью характеров». И все же ни Шекспир, ни Шиллер не удовлетворяли их полностью. Энгельс, размышляя о судьбах трагедии, видел ее в слиянии глубокого шекспировского реализма с идейной высотой Шиллера. Это слияние должно осуществить наше поколение драматургов» [2].

Сельвинский еще раз подчеркивал, что для него «сценичность Шекспира... в поэтическом обаянии, которым дышит каждый его герой» [3].

Подобными критериями, на наш взгляд, уместно поверять характеры трилогии «Россия».

Ливонская война (стр. 11).— Над изучением исторических источников и материалов, связанных с царствованием Ивана Грозного, поэт трудился в 1939—1940 гг. и начал писать «Ливонскую войну» в 1941 г. Фашистское нашествие надолго оторвало его от этой работы. Сотрудник армейских и фронтовых газет, он живет в гуще бурных военных событий, лишь урывками возвращается к рукописи и завершает ее весною 1944 г. Трагедия впервые была напечатана в журн. «Знамя» (1944, № 12). Первое отдельное издание ее было осуществлено издатель-

[1] Илья Сельвинский, Письма студентам, «Советская Россия», М. 1965, стр. 66—67.

[2] Там же, стр. 56.

[3] Там же, стр. 58.

ством «Искусство» в 1946 г. Далее «Ливонская война» входила в различные сборники поэта: «Лирика и драма» — «Советский писатель», 1947; «Избранное» — «Советский писатель», 1950; «Трагедии» — «Советский писатель», 1952; «Избранное» — Гослитиздат, 1953; и, наконец, вместе с другими частями трилогии «Ливонская война» вошла в сб. «Россия» — «Советский писатель», 1957, и во II т. «Избранных произведений», Гослитиздат, 1960.

Завершив трилогию и печатая все три пьесы вместе (1957, 1960), автор предпослал им внутренне напряженный лирико-патетический Пролог. Там же перед каждой из частей трилогии снят перечень действующих лиц.

Получившая высокую оценку литературной общественности и критики, «Ливонская война» от издания к изданию несколько меняла свой первоначальный текст. В каждое последующее поэт вносил исправления, делающие текст более выразительным. Так, например, в издании 1947 г. по сравнению с 1946 г. появился короткий диалог Курбского с Мстиславским, определяющий их отношение к Грозному. В различных изданиях укорачивались или удлинялись отдельные сцены и эпизоды, получали дополнительные краски некоторые диалоги, автор дробил реплики, иначе распределял их в диалогах героев. В издании 1952 г. ряд картин трагедии получил названия, а в 1957 г. впервые появился эпиграф к «Ливонской войне», взятый из «Слова о полку Игореве». Он сохранен и во всех последующих изданиях.

Общее направление поправок связано с желанием поэта избежать модернизации языка и в то же время добиться строгости заданного ритма, смысловой точности каждого эпитета. Вот один небольшой пример: в издании 1947 г. Старицкий говорит Мстиславскому:

«Поп Сильвестор *тверд* был, аки столп».

Так же было в 1953 г. В издании 1957 г. строка читается так:

«Поп Сильвестор, аки столп, *держался»*.

Поправка, сделанная поэтом в 1960 г., выражает смысл наиболее точно:

«Поп Сильвестор, аки столп, *стоял»*.

Печатается по изданию 1960 г.

Царь да бунтарь (стр. 189).— Первоначальное название трагедии было: «От Полтавы до Гангута». Сельвинский начал писать ее тут же вслед за «Ливонской войной», в 1944—1945 гг. Однако он отложил написанные им сцены и наброски, чтобы по свежим следам событий и чувств реализовать другой, более актуальный философский замысел, навеянный едва закончившейся войной с фашизмом,— пьесу «Читая «Фауста»», завершив ее летом

1947 г., Сельвинский вернулся к трагедии Петровских времен и закончил ее в 1949 г.

Трагедия эта встретила опасливое отношение некоторых консультантов-историков и внутренних рецензентов ряда печатных органов и была опубликована только спустя три года. Стремясь разъяснить свою позицию в полемике с рецензентами, поэт написал послесловие, интересное по мысли, внутреннему поэтическому пафосу и характеру примеров. Оно до сих пор целиком нигде не опубликовано и лишь в выдержках приведено в монографии о поэте[1]. В послесловии автор трагедии оттеняет характер замысла и его решения. Именно в связи с этим Сельвинский позднее, чтобы точнее очертить тему, дал трагедии новое название. Под заглавием «Царь да бунтарь» она появилась в двухтомнике Гослитиздата 1960 г.

«Царь да бунтарь» — трагедия оптимистическая. Ее пафос — осуществление заветной мечты Ивана Грозного о выходе государства Российского к морю. Но Грозному мешали в этом последствия татарского ига, феодальная разобщенность, боярская междоусобица, экономическая отсталость и приниженность народных масс. Петр I в новых условиях ведет полки, объединенные единой волей России, к морским побережьям и добивается победы. Однако возвышение государства не только не снимает, но даже обостряет в иных социально-экономических условиях противоречия между народом и властью, крестьянством и царем. Здесь основной узел трагедийного конфликта, наряду с которым развертывается и трагедия отца и сына (Петра и Алексея), знаменующая столкновение передовых устремлений Петровской эпохи и нежелание оппозиции Алексея подчиниться велению времени, его попытку уйти от ответственности перед родиной. Наконец, здесь же развертывается драматическое столкновение между Россией и Западом в сфере внутренних и международных отношений...

Широк и многообразен круг конфликтов, охваченных драматургическим полотном поэта. И для каждого из поворотов темы автор ищет неповторимые краски. Один из наиболее выразительных оттенков поэтической структуры трагедии — веянье пушкинизма. Оно ощутимо и в ремарках, и в косвенных деталях портрета Петра, но особенно в образе юного Ганнибала — прадеда Пушкина. В его внешнем облике, темпераменте и лиризме поэтически высветлен прообраз будущего гения России — Александра Пушкина, как бы воспринимающего глазами прадеда панораму

---

[1] См. О. Резник, Жизнь в поэзии (Творчество Ильи Сельвинского), «Советский писатель», М. 1967, стр. 452—457, и М. 1972, стр. 372—376.

Полтавского боя. Трагедия «От Полтавы до Гангута» впервые опубликована в сб. «Трагедии», «Советский писатель», 1952, и переиздана отдельной книжкой в издательстве «Искусство» в 1953 г. Позднее включена в отдельное издание трилогии «Россия» («Советский писатель», 1957) и во II том «Избранных произведений» И. Сельвинского (Гослитиздат, 1960). Во 2-е и 3-е издания трагедии автором внесен ряд новых деталей и редакционных поправок. В издании 1953 г. появились дополнительные штрихи в раскрытии характеров Петра и Меншикова. Резче оттенен стяжательский дух последнего. Более динамична сцена Полтавского боя, появилась в ней песня рекрутов. Автор сделал некоторые перестановки в ходе действия. Заострил социальное звучание диалога Петра с Чоховым.

В издании 1957 г. прямыми и косвенными характеристиками еще рельефней очерчен образ Петра, его величие как полководца, его тревоги как главы сословного государства, видящего корысть и казнокрадство приближенных царедворцев и ощущающего ропот народа. Это наглядней проявляется теперь в характере объяснений Петра с Чоховым. Читателю абсолютно ясно, что Петр понимает роль и значение народа как опоры страны в ее трудах и ратных замыслах, но условия времени и сословная ограниченность мешают ему пойти хоть в малой мере навстречу народным нуждам. Петр не может найти выхода из этих противоречий.

Последнее прижизненное издание трагедии «Царь да бунтарь» (1960) от предыдущего отличается очень незначительно.

Трагедия готовилась к постановке в Центральном театре Красной Армии, но осуществлена она не была. Пьеса была поставлена Воронежским драматическим театром, где спектакль шел с большим успехом. Печатается по тексту 1960 г.

Большой Кирилл (стр. 371).— Пьеса создавалась поэтом в 1951—1954 гг. и впервые была опубликована в сб. И. Сельвинского «Россия», «Советский писатель», М. 1957. В том же году со значительными разночтениями, с подзаголовком «Сцены народной драмы», вышла в издательстве «Искусство» и последний раз была напечатана во II томе «Избранных произведений» Сельвинского (Гослитиздат, 1960), где автор снял подзаголовок «Сцены народной драмы», подтвердив этим, что считает ее трагедией. «Большой Кирилл», по существу, является новаторским опытом создания советской трагедии, где главный герой — народ и где властвует не трагическое, а трагедийное. Видимо, не случайно именно во время завершения работы над «Большим Кириллом» поэт, отчетливо представляя различие между этими близкими по звучанию понятиями, писал:

«Трагичность — это такое положение героя, когда преграды, стоящие перед ним, настолько сильнее его возможностей, что борьба героя становится безнадежной, а сам он обречен на гибель. Трагедийность же — это такое положение героя, когда преграды настолько велики, что угрожают его жизни, но дыхание истории, от имени которой действует герой, сильнее этих преград, и, следовательно, не герои, а преграды обречены на гибель» [1].

Действие пьесы охватывает короткий отрезок времени — с января по ноябрь 1917 г.— пору решающих переломных событий русской истории, стремительного крушения старого мира, его отчаянного сопротивления пролетарской революции и победы Октября.

Оценивая образ главного героя пьесы, рабочего-большевика Кирилла Чохова, Сельвинский писал: «В галерее моих образов Кирилл Чохов, как мне кажется,— находка на самом главном направлении моих поисков. Пролетарий с огромным жизненным опытом и большой партийной культурой, он гораздо крупнее Гая, неизмеримо глубже Чуба, шире и значительней Кавалеридзе. Ведя свою родословную от Андрея Чохова, литейщика Ивана Грозного, и Никиты Чохова, повстанца при Петре I, Кирилл Чохов, по моему замыслу, должен был знаменовать духовную мощь русского народа и его великую миссию» [2]. Средоточием идейного замысла пьесы «Большой Кирилл» стал образ Ленина. И хотя Ленин появляется только в двух картинах, образ его — в центре событий, как наивысшее воплощение идейно-нравственных начал революции, революционной непреклонности, человечности и социалистического гуманизма.

Для издания 1960 г. в текст пьесы «Большой Кирилл» Сельвинский внес конструктивно-композиционные изменения. В некоторых картинах он добавил ряд диалогов и деталей, подчеркивающих сложность столкновения противоборствующих сил, мудрость, гибкость и проницательность ленинской тактики большевиков. Именно этой цели служит доработка бывшей 7-й картины («Дочь и отец») двух первых изданий. В издании 1960 г. весомей стала ее психологическая значимость. Появился в ней диалог Чохова с Артемьевым о Корнилове и корниловщине и диалог Чохова с Воробушкиным — секретарем Керенского. Усиливая идейно-эмоциональное звучание пьесы, автор решительно устранил малозначащие реплики в картине 10 (бис) (бывшей 11-й), сделал ее

---

[1] И. Сельвинский, О трагическом и трагедийном.— Журн. «Звезда», 1954, № 3, стр. 149.

[2] И. Сельвинский, Черты моей жизни.— Сб. «Советские писатели», т. 2, Гослитиздат, М. 1959, стр. 337—338.

более динамичной. В картине 11-й, действие которой происходит в Смольном, автор добился большой пластической выразительности и отчетливости в отражении революционного вдохновения ленинцев, идущих к победе Октября. К 40-летию Советской власти пьеса была поставлена Театром имени Евг. Вахтангова.

Печатается по изданию 1960 г. с незначительными поправками автора.

Читая «Фауста» (стр. 555).— Философско-публицистическая драма была написана Сельвинским по свежим следам войны с германским фашизмом, закончена в 1947 г. и опубликована впервые в сб. «Трагедии», «Советский писатель», М. 1952. Пьеса эта, направленная против реваншизма, неонацизма и угрозы атомной авантюры, вызвала споры среди литераторов. О ней высказывались различные точки зрения. Но смысл их еще до опубликования пьесы определился на обсуждении ее в Союзе писателей СССР в мае 1947 г. в письме Вс. Вишневского, в речах С. Кирсанова, В. Инбер, Вс. Иванова и в выступлениях А. Таирова (кстати сказать, он собирался осуществить постановку пьесы, где одна из главных ролей — Анны Кроне, ученого-физика,— была написана автором в расчете на исполнение ее народной артисткой РСФСР Алисой Коонен). Участники обсуждения отмечали глубину и силу замысла, политическую актуальность, поэтическую напряженность и силу драмы. «Мы читаем об атомной политике, об атомной психологии. Несомненно, должна появиться и атомная литература, атомная драматургия. Я думаю, что эта пьеса нашего советского драматурга будет одной из первых по своей глубине» [1],— говорила В. М. Инбер.

Второе издание пьесы (т. II «Избранных произведений в двух томах», Гослитиздат, 1956) несколько отлично от первого. Внося исправления, автор стремился ярче проявить философский и политический замысел пьесы, заострить идейно-психологическую сущность ее героев, представителей противоборствующих лагерей — оголтелых фашистов (вроде гестаповца графа Бодо) или беспринципных людей (вроде фашиствующего профессора Нордена) и противостоящих им героических фигур — коммуниста Вернера, прогрессивно мыслящей гуманистки Анны Кроне с ее честным отношением к науке или ее дочери Валески, девушки со светлой, неиспорченной душой, готовой на героический подвиг, и других положительных героев трагедии.

Приведем хотя бы небольшой пример.

---

[1] Цит. по стенограмме обсуждения «Читая «Фауста» секцией драматургов и поэтов Союза писателей СССР от 23 мая 1947 г.

В первой картине издания 1952 г. в стихотворении, якобы полученном Вернером от его фронтового друга, третья строфа звучала так:

Мы многое теряем на войне.
Любил баллады под луною бледной,
Жил «Фаустом» всю жизнь —
и вот во мне
Германия утрачена бесследно.

В издании 1956 г. та же строфа звучит иначе:

Мы многое теряем на войне,
Любил баллады я о Лорелее,
Жил «Фаустом» всю жизнь —
и вот во мне
Германский мир все глуше, все тусклее.

Поправки, сделанные поэтом, уточнили глубинный смысл стихотворения, тем самым определеннее проявив сущность человека, которому оно принадлежит. Для лирического героя стихотворения, по словам Вернера, «советского офицера, очевидно, старого интеллигента», конечно, не характерна любовь «к балладам под луною бледной». А вот память о знаменитых строчках Гейне — о Лорелее — весьма симптоматична. В равной мере удачна и вторая поправка, ибо для знатока немецкой литературы, влюбленного некогда в Уланда, Тика, Гете, типичней и правдивей то, что война отдалила от него германский мир, сделав его глуше и тусклее, а не зачеркнула его бесследно.

Печатается по изданию 1956 г. с небольшими исправлениями автора.

Список иллюстраций

1. Илья Сельвинский. 1941 г.
2. Илья Сельвинский, генерал Книга, комиссар дивизии Дроздов. Крымский фронт. 1942 г.
3. Илья Сельвинский. 1942 г.
4. Группа писателей и журналистов. 2-й Прибалтийский фронт, 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Россия.
Ливонская война 11
Царь да бунтарь 189
Большой Кирилл 371
Читая «Фауста» 555

Примечания 677
Список иллюстраций 687

Илья Львович Сельвинский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

Редактор *З. Кондратьева.* Художественный редактор *Ю. Боярский*
Технический редактор *О. Ярославцева.* Корректоры *Г. Асланянц* и *Н. Гористова*

Сдано в набор 8/IX 1972 г. Подписано к печати 24/V 1973 г.
А04026. Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 21,5 печ. л.
36,12 усл. печ. л. 28,524+1 нак.=28,724 уч.-изд. л.
Заказ 489. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 2 им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29, с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 30 к.